КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

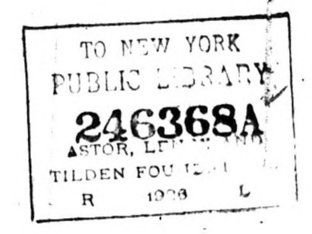
(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 3



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД



Гиз № 8607. Главлит № 30855. Напеч. 6.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ? [1]).

Эта статья представляет собой сжатый конспект двух рефератов, прочитанных Георгием Валентиновичем в Женеве в конце 80-х годов перед совершенно юной аудиторией студентов и студенток Женевского и Лозаннского университетов. Присутствовали на этих рефератах также и те из политических эмигрантов (всех толков), которые относились с большим интересом к пропаганде Плеханова. Эти лекции были блестящи по форме и чрезвычайно содержательны. Они явились настоящим откровением для большинства юной аудитории. Они представляли собой отрывок из материалов, который Г. В. собирал для проектированной им большой работы о социализме. Я надеюсь, что в парижском архиве, далеко не разобранном вполне, найдутся еще ценные материалы на ту же тему.

80-е и 90-е годы были периодом крайне интенсивной и самоотверженной литературной, пропагандистской и агитационной деятельности Г. В. Слабое состояние здоровья, вызванное почти трехлетней нелегальной жизнью в России (за вычетом короткого и вместе очень тяжелого пребывания за границей в начале 1877 г.), переутомление, материальные лишения в первые годы эмиграции, тяжелое острое заболевание, подвергшее жизнь Плеханова чрезвычайной опасности весной 1885 г. — все это, однако, к счастью, не парализовало огромной его трудоспособности. «Наши разно-

[1]) В воспоминаниях о возникновении группы «Освобождение Труда», а также в переписке членов последней, неоднократно упоминается о предложениях, обращенных нами к Георгию Валентиновичу, написать брошюру «Что такое социализм?». До моего ареста во Фрейбурге (в 1884 г.) она не была им закончена, и так как впоследствии она в печати не появлялась, то я был уверен, что эта рукопись затерялась. Но, к великой радости, оказывается, что она сохранилась среди других бумаг и лишь недавно была найдена Розалией Марковной. Она представляет только наброски, конспект, длившийся много лет подбор материала; несколько последних листиков сплошь написаны по-французски. Полагаю, что даже в незаконченном виде эта рукопись не лишена интереса. *Л. Д.*

гласия» Г. В. заканчивал в разгар острого туберкулезного процесса при 40⁰ температуре.

Помню, как, несмотря на запрещение врачей, также мои и Веры Ивановны мольбы, он все же садился за письменный стол. Одним из принципов всей его жизни было: работать всегда, при всяких условиях и температурах, — «только смерть дает право на отдых!»... «Умрем — отдохнем, — так говорил мой отец, Валентин Петрович», — любил он повторять.

Человек системы, несмотря на свой боевой, революционный темперамент, Г. В. составил себе следующую скалу работы, — скалу, приноровленную к состоянию своего здоровья, к своей повышенной температуре, которой он страдал почти беспрерывно с 1885 г. до 1909 г., когда мы переехали в Италию. Он говорил: при температуре в 40⁰ работа должна быть легкая, не утомляющая мозга: по этнографии, истории живописи и музыки, можно читать и перечитывать беллетристов-классиков Софокла, Эврипида, Эсхила... С произведениями великих древних классиков Г. В. *никогда* не расставался... При температуре в 39⁰, 38,5⁰ можно заниматься более сложными вопросами: историческими, критическими и т. п. статьями, а при 38⁰ могу работать во всю: кроме чтения и писания статей, надо заниматься пропагандой, агитацией и т. д.

В этом отношении натуры Георгия Валентиновича и Веры Ивановны были очень сходны: она также всю свою жизнь медленно сгорала. Начиная с 1893 г., когда я лечила В. И. от первого воспаления легкого, вплоть до 1905 г., когда она уехала в Россию, ее постоянно лихорадило; но она считала это своей сущностью и со свойственным ей юмором говорила о тех из близких, у которых температура была нормальна, как о низших существах.

Можно сказать без преувеличения, что лучшие произведения этих двух друзей выходили из-под их горячечного пера.

Устная пропаганда Г. В. шла параллельно с литературной. Многие его работы, раньше чем появиться в печати, в кратком, конспективном виде, составляли содержание его лекций. Он называл их *эскизами*, легшими в основание его больших работ. Такими эскизами были также лекции по искусству, читанные им в Брюсселе и Париже: о первобытном искусстве, об искусстве и общественной жизни, о мещанской драме, рефераты о Белинском, о религиозных исканиях, о декабристах, Герцене, Некрасове и т. д.

Р. Плеханова.

ЛЕКЦИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ.

(КРАТКИЙ КОНСПЕКТ.)

Женевский обычай: «Какой вы партии?». За недостатком серьезных данных стараются повлиять «фактами», т.-е. рассказами о *личностях*. Это, конечно, легче для обеих сторон. Я полагаю, что сначала надо узнать, в чем дело, а потом — к партии. Приехав на Запад, надо пользоваться той свободой мысли, к[ото]рая завоевана здесь путем долгой и упорной борьбы. Надо знакомиться с великими вопросами нашего времени. Из этих вопросов самый важный — *социализм*. Это именно тот вопр[ос], о к[ото]ром [можно сказать] словами Гейне: «*много голов беспокойных терзал он, много им муки принес*». И он мучил не отдельные беспокойные головы: июньские дни в Париже, Коммуна. Что же такое социализм, что такое этот страшный вопрос, не существующий лишь для людей, спящих беспробудным сном?

Социализм, *как цель*, есть полное отрицание современного общества. Социализм, как движение, есть стремление, практическое приближение к этой цели. В обоих случаях — резкое решительное отрицание существующего порядка. Откуда вышло это отрицание? Упало с неба? Порождено злой волей отдельных лиц? Э, нет! Ссылки на злоумышленни[ков] достойны лишь тех людей, [кот]орые не пошли дальше миросозерцания квартального надзирателя. Отрицание нынешнего общества возникло внутри его; оно порождено им. Поэтому надо ознакомиться прежде всего с этим обществом.

Нынешнее общество — *капиталистическое общество*. Что такое капитализм? Преобладание капитала, его господство. Что же такое капитал? Самовозрастающая стоимость. *Деньги — мертвый капитал, если не приносят процентов.* Откуда же берутся проценты? Ведь рантье сам не работает? Ясно, что кто-то другой работает за него. Кто же? *Рабочий класс в широком смысле этого слова*. Т.-е. сюда относятся и работники *умственного* труда: бухгалтеры, инженеры, управляющие. Предприниматель — сам работник, поскольку он исполняет функции работника, инженера, комми-вояжера и т. д. Но он получает также и как капиталист. Как же определить часть, которую он получает, как капиталист? Очень просто: *его доход минус плата управляющему.*

Итак, дело происходит таким образом: рабочий класс трудится и своим трудом создает известное количество продукта. Часть этого количества идет на поддержание жизни самого рабочего класса: *заработная плата*. Другая часть достается его эксплоататорам: *прибавочный продукт*, прибавочная *стоимость*. Прежде всего эта стоимость достается капиталисту; из нее он и платит *процент* на капитал, торговую прибыль, поземельную ренту, налоги и т. д. Это так называемое *первоначальное распределение*. А потом: гувернантка, обучающая детей капиталиста, его прислуга — все это живет на его прибавочную стоимость, подобно тому, к[а]к дворня жила на счет прибавочного продукта, получаемого барином. *Доктор* — живет частью на счет прибавочной стоимости, частью на счет позем[ельной] ренты, частью на счет заработной платы. Но это несущественно. Существенно, характерно для общества первоначальное распределение. Нынешнее общество капиталистическое: капиталист покупает рабочую силу и извлекает из нее больше, чем она ему стоила. Вот все. *Почему рабочий соглашается на это?* Потому, что у него нет ничего, кроме *рабочей силы. Потому, что у него отсутствуют средства производства.*

Теперь вы поймете правильность определения: *капитал есть общественное отношение производства.*

Как же совершается распределение в современном обществе? Возьмем передовые страны: Англию, Францию, Соединенные Штаты Сев. Ам.

АНГЛИЯ

РОСТ БОГАТСТВА

Общий доход страны:

1.700.000.000 фун. стер. [33.500.000.000 фр.]:

1) РЕНТА = земли, земли под домами и т. д., мины, копи, каменоломни, каналы, рыбные ловли, рынки [там, где они частная собственность] =
270.000.000 фун. стер. = $^1/_6$ *части всего дохода.*

2) ПРОЦЕНТ НА КАПИТАЛ:

А) *Дивиденды* акционерных компаний; проценты на деньги, отданные в заграничные займы, железные дороги и т. д. = 180.000.000 фун. стер.

Б) *Внутренние займы* = 18.875.553 фун. стер.

В) Процент на капитал в частных предприятиях = 89.000.000 фун. стер. [1884 г., с тех пор значительно вырос];

всего = 340.000.000 фун. стер.

3) Profits and salaries = *435.000.000 фун. стер.*

4) ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА = *650.000.000 фун. стер.*

Это преувеличенный расчет. Это цифры, принимаемые статистиками, напр., Гиффеном. Как приходят к этому преувеличению? *Пример.* Замечания Ллойда Джонса. Леоне Леви *good basis* = 418.000.000. Baxter = 325.000.000. Хозяева рассчитывают по заработку самых сильных рабочих и не принимается в расчет безработица. А она очень велика. Неу, один из секретарей *трэд-юниона* литейщиков (Moulders) рассчитывал, *что каждый член трэд-юниона остается* $^1/_5$ *часть года без работы. Понижение платы.* В 1887 году *Леонс Леви* высчитывал заработную плату = 523 миллиона ф. стерл., а Неу = на *100 миллионов менее. А кризисы, застой в торговле!* Тот же *Ллойд Джонс* считал, что за *60-летний* период 1826 — 1886 *было 6 лет кризисов; 15 лет* большого застоя; *6 лет* слабого оживления; *6 лет* оживления; *18 лет* процветания; *11 лет* перепроизводства и *реакции.*

Плата прислуге:

Как бы там ни было, мы имеем даже по расчету, *уменьшающему* прибыль высших классов и преувеличивающему доход рабочих:

Rent	275.000.000 фун. стер.
Interest	340.000.000 „ „
Profits and salaries	435.000.000 „ „
Total	1.050.000.000 фун. стер. =

Дохода высших классов [1]) и Дохода низших классов	650.000.000 фун. стер.

[1]) Благотворительность (including endowment) = 10.040.000 фун. стер. = 1 проценту дохода высших классов.

О СОЦИАЛИЗМЕ

А) *Социализация средств* производства. Частная собственность на *средства потребления*. Этим достигается гарантия свободы. Распределение по часам. Увеличение производ[ства] труда.

Б) Международный характер движения. *Национальный вопрос. Манифест* ком[мунистической] партии.

В) Равенство полов. *Программа Интернационала.*

Г) Социализм — торжество человеческой личности. Нынешние дарвинисты. Дарвинизм и социализм. *Социализм и нравственность.* Заключение.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Заявление губерн[атора] Западной Фландрии: рабочие питаются *хуже минимума* солдата.

НЕОБХОДИМАЯ ПИЩА

	Белковины.	Жиров.	Углеводороды.
Умеренная работа	118 гр.	56 гр.	500 гр.
Интенсивная работа	145 „	100 „	450 „
Рабочий Массачуссетса ест:	127 „	186 „	531 „
Бельгийский рабочий „	70 „	26,2 „	461 „
		(Это по Дюкпессио)	
Тот же рабоч[ий] теперь „	82 „	278 77,9	589,4

БЕЗРАБОТИЦА

НЕУ из *литейщиков трэд-юниона* = 20% раб. вр.

ЛЛОЙД ДЖОНС

60 лет: 1826—1886		
27	6 лет	кризисов
	15 „	большого застоя
	6 „	слабого оживления
	6 „	среднего оживления
	18 „	процветания
27 + 11	11	перепроизводства и реакции

Итого дурных лет = *38 лет.*

С 1886 года было депрессий = 1892 — 1895 г.

ВУД в записке, чит[анной] 14 декабря 1899 г.

Многие трэд-юнионисты утверж[дают] теперь застои еще *чаще.*

1877 — 3 рабочих депрессии из 22 лет. Безработица теперь большая, чем прежде.

БОГАТСТВО:

М. МЭЛЬГАЛЬ

Около *80% всего богатства* принадлежит $1\frac{1}{2}$% *взрослого населения* [1]).

Доходы:	1840	1877	1893
Выше 5.000 фун. ст.	100	223	270
От 100 до 5.000	100	203	249

Доходы:	1845	1880
Все выше 150 фун. ст.	100	290
От 150 до 500 (то же самое)	100	290
От 10.000 — 50.000 . . .	100	390
Выше 50.000 фун. стер. .	100	850

Кантон Цюрих: население 37%.

	1848	1885
5.000 — 50.000 . .	100	190
50.000 — 500.000 . .	100	285
выше 500.000 . . .	100	630

Подобное в Пруссии и Саксонии.

В Англии из *1000* умирающих *961 не оставляют наследства, достойного упоминания.*

По ЧАРЛЬЗУ БУСУ из *3* стариков *1* паупер, т. е. *нищий.*

РОСТ ПАРОВЫХ СИЛ В БЕЛЬГИИ:

		%% возрастания.
В 1850 г.	100	—
„ 1860 „	195	95%
„ 1865 „	266	71 „
„ 1870 „	346	80 „
„ 1875 „	446	100 „
„ 1880 „	475	29 „
„ 1885 „	621	148 „
„ 1890 „	746	123 „

[1]) Стр. 100 — 101 признает, что крупные имущества увеличиваются быстрее.

В процентах: от 1870 до 1880 — 365.000 лош. сил прибавляется ежегодно = ежегодному приращению числа рабочих в 7.665.000 или 21.000 работников ежедневно.

СМЕРТНОСТЬ:

	Самоубийства на 100.000 жител. 1838—40	1879—83
Англия	62	76
Бельгия	46	103
Пруссия	102	391
Саксония	150	160
Дания	213	251
Австрия	45	161
Франция	148	400

СМЕРТНОСТЬ ПО КЛАССАМ:

Париж — Елисейские Поля и Опера — 13,4 и 16,2 на 1000, а Менильмонтан — 31,2 на *тысячу*.

ПРЕСТУПНОСТЬ:

Англия.	1861—1863	1879—81
Упрощенное	100	до 176
Грабеж	100	„ 102
Воровство и т. д.	100	„ 110
Бельгия.	1840	до 1885
Исправительный суд	100	„ 260
Германия.	1882	до 1895
Осуждены на 100.000 населен.	1.043	1 251
Против личности	107.398	187.834
„ собственности	169.834	185.243
Малолетние	30.719	44.384

В ПАРИЖЕ *более половины преступников малолетние.*

Их подвиги за один год (1880).

69 . . . убийств
3 . . . отцеубийства
2 . . . отравления
114 . . . детоубийств
4.212 . . . удары и ранения
25 . . . поджогов
235 . . . преступлений против нравственности
458 . . . воровство со взломом
11.862 . . . простое воровство.

САМОУБИЙСТВА	1830 г.	1892 г.
На 100.000 жителей	5	24

ПРЕСТУПНОСТЬ.	1838	до 1886
Насилия против личности	100	151
„ „ собственности	100	169
Безнравственность	100	240
Преступления от нищеты	100	430

Цифры, данные Жоли.

Леруа-Болье, «Теоретический и практический трактат политической экономии», Париж, 1896. Т. VI, стр. 468. (*Далее в подлиннике по-французски. Л. Д.*)

В 1837 г. было 6.715 благотворительных учреждений, призреваемых — 806.000; в 1860 г. — учреждений было — 11.351; призреваемых — 1.159.000; в 1888 учреждений было — 15.138; призреваемых — 1.647.720. Население местностей, где расположены эти учреждения = 26.124.000 чел.; процент бедных = 6, хотя Леруа-Болье и не хочет согласиться с этим.

Современный Париж и его окрестности включают в своем населении, несмотря на привлекательность большого города для нищеты, менее бедняков, чем в 1829, 1841 и 1856 г.г., что можно считать показанием, что современная цивилизация не увеличивает социальные подонки, называемые бедняками. Стр. 470. Том IV.

В Германии по Бомерту в городах с населением менее 20.000 душ % призреваемых = 4,75

5,00% в городах от 10.000 до 20.000
6,39% „ „ 50.000 „ 100.000
6,51% „ „ более 100.000

Бомерт утверждает, что число бедных уменьшилось в последние годы, благодаря применению Эльберфельдской системы. (Стр. 471, IV.)

Villes tentaculaires.

В 1899 г., IV.

У Левассера о заработ[ной] плате сравнить главу *Население и Богатство.* Глава III, том III говорит: удвоение заработной платы во Франции... средняя... мы считаем ее точной, стр. 97.

Притупление противоречий: рабочий, в силу изменений политических и моральных, сильнее может поддержать свое дело; он должен и он может получить больше. Стр. 98, III.

Для партизанов современного социализма, антиподов анархистам, дело не в том, чтобы провоцировать *восстания*, а в том, чтобы организовать пролетариат, в виду социальной революции. Эпоха восстаний окончена; теперь началась эра революций.

8-часовой рабочий день, требуемый сознательным пролетариатом всего цивилизованного мира, будет лишь одним из этапов этой революции.

На этом кончается рукопись. Но к ней примыкает другая, тоже недавно найденная, озаглавленная: Плеханов. «Бернский реферат». Она представляет собою прочитанный им в середине 90-х годов реферат на тему о судьбах капитализма в России.

Кроме этой рукописи, вероятно, набросанной до прочтения реферата, там же оказался составленный Плехановым конспект, могущий служить дополнением к обеим рукописям. К сожалению, не оказалось первого листика из семи, на которых был написан этот конспект, но из последующего можно отчасти догадаться о его содержании. *Л. Д.*

БЕ́РНСКИЙ РЕФЕРАТ.

Затрудн[ение] моего полож[ения]: малое знакомство с аудиторией. Какие вопросы ее интересуют? Я решил говорить о том вопросе, о к[ото]ром вот уже 2 года идут жаркие прения в нашей легальной печати: именно *по вопросу о капитализме*, т.-е. точнее о том, *как бороться с капитализмом* и притом, как бороться с капит[ализмом] при наших русских условиях, т.-е., следовательно, я буду говорить о *борьбе с капитализмом в России*.

Всем вам, вероятно, известно, что некот[орая] часть так называемой передовой печати: «*Рус*[*ское*] *Богатство*», «*Новое Слово*» и отчасти «*Русская Мысль*» и даже либеральный «*Вестник Европы*» ставят перед нашей интеллигенцией задачу борьбы с капитализмом. Капитализм считают они очень вредным для народа способом производства; с ним надо, по их мнению, разде[латься]. В эту сторону должны быть направлены, по их мнению, все усилия друзей народа. При этом противники капитализма не совсем согласны между собою в оценке количеств[енной] стороны того явления, к[ото]рое называется русским капит[ализмом]: по мнению одних, капитализм сделал уже большие успехи, ст[арые] экон[омические] устои народ[ной] жизни уже значительно расшат[аны]; по мнению других, наш капитализм находится в зачаточном состоянии и даже никогда не может достигнуть широкого развития. Но даже и в этом зачаточном состоянии он грозит России эконом[ическим] истощением, полной эконом[ической] смертью и потому надо бороться с ним как можно энергичнее. *Надо остановить его развитие*.

Рассмотрим эту точку зрения, рассмотрим те меры, которые предлагаются для борьбы с капитализмом.

Прежде всего, что такое капитализм?

Капитализм — это такой способ производства, при котором все или почти все производ[ственные] силы страны находятся в руках одного класса — класса капиталистов, класса предпринимателей. Капит[ализм] это такой способ, при котором *барыши*, прибыль, прибавочная стоимость, становятся целью экономич[еской] деятельности, а люди, трудом своим создающие все богатства, превращаются *в товар, в рабочие руки*, которые, как и всякий товар, имеют свою меновую стоимость и свою цену, иногда спускающуюся гораздо ниже меновой стоимости. Класс предпринимателей является господином капит[алистической] страны. Он господствует во всей внутренней жизни страны; он налагает свою грязную руку на умственную жизнь, он дает направление искусству, литературе, науке. И как ни велики технические завоевания и научные открытия капит[алистической] эпохи, но несомненно, что с нравственной стороны превратить человека *в умного зверя*, прекрасно вооруженного наукой для удовлетворения своих зверских инстинктов, я спрашиваю вас, г.г. [господа], хорош ли такой порядок? И, когда я задаю этот вопрос, я наперед [знаю], как вы ответите на него, что против капитализма возмутится все ваше нравственное чувство и что вы скажете: капиталисти[ческий] порядок очень дурен, он недостоин существ, носящих имя человека; он должен быть уничтожен; его место должен занять другой, более справедливый, порядок.

Если я не ошибаюсь, если вы действительно смотрите так, то я скажу вам: *я согласен с вами*. И не один я. На Западе существует сильная, могучая партия, задавшаяся целью положить конец существованию капитализма — партия социалистов.

Итак, на первый раз кажется, что совершенно правы те люди, которые кричат у нас: «долой капитализм! Надо побороть это чудовище!»

Но так кажется только на первый взгляд. *Есть борьба и борьба.* Против капитализма можно бороться разными средствами. «О, г.г. [господа], не увлекайтесь простым словом «*свобода*», спросите прежде, какая свобода, свобода чего?» [Маркс: «Речь о свободе торговли»].

Родбертус: «Монархизм, национализм, социализм». В планах Родбертуса были:

1) элементы утопические;

2) элементы, которые не остановили бы развития капитализма;

3) которые, если бы остановили его развитие, то привели бы к торжеству еще большего [бес]порядка.

Нет ли чего подобного и в программе наших врагов капитализма? Начнем с монархизма.

Сазонов, эпиграф, затем, стр. 72 и след[ующая]. Это кажется достаточно монархическим. Борьба с капитализмом — средство; борьба с революцией — цель. Один ли Сазонов так рассуждает? Нет, Воронцов, знаменитое предисловие к «Судьбам капитализма», фраза: «нам не суждено бороться за свободу, будем бороться за *равенство*».

Дементьев: из «Фабрики»: «Управлять — это предвидеть».

Н-он — «Общество и государство», выписка из заметки его в 3-м № «Нового Слова», стр. 256.

К чему привело бы осуществление такой программы? *К упрочению восточного деспотизма.* Капитализм плох, но *деспотизм еще хуже.* Капитализм развивает в человеке зверя; деспотизм делает из человека *вьючное* животное; капитализм налагает свою грязную руку на литературу и науку, деспотизм *убивает* науку и литературу, «стоны рабов заглушаются лестью да свистом бичей и т. д.».

Итак, с этой стороны борьба не годится. Да эта борьба и не есть борьба. Кивание головою на станового пристава.

Второй элемент, эгоист. утопии. Создание артелей и развитие общины. Тут двойная утопия: утопия в том смысле, кто будет делать (Н-он: *общество).*

2) Что можно сделать? Опыт Западной Европы показал, что промышленными товариществами ничего не сделаешь, да ведь правительство всегда может побороть товарищества.

3) Если бы и осуществилось местами артельное производство, то оно повело бы лишь к выделению зажиточного слоя кустарей и крестьян: Воронцов, неблагонадежные в экономическом отношении элементы, Царево-Кокшайское земство и т. д.

Перерыв.

Но, ведь, бороться с капитализмом нужно? Да, нужно. Посмотрим, как смотрит на дело *революционная* партия. Статья о брошюре «*К делу*». Вывод: организация рабочего класса. Этот же вывод в передовой статье (стр. 4). А крестьянство? Отношение партии «Нар[одной] Воли» к крестьянам: «биться в народе, как рыба об лед». Нынешнее отношение. Выписка из письма в редакцию (стр. 7 — 8).

Это та программа, которую рекомендую, рекомендовали социал-демократы.

Вывод. Два рода борьбы с капитализмом: 1) непосредственными экономич[ескими] мероприятиями; 2) политич[еской] борьбой, которая опирается на развитие самосознания.

Я говорил о Родбертусе. Но кроме Родбертуса был Маркс: «*Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих*». Это есть единственная революционная постановка. Всегда и везде угнетенный класс добивался чего-нибудь *лишь борьбою с существующим порядком вещей*, а не собиранием крох, падающих со стола богатых и не выпрашиванием правительственных подачек.

Тут всегда была политическая борьба. Может ли экономия что-либо сделать сама собою? Нет, только путем политической борьбы. Политич[еская] борьба необходима для обеспечения экономич[еских] интересов. Пример: Франция.

Итак — борьба. Какими силами? Чему учит нас история рус[ского] революц[ионного] движения? Бессилие интеллигенции. Необходимость участия рабочего класса: надо организованной силе правительства противопоставить неорганизованную, но более страшную силу народа.

Число рабочих относительно уменьшается. Все рабочие не могут быть поглощены. Им грозит голодная смерть.

Это несколько преувеличено. Но допустим. И против голодной смерти только 2 средства борьбы: 1) выпрашивание подачек или 2) развитие их самосознания [и] организация их для того, чтобы вести их на штурм для завоевания лучшего будущего.

Еще одно. Не все должны итти на фабрики, но все должны помогать работающим на фабриках.

Еще раз, не увлекайтесь простым словом — *борьба*. Только *революционная* борьба.

КОНСПЕКТ

[...сущ[ествующего] порядка вещей[1]). Мы хотим этого насильственными средствами, потому что в России ли говорить о *законе?* Остальные упреки. Если бы хоть один из них был справедлив, мы не имели бы права на сущ[ествование]. Но так ли это? Рассмотрим нашу программу. Знакомы ли вы с ней? Позвольте вам прочитать ее. Это будет не лишним, чтобы вы могли судить о ней на основании фактов.

ПРОГРАММА:

1) *Действия личностей.*

На чем же основано это обвинение? Личность и закономерность. *Пример* химии. Молекулы и законы. Необходимость и свобода. Разум и экономич[еская] необходимость. Идеалы и действительность.

2) Неприменимость к России. Чудище. Марксизм применим всюду. Мишле во Франции. Истин[ные] соц[иалисты] в Германии. Такие же [наши] соц[иалисты] в России.

На чем у нас основыв[ается] упрек в неприменимости? Двоякого рода возражения: 1) старые Тихомировско-Воронцовс[кие], 2) основанные на книге Н-она: 1) старые возр[ажения]: община очень прочна; капитализм слаб. Что же говорят сами народники? Притом говорят, что можно бы поддержать старые порядки. Законод[ательные] меры. Крестьянский банк, 2) новые воз[ражения]: капитализм слишком уже развит. Он уперся в стену; пришел в тупой переулок. Рынков нет, дальнейшее развитие невозможно. Во-первых, это не так: прибыли капиталистов. [Но] допустим, что все это безусловно верно. Выводы. Общество сделает соц[иальную] революцию. Соц[иалистическая] организация предполагает сознательное отнош[ение] производителя ко всему производ[ственному] процессу. Во-вторых, чтобы это сделать, нужно побороть правительство. Вопрос — как? Сводит нас на старый спор о том, какая программа лучше, много или мало у нас рабоч[их], а все-таки с ними, а все-таки, поскольку они есть, а крестьяне? Это переносит нас к вопросу о том, каково наше отношение к крестьянам?

[1]) Этим концом фразы начинается конспект. Повидимому, на предыдущем листике Г. В. указал на упреки, пред'являемые социалистам противниками за их стремления к изменению революционным способом «сущ[ествующего] порядка вещей». *Л. Д.*

Перерыв.

Что нам приписывают? Каронин. Правильно ли это с социалистич[еской] точки зрения? Социализм предполагает сознательное участие *всех* производителей: и сельских, и городских. Истор[ический] календарь.

Но допустим, что это так, что нам интересен только рабочий. Что тогда? Мы рады были бы всем мерам, направленным в пользу крестьянина. 1) Переселения. Только мы ждем не тех последствий, каких ждут народники. «Это уже относится к области пророчеств», — сказал бы Михайловский. Но наши пророч[ества] часто сбываются. Пример: *Крестьянский банк.* Да и много ли даст правительство? Ввиду этих крох, смешно и толковать *о законопроектах.* Важнейший проект, един[ственный], который мы поддержив[аем] — это *революция.* И это отвечает на упрек в том, что мы не революц[ионеры].

Перерыв.

Недоразум[ение] между нами и легальными народниками. *Орлов. Энгельгардт.*

Пассивные марксисты. Наши революц[ионные] приемы. Прежде всего: развитие революционного сознания в трудящейся массе. Она *уже* пробуждается. Нам надо принять участие в этом. Комитеты грамотности.

Наше отношение к буржуазии. Что говорит Маркс? Под[держивать] революц[ионную] буржуазию в ее борьбе с абсо-

лютным правительством. Как поддерживать? Создавая силу. Но раз она за нами, мы не отдадим ее буржуазии.

Агитация во всех слоях общества. Отношение «Народной Воли» к этому вопросу. Противоречие. *Наше* отношение: 1) *политическая свобода*, 2) *революция пролетариата*.

Наше отношение к террору. Ан[ский] [1]) террор — чепуха. А террор а-ля «Народная Воля» — это другое дело. Но теперь он немыслим.

Агитация в крестьянстве. Пример берлинских рабочих.

Вот наша программа. Что остается от упреков нам? Она (программа) есть синтез. Она охватывает все, но не эклектически, а выходя из одного принципа. Она не мозаика. Она стройное целое. Мы призываем молодежь под наше знамя.

---

[1]) Ан-ский (Раппопорт), один из видных народовольцев, известный писатель-беллетрист; умер года три тому назад. *Л. Д.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ «ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ НАРОДНОЙ ВОЛИ»

(ПИСЬМО К ВЕРЕ ЗАСУЛИЧ.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помещаемое ниже письмо, полученное нами из-за границы после выпуска № 1 нашего Сборника, где были напечатаны все письма Энгельса к Засулич, представляет огромный интерес, так как в нем изложен его взгляд на волновавший в ту пору (в первой половине 80-х годов) всех русских деятелей важный вопрос о захвате власти революционерами. В противоположность Плеханову и нам, его единомышленникам, Энгельс считал очень желательным и *вполне возможным произведение революционерами переворота* с целью изменения существовавшего в России политического строя. Такое решительное расхождение по столь жгучему тогда вопросу между одним из основоположников научного социализма и нами, его молодыми учениками, об'ясняется следующими обстоятельствами.

Энгельс и Маркс, как известно, видели в самодержавном русском строе оплот всемирной реакции — царь считался «европейским жандармом». Уже по одному этому они радовались всякому проявлению в России недовольства, оппозиции, революционного движения. При желании, к тому же при плохой информации, даже очень выдающиеся, а то и гениальные люди могут, как говорится, из мухи делать слона. В таком именно положении оказались наши великие учителя.

В предисловии к письмам Энгельса, помещенным в № 1-м нашего Сборника, я уже указал на то, что Лев Гартман явился неправдивым информатором Маркса и Энгельса; таким же был и Герман Лопатин, отличавшийся, как известно, вообще большой склонностью к гиперболам. Они-то двое

и являлись теми «русскими деятелями», которые, по признанию Энгельса, знакомили его и Маркса с положением нашего революционного движения: в своих рассказах и сообщениях о России они, конечно, в неимоверной степени преувеличивали силы и значение «Исп. Ком. Нар. В.» — представляли, что все «уже у нас готово к революции», что там остается только «приложить фитиль к заряженной мине».

Никаких средств для получения верных сведений тогда у иностранцев, да отчасти и у находившихся давно в эмиграции русских, не было, так как с воцарением Александра III совершенно прекращены были какие-либо сообщения в русской печати о всем, что касалось не только революционных проявлений, но и незначительных оппозиционных. Полная неизвестность относительно внутренней жизни обширной страны, из которой еще недавно раздавались взрывы бомб, поразившие всемогущего самодержца, давала богатую пищу жадным до сенсаций иностранным журналистам и хроникерам: ради построчной платы они наскоро в café сочиняли самые невероятные известия о необыкновенном будто бы ходе революционного движения в России, и все решительно верили этим выдумкам потому отчасти, что хотелось этому верить.

Что представления Энгельса о положении революционного движения в России, — а, следовательно, и его за два с чем-то года до посылки этого письма умершего великого друга К. Маркса, — совершенно не соответствовали действительности, доказательством этому могут отчасти служить следующие факты.

В то время, когда он писал это письмо, — весной 1885 г., — были не только переловлены и приговорены к тем или иным тяжким наказаниям *все до единого,* — за исключением трех скрывшихся за границей, — старые члены «Исп. Ком.», но также находились уже в Петропавловской крепости и пришедшие им на смену Лопатин с несколькими молодыми народовольцами. В России, поэтому, не было уже ни одного сколько-нибудь опытного революционера, который мог бы и имел бы хотя бы малейшие шансы на создание какой-нибудь, — не говоря уже о подобной «Исп. Ком-ту», — тайной организации. Все замолкло, заглохло в стране; ниоткуда не видно было благоприятного луча, не слышно было бодрящего звука.

И вот в это-то мрачное, глухое время Энгельс пишет Вере Засулич, а, следовательно, и ее друзьям — Плеханову, Аксельроду и мне [1]), будто «революция в России может

[1]) Я в то время находился, в ожидании отправки в Сибирь с открытием навигации, в Моск. Центр. Пер. тюрьме (в Бутырках), откуда довольно свободно переписывался с заграничными друзьями, сообщавшими мне о всем сколько-нибудь крупном. (См. № 2-й наш. Сборн.).

разразиться каждый день». Воображаю, как смеялись мои друзья, читая эти наивные фразы в письме любимого и высоко-уважаемого друга Маркса [1]).

Кроме обнаружения неправильного представления о настоящем положении революционных дел в России, письмо это еще в большей степени характерно заключающимися в нем общими рассуждениями. Но сперва напомню о следующем.

В 1874 году появилось на немецком языке «Открытое письмо Фр. Энгельсу», написанное нашим эмигрантом П. Ткачевым. В нем он сообщал немецким рабочим, будто нет никаких трудностей в любое время произвести у нас социальную революцию, так как наши крестьяне, мол, крайне недовольны правительством; буржуазии и рабочих нет у нас, и «государство висит в воздухе»; поэтому от малейшего толчка оно должно упасть. Этот-то «толчок» произведут интеллигенты-заговорщики, которые совершат переворот, после чего захватят власть в свои руки и путем декретов осуществят все социальные изменения.

Энгельс ответил на это «Открытое письмо» статьей, вышедшей в следующем году брошюрой, заглавие которой я уже выше привел. В ней он вполне опроверг нашего якобинца-нечаевца, доказав его незнакомство с им же возбужденным вопросом. Между прочим, Энгельс писал там:

«Не только русское государство вообще, но даже и его специфическая форма — царский деспотизм, отнюдь не висит в воздухе, а, напротив, представляет собою логически необходимый продукт тех русских общественных отношений, с которыми он, по мнению г. Ткачева, «не имеет ничего общего».

Доказав далее, что «в воздухе висит не русское государство, а скорее сам г. Ткачев», Энгельс иронизирует по поводу взгляда последнего на возможность сделать революцию в любое время, «по заказу»: «более легкой и приятной нельзя себе и представить революции», — смеется Энгельс. И он был совершенно прав.

Но вот прошло всего десять лет, и весной 1885 г. Энгельс пишет Вере Засулич нижеследующее письмо, в котором, как увидит читатель, заявляет: «важно, чтобы был дан толчок, чтобы революция разыгралась». А «там, раз прорвется 1789 г., и 1793 г. не замедлит последовать».

Что же изменилось за прошедшие между ответом Ткачеву и отправкой Вере Засулич этого письма немногие годы?

[1]) Другим образчиком малой осведомленности Энгельса может, между прочим, служить следующее его сообщение, сделанное им уже в 1894 г. в «Послесловии» к его брошюре «О социальном развитии России»: «Тогда (1877 г.) в России было два правительства: правительство царя и правительство Тайного Исп. Ком. заговорщиков-террористов. (См. стр. 36 изд. «Пролетарий», в 1923 г.). — Как известно, в 1877 г. не было еще ни «Исп. Ком.», ни террористов.

Неужели за это короткое время «русские общественные отношения», обусловливавшие, как мы видели, «не только русское государство вообще, но даже специфическую его форму — царский деспотизм», столь коренным образом изменились, почему то, что считалось в 1875 году смешным и нелепым в брошюре Ткачева, стало в 1885 году вполне возможным, легко осуществимым?

Как известно, Ткачев и Нечаев также вполне одобряли программу деятельности «Исп. Ком. Нар. В.» и план посредством заговора захватить власть. Поэтому они, я уверен, охотно подписались бы под этим письмом Энгельса к Вере Засулич.

Нужна ли лучшая иллюстрация того, защищаемого нами, членами группы «Освоб. Труда», положения, что террор своим шумом и треском *вводил в заблуждение* всех современников, за исключением небольшой группы русских марксистов: он отвлекал их внимание от действительного положения вещей и возбуждал несбыточные мечты и надежды.

Террор являлся хорошим усыпляющим средством, вызывавшим яркие, приятные сновидения, которые, однако, затем сменились тяжелыми разочарованиями.

Не помню, рассказывал ли мне Плеханов, после моего побега из Сибири, до какого времени Энгельс придерживался высказанного им в письме к Вере Засулич взгляда на способность террористов «дать толчок». Но Плеханов сообщил мне, что при знакомстве с ним, состоявшемся летом 1889 г., Энгельс уже не питал никаких иллюзий насчет близости в России «толчка». Он также признавался ему, что был плохо информирован названными мною выше русскими друзьями. Как известно, вплоть до своей смерти он затем поддерживал наиболее дружеские отношения с членами группы «Освобождение Труда».

Л. Д.

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Дорогая гражданка.

[*Пер. с франц.*]

Я еще должен ответить вам на ваше письмо от 14 февраля. Вот причины замедления, которое, конечно, произошло не по лени.

Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия»[1]); для этого нужно было [ее] прочесть; я читаю по-русски довольно легко, когда займусь им в течение недели; но случается, что это для меня невозможно в течение целых полугодий; тогда я от него отвыкаю и вынужден учить его, так сказать, заново. Так произошло с «Разногл[асиями]». Рукописи Маркса, которые я диктую секретарю, занимают меня весь день; вечером приходят люди, которых, в конце концов, нельзя выставлять за дверь; нужно читать корректуру, писать много писем и, наконец, имеются переводы (итальянские, датские) моего Ursprung'a [1]), которые меня просят просмотреть и проверка которых иногда является нелишней и нелегкой. И вот все эти перерывы помешали мне подвинуться дальше чем до 60-й страницы «Разногла[сий]». Если бы я располагал тремя днями, это было бы кончено, и я еще освежил бы мои знания русского [языка].

Но и то немногое, что я прочел из этой книги, достаточно, я думаю, чтобы более или менее понять разногласия, о которых идет речь.

Прежде всего повторяю, что я горжусь, что среди русской молодежи существует партия, которая без колебаний и оговорок принимает великие экономические и исторические теории Маркса и которая решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями ее предшественников.

Сам Маркс гордился бы этим точно так же, если бы он прожил немного дольше. Это прогресс огромной важности для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям страны, которой дело касается.

Но для этого нужно знать эти условия; а что меня касается, я слишком невежественен относительно современного положения России, чтобы претендовать быть компетентным судьей в частностях тактики, требующейся там в определенный момент. Также внутренняя, интимная история русской революционной партии, особенно последних лет, мне почти совершенно незнакома: мои друзья среди народовольцев мне

[1]) Заглавие по-русски в подлиннике.

[1]) «Происхождение семьи, собственности» и т. д.

о ней никогда не говорили, а это необходимый элемент, чтобы составить [себе] мнение.

То, что я знаю или думаю, что знаю о положении России, склоняет меня к мнению, что там приближаются к 1789 г.: революция *должна* разразиться через определенное время; она может разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, где остается только приложить фитиль. Особенно — с 13 (1-го) марта. Это один из исключительных случаев, когда возможно для горсти людей *сделать* революцию; другими словами, одним небольшим ударом заставить рухнуть целую систему, находящуюся в очень неустойчивом равновесии (пользуюсь метафорой Плеханова), и освободить одним актом, самим по себе незначительным, такие разрушительные силы, которые потом станут неукротимыми.

И если когда-нибудь бланкистская фантазия перевернуть целое общество действием одного маленького заговора имела некоторое основание, так именно теперь в Петербурге, раз огонь будет приложен к пороху, раз освобожденные силы и национальная энергия из потенциальных превратятся в кинетические (еще любимый и очень удачный образ Плеханова), эти люди, взорвавшие мину, будут унесены взрывом, который станет в тысячу раз сильнее их и найдет себе выход, где он сможет и как потребуют экономические силы и условия.

Предположим, что эти люди вообразят, что могут захватить власть, — что за важность? Пусть только сделают брешь, которая разрушит плотину, — поток сам скоро образумит их иллюзии. Но, если бы случайно эти иллюзии своим воздействием вызвали бы у них высшую силу воли, почему на это жаловаться? Люди, воображавшие, что они сделали революцию, всегда убеждались на следующий день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории; этой иронии избегли немногие исторические «деятели» [по-русски в подлиннике]. Посмотрите на Бисмарка — революционера помимо своей воли, и Гладстона, кончающего размолвкой со своим обожаемым царем.

По моему важно, чтобы был дан толчок, чтобы революция разыгралась. Будет ли та или другая фракция, которая даст сигнал, будет ли это под тем или другим знаменем, по моему, маловажно. Будь это дворцовый заговор, он будет сметен на другой день. Там, где положение так напряжено, где революционные элементы накопились в такой степени, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более невозможным, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины до крупнейшей промышленности и до высших современных финансов, и где все противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, соединяющей в себе интеллигенцию и все благородные элементы нации, — там, раз прорвется 1789 год, 1793 не замедлит последовать.

Я прощаюсь, дорогая гражданка; уже половина третьего утра; завтра перед отправкой почты я не успею прибавить что-либо. Если вы предпочитаете, пишите мне по-русски, но будьте добры не забывать, что русские буквы *написанные* мне не приходится видеть ежедневно.

Вполне вам преданный

Ф. Энгельс.

П. БЕРЛИН

ПЛЕХАНОВ — ЗАПАДНИК

Русское социалистическое движение получило сильное развитие в условиях самодержавного политического строя и полунатурального хозяйственного положения страны. Этот исторический парадокс наложил свой особый, совершенно своеобразный отпечаток на все наше социалистическое движение. Превращая недостатки в добродетели, несчастную отсталость в счастливую особенность, оно искало и находило свое прибежище в самобытных учреждениях, в обломках далекого прошлого. Если, с одной стороны, наше социалистическое движение жадно тянулось вверх к солнцу будущего, то, с другой стороны, оно цепко держалось корнями в почве далекого прошлого, в пресловутых самобытных «устоях».

Известно, какую роль сыграли эти «устои» в судьбах русского социализма. Останавливаться на этом вопросе мы не станем: это не входит в тему нашей статьи, да и писалось об этом достаточно. Отметим лишь, что в нераздельной связи с этим находились и своеобразные судьбы нашего западничества в социализме. Казалось бы, где же, как не в социалистическом движении полнее и последовательнее всего должно было сказаться наше западничество, и раньше и бесследнее всего смолкнуть наше самобытничество? Из всех ведь течений политической и социальной жизни и мысли социалистическое является наиболее денационализированным, наиболее интернациональным. И если не здесь, то где же должно было развиться русское западничество?

На самом же деле, именно в социалистическом нашем движении подлинное и последовательное западничество проникало с огромным затруднением и запозданием. Именно

социалистическая среда оказалась наиболее прочною хранительницей заветов самобытной старины и наиболее плохим проводником западных новшеств. Мы говорим не об учениях, не о теориях западно-европейских социалистов и не об отрицании этих теорий русскими социалистами. Было и это, но не это было характерно. Характерно было то, что даже усваивая и повторяя эти теории, даже об'являя себя их последователями, в то же самое время, однако, считали, что устанавливаемые западно-европейскими социалистами исторические законы не писаны для России, ибо у России в социалистическом отношении «особенная стать».

Не следует это относить только к нашему социализму до восьмидесятых годов. До восьмидесятых годов оно, это самобытное направление, господствовало лишь нераздельно, но и после восьмидесятых и в девяностых и в девятисотых годах и в двадцатом веке эти самобытные теории социализма, лишь меняя свою форму и формулировку, обнаруживали изумительную живучесть. Как это ни странно, но именно в области социализма у нас западничество прививалось особенно чахло и туго.

Для иллюстрации сказанного приведем один чрезвычайно характерный пример, взятый не из какого-нибудь нашего политического, давно прошедшего, времени, а из второй половины девяностых годов, когда уже вполне определилось не только как теоретическое учение, но и как практическое движение, первое последовательное социалистическое западничество — русский марксизм.

В «Материалах по истории русского революционного движения», выходивших в Женеве под редакцией П. Лаврова, который любил себя называть последователем учения К. Маркса, появилось в 1896 г. «Письмо в редакцию» по поводу русского марксизма. Автор этого письма, известный русский социалист, подписавшийся псевдонимом «старого народовольца» писал:

«Марксизм у нас не так нов, как это утверждают его новые апостолы: он давно известен всему интеллигентному русскому обществу; он и в литературе имел своих представителей; он и революционерам не был неизвестен; для последних Маркс во многих отношениях был даже *авторитетом*. Но *практического значения* марксизм у нас не имел,

да и не мог иметь, *пока велась активная борьба*, пока наши революционеры *оставались социалистами на деле*, а не на словах только, не в теории только». И редакция «Материалов», помещая это письмо, заявляла о своей с ним солидарности.

Таким образом еще в 1896 г. эмигрантский журнал, редактируемый П. Лавровым, который уже в семидесятых годах не раз об'являл Маркса своим «учителем» и выражал солидарность с учением и движением немецкой социал-демократии, об'являл, что марксизм не имеет у нас никакого «практического значения» и признавал Маркса «авторитетом», но только «в теории», а не «на деле». Если такие мнения высказывались во второй половине девяностых годов в эмигрантском журнале, редактируемом П. Лавровым, который из революционеров семидесятых годов «на словах», быть может, больше, чем кто-либо признавал авторитет Маркса, то не трудно себе представить, как в семидесятых годах смотрели на «практическое значение» для России западнических социалистических учений.

И русская политическая эмиграция не составила в этом отношении исключения. Плоть от плоти и кость от кости всего русского революционного движения, русская эмиграция твердо и неукоснительно придерживалась и на чужбине, в изгнании, своих самобытных теорий, и смотрела на западнические учения, в лучшем случае, как на интересные теории, имеющие практическое значение лишь для Запада, но не для России.

Русская политическая эмиграция почти ровесница русского политического движения. Уже крушение первого крупного политического выступления на берегах Невы—мы говорим о восстании декабристов — выбрасывает на берега Сены одного из первых русских политических эмигрантов — Н. Тургенева, автора первого крупного эмигрантского произведения — «Россия и русские». И уже с самого начала, уже с упомянутого Тургенева русская политическая эмиграция ставит себе двоякую или, вернее, двуединую задачу— открыть глаза Зап. Европы на ту Россию, которая ведет тяжкую борьбу за экономическое и политическое раскрепощение страны, будучи заслонена от Европы дымной завесой показного благополучия, и помочь этой родной русской борьбе своим бесцензурным словом, своим знанием социальной жизни и мысли Запада [1]). Во всю ширь ставил эту двуединую задачу уже Герцен, который с одинаковым блеском, страстностью и энергией говорил о России Западу и о Западе России. Эта же двуединая задача носилась и перед пылким взором странствующего рыцаря анархизма — М. Бакунина.

Разрасталась революционная борьба в России, втягивая все большие контингенты борцов, а рука об руку с этим разрасталась и русская политическая эмиграция, сделавшаяся крупным фактором социалистического движения. Над разрешением намеченной задачи работали уже целые направления и целые поколения русской эмиграции. Это по существу дела была задача «западничества», задача сближения России и Европы на почве западных идеалов и начал.

Каковы же были итоги этой чрезвычайно долгой и самоотверженной работы ряда поколений русской эмиграции? Что дала эта работа эмиграции делу сближения России и Запада? Подводя итоги, мы должны отметить, что достигнутые результаты ни в какой степени и ни в какой мере не соответствовали затраченным усилиям. И это в одинаковой степени относится к обеим частям задачи — к ознакомлению Запада с Россией и России с Западом. В разрешение этих обеих задач русская эмиграция сороковых, пятидесятых, шестидесятых и семидесятых годов, а в меньшей степени и значительная часть последующей эмиграции, внесла стремление не столько сблизить, сколько противопоставить Запад и Россию, внесла суб'ективный элемент самобытного народнического мировоззрения. Стремясь разрушить размалеванную правительственную завесу, скрывающую подлинную трудящуюся и борющуюся Россию от взоров Запада и подлинный борющийся трудящийся Запад от взоров России, и достигнув на этом пути чрезвычайно больших результатов, русская политическая эмиграция, однако, вместо сорванной правительственной завесы тотчас же развесила свою, народническую, через которую и Запад России и Россия Западу рисовались в искусственном освещении, скрадывающем реальные контуры и размеры событий.

---

[1]) См. нашу книгу «История русской политической эмиграции». Берлин, 1925 г.

В чрезвычайно яркой форме мы встречаемся с этим явлением у нашего, так сказать, классика русской политической эмиграции — Александра Герцена. Попав за границу в сороковых годах, когда командуемая Николаем I Россия еще спала крепким политическим сном, которому еще конца не видно было, и когда, с другой стороны, Запад бурлил и кипел в революционном котле, когда в Париже на протяжении четверти века народ дважды поднимал знамя революционного восстания, когда начинался восход марксизма, когда огненными словами уже был написан Манифест Коммунистической Партии, — Герцен с самого начала своего эмигрантства пел отходную Европе, мрачными красками рисуя ее умирание и вместе с тем и перед Европой и перед Россией говорил о николаевской России как об обетованном царстве «народного социализма» или, как он иногда любил выражаться, «коммунизма в лаптях».

Мы не будем останавливаться на этом вопросе, ибо это отвлекло бы нас в сторону от непосредственной темы этой статьи, да и хорошо известно, с каким блеском, умом, с какой страстностью отстаивал Герцен в своей русской и французской публицистике эту народнически-славянофильскую идею и как много тумана и путаницы он внес этим в европейские представления о России и в российские представления об Европе.

Роковым образом, с самого начала вступив на этот путь рассмотрения и изображения Зап. Европы и России через дымчатую призму народнических предубеждений, русская эмиграция уже целые десятилетия не могла сойти с этого пути.

От многих иллюзий Герцена она отказалась, она перестала хоронить Европу, она готова была признать западно-европейские социалистические учения, но при этом Россия об'являлась вне социального закона, установленного этими учениями. Установлена и общепризнана была какая-то двойная социалистическая бухгалтерия, по которой чудодейственным образом европейские социалистические активы превращались в пассивы и наоборот. Менялись формы, степени, характер этого своеобразного деления земного шара на два полушария: европейское, подчиненное законам, установленным западно-европейскими политическими и социалистическими учениями, и российское, для которого все эти законы не писаны, а суть самобытности оставалась все та же. Уже Бакунин, несмотря на всю свою непрестанную и неукротимую борьбу-вражду с Марксом и марксистами, несмотря на полярную непримиримость позиций, неоднократно заявлял себя сторонником теоретического учения Маркса, последователем теории исторического материализма. И в голове Бакунина это мирно уживалось с самобытнейшими российскими теориями. Подобное противоречие характерно для русской эмиграции вплоть до восьмидесятых годов. Многие русские эмигранты семидесятых годов считали необходимым время от времени заявлять о своей полной солидарности с учением Маркса, а впоследствии и с немецкою соц.-дем. Но все это для Запада, а не для России. Достаточно вспомнить хотя бы лавровский «Вперед», многократно и тщательно подчеркивавший свое согласие с учением Маркса, об'являвший себя последователем научного социализма и немецкой соц.-дем., и в то же время по отношению к России он проповедывал взгляды, находящиеся в самом непримиримом противоречии с азбукою этого самого марксизма и научного социализма. Такой своеобразный дуализм, такое кричащее противоречие между исповедыванием западно-европейских теорий и проповедыванием «русского социализма» проходит через все писания, через многие политические выступления, программы, воззвания русской эмиграции. Этот самобытный русский социализм не только безраздельно господствовал над умами русской эмиграции, но он сильно затуманил взгляды на Россию и европейских социалистов и среди них даже такого мыслителя, как Карл Маркс. Достаточно внимательно вчитаться в то немногое, что он писал о русском революционном движении, чтобы убедиться, что тут не его слог, не его тон, не присущая ему резкая определенная постановка вопроса. Тут воистину «русский дух, тут Русью пахнет», ибо писания эти навеяны были русскими эмигрантами, влиянию которых Маркс незаметно подчинился в области суждений о русском революционном движении. Если у себя на родине Маркс с беспощадной решительностью и безжалостным сарказмом разрушал народнические предрассудки истинных социалистов и если в этом заключается одна из его великих исторических

заслуг, если к первым русским эмигрантам, к Герцену и Бакунину, Маркс отнесся с чрезвычайною резкостью, то к русскому революционному движению конца семидесятых годов он отнесся с несвойственною ему в других случаях теоретическою терпимостью. Это об'яснялось прежде всего тем, что героическая борьба «Народной Воли» с царизмом и ее внешние успехи заставили Маркса, придававшего огромное мировое значение победе над царизмом, сквозь пальцы смотреть на прегрешения народовольцев против буквы и духа научного социализма.

Он отпускал им их теоретические грехи, веря в их победу над царизмом, благословляя их на разрушение Карфагена самодержавия, этого оплота европейской реакции.

Влияла тут далее и идеология русской народнической эмиграции, которая снабжала Маркса народнически окрашенными фактами, не говоря уже о точках зрения.

Достаточно привести для иллюстрации сказанного один разительный пример. Когда в эмиграции появилась группа социалистов во главе с Плехановым, вскоре положившая основание группе «Освобождение Труда», то об этой группе, которая впервые в русской эмиграции полно и последовательно применила марксизм к русскому социалистическому движению, Маркс в письме к Зорге писал:

«Большинство этих людей, хотя и не все, покинуло Россию добровольно и, в противоположность террористам, ставящим на карту собственную голову, образует так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, уезжают в Женеву — что за qui pro quo!). Эти господа стоят против всякой революционной политической деятельности. Россия должна, по их мнению, перепрыгнуть одним скачком в анархистско-коммунистическо-атеистический милениум. А пока они подготовляют этот скачок путем скучнейшего доктринерства, так называемые принципы которого давно стали избитыми пошлостями со времени покойного Бакунина».

Это изумительное, совершенно не соответствующее действительности приветствие, которым Маркс встретил появление в эмиграции как раз той группы русских социалистов, которая впервые в основу своей деятельности положила принципы марксизма, показывает, как плохо был тогда осведомлен Маркс о русском революционном движении. Это плохое осведомление было лишь отражением народнических предрассудков, прочно царивших в тогдашнем революционном движении вообще и эмиграции, в частности. Л. Г. Дейч правильно уже указал, что свои сведения о русском революционном движении К. Маркс в это время черпал в значительной степени от Льва Гартмана, который изображал Марксу русские революционные теории и события в искусственном освещении не только народнических предрассудков, но и фракционной борьбы [1]).

В своем обращении к К. Марксу Исполнительный К-т «Народной Воли» писал: «В ваших трудах именем науки признаны лучшие принципы русской жизни. «Капитал» стал ежедневным чтением интеллигентных людей. Мы поручаем нашему товарищу Льву Гартману организовать в Англии и Америке доставку сведений относительно настоящего развития нашей общественной жизни».

Это обращение Исполн. К-та характерно и своим взглядом на научный социализм как на «признание лучших принципов русской жизни» и назначением в качестве осведомителя о русском революционном движении такого человека как Л. Гартман, совершенно не разбиравшегося в сложных вопросах социалистических теорий и доставлявшего Марксу сведения, о беспристрастии и об'ективности которых хорошо можно судить по рассказанному выше случаю с группой Г. Плеханова.

* * *

В таких условиях начиналась эмигрантская деятельность Г. В. Плеханова. Вспомним, что и сам Плеханов в начале своего эмигрантства [2]) еще не вполне освободился от своего бакунистского миросозерцания. Но процесс сомнения и критики захватил его еще в России. Плеханов, уступая настояниям друзей, покинул революционную борьбу на родине не за тем, чтобы спасти себя от неминуемой гибели, а чтобы на свободе, вдали от царских розысков, поработать над

[1]) См. Дейч. Группа «Освобождение труда». Сборн. № 1. М. 1924 г., стр. 134—135.

[2]) Во избежание недоразумения я должен напомнить, что Плеханов два раза ездил за границу: в начале 1877 г. и в начале 1880 г. Приведенный П. Берлином рассказ относится к первой поездке, во время второй Г. В. уже не находился «всецело во власти бакунинских теорий», — тогда у него начался процесс сомнения, критики. *Л. Д.*

своим теоретическим развитием и проверить свое революционное миросозерцание.

Георгий Валентинович — и в этом его огромная историческая заслуга, в этом — особая примета Плеханова-эмигранта уже с первых же годов его эмигрантства, — стал западником, последовательным, блестящим западником в русском социализме и, в частности, в русской эмиграции.

По статьям, относящимся к 1879 — 1883 г.г., нетрудно проследить это быстро нараставшее западничество Г. В. Плеханова, его крутой поворот от «самобытности» к «западничеству».

В статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанной в № 3 «Земли и Воли» в 1879 г., мы находим у Плеханова такое рассуждение:

«Сам Маркс не предвидел, вероятно, какие выводы сделают из его учения люди, которым нужно во что бы то ни стало поддержать существующий порядок вещей. Мы говорим о выводах, которые делают из его учения наши либеральные публицисты. «В России социализм! — восклицают они, — да сам ересиарх Маркс не подписал бы ему permis de séjour (разрешение на жительство) в нашем отечестве. Ведь он признает, что социалистическая продукция должна развиться из капиталистической, и было время в Зап. Европе, когда останавливать развитие зарождавшегося капитала значило поворачивать назад колесо истории».

И Плеханов горячо протестует против этого вывода, который делают наши либеральные публицисты [1]).

Плеханов приходит в этой статье к общему заключению:

«Одно из требований западно-европейского социализма — коллективизм владения составляет у нас существующий факт: другое — коллективизм труда не имеет под собою почвы в технике русского землевладения. Таким образом мы à priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачов и другие» [2]).

Это вполне в духе самобытного «русского социализма», под этими словами охотно бы подписался сам Бакунин.

Но уже в статьях Плеханова, помещенных в «Черном Переделе», на-ряду с этим социалистическим староверием, начинают звучать ноты западничества.

[1]) Ср. Г. Плеханов. Соч. т. I. Женева, 1905 г., стр. 9.

[2]) Там же, стр. 18.

В передовой статье № 1 «Черного Передела» (1880 г.) Плеханов уже подчеркивает необходимость «указывать на тесную связь русского революционного движения с общими выводами западно-европейской жизни и мысли, оттенять их тождество — в последнем счете с стремлениями и задачами русской социально-революционной партии».

В статье, помещенной в № 2 «Черного Передела», Плеханов пишет уже такие строки:

«Аграрная революция, как выражается она в народных требованиях, сама по себе есть минимум в сравнении с задачами и требованиями социализма» [1]).

«Пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам» [2]).

В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической Партии» (1882) Г. Плеханов пишет:

«Манифест может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности — с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом [нельзя]».

И там же:

«У нас до сих пор еще довольно сильно распространено убеждение в том, что задачи русских социалистов существенно отличаются от задач их западно-европейских товарищей. Но, не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собой незаменимый источник для изучения общественных отношений Запада» [3]).

Мы приводим эти беглые и пестрые выдержки из первых произведений Плеханова ввиду того, что некоторые эмигранты-старообрядцы упрекали Плеханова в том, что он

[1]) Плеханов. Соч., т. I. Женева, 1905 г., стр. 83.

[2]) Там же, стр. 85.

[3]) Там же, стр. 103.

якобы за границей «вычитал» из немецких книжек свои новые идеи.

Эти идеи родились и росли у Плеханова постепенно. Пребывание в эмиграции, знакомство с западно-европейской социалистической жизнью и мыслью лишь помогли осознать и оформить русские переживания. К новым, «западническим» идеям Плеханова толкали не только немецкие «книжки», но и русский опыт. Конечно, для того, чтобы этот русский опыт и эти европейские теории сочетались в своем влиянии, чтобы создать в уме Плеханова единое, нераздельное социалистическое миросозерцание, нужна была та счастливая особенность плехановского ума, которая никогда не знала, не терпела противоречий между «теорией» и «практикой», которая видела в этом различные стороны, различные проявления одного и того же монистического процесса. Ум Плеханова не успокаивался до тех пор, пока теория и практика не сливались в его сознании в единое монистическое целое, где теория освещала практику, практика согревала теорию.

И новые идеи Плеханова, как мы видели, назревали постепенно и медленно; нетрудно проследить, как постепенно у него отмирали народнические предрассудки и крепли западнические убеждения. Это отмирание народнического старообрядчества и этот рост марксистского западничества одновременно совершались под воздействием того, до чего додумался и дострадался Плеханов еще в России, пройдя сквозь строй жестокого русского опыта, и под влиянием того, чему он научился, попав в эмиграцию за границу.

Тут сказалась и вторая особенность Плеханова — всю жизнь он учился. Учился и у теории, и у практики.

В темные долгие будни русской реакции и в светлые редкие праздники революционного под'ема, в самых тяжелых обстоятельствах личной жизни, когда приходилось постоянно думать, где достать для семьи хлеб насущный, Плеханов непрестанно с огромным энтузиазмом учился. Поистине необ'ятен был круг интересов Плеханова. Самые отвлеченные философские вопросы не то что интересовали, — волновали, захватывали Плеханова все по той же особенности его ума и характера, что для него теория и

практика, наука и социализм сливались в один мощный великий процесс познания мира для его изменения.

Слова Огюста Конта: «знание — отсюда предвидение, предвидение — отсюда действие» не применимы ни к одному из русских социалистов в такой степени, как к Плеханову.

Эта очная ставка русской социалистической практики с западно-европейской социалистической теорией, проделанная Плехановым в первые же годы его эмигрантства, именно и привела его к тем новым идеям, которые нынешним читателям кажутся почти общепринятыми в социализме, но тогда в русской социалистической эмиграции были встречены с негодованием и недоумением.

Мы уже отметили основную особенность этих новых идей — западничество. Такие фразы, еще мелькающие местами в первых произведениях Плеханова-эмигранта, были отзвуками уже преодоленных им народнических предрассудков. Но уже звучали и давали тон слова о теориях русской самобытности, становящихся «синонимами застоя и реакции», уже провозглашен был лозунг стать «под знаменем осмысленного западничества».

Как метко писал Плеханов в этой же книжке: «чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционировать свои собственные головы». И «западничество», провозглашенное Плехановым-эмигрантом в начале восьмидесятых годов, несло с собой именно это «революционирование голов» русских социалистов.

Он остроумно замечал при этом, что и «наши революционные писатели, как и большинство русских писателей вообще, смотрели на «Запад» с точки зрения еврейского мальчика в известном рассказе Вейнберга. Бедному школьнику весь свет казался подразделенным на две равные части: Россию и заграницу, при чем достойные внимания черты различия существовали для него лишь между этими «половинами» земного шара, «заграница» же представлялась ему совершенно однообразным целым» [1]).

Этому-то делению земного шара на две половины — западную, подчиненную законам научного социализма, и вос-

---

[1]) Плеханов. Соч., т. I. Женева, 1905 г., стр. 158.

точную, русскую, где социализм развивается по указу самобытных народнических теорий — и об'явил войну Плеханов-эмигрант.

В «Наших разногласиях» Г. Плеханов, отвечая своим критикам, вновь и вновь возвращается к этому вопросу.

«Что социализм школы Маркса, — писал он, — во многом расходится с русским социализмом, как он выразился в нашем революционном движении вообще и у партии «Народной Воли» в частности — это не подлежит ни малейшему сомнению, так как русский социализм до сих пор еще носит очень длинную бакунистскую косу за своей спиной» [1]).

И опять там же о том же:

«Программа петербургской «Народной Воли» была поставленным на голову бакунизмом, с его славянофильским противопоставлением России Западу, с его идеализацией первобытных форм народной жизни, с его верою в социальное чудотворство революционных организаций нашей интеллигенции. Исходные теоретические положения программы остались неизменными, и только практические выводы оказались диаметрально противоположенными прежним. Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России» [2]).

Таким образом, уже в первых своих эмигрантских произведениях Г. Плеханов поставил во всю ширь вопрос о немедленной европеизации русского социализма. И нельзя преувеличить все значение этой воистину «петровской» реформы нашего самобытного социализма; впервые Плеханов по-настоящему, во всю ширь «прорубил окно» из народнической России в социалистическую Европу.

При этом Плеханов-эмигрант вносил реалистический элемент в разрешение обеих частей задачи, с самого начала, как мы видели, стоявшей перед русской эмиграцией, — ознакомление народнической России с подлинным социалистическим Западом и ознакомление социалистического Запада с подлинной Россией.

Вспоминая более позднее время, Плеханов рассказывает:

«После моей речи на парижском международном с'езде 1889 г. старый Вильгельм Либкнехт подошел ко мне и, сочувственно пожав мне руку, сказал: «Я слушал вас с большим удовольствием: Вы *первый*

[1]) Плеханов. Соч., т. I. Женева, 1905 г., стр. 224.
[2]) Там же, стр. 230.

русский, не старающийся уверить нас, людей Запада, в том, что в России все готово для революции. Со времен Бакунина я постоянно слышал, что там «все готово», и удивлялся только тому, что революция все-таки заставляет себя так долго ждать» [1]).

Насколько необычны для русской эмиграции были идеи, с которыми в начале восьмидесятых годов выступил Плеханов, показывает рассказываемый им в предисловии к женевскому изданию его сочинений факт:

«Один из народовольцев, — говорит Плеханов, — признавался мне, года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству. Ему надо было лично познакомиться со мной, чтобы убедиться в неосновательности своего предположения. Это достаточно характеризует прием, оказанный моей книге сторонниками старых воззрений в нашей революционной среде» [2]).

И не следует думать, что борьба за западничество в нашем социалистическом движении и борьба против восточного самобытничества была закончена в восьмидесятых или девяностых годах. «Западничество» проникало в головы русских революционеров весьма медленно и частично, а самобытничество, лишь меняя свои формы, продолжало прочно держаться.

И параллельно с этим «западничество» Г. Плеханова продолжало до самой его смерти играть огромную роль в борьбе с «нашими разногласиями» в русском социалистическом движении.

Не надо понимать это западничество слишком буквально и узко. Оно сказалось у Плеханова во всей постановке политических и теоретических вопросов, во всем подходе к ним, в привычках «западной» мысли, оперирующей измеримыми и весомыми величинами, соблюдающей историческую перспективу, знающей часы исторического времени, знающей таблицу социальных мер и весов. Ясной западнической мысли Плеханова был чужд элемент социального мистицизма, откровения или веры в революционный «авось» и революционное чудо, которая была присуща в той или иной форме и степени многим течениям русского социализма.

[1]) Ср. Плеханов «Мы и они». Женева, 1907 г., стр. 5. Курсив наш.
[2]) Ср. Плеханов. Сочинения, т. I. Женева, 1905 г., стр. 15.

Западнический подход ко всем жгучим политическим русским вопросам, западный силлогизм составлял особую и характернейшую примету Плеханова, и на всем протяжении своей блестящей деятельности он оставался верен этому западничеству.

В этом двойная заслуга Плеханова, как эмигранта. И заслуга эта огромна, так как последовательное западничество, именно в русском социалистическом движении вообще, а в эмигрантстве, в частности, было весьма редким даром. И здесь применимы горькие слова Чаадаева о том, что западный силлогизм не дается русским умам. Социалистические умы не составили в этом отношении исключения.

«Западничество», европеизм глубоко проникали всю натуру Плеханова. Его социализм носил ярко выраженный европейский характер, он был весь целиком монистически построен в западном стиле, на западных началах. И все его выступления по вопросам политической тактики всецело были проникнуты европеизмом, сказывающимся в этом отчетливом знании, который теперь час на исторических часах, в этом уменьи, всегда справляясь с компасом теории, в то же время никогда не упускать из виду всех обстоятельств времени и места, темпа, пропорции, перспективы.

Та «мера вещей», уменье владеть которой составляет главную отличительную черту европеизма, была в высокой степени присуща Плеханову не в смысле умеренности, аккуратности и постепенности, с чем Плеханов всегда блестяще сражался, а в духе полного единства теории и практики, материала и идеала. Плеханов говорил на лондонском с'езде по поводу новых нескончаемых «наших разногласий»:

«Западные тт. с изумлением пожали бы плечами и сказали бы: «странные люди эти россиане! Дела у них непочатый угол, а они, подобно средневековым схоластикам, тратят время на бесплодные споры о том, сколько ангелов может поместиться на конце булавочного острия». И это не потому, что наши западно-европейские товарищи относятся отрицательно к теоретическим спорам. Ничуть не бывало! Некоторые из них поднимаются в своих спорах на гораздо большую высоту, чем многие и многие из наших товарищей. Но они умеют в то же время ставить свои споры на конкретную почву» [1]).

[1]) Ср. Лондонский с'езд Российск. соц.-дем. раб. партии. Протоколы. Париж, 1909, стр. 45.

И не случайно Г. Плеханов ставил в пример «западных товарищей». Ему самому эта западная особенность была в высокой степени присуща.

Эта мудрая западная «мера вещей» сказывалась у Плеханова во всем — и в его исторической роли, и в его личной жизни, и в его теоретических воззрениях, и в его политической тактике, и в политических выступлениях, и в домашней жизни.

Вспоминая о Плеханове-эмигранте, Л. Федорченко (Н. Чаров) писал:

«У Плеханова дисциплина сквозила во всем строе и складе его жизни... День был у него строго распланирован, и каждый час был непременно наполнен определенным содержанием».

«Г. В. не любил «якшаться» по кафе и ресторанам «с публикой», что было в обычае российского интеллигента, не любил длинных разговоров на темы о том, о сем, считал их скучными и никчемными и избегал людей, которые отнимали у него дорогое время для так называемых разговоров «по душам». Во всем он любил краткость, ясность и определенность» [1])

Как эти четкие, твердые «западные» черты не похожи на расплывчатые черты российских эмигрантских типов, и как они характерны для европейца Плеханова!

В этом небольшом очерке мы отметили лишь одну, но, как нам кажется, характернейшую черту в психологическом портрете Плеханова-эмигранта. Конечно, эта черта не исчерпывает всего огромного богатства личности Плеханова и тем более его долгой деятельности в эмиграции как писателя, пропагандиста и агитатора. Плеханов-эмигрант еще ждет и, конечно, скоро дождется достойного своего биографа и историка. Цель же этого очерка — остановить внимание читателя на одной характернейшей «особой примете» в облике Плеханова-эмигранта.

[1]) Ср. Федорченко. Г. В. Плеханов. Из воспоминаний. «Каторга и ссылка», кн. 7, стр. 27—28.

Л. ДЕЙЧ

Г. В. ПЛЕХАНОВ В «ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ»

I.

В точности не помню, состоял ли Плеханов уже формально членом общества «З. и В.» до казанской демонстрации: судя по некоторым данным, надо полагать, что нет. Так, П. Аксельрод в своих воспоминаниях сообщает, что Георгий Валентинович, будучи в эмиграции, рассказывал ему, с каким благоговением он относился к Натансону во время подготовки этой демонстрации: получая от последнего по этому поводу инструкции, Плеханов по вечерам отдавал ему точные отчеты о всем сделанном им за день [1]). Едва ли, состоя уже членом общества «З. и В.», Плеханов так послушно вел бы себя по отношению Натансона, хотя и являвшегося лидером этой организации. Правда, в описываемое мною время он, вообще, питал большое благоговение к заслуженным, пострадавшим революционерам, о чем он сообщил в своих воспоминаниях. Также и мне он в эмиграции как-то сказал, что в первые годы его присоединения к нашему движению знаменитые тогда среди передовой молодежи революционеры — Ковалик, Кравчинский, Клеменц, Рогачев — представлялись ему людьми недосягаемого величия, необыкновенными, перед которыми он готов был преклоняться.

Кстати, сколь ни покажется это, быть может, странным и неправдоподобным, замечу здесь, что готовность преклониться перед лицами, которых Георгий Валентинович признавал очень ценными, выдающимися, осталась у него до самой смерти: в этом отношении чрезвычайно характерны наши с ним беседы в санатории Питкиярви в Финляндии, незадолго до его кончины, об Энгельсе, о чем не теряю надежды современем рассказать.

1) «Пережитое и передуманное», т. I. Изд. Гржебина. Берлин.

Как бы то ни было, только после перехода Плеханова на «нелегальное положение», — что, как известно, произошло вследствие предпринятых полицией усиленных розысков его, — Натансон и другие члены созданной последним организации начали особенно дорожить его к ним присоединением. Кроме присущих Плеханову дарований, некоторую роль в этом случае, несомненно, играла также сразу приобретенная им большая известность в революционных кругах.

Как известно, вскоре после казанской демонстрации, по настоянию товарищей, Плеханов отправился за границу, чтобы замести следы. Пробыл он там несколько месяцев и вернулся обратно в Петербург в июле 1877 года с твердым решением, принятым всеми бакунистами, — «погрузиться в гущу народную», т.-е. отправиться «в народ» для подготовки восстания.

Я уже сообщал в своих записках, что члены созданной Натансоном организации, — подобно южным бунтарям и другим тогдашним последователям Бакунина, признававшим необходимым заняться агитацией, — решили устраивать прочные поселения в деревнях и селах. При этом как северяне, так и южане считали важным выбирать «местности, обладающие историческим прошлым», т.-е. преданиями о происходивших там восстаниях, бунтах. Такими «очагами революции» считались побережья «великих русских рек»: Волги, Урала, Днепра, Дона.

«Натансоновцы» избрали главным пунктом своих поселений Саратовскую губ., в которой у них имелись некоторые связи среди либеральной части общества, благодаря чему им представлялась возможность получать в уездах должности фельдшеров, волостных и сельских писарей, народных учителей.

Пробыв короткое время в Петербурге, Плеханов в конце июля также отправился в Саратов, намереваясь поселиться в какой-нибудь деревне в качестве учителя. Вскоре по его приезде открылась такая вакансия в Аткарском уезде. Будучи нелегальным, Георгий Валентинович для получения

этой службы воспользовался документами товарища по организации — Александра Дмитриевича Михайлова («Дворника»). Тем не менее, несмотря на хлопоты местного священника, знавшего когда-то с наилучшей стороны родителей А. Михайлова, эта попытка не увенчалась успехом, вследствие явившейся со стороны исправника решительной оппозиции.

В ожидании других вакансий Плеханов пребывал некоторое время в Саратове, где усиленно вел среди местной интеллигенции, учащейся молодежи и рабочих проповедь бакунизма, в чем, по общему признанию лиц, бывших там одновременно, он имел огромный успех [1]). Само собою разумеется, что внесенное с наездом в этот город новых лиц оживление не могло долго оставаться незамеченным полицией: предпринятая ею за квартирами слежка завершилась обысками и арестами нескольких лиц. Среди них оказался и Георгий Валентинович, наскочивший на оставленную «засаду». Самообладание и спокойствие Плеханова, с одной стороны, и хорошее, праздничное настроение (было воскресенье) пристава — с другой, привели к тому, что последний поверил задержанному, будто бы он случайно попал на «конспиративную квартиру». Не найдя на квартире Плеханова ничего предосудительного, пристав ограничился взятием с него письменного обязательства явиться на следующий день в участок, после чего Георгий Валентинович, конечно, немедленно покинул Саратов.

На этом в указанном году закончилось стремление Плеханова действовать «в народе». Но, как мы ниже увидим, он не отказался от этого намерения, и в следующем году сделал новую к тому попытку.

II.

Его возвращение в столицу осенью 1877 г. совпало с большим оживлением, вызванным русско-турецкой войной, а также процессом 193-х, делом Веры Засулич и другими крупными политическими фактами. Напомню в немногих словах о некоторых из них.

Длившаяся тогда уже более полугода война на Балканах за освобождение «братьев-славян от турецкого ига» естественно наводила самых мирных русских обывателей на мысль о несоответствии этой, поглощавшей огромные массы «пушечного мяса» цели с внутренним состоянием страны, в которой все было задавлено, и где сотни лучшей молодежи томились в тюрьмах, централах, Сибири.

«Прежде чем освобождать «братушек», следовало бы вспомнить о своих «верноподданных» и дать им вздохнуть свободнее, созвав земский собор» — не раз приходилось слышать в разгаре этой войны [1]).

К войне, в качестве сильно волновавшего передовую часть общества факта, присоединился затем давно ожидавшийся и много раз откладывавшийся «Большой процесс» — «193-х».

В течение трех, а то и четырех лет, в разных концах необ'ятной страны сотни молодых юношей и женщин томились в тюрьмах по обвинению в «хождении в народ» или за переданную кому-либо прокламацию, сказку, не то за одно лишь хранение этой «преступной литературы», а также за случайное знакомство с заподозренным в столь ужасных деяниях лицом и т. п. Десятки арестованных, заболев в местах заключения тяжкими недугами, умерли, лишились рассудка, пооканчивали самоубийством, не дождавшись суда. Даже вполне отрицательно относившихся к революционному движению обывателей возмущало столь жестокое обращение с молодежью. Поэтому известие о состоявшемся, наконец, осенью столь долгое время ожидаемом суде вызвало в обществе большое оживление: многие, в том числе и арестованные, надеялись, что суд, хотя и «особого присутствия сената с сословными представителями», будет рассматривать это обширное дело при открытых дверях, соблю-

[1]) О своей встрече и спорах с Г. В. сообщил также некий «Саратовец» на стр. «Минувш. Годов». На эти воспоминания Плеханов возразил в помещенных мною в «Прол. Рев.» посмертных его заметках, озаглавленных «О былом и небылицах».

[1]) К слову, идя навстречу этим вожделениям, мы, южане — Стефанович, Мокриевич, я и другие бунтари — в конце лета отпечатали в находившейся у нас в Киеве подпольной типографии прокламацию, имевшую вид правительственной телеграммы и извещавшую о созыве земского собора для выработки конституции. Расклеенная затем в некоторых южных городах прокламация эта вызвала много толков и комментарий.

дая элементарные правила беспристрастия. Но — увы! после первых же заседаний стало ясно, что этот процесс является заранее подготовленной комедией, так как минимальные интересы подсудимых не соблюдались.

В мои задачи, конечно, не входит изложение подробностей этого замечательного, небывалого в летописях какой-либо страны политического процесса. Напомню только, что в течение нескольких недель происходили протесты со стороны подсудимых, большинство которых отказывалось присутствовать на заседаниях, куда их насильно приводили, а затем, после произнесенных ими по адресу судей оскорблений, жандармы выволакивали их. Происходили при этом возмутительнейшие сцены насилий, вызывавшие истерические рыдания, обмороки и пр.

Слухи обо всем этом, быстро распространяясь не только по Петербургу, но и по всей стране, вызывали повсюду в лучшей части общества крайнее возмущение и протесты против правительства и, наоборот, симпатии к подсудимым.

«Троглодиты», как начали в то время называть кружок тогда уже арестованного Натансона, хорошо использовали это настроение: в основанной ими тогда в самом Петербурге «Вольной русской типографии» они стали печатать о процессе 193-х отчеты, которые, несмотря на торжественное обещание председателя суда, в газетах не появлялись. Поэтому выходившие из подпольной типографии отчеты повсюду читались нарасхват, производя огромное впечатление на молодежь, рабочих и общество.

Зимой указанного года, еще раньше окончания процесса, стали постепенно освобождать группами из дома предварительного заключения лиц, свезенных из разных концов России на этот суд. Это обстоятельство, в свою очередь, внесло большое оживление в среду революционно настроенной молодежи, рабочих и оппозиционной части общества столицы: начались небывалые до тех пор по размерам сходки, на которых, кроме освобожденных из тюрем, присутствовали «троглодиты», а также учащиеся и рабочие. Там совершенно открыто дебатировались революционные теории, тактические вопросы и пр. Полиция была вполне осведомлена об этих собраниях, но таково уж было общее настроение, что, ввиду изложенных обстоятельств,

свыше отдано было распоряжение не трогать молодежь, чтобы не раздражать ее еще более.

В числе сильно скомпрометированных «нелегальных» на этих сходках постоянно выступал «Оратор», а то и прямо «Жорж», как многие стали называть Георгия Валентиновича. Он быстро выдвинулся вперед, будучи признан самым даровитым, находчивым и остроумным полемистом, агитатором.

Известия об его успехах на этих турнирах широко распространились среди революционной молодежи, достигнув даже до заключенных в разных тюрьмах. Так, помню, Фроленко, приехавший из Петербурга в Киев, чтобы поступить ключником в тюрьму для освобождения из нее нас, чигиринцев, первым делом сообщил нам о блестящих выступлениях «Жоржа» на упомянутых сходках.

Главной темой дебатов являлась защита нового направления, бунтарского народничества. Оппонентами Плеханова и его союзников — Каблица, Волошенко, Попко — выступали лавристы, к которым примыкали вышедшие из продолжительного тюремного заключения на волю подсудимые по процессу 193-х. Попав в тюрьмы в 1874 — 1875 г.г., когда преобладало пропагандистское движение, эти лица сохранили почти без изменения взгляды, с которыми были арестованы. Для них, поэтому, указанные дебаты были не только чрезвычайно интересны, но и очень поучительны [1]).

---

[1]) Между прочим, иллюстрацией преимущества бунтарства перед проповедью социализма послужила ставшая как раз в пору этих дебатов известной, созданная Стефановичем, при моем и Бохановского содействии, тайная организация среди чигиринских крестьян. Известно, что мы для этого прибегли к ложному царскому манифесту, к чему вынудило нас установившееся у крестьян представление, что царь-освободитель стоит за них. Все лавристы и преобладавшее большинство лиц, освобожденных по «Большому процессу», восстали против допустимости прибегать к мистификации крестьян путем «авторитетного принципа», как тогда называли самозванство, ложные манифесты и т. п. приемы. Но, за исключением двух «троглодитов», остальные натансоновцы защищали нас, инициаторов чигиринского дела.

На собраниях с лавристами Георгий Валентинович также доказывал, что наша агитация в конечном результате дала неизмеримо больше положительных результатов, чем практиковавшаяся до того летучая пропаганда, приведшая лишь к заполнению тюрем молодыми энтузиастами: «это была первая попытка создания массовой организации крестьян», говорил Плеханов и в этом он видел «крупное ее значение».

Но особенно много толков, воодушевления и под'ема вызвало повсюду произведенное Верой Засулич (в январе 1878 года) покушение на градоначальника Трепова. Восхищение неожиданным, небывалым поступком этой мстительницы за поруганную честь незнакомого ей политического каторжанина было всеобщим чувством молодежи и передового слоя. Имя самоотверженной девушки, самостоятельно избравшей мученический крест, произносилось с умилением, со слезами радости и восторга в глазах.

Как известно, это покушение явилось поворотным пунктом в нашем революционном движении, так как за ним последовал ряд насильственных актов против должностных лиц: Вера Засулич положила начало террору, сыгравшему огромную роль в истории России.

Плеханов был, конечно, в числе лиц, отнесшихся с восторгом к этому покушению. Между прочим, ему принадлежала одна из нескольких выпущенных «Вольной типографией» по этому поводу прокламаций, но не помню, насколько она оказалась удачной и как к ней отнеслись.

В своих тогда выступлениях перед молодежью и рабочими Г. В. с энтузиазмом отзывался о геройском подвиге Засулич, чем, понятно, содействовал развитию у слушателей готовности следовать ее примеру. Увы! — ни Вере Ивановне, ни Георгию Валентиновичу не приходило тогда на мысль, что *всего через год* они же явятся первыми противниками увлечения террористическими актами...

Но далеко не все свое внимание Плеханов в ту пору отдавал движению среди молодежи и задачам организации «троглодитов»: по возвращении из Саратова в Петербург он возобновил свои занятия с рабочими, что, как мы знаем, ему пришлось прекратить вследствие усиленных розысков его полицией и поездки за границу. Занятия с рабочими, которым «троглодиты» вообще уделяли не особенно много внимания, в отсутствие Плеханова почти совсем прекратились. Полный сил и воодушевления, Георгий Валентинович в описываемое время принялся за восстановление порванных связей в рабочей среде. Всегда имевшая успех этого рода деятельность вообще, а Плеханова — в особенности, зимой 1877 — 1878 г.г. дала блестящие результаты.



Вследствие небрежности администрации на патронном заводе произошел в январе взрыв, повлекший за собой убийство нескольких рабочих и много раненых. Написанная Плехановым по этому поводу прокламация усилила возбуждение и протесты среди трудящихся. Похороны убитых превратились в крупную манифестацию. Когда у братской могилы одним рабочим произнесена была пламенная речь и присутствовавший при этом околоточный сделал попытку арестовать его, товарищи, отбив оратора, насильно задержали этого полицейского, и сказавший речь рабочий благополучно уехал на извозчике. Известие об этих похоронах, в связи с столкновением с полицией, имело большое агитационное влияние на рабочую массу.

Значительно большую еще роль сыграли происшедшие весной 1878 года на нескольких заводах стачки, в которых Плеханов принял самое деятельное участие, но на них я останавливаться не буду, так как об этом он сам подробно сообщил в своих интересных воспоминаниях «О русском рабочем в революционном движении». Напомню лишь о том, что вновь арестованному во время стачки на Новой Бумагопрядильне Плеханову удалось, благодаря его находчивости и самообладанию, опять избегнуть тюрьмы.

Однако, несмотря на эти удачи и наглядные доказательства завоевываемой им популярности среди рабочих, — они называли его и помогавших ему во время стачек товарищей - интеллигентов М. Р. Попова, Н. Н. Лопатина, Н. В. Васильева «наши орлы», — все же Плеханов не считал возможным посвятить себя исключительно этой сфере деятельности и продолжал стремиться «в народ». Ввиду природных дарований, ареной его деятельности, конечно, должны были бы стать трудящиеся слои крупных промышленных центров, но до того заразительно было тогда влияние бакунистской проповеди о преимуществе агитации среди земледельческого населения перед фабрично-заводским, что даже такой сильный и независимый человек, каким был Плеханов, вопреки своему призванию, последовал за общим увлечением «в народ».

Весной 1878 г. до «троглодитов» дошло, — если не ошибаюсь, через уроженца Ростова-на-Дону М. Р. Попова, — известие, что среди донских казаков «неспокойно» вследствие

предпринятого правительством введения у них земских учреждений. И вот, несмотря на описанное выше интересное, возбужденное состояние в Петербурге и плодотворную работу там Плеханова, он, тем не менее, все бросил и помчался на юг, чтобы «взбунтовать тихий Дон». Сложись благоприятно обстоятельства, ему, быть может, удалось бы произвести большую бучу среди казаков, но, как опять же им самим изложено в его воспоминаниях, ему пришлось вернуться в конце лета в Петербург, где, благодаря лишь счастливой случайности — отсутствию нескольких копеек — он избег ареста[1]) в четвертый раз, считая в том числе благополучный уход с Казанской площади.

III.

Возвращаясь с Дона в Петербург для напечатания задуманного Плехановым сообща со спропагандированными казаками воззвания, он предполагал остаться в столице самое короткое время. Между тем, незадолго до его приезда произошел в Петербурге почти полный разгром центрального бюро организации «троглодитов». Разгром этот находился в тесной связи с произведенным С. Кравчинским убийством шефа жандармов ген. Мезенцева. Арестованы были такие чрезвычайно ценные члены, как Ольга Натансон, А. Оболешин, Адриан Михайлов, Бердников и др., забрана была «небесная канцелярия», т.-е. паспортное бюро, были разгромлены общие квартиры и пр. Каким-то чудом уцелела только «Вольная русская типография», которой заведывала уже тогда являвшаяся ветеранщей революционного движения Марья Константиновна Крылова, привлекавшаяся еще по делу Ишутина (1866 г.).

Ввиду этого разгрома, Георгию Валентиновичу, вместо скорого возвращения на Дон, пришлось заняться восстановлением произведенного полицией разрушения. При этом занятии он, несмотря на новизну для него последнего и полную почти свою неопытность в практических делах, тем не менее, проявил большую сообразительность и дальновидность, благодаря чему он не только не дал возможности распространиться разгрому на другие места, в которых находились остальные члены общества, но вскоре ему, вместе с вызванным им из Ростова Александром Михайловым («Дворником»), удалось почти совершенно восстановить произведенные нашествием полиции разрушения. А спустя короткое время, к великому изумлению и возмущению правительства, считавшего поверженной в прах «подпольную гидру» или «крамолу», в столице всемогущего самодержца появился, очевидно, свеже отпечатанный номер довольно обширного журнала, названного популярнейшим для русских трудящихся масс лозунгом — «Земля и Воля». Негодованию всесильного и всеведущего III отделения и самого царя не было границ: все усилия тайной полиции напасть на след «Вольной типографии» остались совершенно тщетными: подпольный орган, хорошо руководимый и информируемый, продолжал выходить, хотя и не периодически, но довольно часто и прекрасно распространялся как в столицах, так и повсюду в стране.

[1]) Кроме воспоминаний «О русск. рабочем в револ. движ.», Плеханов подробно сообщает об этом в «О былом и небылицах». («Пролет. Револ.», № 3/15, 1923 г. Л. Д.

Между тем, кроме Плеханова и Александра Михайлова, являвшихся старыми членами организации, начавшей с этой осени называться «землевольческой», к ним присоединилось всего четыре-пять новых лиц: Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов, О. С. Любатович, Л. Тихомиров, С. Л. Перовская. С. Кравчинский, примкнувший к «троглодитам» еще весной 1878 г., осенью того же года, вскоре после разгрома, был путем хитрости со стороны близких товарищей выпровожден за границу, чтобы не попасться в руки властей[1]). За ним вскоре туда же отправилась Ольга Любатович, — да едва ли какая-либо существенная польза для организации была бы от нее, останься она в России.

Как бы то ни было, разнообразные и сложные функции пали на плечи небольшой группы лиц, и, несмотря на это, она умела поднимать столь большой шум, что нагоняла не меньший страх на «предержащих властей», располагавших огромными силами, чем многотысячная вражеская армия.

У каждого из перечисленных выше членов, а также у помогавших им лиц, входивших в периферию организации

[1]) Подробнее о нем см. мою брошюру «С. М. Кравчинский». Л. Д.

«З. и В.», была масса дел и всевозможных комиссий. Плеханов, конечно, не составлял исключения: наоборот, у него, ко всем исполняемым им раньше функциям, с осени описываемого здесь 1878 года, присоединилось еще — редактирование сообща с Д. А. Клеменцом и Морозовым «Земли и Воли». Прежде чем говорить об этой новой его деятельности, остановлюсь на общей теоретической подготовке Георгия Валентиновича.

В отношении политической экономии, считавшейся со времен Чернышевского самым важным предметом изучения для каждого сознательного передового человека, Плеханов — подобно другим, наиболее образованным революционерам того времени, не отрицавшим, как Дебогорий-Мокриевич и вообще южные бунтари, чтение легальных книг, — был знаком с А. Смитом, с диссертацией Н. Зибера о теории ценности Д. Рикардо и с сочинением Дж. Ст. Милля с знаменитыми комментариями Чернышевского. Затем он уже довольно хорошо знал «Капитал» Маркса.

Что касается изучения социалистических теорий утопистов, а также таких ученых, как Луи Блан, Дюринг, Родбертус, то у Плеханова, как и у других тогда образованных русских людей, оно было недостаточно, особенно ввиду навязанной ему важной функции — редактора. Правда, среди нас, народников-бунтарей, Г. В. являлся, на-ряду с значительно более его пожилым Д. А. Клеменцом, очень образованным, чрезвычайно разносторонне начитанным юношей; все же в ту пору ни сам он, ни большинство товарищей еще не причисляли его к настоящим, заправским писателям. Оно и понятно, потому что до описываемой мною здесь осени 1878 г. ему мало пришлось выступать на литературном поприще: в предшествовавшее время он участвовал в составлении народнической программы, написал для рабочих и казаков две-три прокламации, а также прошение к наследнику, листок по поводу выстрела В. Засулич и только [1]).

Хорошо помню, что летом того же года, когда было окончательно принято, по предложению Кравчинского, решение с осени приступить к выпуску органа «Земля и Воля», никто не называл Георгия Валентиновича в качестве потенциального сотрудника, а тем более — редактора. Литераторами тогда считались: Кравчинский, Клеменц, Иванчин-Писарев, Тихомиров, Синегуб, прославившиеся как авторы в свое время нашумевших народных сказок, стихотворений, листовок и переделок. Плеханов же, ничем подобным еще не проявивший себя на этом поприще, в счет не шел. Да и сам он не подозревал присутствия у себя «литературной жилки», хотя, будучи еще в военной гимназии, по отзывам учителя словесности, известного педагога Бунакова, превосходные писал сочинения, а в последнем классе издавал «журнал». Но, по присущей ему скромности, он не придавал никакого значения этим ученическим упражнениям, и сам едва ли взялся бы за перо осенью 1878 г., если бы его не побудил к этому Александр Михайлов («Дворник»).

[1]) Я слыхал, что, будучи в Берлине, он отправил оттуда одну корреспонденцию о встретившейся ему там артели русских рабочих в «Рус. Вед.», но не знаю, верно ли это.

Случилось так, что по возвращении в Петербург Михайлов поселился вместе с Георгием Валентиновичем в одной комнате, что дало Плеханову возможность близко узнать этого выдающегося человека и подружиться с ним [1]).

Будучи одаренным большими организаторскими способностями и обладая верным чутьем в определении призваний новых лиц, «Дворник» к тому же выделялся своей настойчивостью, упорством и беспредельной преданностью революционной деятельности: для последней никакие жертвы не казались ему значительными, никакие задачи — неосуществимыми.

«Я никогда не написал двух строф, — говорил он, — но, если бы дело требовало, чтобы я написал стихотворение, я уверен, что добился бы этого».

Придерживаясь такого взгляда на обязанности члена организации, «Дворник», по рассказу Георгия Валентиновича, пристал к нему с настойчивым требованием писать для «З. и В.».

«Пиши, Жорж! Ты обязан писать! Ты можешь!» и т. п. фразы повторял он изо-дня в день, пока, действительно, не побудил Плеханова взяться за перо, чтобы описать, в виде корреспонденций, движение среди донских казаков, а также

[1]) См. собр. соч. Г. В. Плеханова, т. I, 1920 г.

стачки рабочих на Новой Бумагопрядильне. Эти первые произведения являются лишь пробами пера, появившимися в первых №№ «З. и В.» Но уже с третьего № стали печататься две обширные теоретические статьи его, озаглавленные «Закон экономического развития общества», с которых и начинается литературная деятельность Плеханова. В них ярко сказывалось влияние на Г. В. материалистического мировоззрения Маркса и Энгельса, но на этом подробно я здесь останавливаться не буду, так как уже сделал это в другом месте [1]). Скажу лишь, что, несмотря на неудачное сочетание марксизма с бакунизмом, эти статьи замечательны для начинавшего юного писателя, к тому же, как мы видели, охваченного бурным стремлением к практической, всеразрушительной деятельности среди разных слоев земледельческого населения. Можно только изумляться тому, как всего после трех-четырех месяцев, к тому же заполненных разного рода беготней и суетней, испробовав свои литературные способности только на двух-трех корреспонденциях да на небольшой легальной статейке «О чем спор» [2]), в которой ведется ярая защита народничества обычными в ту пору аргументами, — Плеханов смог выступить с обширной, серьезной и вполне оригинальной работой, которая сделала бы тогда честь любому заправскому нашему ученому. Как бы критически мы теперь ни относились к статье «Закон экономического развития», она для своего времени была замечательным, исключительным произведением, которое можно было поставить рядом с «Философскими предубеждениями против общинного землевладения» Чернышевского.

Благодаря этой статье Георгий Валентинович сразу стал в уровень с нашими «заслуженными старыми литераторами», и его ввели в редакционную коллегию: так стремительно, кажется, никто из наиболее быстро выдвинувшихся на литературном поприще публицистов и критиков, не исключая даже Добролюбова и Писарева, не завоевал у нас себе видного положения в печати.

Плеханов внезапно вырос в глазах даже самых близких его товарищей: хорошо зная его и ценя в нем талантливого

[1]) См. мою брош. «Г. В. Плеханов», изд. «Нов. Москва», 1922 г., стр. 41 — 44.

[2]) См. газ. «Неделя», 1878 г. XII, № 52.

оратора, они относились к нему с большой симпатией, считали молодым «задирой», «забиякой», обладающим «острым язычком и могущим современем еще более развиться, но никому из них, вероятно, не приходило на ум, что в нем таится колоссальный, ни с кем несравнимый не только в «подполье» литератор. Самого «Дворника», убеждавшего Плеханова взяться за перо, поразили изумительно быстрые успехи «Жоржа» на новом поприще, на которое он еще столь недавно не решался вступить.

«Видишь, Жорж, говорил я, что из тебя выйдет писатель! Но ты превзошел мои ожидания!» — с веселой, добродушной улыбкой повторял А. Михайлов.

Увы! Дальновидный «Дворник» не подозревал того, что этот же столь радовавший его успех Жоржа вскоре затем будет способствовать возникновению натянутых между ними отношений, что, затем, приведет к распадению с такими усилиями созданной, при его энергичном содействии, организации «Земли и Воли».

IV.

На-ряду с литературной деятельностью Плеханов не прерывал сношений с рабочими, а с зимы 1878 — 1879 г.г. он начал придавать этому занятию бо́льшее значение, чем делал это раньше. Подтверждением этому может, отчасти, служить вскользь брошенное им во второй его статье о «Законе экономического развития», следующее замечание: «Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей». Раньше ни ему, ни тем более кому-либо другому из народников-бунтарей такая мысль не приходила на ум: несомненно, что только частые встречи с рабочими могли его навести на нее. Правда, это, как мы видели, не мешало ему отводить рабочим роль «воровских прелестников» при таких «титанах», как Булавин, Разин, Пугачов в предстоявших восстаниях, но это противоречие об'яснялось его правоверным народничеством. Все же, повторяю, в указанную пору в воззрениях Плеханова начинает замечаться большой сдвиг

в сторону признавания значения за рабочим движением. Никто другой из бунтарей в то время не бросал подобных вышеприведенной фраз, что выгодно отличает Плеханова от остальных народников.

Возможно, что эволюция воззрений Плеханова в сторону самостоятельной роли рабочего класса пошла бы еще дальше, так как с весны 1879 г. Вик. Обнорским и Степ. Халтуриным заложено было основание Северно-русскому рабочему союзу, а с последним из этих выдающихся рабочих Г. В. находился в наилучших отношениях, но тогда же одно совершенно неожиданное обстоятельство побудило его особенно энергично стать на стражу ортодоксального народничества, а, следовательно, отвлечься от мысли о задачах рабочего класса.

В конце марта А. Михайлов сообщил Плеханову, что один быв. член саратовской группы «З. и В.» прибыл в Петербург с твердым, бесповоротным решением убить царя, а потому, ввиду возможных после этого акта репрессий, он находил необходимым на время приостановить выпуск №№ «З. и В.», особенно же скомпрометированным лицам следовало покинуть столицу.

В пояснение этого крупного факта, имевшего огромное значение не только для об-ва «З. и В.», но и для всего нашего революционного движения, а то и вообще для истории России, напомню о том, что в практическую деятельность бунтарей, кроме подготовки народных восстаний, входила еще, так называемая, «дезорганизация правительства» или «акты самозащиты», начавшие усиленно применяться, как известно, после произведенного Верой Засулич покушения на генерала Трепова, так как вслед за сделанным ею выстрелом в разных городах совершены были революционерами нападения на некоторых должностных лиц. Последним из таких актов было покушение студ. Л. Мирского на шефа жандармов ген. Дрентельна. И вот член периферийного кружка «З. и В.» — А. К. Соловьев надумал убить Александра II.

Это предприятие выходило из сферы «дезорганизации правительства»: оно принимало уже явный характер непосредственной борьбы за политическую свободу, что исключалось бунтарством. Естественно поэтому, что Плеханов,

являвшийся в то время наиболее ортодоксальным народником, энергично восстал против намерения Михайлова и его единомышленников — А. Квятковского, Н. Морозова, А. Зунделевича, Л. Тихомирова, выразивших готовность оказать Соловьеву необходимую для осуществления его решения поддержку. С другой стороны, к Плеханову присоединились В. Игнатов, М. Попов, М. Крылова, также считавшие, что покушение на царя совершенно отвлечет революционеров от их непосредственных задач.

По поводу многочисленных перипетий, вызванных разгоревшейся затем борьбой, которая, как известно, приняла чрезвычайно страстный характер, написано уже немало; при этом некоторые современники — Н. Морозов, О. Любатович — изобразили роль Плеханова в совершенно ложном свете; особенно же в этом отношении отличился О. Аптекман, об'яснивший возникшие в редакции «З. и В.» разногласия исключительно личными мотивами [1]). Между тем, деятельность Г. В. в описываемый период является одной из наиболее блестящих в его жизни. Чтобы понять все ее значение, необходимо перенестись в ту отдаленную эпоху.

V.

Среди находившихся в России народников-бунтарей Плеханов был первым, который понял огромную опасность от увлечения этим актом «дезорганизации правительства», так как, по его признанию, он «со всей силой твердого убеждения считал эти приемы борьбы вредными для нашего прямого и самого важного дела: агитации «в народе» на почве его ближайших нужд и его непосредственных требований» [2]). Как я уже упомянул, он, поэтому, предпринял самую энергичную борьбу против увлечения «дезорганизацией правительства», при чем, само собой разумеется,

---

[1]) См. его предисловие к изданной В. Невским книге «Черный Передел» и мою статью «Черный Передел», в «Истор.-Рев. Сбор.», под ред. В. И. Невского, II, 1924, а также рецензии Е. Н. Ковальской в нашем сборнике № 1 и мою в сборнике «Каторга и ссылка», № 3 (10), 1924 г.

[2]) См. его статью «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вест. Нар. Воли», «Искра», № 54, 1903 г.

им руководило исключительно «твердое убеждение» во вреде этого способа деятельности, а не личные, тем более не приписываемые ему неправдивыми современниками низменные мотивы.

Как всегда при отстаивании своих воззрений, Плеханов пользовался только прямыми приемами: он спорил, доказывал, апеллировал к логике, делал ссылки на историю и т. д., но никогда не прибегал, хотя бы и к незначительным, «военным хитростям», интригами и т. п., чего, к сожалению, нельзя сказать о его противниках. Так, честнейший А. Зунделевич в одном из помещенных в настоящем сборнике писем сознался, что во время знаменитого заседания в марте 1879 г., на котором обсуждался вопрос о намерении Соловьева убить царя, он и его единомышленники — Ал. Квятковский, А. Михайлов, Н. Морозов и Тихомиров, — были неискренни, «кривили душой», когда утверждали, будто невозможно отклонить Соловьева от его плана. Они поэтому отказались допустить Плеханова свидеться с ним. К таким приемам Г. В. в аналогичных случаях никогда не прибегал и вполне понятно почему: в идейной борьбе к хитростям, неправде, подвохам прибегают лишь лица, неспособные логическими доводами доказывать несогласному правильность своих взглядов, а в такие положения Плеханову никогда не случалось попадать.

Здесь, конечно, не место воспроизводить все те «военные хитрости», к которым сочли себя вправе прибегнуть сторонники цареубийств по отношению своих инако-мыслящих товарищей по организации. Ограничусь лишь указанием на то, что они не остановились даже перед образованием внутри «З. и В.» другого тайного общества, названного ими «Победа или Смерть», о существовании которого, конечно, не подозревали лица не посвященные [1]).

Из приведенных мною здесь сообщений можно лишь отчасти себе представить все те тяжелые и сложные условия, с которыми решил бороться 22-летний Плеханов. Действительно, когда перенесешься мысленно в ту отдаленную эпоху, то невольно удивляешься как «силе твердого убе-

[1]) Об этом подробнее — у В. Фигнер в «Запеч. Труде», т. I; к чести ее нужно сказать, что она отклонила предложение Н. Морозова вступить в это общество, так как считала такой прием «нечаевщиной».

ждения» Плеханова, так и его настойчивости, непреклонности характера.

Известно, что в разные периоды нашего революционного движения, предшествовавшие здесь описываемому, также происходили споры и расхождения из-за различных отношений тогдашних революционеров к тем или иным приемам борьбы. Но никогда возникшие раньше разногласия, а также обстановки, в которых они происходили, не имели такого серьезного характера и столь важных последствий, какие сопровождали возбужденную юным Плехановым борьбу против увлечения цареубийством. В сущности, он имел против себя всех членов «З. и В.», с'ехавшихся на Воронежский с'езд, так как «деревенщики», раньше согласившиеся с ним, потом, в интересах сохранения целости организации «З. и В.», пошли на компромисс. Плеханову, поэтому, пришлось одному вести всю борьбу, и он вел ее до конца; когда же убедился, что его нестойкие единомышленники изменили ему, он покинул с'езд и остался в полном одиночестве.

Другого примера аналогичной твердости убеждений и непреклонности воли, насколько могу припомнить, не было в истории ни нашего, ни западно-европейских революционных движений.

Затем известно, что, — только спустя несколько месяцев, когда он, будучи в Киеве, по его признанию «сознавал, что один в поле не воин», и с тоской спрашивал себя: «что же мне остается делать?» — до него дошло известие о приезде в Петербург из-за границы В. И. Засулич, Стефановича и моем, которых на воронежском с'езде выдавали за решительных сторонников «дезорганизации правительства». Он также узнал, что мы, напротив, отстаиваем старый, агитационный способ действий, поэтому поспешил в Петербург, где, как он сообщает, «к удовольствию своему убедился, что названные товарищи согласны со мною почти во всех вопросах революционной теории и практики» [1]).

Давно известен дальнейший ход событий: отчасти под нашим общим с ним влиянием, но в особенности ввиду многочисленных столкновений пошедших на компромисс «деревенщиков» с «дезорганизаторами», первые поняли сде-

[1]) Та же статья: «Почему и как и т. д.».

ланную ими на с'езде ошибку и старались ее исправить. Излишне, полагаю, подробнее останавливаться на всех этих обстоятельствах, приведших, как известно, к распадению «Земли и Воли» на «Черный Передел» и «Народную Волю». В этом крупнейшем эпизоде в истории нашего революционного народничества Плеханов, несомненно, сыграл наиболее видную роль, говоря иначе, не было бы раскола, не существовало бы ни «Черного Передела», ни «Народной Воли», не выступи он энергично, непреклонно против увлечения «дезорганизацией правительства» или точнее — против «охоты на царя».

Но здесь, быть может, меня остановит любознательный читатель и скажет:

«Я охотно готов вместе с вами признать у Плеханова необыкновенную твердость убеждений и непреклонность воли, особенно ярко обнаруженные им в указанный переходный от народничества к терроризму период нашего движения, но я не вижу, в чем состояла тогда его заслуга? Ведь он только проявил упорство закоренелого консерватора, подобное бывшему у знаменитого протопопа Аввакума, который, как известно, вынес еще неизмеримо больше всяких мучений в борьбе за сохранение в целости и неприкосновенности седой старины. Результатом проявленных Плехановым выдающихся свойств его ума и характера был лишь вызванный, главным образом, им раскол в сильнейшей тогда тайной организации, что, понятно, привело вскоре к ослаблению революционных сил и к дальнейшим печальным последствиям, постигшим наше освободительное движение: в этом ли крупное историческое значение роли Плеханова в описанную здесь эпоху?»

Находя вполне уместными такие недоумения, я, однако, совершенно с ними не согласен, и вот почему: они обнаруживают недостаточную осведомленность относительно прошлого нашего революционного движения.

Допустим, что Плеханов не поднял бы страстной борьбы против увлечения «дезорганизацией правительства», — какова была бы тогда дальнейшая судьба нашего освободительного движения?

«Ну это, значит, вдаваться в область неизвестного!» вероятно, заметят некоторые.

Нисколько! — отвечу с полной, глубокой уверенностью: у нас имеются налицо все данные, все предпосылки для правильного решения этой задачи, что я и попытаюсь здесь сделать».

VI.

Если бы Плеханов не восстал против «охоты за царем», не произошло бы раскола, — это несомненно. Но тогда «дезорганизаторская деятельность», которой занималось бы общество «Земля и Воля», совершенно вытеснила бы главную задачу последнего: «агитацию в «народе» на почве его ближайших нужд и непосредственных требований». Народничество осталось бы лишь по традиции, по названию, но фактически оно совершенно исчезло бы из программы деятельности тогдашних революционеров.

«Какая же была бы в этом беда?» — быть может, вновь заметит вдумчивый читатель: «ведь, очутившись вскоре после распадения «З. и В.» за границей, Плеханов сам предпринял энергичную борьбу против народничества, не менее страстную, чем была незадолго перед тем поднятая им против «дезорганизаторов»?»

Да, он предпринял ее, но совсем по другим причинам, руководствуясь иными принципами, соображениями и задаваясь другими целями, чем те, которые ставили себе террористы. В подтверждение правильности моих слов достаточно сослаться всего на две-три фразы из предисловия Плеханова к брошюре «Социализм и политическая борьба» — первого его произведения, содержащего критику народничества. Там мы читаем:

«Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» — эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. Теоретические же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными» [1]).

Уже в этих немногих строках наглядно обнаруживается огромное отличие теоретических взглядов Плеханова и вы-

---

[1]) Собр. соч., т. II, стр. 27.

текавших из них практических задач, какие он считал правильными, от тех, которые фактически преследовали «дезорганизаторы».

Хотя в первых строках «Программы Исполнительного Комитета» заявлялось, что «по основным своим убеждениям мы — социалисты и народники», но это были лишь, так сказать, официальные, «парадные» заявления; в действительности же главные «теоретические выразители» народовольчества, при всяком удобном и неудобном случае, устно и в печати, заявляли, что они вовсе не социалисты. Вот, например, что по этому поводу говорится в передовой статье № 7 «Нар. Воли» (от 8 дек. 1881 г.).

«Едва ли основательно прилагать к «Нар. Воле» слишком буквально [? *Л. Д.*] европейские клички [?] «политических радикалов», «социалистов» и т. п.».

Уже из одной этой фразы ясно для каждого сколько-нибудь образованного человека, что автор этой передовицы, Лев Тихомиров, являвшийся столпом «Нар. Воли», главным ее «теоретиком», имел очень смутное представление о «политических радикалах» и «социалистах», которые казались ему не более как «кличками» [1]).

Еще оригинальнее выразился сам «Исп. Ком.» в отправленном им нам, некоторым эмигрантам, письме, помещенном ниже, а именно, что «мы не социалисты и не радикалы, а просто «народовольцы». И рядом с такими изумительными заявлениями общего, так сказать, «теоретического характера» вырабатывалась новая практика революционной борьбы.

Уже давно Плеханов рассказал, как во время приготовлений Соловьева убить царя Н. Морозов, в качестве редактора «Листка Земли и Воли», доказывал, что «террор есть революция в действии», а потому проповедывал необходимость свести всю революционную борьбу к приемам Вильгельма Телля и Шарлотты Корде, т.-е. к индивидуальному террору небольшой группы вооруженных револьверами или бомбами революционеров.

[1]) Со времени появления в печати этой достопримечательной передовицы прошло 44 г., автор ее, давным-давно отрекшийся от всего своего прошлого, скончался в качестве отчаянного реакционера: между тем, здравствующие старые народовольцы продолжают с благоговением относиться к бессмысленной болтовне этого своего бывшего «теоретика». Такова прочность усвоенных ими в молодости предрассудков! (См. по этому поводу рассуждения А. Корбы и А. Прибылева, в № 25 «Былого» и мой им ответ в наст. Сборнике.)

По мнению этого «новатора» и его единомышленников, среди которых были очень крупные члены «З. и В.», не было никакой надобности привлекать к революционной борьбе не только крестьянские массы, но даже рабочих: одни, мол, интеллигенты смогут изменить политический и социальный строй России, раз они будут применять указанный им метод.

Рядом с этой глубокомысленной проповедью шла и соответствовавшая ей практика: я уже упоминал, со слов В. Фигнер, о составившемся в описываемое время из дезорганизаторов внутри «З. и В.» тайном обществе: «Победа или Смерть». Несомненно, что часть землевольцев склонялась тогда к ткачевцам или к нечаевщине, что, в сущности, одно и то же.

Все эти обстоятельства и другие, мною здесь не упомянутые, дают нам полное основание сделать прогноз относительно ожидавшего общество «З. и В.» будущего, если бы Плеханов не начал бороться с дезорганизаторами, если бы и он стоял за продолжение «охоты на царя». Тогда не произошло бы раскола, общество «З. и В.» целиком было бы поглощено подготовками покушений, — приготовлениями динамита, рытьем подкопов и т. п. А в газете «З. и В.», на-ряду с благоглупостями, которые проповедывали бы Тихомиров и Морозов, там печатались бы также и статьи Плеханова, в которых он продолжал бы, вероятно, развивать дальше взгляды, изложенные им в «Законе экономического развития», или что-нибудь в этом роде.

Далее, не надо вовсе быть пророком, чтобы указать, каков был бы финал предполагаемого нераспавшегося общества «З. и В.». Оно, конечно, не существовало бы много лет, а погибло бы, подобно «Нар. Воле», не одержав победы над самодержавием: нашлись бы и в нем Гр. Гольденберги, Жарковы, Меркуловы, Окладские, Рысаковы, С. Дегаевы, которые предали бы все и всех. А так как из благородного чувства солидарности, которого придерживались все сторонники дезорганизации, что необходимо «оставаться вместе с товарищами на поле брани и погибнуть заодно

с ними», — никто из них не эмигрировал бы за границу и рано или поздно, — скорее первое, чем последнее, — все до единого члены общества были бы переловлены, после чего их постигла бы известная участь, — в России на воле остались бы только ренегаты и предатели, а в эмиграции — лишь случайные, в большинстве мало или вовсе неприкосновенные к движению, лица.

Между ними не было бы, конечно, ни М. Н. Ошаниной, ни Плеханова, ни В. И. Засулич, ни других активных участников движения 70-х годов. Поэтому не сохранилась бы живая, плодотворная традиция героического периода и не распространялась бы дальнейшая проповедь действительного, научного социализма; следовательно, не поддерживался бы тот огонек, который в течение многих лет, хотя и слабо, все же светил среди наступившей долгой, непроглядной ночи. И молодые люди, которые желали бы продолжать дело борьбы погибшего поколения, приезжая за границу, слышали бы от проф. Драгоманова, Добровольского, Дебогория-Мокриевича, Бурцева и других «разочаровавшихся» проповедь отречения от социализма, как от вредной утопии. В среде нашего крайнего оппозиционного лагеря произошло бы еще более обширное опустошение, чем имевшее место в действительности, разгром начавшегося было революционного движения в России оказался бы еще глубже, наступившая при Александре III реакция еще мрачнее и продолжительнее.

Между тем теперь даже такая ярая сторонница «Нар. Воли», как В. Фигнер, оставшаяся, как известно, последней на посту, подводя в своем «Запечатленном Труде» итог деятельности «Исп. Ком.», хотя приходит к очень пессимистическому выводу, все же заканчивает следующим характерным признанием:

«*Надо было создавать фундамент и на основе хозяйственного развития России строить новую партию, что было делом будущего. В предвидении этого будущего должна была возникнуть новая партия, и действительно возник зародыш ее — группа «Освобождение труда» — будущая социал-демократия*» [1]).

---

[1]) См. назв. соч., т. I, стр. 283—284. Курсив мой. *Л. Д.*

Это совершенно верно: с этим ее утверждением, в сущности, являющимся простым констатированием произошедшего, не могут не согласиться лица, знакомые с создавшимся после гибели «Нар. Воли» положением как в России, так и среди нашей эмиграции.

Признаваемый Верой Фигнер, как положительный результат гибели почти всех самоотверженных борцов, факт — возникновение группы «Освобождение труда» — не мог бы произойти, не восстань Плеханов против их деятельности.

Теперь, полагаю, в состоянии и сообразительный, глубокомысленный читатель решить: была ли полезна предпринятая Плехановым борьба, следовательно, и происшедшее распадение «Земли и Воли»?

с ними», — никто из них не эмигрировал бы за границу и рано или поздно, — скорее первое, чем последнее, — все до единого члены общества были бы переловлены, после чего их постигла бы известная участь, — в России на воле остались бы только ренегаты и предатели, а в эмиграции — лишь случайные, в большинстве мало или вовсе неприкосновенные к движению, лица.

Между ними не было бы, конечно, ни М. Н. Ошаниной, ни Плеханова, ни В. И. Засулич, ни других активных участников движения 70-х годов. Поэтому не сохранилась бы живая, плодотворная традиция героического периода и не распространялась бы дальнейшая проповедь действительного, научного социализма; следовательно, не поддерживался бы тот огонек, который в течение многих лет, хотя и слабо, все же светил среди наступившей долгой, непроглядной ночи. И молодые люди, которые желали бы продолжать дело борьбы погибшего поколения, приезжая за границу, слышали бы от проф. Драгоманова, Добровольского, Дебогория-Мокриевича, Бурцева и других «разочаровавшихся» проповедь отречения от социализма, как от вредной утопии. В среде нашего крайнего оппозиционного лагеря произошло бы еще более обширное опустошение, чем имевшее место в действительности, разгром начавшегося было революционного движения в России оказался бы еще глубже, наступившая при Александре III реакция еще мрачнее и продолжительнее.

Между тем теперь даже такая ярая сторонница «Нар. Воли», как В. Фигнер, оставшаяся, как известно, последней на посту, подводя в своем «Запечатленном Труде» итог деятельности «Исп. Ком.», хотя приходит к очень пессимистическому выводу, все же заканчивает следующим характерным признанием:

«*Надо было создавать фундамент и на основе хозяйственного развития России строить новую партию, что было делом будущего. В предвидении этого будущего должна была возникнуть новая партия, и действительно возник зародыш ее — группа «Освобождение труда» — будущая социал-демократия*» [1]).

[1]) См. назв. соч., т. I, стр. 283—284. Курсив мой. *Л. Д.*

Это совершенно верно: с этим ее утверждением, в сущности, являющимся простым констатированием происшедшего, не могут не согласиться лица, знакомые с создавшимся после гибели «Нар. Воли» положением как в России, так и среди нашей эмиграции.

Признаваемый Верой Фигнер, как положительный результат гибели почти всех самоотверженных борцов, факт — возникновение группы «Освобождение труда» — не мог бы произойти, не восстань Плеханов против их деятельности.

Теперь, полагаю, в состоянии и сообразительный, глубокомысленный читатель решить: была ли полезна предпринятая Плехановым борьба, следовательно, и происшедшее распадение «Земли и Воли»?

Н. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ

МОИ ВСТРЕЧИ С В. И. ЗАСУЛИЧ

Прошлое Веры Ивановны, ее огромные личные связи среди революционеров, ее первостепенная роль в истории революционной террористической борьбы, — все должно было удерживать ее от разрыва с прежней идеологией, но ею же сделан был новый решительный шаг: вместе с Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем, П. Б. Аксельродом и В. Н. Игнатовым она участвует в основании группы «Освобождение Труда», т.-е. сеет то зерно научного социализма, из которого выросла Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Именно в эту пору, в 1887 году, я впервые встретился с Верой Ивановной. Имя ее было крепко-накрепко связано с террористическими актами, — таким оно останется во веки веков, а, между тем, новое миросозерцание приводило почти к осуждению собственного прошлого, прошлого героического, того прошлого, благодаря которому имя Засулич с благоговением произносилось миллионами людей в Западной Европе и в России.

Кто-то из знакомых предупредил меня: «не говорите с Верой Ивановной о ее выстреле в Трепова и процессе: она этого не любит».

Оказалось, это утверждение было неверно. Как мог я удержаться от разговора на эту тему, столь близкую мне, столь дорогую и не упоминать о деле, детали которого так хорошо знал? Позже все об'яснилось.

Женева в то время была наводнена русскими, а среди них встречались молодые люди обоего пола, заслуживавшие названия исторических невежд и политических дикарей. Помню, Засулич называла их «четвероногими», и я вполне понимаю ее брезгливость и некоторое негодование,

когда какой-нибудь молодой человек, скрывшийся из России от воинской повинности, или девица, приехавшая ловить жениха и, между прочим, учиться, являлись во французскую деревушку Морнэ, где тогда жили Плеханов и Засулич, чтобы посмотреть на знаменитую эмигрантку и, путая имена, факты, с крайней неделикатностью спрашивали: «Кажется вы, Вера Ивановна, тоже в кого-то стреляли?»

Для нее это было частью ее жизни, ее души, а для нас — выпуклый незабываемый исторический момент, и как же станет она раскапывать это святая-святых для удовольствия бесцеремонных невежд?

Я был в другом положении: Вера Ивановна говорила со мною часто и много.

Внешность этой женщины описана не раз. Порывистая, с крикливыми нотами в голосе, с торопливой речью и страстными интонациями, она производила впечатление чарующей простоты, искренности.

Ей было 38 лет, когда я с ней встретился. Это была женщина со всемирной славой позади, но будущее нам, людям разных направлений, представлялось спорным, а прошлое было всегда тут — близкое, дорогое, к тому же совершенно бесспорное.

Вполне чуждая малейших признаков сентиментальности, она преображалась, когда речь заходила о старых ее друзьях: лицо ее покрывалось симпатичной улыбкой, а в голосе появлялись самые нежные материнские ноты.

Я забыл прибавить, что в большинстве случаев в ее речах замечался элемент добродушнейшего, тонкого юмора, который чудесным образом сочетался с трогательной задушевностью воспоминаний.

В таких разговорах о прошлом охотно принимал участие также и Плеханов, помещавшийся в том же крестьянском домике. Он мастерски рассказывал об Александре Дмитриевиче Михайлове, в то время уже — увы! — замученном невыносимым режимом Алексеевского равелина, о С. М. Кравчинском, о Тихомирове, перешедшем, год спустя, в правительственный лагерь и др.

Иногда юмор Веры Ивановны не щадил и ее самоё. У меня в памяти удержался такой эпизод: вскоре после приезда из России, Засулич находилась в своей ком-

натке, в одном из верхних этажей скромного женевского дома. Засучив рукава и схватив пресс-папье, она колотила им по куску мяса, собираясь изготовить незатейливый обед.

Кто-то из ее друзей, кажется Дмитрий Александрович Клеменц, лежа на диване, читал газету. В это время по скрипучей лестнице послышались шаги, раздался стук в дверь, а затем на пороге появился элегантно одетый господин: то был знаменитый Рошфор.

Бежав из своей заокеанской ссылки в Новой Каледонии после разгрома Парижской коммуны, он поселился в Женеве, откуда редактировал печатавшуюся в Париже газету,—это происходило до амнистии коммунарам 1880 года. Как светский человек, он сделал вид, что не замечает ужасного хаоса в комнате. Галантно расшаркиваясь, он сообщил Вере Ивановне, что из Парижа к нему приехало несколько его друзей, — сотрудников его газеты, желающих с нею познакомиться, а потому он просит ее пойти к нему. Вера Ивановна решительно отказалась принять это предложение. Но Рошфор был настойчив: он умолял ее доставить ему и его друзьям это удовольствие. Застенчивая Вера Ивановна все не соглашалась. Тогда он обратился за содействием к Клеменцу. Последний, будучи человеком мягким, добродушным, принял его сторону. Настойчивым просьбам обоих Вера Ивановна, наконец, уступила, при том, однако, условии, что Клеменц также отправится с нею, на что Дмитрий Александрович согласился.

Наскоро сделав свой незатейливый туалет, Вера Ивановна, в сопровождении Клеменца, поехала к Рошфору, занимавшему в Женеве прекрасную квартиру.

Уже в передней Засулич убедилась, что не напрасно она отклоняла просьбу этого памфлетиста: ее встретили одетые во фраках разные представители литературного и политического мира, а в следующей комнате она увидела парадно сервированный громадный стол, за которым ей отведено было самое почетное место; затем раздались речи, прославлявшие великий подвиг русской героини. Словом, Рошфор обманул Веру Ивановну, так как в честь ее устроил банкет, в чем она убедилась, когда в середине обеда принесли свежую газету, где и было описано все происходившее

на этом торжестве, произнесенные там речи и даже ответную ее речь, которой она не сказала. Сконфуженная до невероятности, она склонила Клеменца уйти вместе с нею до окончания этой тяжелой для нее комедии. Первое время она возмущалась этим обманом, но впоследствии рассказывала о нем с таким юмором, что слушатель не мог удержаться от самого задушевного смеха.

Она долго не хотела простить Рошфору этой его проделки.

При той известности и симпатии, которыми пользовалась в конце 70-х годов Вера Ивановна Засулич, другая женщина на ее месте сделала бы головокружительную карьеру в интернациональном масштабе. Но скромная Вера Ивановна, наоборот, старалась по возможности оставаться незамеченной, укрываться от людей, довольствовалась обществом лишь нескольких своих друзей. Она много читала, а потом стала писать и печатать статьи, редко подписывая их.

Помню еще такой случай. Плеханов получил специальный заказ из Германии, но занемог, и его отправили лечиться в Давос, — известный курорт для легочных больных. Запасшись необходимыми книгами, Вера Ивановна вплотную принялась за этот заказ и выполнила его.

* * *

Гудит осенний ветер, мертва французская деревушка, перед глазами торчат верхушки Салевов, а оттуда, из горячо любимой родины не слышно бодрящих известий.

Так идут года за годами. Иногда замечались у Веры Ивановны нервность и нетерпение, но уныния не было.

В конце 80-х и в начале 90-х годов я неоднократно приезжал в Женеву, где торопливо делился с заброшенными туда изгнанниками немногими новостями. Жадно слушали они эти известия и, в свою очередь, кратко передавали о местных делах. Настоящая беседа, живая, шумная, сверкающая всегда остроумием, начиналась тогда только, когда собеседники отвлекались от злобы дня.

Однажды Вера Ивановна, приняв предложение моей жены, пришла к нам из Морнэ в Женеву с тем, чтобы переночевать у нас. Но мы так заговорились, или, вернее, заслушались тех воспоминаний, которым отдавалась Вера Ива-

новна, что разошлись по своим комнатам только на рассвете.

Передам то немногое, что удержалось в памяти, но принимаю на себя ответственность за правильность приводимых здесь воспоминаний.

К нашему удовольствию Вера Ивановна как-то заговорила о своем покушении на Трепова. Она вкратце коснулась переживаний, ощущений и дум, которые привели ее к роковому решению. Также упомянула она и о непосредственных приготовлениях, довольно сложных и хлопотливых.

Впоследствии, когда террористические акты стали повседневным явлением, революционер мог итти на отчаянное предприятие почти так же спокойно, как чиновник на службу. В данном же случае речь шла о деле, по тем временам совершенно новом и непривычном, — надо было предусмотреть все мелочи, а, главное, замести следы, чтобы как-нибудь не подвергнуть опасности друзей.

Вот Вера Ивановна в градоначальстве с прошением от имени учительницы Козловой, но под тальмой рука ощупывает ручку револьвера. Вера Ивановна стреляет в упор. Тяжело раненый генерал падает; в приемном зале невообразимое смятение и паника.

— Скажите, — спрашиваю я, — ад'ютант Трепова Курнеев вцепился вам в горло?

— Да, но я боли не чувствовала: я была так возбуждена всем происшедшим, что, когда, наконец, раздался выстрел, я впала в какую-то прострацию, и если бы Курнеев стал рвать меня на куски, тоже, вероятно, ничего не почувствовала бы.

Раненого генерала вынесли бережно из приемной комнаты. Общее впечатление было, что он убит, и это известие быстро распространилось по Петербургу, радуя одних и возмущая других. Мне связали руки за спиной, усадили меж двух солдат.

— А что, — спросил я, — солдаты относились к вам очень враждебно?

— Нет, нисколько, — живо возразила она. Они были очень добродушны, особенно один молодой, с калужским выговором, он нагибался к моему уху и ласково спрашивал: «Где же это ты так хорошо стрелять научилась?»

Затем разные представители власти заполнили всю комнату. Тут были, конечно, жандармы, полицейские, прокурор палаты, прокурор суда, следователь по важнейшим делам — все добивались узнать у преступницы ее настоящее имя.

Было очевидно, что это не учительница Козлова, к тому же в прошении был указан адрес: Звериная ул., д. № 7. Справились по городскому телеграфу и оказалось, что такого дома не существует, Звериная улица только что застраивалась, и на ней были лишь три усадьбы.

— Вдруг, — говорит Вера Ивановна, — какой-то жандармский генерал, семеня ножками и расчищая себе дорогу сквозь густую толпу всякого начальства, приблизился ко мне со словами: «Ну, героиня, мы уже видим, что — героиня, но скажите же, как вас зовут».

— Нет, — ответила Вера Ивановна: — я не героиня. А как меня зовут, не скажу.

Довольно комический диалог с этим генералом был не единственным веселым эпизодом того трагического для Трепова и царя дня. По городу пронеслась весть, что какая-то студентка застрелила градоначальника, и вот начальница женских курсов полетела к месту происшествия. Еще энергичнее, чем жандармский генерал, расталкивая публику, она приблизилась к связанной «преступнице» и со вздохом облегчения, всплеснув руками перед самым лицом Веры Ивановны, восторженно воскликнула: «Слава богу, не наша!»

Успевшая уже вполне овладеть собою, Вера Ивановна не могла при этом удержаться от смеха.

В это же время у градоначальника кипела неутомимая работа: надо было опознать преступницу во что бы то ни стало. Решили пересмотреть огромное количество фотографических карточек — этот сонм подозрительных, с точки зрения правительства, физиономий. Одна из фотографий позже и навела на правильный след — это был ее портрет, снятый за несколько лет пред тем, во время ареста ее по нечаевскому процессу.

Но вот следователь по важнейшим делам, под наблюдением прокурора, приступает к формальному допросу.

— Ваше имя, отчество и фамилия? — спрашивает он.

Вера Ивановна называет себя учительницей Козловой.

— Как имя, отчество вашего отца?

Обвиняемая называет первые пришедшие на ум имена.

— Имя, отчество вашей матери?

Вера Ивановна отвечает опять, но допрос для нее мучителен. Все ее существо жаждало покоя, хотелось сосредоточиться, подвести итог бурным впечатлениям того дня, а, между тем, идут дальнейшие вопросы. Когда вопросы коснулись других подробностей, Вера Ивановна, не выдержав, воскликнула: «Оставьте меня в покое, мне надоело врать!»

Следователь записал эти слова, прибавив, что обвиняемая произнесла их со смехом. Она возразила, что не смеялась. Следователь спорил: «Нет, мне показалось, что вы улыбнулись».

— Хорошо, — ответила допрашиваемая, подписывая показание, — пусть останется так.

Прошло несколько дней, личность Засулич была установлена.

Она содержалась в Доме предварительного заключения; следователь спешно заканчивал свою работу, да и делать-то было почти нечего: преступление совершено в присутствии многих очевидцев; сама преступница не только не отпиралась, а указывала даже мотив своего поступка — месть за истязание Боголюбова. В конце концов, сам следователь был очарован этим величием духа, этой твердостью и самопожертвованием. Закончив следствие, он протянул руку арестантке со словами: «От души желаю вам быть оправданной».

С большой живостью рассказывала Вера Ивановна и о своих отношениях к защитнику Александрову, сыгравшему такую видную роль в ее процессе.

Раньше он состоял товарищем прокурора окружного суда, затем стал товарищем прокурора судебной палаты, когда, не поладив с начальством, перешел в сословие присяжных поверенных.

Своей защитительной речью по делу 193-х, в которой, между прочим, обращаясь к обвинителю, он сказал: «История пригвоздит вас к позорному столбу», он очень понравился Е. К. Брешко-Брешковской, осужденной по этому процессу на каторгу. Находясь после приговора в Доме предварительного заключения, Брешковская посоветовала также сидевшей там Засулич взять в защитники именно Александрова.

Однако, арестантка и защитник первоначально не очень понравились друг другу. Александров старался убедить Засулич, что с ее стороны на суде должны быть пущены в ход некоторые смягчающие ее положение заявления, например, что она не стремилась выстрелить в Трепова, а готова была пустить пулю мимо, так как цель ее заключалась в том, чтобы обратить общественное внимание на возмутительное распоряжение Трепова подвергнуть политического заключенного телесному наказанию. Но Вера Ивановна самым решительным образом отказывалась прибегать к таким ухищрениям для смягчения своей участи и заявила своему защитнику, что требует и от него обещания не прибегать к извращению действительности, дав ему недвусмысленно понять, что в противном случае ей придется отказаться от его защиты. Александрову пришлось сдаться: он понял, что такого человека, как Засулич, не переделаешь и в заключение он дружелюбно сказал: «Пусть будет по вашему — подумав хорошенько, я нахожу, что так даже лучше»...

Накануне суда защитник явился к подсудимой с картонкой в руках. На ее недоуменный взгляд он виновато заявил: «Извините, Вера Ивановна, это я мантильку принес».

Предусматривая все мелочи, адвокат хотел, чтобы преступница выглядела на суде элегантнее.

Рассказав мне об этом моменте, Вера Ивановна говорила: «Я промолчала, но тут же решила, что не надену ее».

Между тем Александров продолжал: «Наш народ полон предрассудков, напр., принято считать, что кто ногти грызет, тот злой человек, а у вас есть эта привычка. Пожалуйста, воздержитесь на суде, не грызите ногтей».

Как видит читатель, все подробности были им заботливо предусмотрены.

Нервная атмосфера царила 31 марта 1878 года в большом зале петербургского окружного суда. Рассказывали тогда, что перед началом заседания между новым градоначальником и Александровым произошел такой диалог:

— Что же, вы вполне готовы к защите? — спросил первый, на что будто бы Александров ответил:

— О, да, совершенно готов: уже уложил чемодан и взял заграничный паспорт.

Вот ввели подсудимую. Защитник с укором спросил:

— Вера Ивановна, а где же мантилья?

Передавая этот эпизод, Засулич говорила: «Мне стало так жалко его, что, желая его утешить, я невольно воскликнула: зато ногтей грызть не буду!. [1]).

Подробности этого памятного процесса достаточно известны: среди бурных аплодисментов председатель А. Ф. Кони об'явил Вере Ивановне, что она свободна. Однако, ей показалось это до того неправдоподобным, что, зашедши из залы суда в свою камеру, чтобы забрать свои вещи, она на всякий случай спрятала в карман стеариновый огарок и карандаш, так как предположила, что ее переведут в другую, худшую тюрьму. Но двери Дома предварительного заключения оказались открытыми, и она очутилась на улице.

Там, как известно, ожидавшая В. И. в течение целого дня огромная масса интеллигентов и рабочих устроила ей небывалую до тех пор овацию.

---

[1]) В связи с рассказом Н. И. Кулябко-Корецкого о том, как защитник В. И. Засулич — Александров старался перевоспитать свою клиентку и привить ей светские привычки, я припоминаю следующее.

Вскоре после процесса Засулич, я сидела у Любовь Ивановны Корниловой, где встретилась с Т. И. Лебедевой и А. Д. Кувшинской-Чарушиной. Зашел разговор об этом процессе, о речи Александрова и о самой героине дня. Кувшинская-Чарушина со смехом рассказывала нам, как она за несколько дней перед тем, по просьбе Александрова, в одном богатом, аристократическом доме изображала собой Веру Засулич, к полному удовлетворению гостеприимных хозяев и защитника Веры Ивановны. Кувшинская-Чарушина представляла собой, — своей внешностью, манерой одеваться, — полную противоположность героической мстительнице за попранные права человеческой личности. Высокого роста, красивая, стройная, она одевалась с большим вкусом и по моде; голос ее был мягок, манеры светские; словом, она была наделена всеми теми качествами, которые так страстно хотел видеть в Вере Засулич ее защитник. В глазах аристократии подобные качества, несомненно, усилили бы цену геройского шага и удесятерили бы славу ее защитника. Насколько помню, увлечение Верой Ивановной Засулич и ее героическим поступком сильно понизилось в аристократических кругах, когда к ним проникла печальная истина, что в Трепова стреляла некрасивая и плохо одетая нигилистка. *Р. П.*

Между прочим, она высказала мне свой взгляд на смерть Сидорацкого, противоположный распространенному в то время, а именно, что не жандармы его застрелили, а что он сам покончил с собою.

* * *

После многих бурь, разочарований, расхождений и новых увлечений настала жизнь тихая, но полная глубокого содержания и серьезных умственных занятий, между прочим, немецкою философиею, в глухой французской деревушке Морнэ.

В предыдущих записках, посвященных, главным образом, Г. В. Плеханову, я уже сообщил, что на пожертвованные мною деньги был в 1888 году издан первый социал-демократический сборник. Из этого вышел такой печальный для меня казус.

Вера Ивановна в письме к своей приятельнице Левенсон, адресованном в Берлин, рассказала историю появления этого сборника, при чем назвала меня, как лицо, давшее деньги. Левенсон относилась к письму, как к реликвии: не желая расстаться с ним, она, уезжая в Россию, зашила письмо в подушку. Пограничные жандармы распороли подушку и телеграфировали о моем аресте.

Сидя затем полтора года в одиночном заключении, я с досадой говорил себе: «Ну, и народ эти социал-демократы, — дай им деньги, они тебя в тюрьму упрячут!»

После тюрьмы пришлось отбыть еще двухлетний гласный надзор полиции, а при следующей встрече с В. И. Засулич в Женеве я сказал ей дружелюбно и ласково: «Мое горькое чувство, вызванное вашей неосторожностью, смягчалось одним соображением: ведь это удивительное письмо к Левенсон, содержавшее ненужное сообщение, писала та самая рука, которая стреляла в Трепова...»

Вера Ивановна очень смеялась, говоря мне: «Надо сознаться, что упрек вы облекли в форму весьма оригинальную».

В конце 90-х годов, а потом и в 900-х, когда рабочее движение в России стало заметно разрастаться, лица Плеханова, Засулич и их друзей прояснились; однако, как

долго пришлось им ждать этих доказательств, подтверждавших правильность их прогноза!!

В 1905 г. Вера Ивановна, наконец, вернулась легально в Россию, т.-е. через 27 лет после произведенного ею выстрела в Трепова [1]). Формально дело с этим возвращением обстояло не совсем твердо, так как оправдательный приговор был тогда же, в 1878 г., кассирован сенатом, но, повидимому, правительство считало неудобным через 27 лет вновь поднимать это дело.

Рабочие часто выбирали Веру Ивановну почетной председательницей своих собраний.

В заключение сообщу несколько эпизодов, касающихся моих встреч с Верой Ивановной Засулич, когда, покончив со своей эмиграцией, длившейся свыше четверти столетия, она жила в России.

В 1910 году в моей газете «Столичные Отклики» принимал участие престарелый Г. К. Градовский. В свое время, т.-е. 30 лет раньше, это был блестящий фельетонист, которым гордилась тогда крупнейшая из русских газет «Голос».

Вспоминая старину, Градовский неоднократно говорил мне о своем фельетоне, в котором он первый после выстрела Засулич в Трепова выступил на ее защиту.

Дело в том, что после революционной «идиллии» («хождения в народ»), выстрел Засулич, как известно, явился первым грозным предостережением для правящих сфер, — своего рода memento mori, и пишущая братия не сразу догадалась, какой тон надо взять в этом деле.

Фельетон Градовского, несомненно, обнаруживал его мужество, с чем товарищи поздравляли его. Кончилось тем, что он стал несколько переоценивать значение своего поступка, искренно полагая, будто он имел большое влияние на судьбу Засулич.

В конце упомянутого 1910 года в Петербургском Литературном Обществе справлялись поминки по С. Н. Южакове.

Вечер вышел скучный, но народу было много. Когда Русанов монотонно читал доклад, в залу вошла Вера Ивановна и растерянно остановилась в среднем проходе между

[1]) Как известно, до этого своего *окончательного* возвращения, она два раза — в 1879 и в 1899 г.г. — приезжала нелегально в Петербург. *Л. Д.*

стульями: не было ни одного свободного места. Из нескольких сот находившихся там интеллигентов человек 50 знали ее в лицо, а остальные могли и не догадываться о присутствии знаменитости. Войди Вера Ивановна в переполненный зал лет тридцать назад, все поднялись бы ей навстречу.

С сердечной болью вспоминаю слова украинского поэта:

«Ой, высоко солнце ходе,
Нызенько заходе...».

Наконец, одна из присутствовавших дам, узнав Веру Ивановну, поспешила уступить ей свой стул.

Когда доклад Русанова кончился, я подошел к Засулич и сказал: «Здесь Г. К. Градовский; он давно хочет познакомиться с вами». Вера Ивановна довольно безразлично согласилась.

Мы очень уютно устроились в одной из боковых комнат, но тут произошла сцена, наполовину тягостная, наполовину комическая.

Знаменитый фельетонист, человек очень воспитанный и деликатный, не выдавая волновавших его чувств, вероятно ждал, что собеседница выразит ему благодарность за его фельетон, который казался ему, за отсутствием других «смелых актов», делом почти вчерашнего дня. Между тем, Вера Ивановна, которая, может быть, и не читала этого знаменитого фельетона, так как в то время находилась в Доме предварительного заключения, будучи к тому же отделенной от тех событий тридцатью двумя годами чрезвычайно деятельной жизни, нисколько не была расположена останавливаться на столь незначительном, в сущности, факте, как фельетон.

Желая разбить лед, я мимоходом сказал: «А мы с Григорием Константиновичем еще недавно вспоминали его фельетон, посвященный вашему делу в 1878 году».

Вера Ивановна улыбнулась и не без ехидства заметила: «Это только доказывает, что у вас хорошая память».

Градовский ушел очень раздосадованный. Этим новое знакомство его и окончилось.

Еще один анекдот, содержание которого несколько примыкает к рассказанному эпизоду. Он характерен, но предупреждаю, что я не ручаюсь за его достоверность.

Однажды защитник Веры Ивановны—Александров, после, быть может, хорошего ужина, когда речь зашла об его клиентке, воскликнул: «Да что такое Засулич? Ведь, в сущности, это я ее создал». (Он намекал на впечатление, произведенное его речью.)

На это один из собеседников возразил: «Извините, но мне кажется — наоборот, что она вас создала».

В 1914 году в Петербурге существовало одно нелепое общество, членами которого состояли генералы и дворники, лавочники и придворные, рабочие и члены государственной думы... Там творилась невообразимая чепуха.

В 1916 году меня тоже внесли в список членов, и почти немедленно вслед за тем я был выбран в председатели отдела пропаганды, после чего архиреакционное общество с необыкновенной быстротой превратилось в резко оппозиционное: таково было революционизирующее влияние того исторического момента.

На наших заседаниях стали появляться шлиссельбуржцы и ссыльные — Лопатин, Панкратов, Майнов. Последние двое вступили в число членов. Дошло до резолюций с требованиями от царя амнистии по политическим делам, ответственного министерства, предания суду министра Протопопова, и эти резолюции попадали в газеты.

Вступило в это общество, на-ряду с несколькими сотнями офицеров, много тысяч рабочих из петербургских заводов.

Когда в конце декабря возник вопрос, как праздновать новый год, при чем кто-то указал, что в предшествовавшем году служили молебен, я предложил почтить в эту ночь оставшихся в живых революционеров, при этом я назвал Засулич, Фигнер и др.

Раздались бурные аплодисменты.

При встрече нового года, в переполненном зале Общества рядом с председателем сидели: Засулич, Фигнер, Лопатин, Новорусский, Лукашевич, Пругавин и другие.

Но, приняв приглашение, они все поставили условием, чтобы им не делали никаких оваций и по возможности не называли их. Это очень мертвило наш праздник.

Произносились речи, в которых ораторы осторожно касались запретной темы, т.-е. наших дорогих гостей, но один из них не совсем удачно заявил: «Мы счастливы, так как среди нас сегодня находятся тени прошлого». Это прошло незаметно.

Заседание кончилось. Подвигая за ужином какое-то блюдо Вере Ивановне, я сказал: — «Не угодно ли вам?» — «Как! — громко спросила она, — разве нам тоже полагается есть?» — «Почему же нет?» сразу произнесли некоторые с удивлением.

— Да, ведь, нам только что было громогласно заявлено, что мы — тени прошлого! При этом она засмеялась закатисто, а за нею многие другие.

* * *

Уже нет в живых Засулич, Лопатина, Плеханова, Кропоткина, — этих стойких борцов, всю долгую жизнь свою отдавших защите интересов трудящихся масс. Но будем надеяться, что последние не забудут их.

Р. М. ПЛЕХАНОВА

СТРАНИЦА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЗАСУЛИЧ

История покушения В. И. Засулич, так живо переданная здесь Н. И. Кулябко-Корецким, вызвала во мне рой воспоминаний о первых шагах моего революционного сознания, о том влиянии, которое имел поступок героической девушки на современную молодежь и о первой моей встрече с В. И. Засулич.

Дама, энергично расталкивавшая толпу, чтобы пробраться к «преступнице», была наша начальница высших женских медицинских курсов, генеральша Ермолова. Помню живо, как, вернувшись из дома градоначальника Трепова, она, вся раскрасневшаяся от волнения, рассказывала окружавшим ее надзирательницам и слушательницам наших курсов о виденном и слышанном ею по поводу взволновавшего в то время весь Петербург, а затем и весь мир события.

— Вы не можете себе представить, — говорила торопясь наша начальница, — в какой я пришла ужас, когда меня вызвали в дом градоначальника, чтобы убедиться, не узнаю ли я в преступнице студентку наших медицинских курсов! Никогда в жизни я так не волновалась: если бы, действительно, эта девушка оказалась студенткой медицинских курсов, то школе нашей наступил бы конец, — ее немедленно закрыли бы, так как ее положение и без того шаткое. Но, слава богу, она оказалась не нашей.

Этот рассказ сильно разочаровал многих из нас, слушавших ее: нам было жалко, что самоотверженная девушка, отомстившая бесстыдному временщику за оскорбление товарища, вышла не из нашей среды. То, что сделала эта героиня,

за что она отдала в жертву свою молодую жизнь, было нам очень близко и дорого.

Помню, что известие о надругательстве над бывшим студентом Боголюбовым дошло до меня в имении отца, где я проводила свои каникулы: я вычитала его из газет, в которых об истязаниях Боголюбова сообщалось глухо.

Прошло с тех пор много лет, но я живо представляю смешанное чувство обиды, стыда, гнева и сознания, что этот факт неотомщенным остаться не должен. Я смутно чувствовала, что жизнь потеряет всякую ценность. Долго я не могла успокоиться. Думаю, то же самое испытывали многие из моих сверстниц и сверстников. Не только мы, молодежь, были под гнетом этого чувства, — все русское общество сознавало, что, если оно оставит это неслыханное глумление над личностью неотомщенным, печать презрения ляжет на нем на долгие годы.

Выстрел Засулич снял с нас, молодежи и русского общества, это бремя. Наша благодарность и поклонение перед этой героической девушкой были беспредельны. Мы считали ее счастливейшим человеком в мире, и каждый из нас желал бы быть на ее месте. Мы чувствовали, что заботы начальницы о целости курсов очень мизерны по сравнению с тем великим подвигом, на который решилась незнакомая нам, но дорогая девушка.

Три месяца спустя, в том же коридоре, где сообщила нам генеральша Ермолова о «преступнице», я читала вслух собравшимся вокруг меня подругам по курсам упомянутый в статье Кулябко-Корецкого знаменитый фельетон Градовского о процессе Засулич. Голос мой был взволнован, а глаза моих товарок горели радостью и энтузиазмом, когда я дошла до того удачного незабвенного места фельетона, где талантливый сотрудник «Голоса» сообщал об охватившей его иллюзии: ему вообразилось, что на скамье подсудимых сидят представители самодержавия и русского общества, не нашедшего в себе гражданского мужества, чтоб так или иначе заикнуться о поступке наглого временщика, а на месте судей сидит молодая, скромная, самоотверженная девушка не в качестве обвиняемой, а как неумолимый судья. Роли переменились [1]).

[1]) Цитирую на память за неимением оригинала.

Впечатление, произведенное на меня героическим актом Веры Ивановны Засулич, было до того сильно, что меня охватила неотвязная мечта увидеть ее и выразить ей свои чувства восхищения и любви. На суд 31 марта 1878 г. мне попасть не удалось, так как зал был переполнен, когда я туда явилась, введенная известным в конце 70-х г.г. своим радикальным образом мыслей и неоцененными услугами, оказанными революционерам, судебным приставом Семевским.

Фотографическая карточка Засулич мне тоже не попадалась. Таким образом, я не имела представления о ее внешности, и только воображение рисовало мне те или другие образы идеального характера.

Прошло несколько месяцев. Однажды на студенческую квартиру, где я жила со своими товарками, явился ко мне мой знакомый землеволец Александр Хотинский с неизвестной дамой, которую он мне представил. Это была Мария Александровна Коленкина. Здороваясь со мной, она сказала: «А мы ведь с вами уже знакомы». На выраженное мною удивление она прибавила: «Помните, в Харькове на вокзале летом 1876 г.? Я с Дейчем сопровождала Веру Ивановну Засулич».

Слушая это сообщение, я действительно вспомнила эту встречу и пришла в такой неимоверный восторг от сознания, что лично давно уже знаю Веру Засулич, что, оставив гостей, вбежала в соседнюю комнату к своим товаркам с восторженным криком: «Я знаю Веру Засулич», и тут же расплакалась: это были слезы невыразимой словами радости.

В моей памяти воскресла вся картина встречи с тремя выдающимися представителями нашего революционного движения: Львом Григорьевичем Дейчем, Верой Ивановной Засулич и Марьей Александровной Коленкиной.

В жаркий августовский день наш поезд, пришедший с юга, стоял у харьковского вокзала. Я с моей приятельницей Теофилией Васильевной Полляк, высунувшись в окно, смотрели на проходивших по платформе, когда увидели приблизившихся к нам трех лиц: молодого, высокого, стройного юношу, поразившего меня своей изящной, красивой внешностью, бледным интеллигентным тонким лицом, сколько мне помнится, одетого в светлый костюм. Рядом с ним шли две молодые женщины: одна миловидная, довольно изящно одетая, ничем особенным не бросавшаяся в глаза, другая, наоборот, сразу поразила меня своей внешностью, манерами, тоном, она энергично размахивала руками и говорила громким голосом.

Приблизившись к нашему окну, стройный юноша заговорил по-дружески, как старый хороший знакомый, с моей подругой Полляк. После первых приветствий он отрекомендовал своих спутниц и попросил нас принять в нашу компанию сразу поразившую меня молодую женщину. Ее он, помнится, назвал Верой Ивановой и сказал, что она едет к родным в Москву.

Мы с удовольствием и с живым любопытством приняли в свою среду оригинальную путешественницу, предоставив ей место около нас. Затем, после свистка стройный юноша с интересным лицом и его спутница, горячо распростившись с Верой Ивановой, а также с нами, удалились.

От Теофилии Полляк я узнала, что юношу зовут Львом Дейчем, что он уже известный революционер, пользующийся популярностью в Киеве среди тамошней учащейся молодежи. Она хорошо знала всю его семью, так как, будучи гимназисткой, была подругой его сестер и жила у них некоторое время.

Когда я рассмотрела нашу новую спутницу, меня в ней все поразило. Как я уже сказала, во-первых, костюм — она носила серое платье неопределенной формы. Кажется, что описать последнее можно следующим образом: кусок полотна известного размера, в центре которого вырезана была дыра для головы, а по бокам находились две дыры для рукавов, куда были вставлены последние, бесформенные, неуклюжие. Этот кусок полотна, накинутый на нашу новую знакомую, поддерживался узким пояском, а края его висели, развеваясь во все стороны. На голове было что-то похожее не на шляпу, а скорее на пирог из скомканной серой материи. На ногах — неуклюжая широкая обувь собственного изделия ее обладательницы, как она нам позже об'яснила. Все это дополнялось тем, что кармана в балахоне не было, и наша оригинальная спутница, чтоб достать носовой платок, подняв край балахона, начинала рыться в туго набитом кармане нижней юбки.

С нескрываемым любопытством смотрели мы на Веру Иванову, и удивление наше все росло. Чтоб понять всю степень его, не мешает сказать, что представляли в это время мы, юные студентки-барышни, еще находившиеся под материнским крылом, далеко еще не порвавшие с прошлым. Мы еще эгоистически пользовались привилегиями зажиточной среды, из которой, в особенности я, выходили. За лето мы отдохнули от учебного года, поправились. Чемоданы были наполнены бельем, платьем, всем, что нужно, чтоб не терпеть лишений в течение предстоящего учебного года. Возвращаясь домой после экзаменов весной на каникулы, я почти совсем не привозила вещей, так как наделяла ими подруг нашей студенческой коммуны. Удивляясь этому опустошению, мать моя вновь терпеливо наполняла чемоданы всем нужным ко времени моего от'езда.

Неудивительно поэтому, что крайний нигилизм Веры Ивановой произвел на меня сильнейшее впечатление: я увидела, что передо мной существо особое, не от мира сего; я начала присматриваться к ее лицу. Вся фигура Веры Ивановой была неуклюжа, громоздка, но это впечатление вызывал ее необыкновенный балахон. Лицо же ее, хотя и неправильное с широким точно приплюснутым носом, было чрезвычайно симпатично. Глаза ее искрились умом и добродушной легкой насмешкой. По мере того, как я вслушивалась в слова и рассказы нашей новой приятельницы, я все больше и больше поддавалась обаянию и очарованию ее личности.

Прежде всего Вера Иванова проявила к нам, юницам, безграничную доброту; она все боялась стеснить нас; заботилась о нашем покое, клала наши головы на свои колени. В особенности эту нежность она проявляла по отношению ко мне, вероятно, потому, что я была наиболее молодая среди своих товарок. Не знаю почему, но никогда я не испытывала такого счастливого чувства от ласки даже материнской, как в этот раз. Лицо нашего нового друга при этом принимало необыкновенно доброе выражение; улыбка делалась обворожительной.

Но что было еще более поразительно — это ее рассказы из жизни революционеров: о хождении в народ, о людях, полных самоотверженности, посвятивших жизнь великому делу свободы и любви к народу, об их страданиях в тюрьмах, на каторге и в сибирской ссылке. Это были картины из еще сказочного для нас, но глубоко интересовавшего нас мира. Наш новый друг сам, повидимому, переживал период революционного энтузиазма, и это чувство передавалось нам.

Так провели мы незабвенных два дня, пока доехали до Москвы. Там на вокзале Вера Иванова с нами простилась, сказав, что ей очень не хочется итти к генералу, какому-то своему родственнику, но по каким-то соображениям она должна была это сделать. Опять удивление: генерал и эта чудная женщина, одетая в фантастический костюм собственного изделия! Как-то не связывались эти два образа.

С грустью я рассталась с этой обаятельной женщиной: я чувствовала, что зародившаяся во мне к ней привязанность была одна из тех, которые, раз явившись, остаются на всю жизнь.

После этого я встречала Веру Иванову несколько раз в Петербурге на политических сходках. Она всегда радовалась встрече со мной и была неизменно ласкова. Сколько мне помнится, она даже дала свой адрес, по которому можно было ее отыскать, но я ее не разыскивала. Об'ясняю это чувством робости, которое охватило меня в присутствии этой женщины, и сознанием той нравственной высоты, на которой она стояла: мне казалось, что я слишком маленький человек по сравнению с ней.

Из изложенного, полагаю, читатель поймет тот восторг, который охватил меня, когда я узнала от Коленкиной, что Вера Иванова, поразившая меня своей нигилистической внешностью и своим высоконравственным обликом, и Вера Ивановна Засулич одно и то же лицо.

Позже, в эмиграции, когда Вера Ивановна сделалась нам всем, т.-е. всей моей семье, очень близкой, чувство привязанности к ней и преклонения перед ней не только не убавилось, а все больше и больше укреплялось.

М. КАМЕНСКАЯ

ЖИЗНЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА В КОНЦЕ 80-х г.г. [1])

Печатаемые в этом Сборнике письма Г. В. Плеханова к В. И. Засулич вызвали во мне рой воспоминаний. Письма эти касаются одного из самых тяжелых, но вместе с тем и самых славных периодов жизни и деятельности этих двух членов группы «Осв. Тр.».

Плеханов был в то время уже тяжко болен. После длившегося около двух месяцев острого процесса, подвергшего его жизнь большой опасности, врачи отправили его сперва в Лейзен, потом в Давос, а затем в другие места Швейцарии. Денег на лечение не было у Плеханова. Он был обременен заботами о семье. Ко всему этому присоединились преследования женевской полиции, которая, боясь влияния Плеханова на молодое швейцарское рабочее движение, с одной стороны, и под давлением царского правительства — с другой, хотела во что бы то ни стало выжить из пределов швейцарской федерации Плеханова с семьей.

Бедствовала и Вера Ивановна Засулич, которой швейцарская полиция также не давала жить. Она вынуждена была оставить Женеву, где она приютилась у доброй швейцарки, которая прониклась такой беспредельной симпатией к своей оригинальной жилице, что не только не тревожила ее с платой за квартиру, но в деликатной форме еще сама приносила ей то или иное блюдо со своего стола и т. д.

Теснимая полицией, Вера Ивановна вынуждена была покинуть Женеву и отправиться во Францию. Но при всех этих невзгодах дух у этих людей был силен. Их поддерживала вера в их историческое предназначение, вера в то, что они делают великое дело и выйдут победителями, несмотря на преграждавшие их путь препятствия: болезни, голод, вечные заботы о судьбе близких и окружавшую их человеческую злобу и клевету.

[1]) Мария Каменская — очень близкий друг Р. М. Плехановой. *Ред.*

Это было в период, когда женевская эмиграция, за малым исключением, питала непримиримую вражду к социал-демократам и группе «Осв. Тр.», когда старый Н. И. Жуковский кричал повсюду: «Самим есть нечего, а создают группы!» Наиболее несуразная сплетня на любого из членов группы «Осв. Тр.» или их близких вызывала интерес — к ней прислушивались, она передавалась из уст в уста и, благодаря благоприятной среде для ее развития, принимала чудовищный характер.

В такой удушливой атмосфере приходилось жить и действовать членам этой группы. Но избранники судьбы, Плеханов и Засулич, шли своей дорогой.

Подозрительно покашливать Г. В. начал еще в 1883 году, но, чрезвычайно поглощенный своими литературными работами, — он в это время писал свою брошюру «Социализм и Политическая Борьба», вел переговоры с народовольцами, занимался устной пропагандой марксизма, — Г. В. о докторах и лечении слышать не хотел. Больших усилий стоило Розалии Марковне повести его к тогдашней женевской знаменитости — профессору Цану. Выслушав его, последний не нашел ничего серьезного, — запретил курить, посоветовал быть побольше на воздухе, хорошо питаться и наведываться к нему от времени до времени. Будь Г. В. тогда поставлен в благоприятные условия относительно питания и нормального отдыха, этот начальный процесс был бы остановлен, но Плеханов принадлежал к тому разряду людей, для которых дело выше жизни. Кроме того, обставить его даже мало-мальски благоприятно не было никакой возможности: ни у Плеханова, ни у Розалии Марковны не было никаких источников для существования. Получки Розалией Марковной от родителей по 50 руб. в месяц, длившиеся в течение первых двух лет эмиграции, давно прекратились. Вместо этих получек, являвшихся некоторой подмогой для семьи Плеханова, Розалией Марковной было вдруг получено отцовское проклятие и письмо, переполненное упре-

ками за то, что она отступила от своего народа и религии, променяла родных на христианина [1]) и т. д. Все вместе — болезнь Плеханова, отцовское проклятие и прекращение всяких материальных ресурсов — произошло одновременно, т.-е. в 1883 г. Несмотря на усиленные поиски работы, Розалия Марковна постоянного заработка не могла найти, и лишь изредка попадалась ей переписка и уход за какой-нибудь больной, но от последнего занятия она должна была отказаться, так как с июля месяца того же года на ее руках находился грудной ребенок, почему отрываться от него по ночам она не могла.

Тогда же она энергично принялась за повторение медицины в надежде скоро окончить факультет, чтобы своей практикой вывести семью из безвыходного положения. Но пока что, надо было жить, кормиться. Революционные дела, литературная, пропагандистская и агитационная работы поглощали Г. В. настолько, что взяться за заработок для личного существования не было у него возможности. Ему предлагали корреспондировать в одну из больших либеральных газет; он написал одну или две статьи для всемирного географического словаря Элизе Реклю. Но Р. М. решительно восстала против закабаления Г. В. на такие занятия как из опасения переутомления его, так и распыления его сил, что она называла «разменом на пятачки»: «Это было бы гибелью для него, как революционного деятеля и писателя, — говорила она, — как-нибудь извернемся!»

Задалживались у швейцарских лавочников, — у молочника, мясника, булочника: в то старое время все эти добрые люди относились с большим доверием к русским политическим эмигрантам. Как только, бывало, перепадет какая-нибудь кроха Плеханову из небольших в ту эпоху, крайне тощих сумм, пожертвованных или вырученных с рефератов того же Г. В., с вечеринки, устроенной в пользу революционной литературы, — эти франки тотчас же относились кредиторам, и опять начиналась жизнь в долг. Ангелом-хранителем семьи Плеханова явилась в то время их прислуга, — семнадцатилетняя девушка полусавоярка-полуитальянка Филамена Боссети, которая сильно привязалась к Р. М. и Г. В. и полюбила нежной, материнской любовью их малюток: Лиду и Женю. Последняя родилась при ней, она нянчила ее, когда Р. М., между двумя кормлениями, бегала в медицинскую школу, чтоб поработать в анатомическом театре, где она готовилась к практическому экзамену по анатомии. Сергей Михайлович Кравчинский говорил: «не Филамен надо называть эту необыкновенную девушку, а Феномен». Она очень любила нашу молодую революционную братию, особенной ее симпатией пользовались Г. В. Плеханов и Л. Г. Дейч. Когда последнего арестовали в Фрейбурге в 1884 г., а затем отправили на каторгу, Филамен пришла в неописуемый гнев и крикнула: «oh, si j'étais russe, j'aurais poignardé votre sale tzare» [1]). Много пережила эта замечательная женщина; в течение всей своей жизни она была одним из лучших друзей семьи Плехановых; скончалась она в 1924 г.

В 1886 г. Р. М. опасно заболела; едва она оправилась, заболели тифом дети. Материальное положение семьи вследствие этого еще более ухудшилось; тогда Г. В. решил уехать в Кларан, где проживали богатые русские вояжеры, чтобы там достать уроки. Действительно, ему удалось устроиться учителем русской литературы в школе для русских мальчиков Парше—швейцарца, долго жившего в России, а также раздобыть еще хороший урок в одной русской семье.

Зарабатывая таким тяжелым трудом 200 франков (80 р.) в месяц, он на себя тратил совершеннейшие пустяки, а три четверти заработка отправлял семье. К несчастью, Розалия Марковна слишком поздно узнала о том, как жил и питался Г. В.: он скрывал от нее истину, уверяя ее, что живет прекрасно. Между тем, в действительности, стремясь как можно меньше тратить на себя, он устроился у какого-то мясника, который за скромную плату в 40 фр. в месяц (16 р.) за пол-

[1]) Позже отец Р. М., Марк Соломонович Боград, человек чрезвычайно добрый и гуманный, очень сожалел об этом шаге и полюбил заочно ее семью. Носил на груди карточку ее детей и никогда не расставался с ней, но все-таки оставался тверд до 1908 года. В этом году Р. М. получила первое, после 23 лет молчания, письмо в примирительном духе.

[1]) «О, если бы я была русской, я заколола бы вашего подлого царя!»

ный пансион кормил его неизменными супами из вареного мяса, но выгодно утилизируемые, таким образом, мясником негодные остатки давали крайне негигиеничную и скудную пищу, мало-по-малу подрывавшую слабый организм Г. В.: достаточно было малейшей искры, чтобы вспыхнуло пламя.

Раннею весной, в начале апреля 1887 г. Георгий Валентинович, отправившись из Кларана на пароходе по Женевскому озеру, чтоб провести воскресный день в семье, как он это делал почти в течение всего своего пребывания в Кларане, простудился. Почувствовав сильную боль в левой стороне груди, он, однако, не обратился сейчас к Розалии Марковне, думая, что это «пустяк», и он слег в постель только через несколько дней, когда температура достигла 40°. В течение шести недель Плеханов оставался между жизнью и смертью. Острый туберкулез принял чрезвычайно опасную форму, и врачи, женевские знаменитости, любезно отозвавшиеся на приглашение и тревогу Розалии Марковны, кончавшей тогда медицинский факультет, признали галопирующую форму туберкулеза. Скрыв это от Розалии Марковны, они заявили близким друзьям, — Вере Ивановне и студенту Иоффе [1]), — что дни Плеханова сочтены: он проживет самое большее 2—3 месяца.

Тридцать лет спустя, зимой 1918 г., находясь в санатории в Питкиярви в Финляндии, Г. В., оторванный от родины и друзей, имея около себя одну только Розалию Марковну, когда она, видя его страдания, успокаивала его, — сказал ей: «хотя вы все, и ты, и доктор, и Лев Григорьевич спокойны, но я чувствую, что умираю; между тем в 1887 году, когда я на ваших лицах прочел приговор врачей, я, наоборот, всеми фибрами души ощущал, что буду жить».

Действительно, к чрезвычайному изумлению знаменитых врачей, он тогда поправился. Когда осенью 1887 г. он вместе с Розалией Марковной вошел в кабинет одного из лечивших его врачей, тот с крайним изумлением вскрикнул: «Это вы, Плеханов? Вы положительно являетесь ко мне с того света!»

---

[1]) См. примечание в конце.

Удивительная способность организма Плеханова к борьбе с болезнью выработалась у него, благодаря жизни в деревне в детстве, а также физическим упражнениям дома, в военной гимназии и в юнкерском училище.

Едва оправившегося, но все еще очень больного, Плеханова перевезли в карете из окрестностей Женевы (Bois de la Bâtie), где разыгралась описанная трагедия, в маленькую савойскую деревушку Морнэ на швейцарско-французской границе, в долине между Большим и Малым Салевами. Его сопровождала Вера Ивановна Засулич, так как Розалия Марковна была задержана заботами о малолетних детях и своим докторским экзаменом. В уходе за больным Плехановым Вера Ивановна проявила столько любви, нежности, аккуратности и уменья, что можно, нисколько не преувеличивая, сказать — благодаря ее самоотверженности, была спасена жизнь Г. В.: она была ему матерью, сестрой, другом; готовила для него кефир, который удавался на славу, чем она очень гордилась, читала ему вслух, писала под его диктовку и пр.

Не вполне еще оправившись, Плеханов продолжал работать. — Розалия Марковна помнит, что, несмотря на запрещение врачей, с температурой 39°, он поднимался с постели и принимался за работу.

1886 и 1887 гг., несмотря на болезнь Плеханова и тяжелую борьбу за существование, были одними из наиболее плодотворных лет его литературной деятельности. Достаточно заглянуть на 18 и 19 страницы прекрасного «Опыта библиографии» т. В. Ваганяна, чтоб убедиться в справедливости моих слов.

Из писем Г. В. от того времени видно, как, едва оправившись, он весной спустился с высот Лейзена и Давоса в Морнэ, где приступил к выпуску 1 Сборника «Социал-демократа», который почти целиком был им написан.

Забота о плате наборщикам типографии прибавилась к хлопотам «выкупить» Веру Ивановну из пансиона в Кларане, в котором она застряла за отсутствием денег на расплату с хозяином и где она очень томилась, спеша в Морнэ на помощь к Плеханову. Ко всему этому прибавилась новая беда: Вера Ивановна сама заболела, вследствие чрезмерного труда, забот и материальных лишений: как и Плеха-

нов, она заболела легкими, но в менее тяжелой форме. Розалия Марковна припоминает, что Вера Ивановна в первый раз сильно заболела в 1891 году, но, как и Плеханов, она не любила лечиться; как и для него, для нее тоже болезнь являлась лишь неприятной помехой делу. Несмотря на протесты Розалии Марковны, Вера Ивановна, полежав дня два, снова села за письменный стол. На замечание Розалии Марковны, что она поступает безумно, что она может дорого заплатить за свою неосторожность, Вера Ивановна ответила: «ну что температура? Я даже лучше себя чувствую при высокой температуре. По моему, человек, имеющий менее 38°, не — человек. Я буду часто пить «рыженькое лекарство», и все пройдет». Рыженьким лекарством Вера Ивановна называла одно, удачно составленное и прописанное ей Розалией Марковной отхаркивающее, которое смягчало Вере Ивановне и Георгию Валентиновичу кашель и уменьшало боль в груди.

С рецептом этого «рыженького лекарства», как с талисманом, не расставались ни Вера Ивановна ни Георгий Валентинович: где бы они ни были, в какую бы часть Европы они ни отправлялись по своим или общественным делам, они брали с собой рецепт «рыженького лекарства», и горе, если вдруг оказывалось, что «талисман» почему-либо был забыт дома, — немедленно Розалии Марковне летели послания о высылке чудодейственной бумажки.

Когда представляешь себе теперь духовное, а также физическое горение этих необыкновенных людей, то думаешь, что каждому человеку, ценящему социалистический идеал и борьбу за него, их имена, как и нам, близким им лицам, должны быть бесконечно дороги.

Из этого краткого наброска читатель видит, при каких тяжелых условиях, — материальных лишениях, преследованиях и физических страданиях, закладывались первые камни будущего прекрасного и могущественного здания соц.-дем. и коммунистической партий, — здания освобождения русского пролетариата и крестьянства от тяготевшего на них векового гнета. До последнего времени неимоверно тяжелая борьба, которую пришлось вынести членам группы «Освобождение Труда» в первые годы ее усилий создать марксистское движение в России, были почти совершенно неизвестны широкой пролетарской и интеллигентной публике.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Гилель Иоффе, товарищ Р. М. по факультету и близкий друг семьи Плеханова, в это время молодой человек, лет 22-х, и один из наиболее блестящих студентов Женевского университета, принадлежал к небольшой группе русской, учащейся в Швейцарии, молодежи, которая ютилась около эмиграции. Эта группа лиц целиком находилась под ее идейным влиянием и готовилась к общественной деятельности на родине. Иоффе пользовался любовью и уважением своих товарищей, благодаря талантливости, честности, искренности и необыкновенной сердечной чуткости. Не будучи соц.-дем., он глубоко сочувствовал русскому революционному движению. Позже описываемого здесь времени, он увлекся, под влиянием известного оратора Вейцмана, сионистским движением, отошел от русского движения и сделался фанатическим поборником д-ра Герцля. Одним из первых Иоффе уехал в Палестину, где, как талантливый окулист и общественный деятель, был окружен уважением и любовью. Он умер еще молодым человеком от туберкулеза легких, не успев дать своему народу всего того, на что был способен.

К семье Плеханова он был чрезвычайно привязан, заботился о ее материальном положении, ухаживал за малютками Плеханова во время тяжкой болезни — тифозной горячки, которую схватили они, когда одной девочке было 4 года, а второй 2 года.

Л. ДЕЙЧ

Я. В. СТЕФАНОВИЧ СРЕДИ НАРОДОВОЛЬЦЕВ

(воспоминания)

I.

Незадолго до 1 марта 1881 года Яков Васильевич Стефанович, живя вместе со мною в Женеве, выпустил брошюру под заглавием «Злоба дня», или «Дружее послание», в которой он в товарищеском тоне указывал на некоторые промахи и ошибки господствовавшей тогда у нас партии «Народная Воля». Когда Степняк-Кравчинский прочел ее, он, помню, при встрече спросил меня:

— Разве Дмитро [1]) решил вернуться в Россию?

— Из чего ты это заключил? — в свою очередь спросил я, изумившись его догадливости, так как мы со Стефановичем действительно решили возвратиться в Россию с тем, чтобы примкнуть к «Народной Воле».

— Потому, что только при таком намерении, — ответил он, — Дмитро мог бы опубликовать такую брошюру как ввиду ее содержания, так и ее тона.

Я подтвердил его предположение.

С тех пор прошло более сорока лет, и брошюру «Дружее послание» нигде нельзя теперь достать, почему я лишен возможности цитатами из нее показать, что еще перед возвращением на родину и, следовательно, до присоединения к «Народной Воле», Стефанович, как и я, не только не скрыл, но, наоборот, заранее *печатно* сообщил о некоторых своих разногласиях с действовавшей в России партией.

[1]) Такова была революционная кличка Стефановича.

Напомню здесь, в общих чертах, об условиях, при которых произошло его присоединение к «Народной Воле».

Как известно, за год с чем-то до описываемого мною здесь времени Стефанович вместе со мною, В. И. Засулич и Г. В. Плехановым эмигрировал за границу в качестве «чернопередельца», следовательно, противника партии «Народная Воля» — ее программы и практической деятельности. Но жизнь в эмиграции, знакомство с западно-европейскими политическими условиями и тамошней социалистической литературой убедили всех нас — одних раньше, других позже — в том, что задачи и стремления наших политических противников вовсе уже не так ошибочны и вредны для судеб нашей родины, как мы думали при от'езде из России. Не переставая считать некоторые тактические приемы и практические планы народовольцев ошибочными, неправильными, мы, тем не менее, стали признавать политическую свободу, к завоеванию которой стремилась эта партия, не только не вредной, но, наоборот, настоятельно необходимой для дальнейшего развития нашей страны.



Я. В. Стефанович в юности (в 1878 г.)

Пришедши к такому заключению, Стефанович и я решили *на известных условиях*, т.-е. сообща с другими единомышленниками, присоединиться к «Народной Воле». И мы стали склонять своих товарищей-чернопередельцев сделать это совместно с нами. Ту же цель преследовала и выпущенная им, — конечно, с моего ведома и согласия, — упомянутая брошюра

«Дружее послание». Насколько могу теперь припомнить, в ней ясно указывались пункты нашего согласия и несогласия с народовольцами, а именно — необходимость вести более широкую пропаганду среди трудящихся масс, издавать для этого популярную литературу, а также журнал за границей и пр.

Правильно поняли эту брошюру не только С. М. Кравчинский, но также и действовавшие в России члены «Народной Воли»: Софья Перовская, с которой мы переписывались, по прочтении названной брошюры, пересланной нами народовольцам, немедленно после ее выхода в свет, помню, написала, — конечно, с ведома Желябова и др.: — «чем указывать на наши ошибки из прекрасного далека, приезжайте лучше сюда скорее работать вместе с нами». Ручаюсь, понятно, только за смысл ее письма.

Мы решили, что, в виду отсутствия средств для двоих, вернется на родину сперва один лишь Стефанович. Затем, чтобы склонить к присоединению и некоторых из заграничных наших товарищей, Стефанович, вскоре после убийства Александра II, отправился из Женевы в Париж для переговоров с проживавшими в то время там эмигрантами. И, действительно, некоторые из них — Лев Бух, Преферанский, Луцкий, Битмит, д-р Россель-Судзиловский и другие — выразили готовность вернуться в Россию, чтобы работать с народовольцами, если они будут снабжены необходимыми для этого средствами, документами и пр. Стефанович вел также там переговоры с Г. В. Плехановым и П. Л. Лавровым, убеждая их дать принципиальное согласие участвовать в литературных изданиях народовольцев на тот случай, если последние обратятся к ним с таким предложением; как я выше упомянул, он уже тогда задумал основать за границей журнал, что, как известно, два года спустя осуществилось.

Главным образом эти переговоры задержали возвращение Стефановича на несколько месяцев. При этом мы с ним условились, что я последую за ним после того, как он, осмотревшись в России, позовет меня туда и пришлет все для этого необходимое.

Что Стефанович и я без всяких задних целей решили соединиться с народовольцами, доказательством этому может отчасти служить еще и следующее свидетельство Г. В. Плеханова.

После свидания с нами в Женеве, по приезде туда из Парижа, он сообщил Лаврову о впечатлении в письме к нему от 31 октября 1881 г. в таких выражениях:

«Настроение моих женевских товарищей, — писал он там, — не особенно радует меня. Оно может быть формулировано словами: «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуемся сколько возможно». История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто недавно еще был принципиальным противником последней» [1]).

Таково вполне об'ективное свидетельство человека, бывшего в то время еще ярым *противником* нашего со Стефановичем намерения соединиться с «Народной Волей». Нам много и долго пришлось тогда спорить с Плехановым, чтобы склонить его к совместной с народовольцами литературной деятельности. Может ли после этого остаться у здравомыслящего и беспристрастного читателя сомнение в том, что мы действовали без всяких скрытых намерений.

В мою задачу не входит дать в настоящем небольшом очерке исчерпывающее изложение всей деятельности моего покойного друга среди народовольцев. Я ограничусь здесь лишь кратким перечнем некоторых, наиболее существенных, попыток и предприятий, в которых Стефанович принял активное участие или явился их инициатором.

* * *

Ввиду нашего желания, как я уже упомянул, чтобы и другие, недавние противники террористов, стали работать с последними, Стефанович, по возвращении в Россию, попытался привлечь к ним уцелевшие там остатки «Черного Передела» и, вообще, так называемых «старых народников». Однако, большого успеха на этом поприще он не имел: лишь немногие из прежних наших единомышленников изменили свои взгляды насчет политической борьбы и террора, и только А. Буланов с женой Ольгой Трубниковой вошли в «Народную Волю» [2]).

[1]) См. «Письма Плеханова к Лаврову», журн. «Дела и Дни», № 2, а также мою брошюру «Г. В. Плеханов», стр. 88.

[2]) См. ее воспоминания в № 1 нашего Сборника.

Присоединился Стефанович к «Народной Воле», когда эта тайная организация в сильной степени уже поредела вследствие происшедших многочисленных арестов в связи с делом 1 марта 1881 года. Поэтому необходимо было как можно скорее усилить приток новых членов. Еще будучи за границей, Стефанович находил и, — если память мне не изменяет, — также указал в брошюре «Дружеское послание» в числе промахов народовольцев на ошибочность ограничения ими своей практической деятельности, главным образом, одними лишь террористическими актами, — в сущности одним только цареубийством. Между тем, по правильному его тогда взгляду, такое суживание их деятельности влекло к полной замкнутости, к чрезмерной изолированности, а, следовательно, неизбежно к ограничению притока новых участников для революционной борьбы: ведь понятно, что только немногие, лишь «избранные натуры» были способны посвятить себя непосредственной террористической деятельности, да и из таких «белых воронов» далеко не все имели возможность попасть в замкнутый круг, в «святая-святых» — в таинственный «Исполнительный Комитет» партии «Народной Воли», нагонявший в те годы неимоверный страх на царя и его ставленников [1]).

Ограничение террористами своих задач, — доказывали мы со Стефановичем, — приводит их не только к узкому сектантству, в котором нет места обширному кругу революционно настроенных людей, но неизбежно влечет их к краху, к *полной гибели их организации*, так как правительство, располагающее всевозможными средствами, сосредоточит все свое внимание на борьбе с ними и, в конце концов, одержит над ними верх, т.-е. переловит всех активных членов этой, в действительности очень малочисленной, организации. Как известно, впоследствии вполне оправдались наши предсказания.

Во избежание такого печального финала Стефанович, очутившись среди народовольцев, настаивал на необходимости привлекать к посильной революционной деятельности

[1]) Так, Санковский мне рассказывал на Каре, что решивши совершить какой-нибудь террористический акт и приехав с этой целью в Петербург, он не мог никак, несмотря на все усилия, добраться до настоящего террориста. (О нем см. в моей книге «16 лет в Сибири».)

самых разнообразных лиц, обладавших знаниями и способностями, но остававшихся тогда вне политической борьбы лишь вследствие указанной ограниченности задач, которые преследовали народовольцы. Для этого он предлагал им целый ряд предприятий, в которых могли бы участвовать лица, не только неспособные к террористической деятельности, но даже и такие, которые не вполне разделяли их теоретические взгляды и тактические приемы: по его мнению, необходимо было привлекать каждого, готового тем или иным способом содействовать завоеванию политической свободы, в ту или другую уже существующую специальную группу, организацию или во вновь создаваемую, соответственную данным задачам. Поэтому, на-ряду с такой страшной организацией, как «Исп. Ком.», могли бы существовать и столь невинные, как «Красный Крест», помогающий ссыльным и заключенным.

Одним из наиболее целесообразных средств для спаивания воедино разнообразных, но оппозиционно по отношению к царскому правительству настроенных лиц, мы со Стефановичем считали создание за границей большого журнала, в котором приняли бы участие эмигранты различных толков, начиная со старого пропагандиста П. Л. Лаврова, террориста-бакуниста С. Кравчинского (Степняка) и кончая марксистами — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и Засулич.

Таким образом, как видим, инициатива создания за границей народовольческого журнала, действительно появившегося спустя два с чем-то года после начатой Стефановичем в России агитации под названием «Вестник Народной Воли», — принадлежит целиком ему. Уже в одном этом большая его заслуга, так как факт выхода этого журнала в течение нескольких лет — до ренегатства Тихомирова — имел некоторое значение в смысле группирования остатков этой партии вокруг этого журнала и привлечения новых адептов после полного почти ее разгрома, последовавшего за предательством С. Дегаева. За эту услугу, как и за многие другие, оказанные Стефановичем «Народной Воле» в течение короткого периода его нахождения в ее среде, некоторые старые члены этой организации заплатили ему черной неблагодарностью, оклеветав его после смерти, но об этом — ниже.

Стефановичу же принадлежит инициатива создания заграничного отделения «Красного Креста Народной Воли», для чего, по его совету, была приглашена В. И. Засулич, очень много сделавшая не только в материальном отношении, в смысле собирания довольно значительных денежных средств, но и в особенности для ознакомления широких слоев западно-европейского населения с жестокими преследованиями русских революционеров царским правительством, что, без сомнения, привлекало симпатии иностранцев на сторону русских борцов. Обо всем этом ничего не знают или забыли теперешние злостные обвинители Стефановича, извергающие всякую хулу на его память.

Не буду останавливаться на всех предложениях и проектах Стефановича, клонившихся к указанной выше цели — привлечь всех хоть сколько-нибудь подходивших, способных эмигрантов к разностороннему, посильному содействию народовольцам в их борьбе: это потребовало бы слишком много места, к тому же из печатаемых в наших Сборниках переписок станет ясной роль Стефановича. Сообщу здесь только еще об одном чрезвычайно важном и интересном его начинании, остающемся до сих пор почти совершенно неизвестным. Но предварительно сделаю следующее отступление.

Весной 1918 года Н. Тютчев однажды, при встрече со мною в одном доме, сообщил мне, что им сдана в редакцию «Былого» статья, в которой он, между прочим, касается моего покойного друга Я. Стефановича, и что мне она, может быть, не понравится. В завязавшемся у нас по этому поводу разговоре я спросил его, слыхал ли он что-нибудь про агитацию Стефановича среди сектантов? Он ответил, что *решительно ничего об этом не слыхал* до сего момента, и в ответ на его вопрос, в чем состояла эта агитация, я сказал, что Стефанович стремился создать среди сектантов тайное общество, что этим делом чрезвычайно заинтересовались Плеве и гр. Игнатьев, чем и об'ясняется долгое его пребывание в «здании у Цепного моста». При этом я добавил, что современем сообщу об этом подробно в печати.

Каково же было мое изумление и вместе возмущение, когда в появившейся вслед за этой нашей беседой заметке Н. Тютчева в «Былом» я прочел в выноске: «Перед арестом

Стефанович хотел *повторить свой чигиринский опыт с подложными манифестами*, имея в виду раскольников. Некоторые практические шаги в этом отношении были уже им приняты. Этим проектом высшие сферы очень заинтересовались, а в частности мин. вн. дел гр. Игнатьев и Плеве. *Мы передадим впоследствии подробности этого эпизода*, еще совершенно не исследованного в печати. Н. Т.». (См. «Былое» № 10—11, стр. 214. Курсив мой. *Л. Д.*).

Читая эти, несомненно уже *после беседы* со мною вставленные в сданную в редакцию рукопись, строки, являющиеся более чем плагиатом, я был поражен «смелостью» этого «исследователя»: не говоря уже про допущенное им полное извращение моего ему сообщения, он к тому же решился обещать «впоследствии передать подробности этого еще совершенно не исследованного эпизода», хорошо зная, что он *абсолютно ничего больше*, помимо меня, сказать не может: он умер спустя шесть лет, наклеветав еще на покойного моего друга и, конечно, не исполнив данного обещания. Но оставим этого фальсификатора: я при жизни его считал унизительным для себя и Стефановича вступать с ним в полемику, тем более считаю ее неподходящей после его смерти.

Сообщу здесь, что удержалось в моей памяти о задуманной Стефановичем организации среди сектантов.

II.

Месяца через два-три по приезде в Россию, Стефанович в письме, отправленном мне с оказией, сообщил, что у него имеются связи с сектантами, среди которых заметны брожение и под'ем, особенно усилившиеся после дела 1 марта. Этим их настроением, — сообщил он, — по мнению тогдашнего главаря партии «Тигрича» (Л. Тихомирова) и остальных членов «Исп. Ком.», необходимо было воспользоваться в наших интересах. Но, по признанию самих же народовольцев, среди них не было никого, кто мог бы взяться за агитацию среди религиозных сектантов. Самым подходящим для этого человеком они считали его, Стефановича, и настоятельно просили его не отказываться от этого дела. Он согласился. Познакомившись с сектантами, Стефанович

убедился, что при некоторых условиях можно было создать среди них довольно обширное тайное революционное общество. Поспособствовать этому,—писал он мне,—могли и мы, его заграничные товарищи, не вполне еще тогда порвавшие с чернопередельцами, — как литературным содействием, так и в техническом отношении. Для первой задачи он приглашал Георгия Валентиновича, для последней — меня и покойного Вас. Ник. Игнатова, тогда лечившегося за границей: к нам Стефанович обращался с просьбой заказать в какой-нибудь западно-европейской словолитне древне-славянский шрифт, так как, — писал он, — по словам наиболее развитых и расположенных к народовольцам раскольников, с которыми он сносится, революционные произведения, напечатанные таким шрифтом, будут охотнее читаться еще совсем нетронутыми агитацией массами их единоверцев, предубежденных против гражданской печати. Тогда дело создания внутри сектантов революционных кадров пойдет значительно быстрее. С этими доводами вполне согласился Стефанович. Ни о каком повторении «чигиринского опыта с подложными манифестами» от царя нам, ближайшим товарищам и друзьям, Стефанович не упоминал, да он и не мог этого затевать по той уже причине, что такой «опыт» среди сектантов являлся бы абсурдом, нелепостью, так как известно, что многие из них относились к царю отрицательно, враждебно, и убийство его революционерами они приветствовали, доказательством чему могло служить начавшееся среди них после этого брожение.

Как известно, стремление вызвать революционное настроение среди многомиллионной массы числящихся в России сектантов давно существовало у некоторых участников движения 70-х годов, с самых первых лет нашей деятельности, и в этом направлении предпринимались кое-какие попытки, оставшиеся, однако, совершенно безрезультатными. Укажу здесь на агитацию среди них С. Кравчинского, Рогачева, А. Михайлова, Ив. Ковальского, Ив. Дребязгина, Ив. Фесенко; я тоже, как известно, пытался распропагандировать молокан [1]). Тем не менее, ввиду многочисленности у нас сектантов, а также их недовольства

[1]) См. мою брош. «Хождение в народ».

господствовавшими в России порядками, страшными стеснениями их в исповедывании ими религиозных их учений и пр., — в нашей среде продолжали считать полезным привлечение их на нашу сторону.

Поэтому, сообщение Стефановича, что сектанты после цареубийства также, наконец, встряхнулись, и что среди них явились сторонники революционной борьбы, не могло не обрадовать наш тесный кружок заграничных его товарищей.

Я ответил ему о полной нашей готовности помочь ему в осуществлении его намерений, чем только мы будем в состоянии, чего, конечно, не могло бы быть, задайся Стефанович целью «повторить свой чигиринский опыт», так как известно, что Г. В. Плеханов всегда являлся противником всяких мистификаций.

Вместе с письмом Стефанович прислал мне также проекты им же написанных к сектантам воззваний или прокламаций, — в точности не помню, — в которых никто из нас не нашел ничего предосудительного, а тем более напоминающего подложный чигиринский манифест.

Чтобы познакомить В. Н. Игнатова с предложением Стефановича и привлечь его к участию в его выполнении я, ввиду его болезни, отправился к нему на юг Франции (в Ментону на Ривьере). Узнав в чем дело, Игнатов без малейших колебаний, немедленно и очень охотно согласился взять на себя все издержки по заказу за границей славянского шрифта, а также по оплате стоимости доставки его,— конечно контрабандным путем, — в Москву.

Дело в том, что из бывших чернопередельцев, очутившихся за границей, В. Н. Игнатов более всех нас, кажется, относился отрицательно к партии «Народной Воли» как ввиду того, что она почти ничего не делала среди крестьян, так и за некоторые «нечаевские» ее приемы. Между тем он, как бывший землеволец и чернопределец, тогда оставался еще верным народническим взглядам и стремлениям, даже отчасти еще два года спустя, когда, став марксистами и разошедшись с народовольцами (осенью 1883 г.), мы, как известно, сообща с ним образовали группу «Освобождение Труда» [1]).

[1]) См. мои о нем воспоминания в «Прол. Рев.», № 9 (21), 1923 г

Неудивительно поэтому, что в намерении Стефановича начать действовать среди сектантов, следовательно среди трудящегося населения, «на почве их нужд и потребностей» (т.-е. на почве их стремления освободиться от правительственных преследований), Игнатов увидел напоминание о столь дорогой ему «народнической программе».

Поэтому В. Н. Игнатов охотно согласился помочь материально предприятию Стефановича, так как он располагал некоторыми денежными источниками.

По возвращении от него обратно в Швейцарию, я стал наводить справки в западно-европейских словолитнях о наиболее выгодных условиях исполнения заказа Стефановича в возможно кратчайший срок.

Но—увы! Пока шли эти наши свидания, предварительные переписки и сношения, из Москвы вдруг (в середине февраля 1882 г.), пришло лаконическое сообщение о «внезапной болезни дяди», т.-е. об аресте Стефановича...

После этого крайне печального для всех нас известия мы, заграничные «старые чернопередельцы», не перестали переписываться с русскими народовольцами по поводу указанных выше завязавшихся у нас с ними общих предприятий, но о доставке славянского шрифта нечего было уже думать, так как с арестом Стефановича исчезла всякая возможность продолжать начатую им среди сектантов агитацию, к тому же вместе с ним и после него потянулся ряд арестов, вскоре затем закончившийся полным разгромом «Народной Воли».

Таким образом, эта попытка, обещавшая дать серьезные результаты, оборвалась на первых же шагах, но для самого Стефановича она имела еще некоторое продолжение. Об этом я узнал уже непосредственно от него самого, — четыре с чем-то года спустя после нашей разлуки в Швейцарии,— при следующих условиях и обстановке.

III.

Чтобы вновь очутиться вместе, — в буквальном смысле «бок о бок», — со Стефановичем, мне, как известно, пришлось совершить длиннейшее путешествие под конвоем и по этапам от самой швейцарско-германской границы

(из Фрейбурга-баденского) до Забайкалья, на Кару, на что потребовалось без малого два года.

Попавши там, после продолжительных хлопот, в одну со Стефановичем камеру, мы с ним заняли в ней на нарах два самые крайние места, у наружных стен. Это было в январе 1886 года. Ввиду ветхости нашей деревянной тюрьмы, при отчаянных сибирских морозах наш угол промерзал насквозь, так что под и отчасти над нарами, где мы помещались, образовался толстый слой льда, не растаивавший до теплых весенних дней, очень поздно там наступавших.

Все же мы со Стефановичем — да и многие товарищи — находили наш угол «очень уютным», почему кто-то из них наименовал его «швейцарским шалэ», — в память нашего долгого пребывания в Швейцарии.

Угол этот мы отделяли «петрушкой», т.-е. на ночь отгораживали свои два места от соседних небольшой занавеской, сделанной из казенных рубах, чтобы таким образом чувствовать себя хотя бы несколько изолированными от лежавших рядом с нами на нарах товарищей.

При этой-то температуре, временами чуть не полярного круга, мы, придвигаясь по вечерам почти вплотную друг к другу и накрывшись всем чем могли, вели иногда далеко за полночь свои беседы шопотом, чтобы не мешать другим спать или заниматься за общим столом, стоявшим посредине камеры.

Мы, конечно, делились нашими переживаниями в годы разлуки, и для меня, как, несомненно, и для моего друга, эти вечера были наилучшим периодом в течение продолжительного совместного нашего пребывания в карийской каторжной тюрьме. Под влиянием рассказа другого, каждый из нас невольно переносился в иной мир, казавшийся столь далеким от нас и столь отличным от окружавшей нас тяжелой действительности с ее лишениями и невзгодами, что с трудом верилось в его реальность, в то, что и мы когда-то в нем жили. Временами я испытывал необыкновенный под'ем, прилив бодрости и энергии. Все тяжелые, отрицательные стороны незавидной действительности отходили куда-то прочь, а далекое, невозвратное прошлое столь интенсивно чувствовалось, так ярко выступало перед глазами, словно

я внезапно очутился на воле, к тому же в наилучших условиях, где мог вновь жить и действовать, сообща с близкими мне людьми. Случалось, понятно, и наоборот, что эти воспоминания вызывали неприятные, тяжелые ощущения.

Как известно, — хотя бы по «профилям» Степняка в «Подпольной России», — Стефанович был человеком замкнутым в себе, мало разговорчивым. Но в указанной мною обстановке, находясь бок о бок со мною в «швейцарском шалэ», он мог часами, почти без перерыва, рассказывать мне со всеми подробностями о своих переживаниях среди народовольцев по возвращении в Россию, а также о своем пребывании в заключении в тюрьмах, на этапах по Сибири и на Каре до моего туда прихода. При этом он был, как всегда, искренен, откровенен, сообщал мне о таких своих ощущениях и мимолетных мыслях, о которых не всякий человек способен признаться даже самому близкому другу.

Здесь замечу к слову, что в противоположность совершенно ложному представлению о Стефановиче, составившемуся у недалеких, непроницательных и близоруких людей, все *без исключения* хорошо знавшие его лица справедливо находили его в личных отношениях искренним, правдивым, крайне деликатным, мягким и заботливым о других: упомяну только некоторых: П. Б. Аксельрода, М. А. Коленкину, В. И. Засулич, А. Зунделевича, С. М. Кравчинского, Фанни Марковну Степняк, Г. В. Плеханова, В. Н. Игнатова, Р. М. Плеханову и др.

Остановлюсь на наиболее, по моему, интересных и имеющих то или иное общественное значение сообщениях его мне в те холодные зимние вечера первого года прибытия моего на Кару.

Очутившись среди народовольцев, «штаб-квартира» которых — ввиду назначения знаменитого Судейкина из Киева начальником охраны в Петербург — была перенесена в Москву, Стефанович почувствовал себя не совсем так, как среди своих добрых, хороших товарищей. Причиной этого, главным образом, являлся тогдашний «лидер» партии Лев Тихомиров, впоследствии приобревший громкую, хотя и незавидную, известность, благодаря быстрому превращению из беспощадного цареубийцы в ярого защитника самодержавия. Много пришлось от него вынести и вытерпеть Стефановичу, особенно в первое время, о чем он подробно и чрезвычайно интересно передавал мне устно, а также изложил и в своем «Дневнике карийца», так несправедливо охаянном некоторыми легкомысленными читателями. Ввиду того, что и эта книжка стала теперь библиографической редкостью, я ниже приведу из нее некоторые выдержки. Предварительно, однако, напомню о следующем.

Из «старой гвардии», при вступлении Стефановича в партию «Народной Воли», уцелели лишь немногие; кроме самого «Тигрича», на воле оставались: В. Н. Фигнер, М. Н. Ошанина-Баранникова, А. П. Корба, Ю. Богданович, Грачевский, Сав. Златопольский, Талалов и Халтурин. Все эти лица входили в «Исполнительный Комитет» и из своей среды выбирали еще высшую инстанцию: «Распорядительную Комиссию», в число членов которой, кроме «Тигрича» и Златопольского, избран был вскоре по вступлении в партию также и Стефанович. Но опасаясь, что последний своим влиянием умалит безграничный до того авторитет его, «Тигрич» тотчас же пустил в ход подвохи, нашептыванья и интриги. Не ограничившись этими приемами, он задумал даже создать нечто вроде alliance'а — тайное общество, в вдвойне уже и без того тайной «Комиссии», — чтобы противодействовать будто бы стремлениям Стефановича, подкапывавшим традиции старого народовольства. Но по оплошности самого же Тихомирова в руки Стефановича попало его письмо к Златопольскому, в котором он втягивал последнего в заговор против нового члена «Распорядительной Комиссии». Когда же с этим письмом Тихомирова в руках Стефанович потребовал от него об'яснения, он стал нескладно, как напроказивший школьник, оправдываться, уверяя, вопреки уличавшего его письма, что тот неправильно его понял, и в заключение просил забыть это, не сообщать другим членам «Комиссии», обещая впредь вести себя корректно, по-товарищески [1]).

---

[1]) Подробнее об этом см. «Дневник карийца», стр. 60 — 62, Спб. 1906 г. — А. Корба в своем неудачном против меня выступлении сообщает, будто бы со слов М. Ошаниной, что, наоборот, последняя вместе с Тихомировым прочитали забытое Стефановичем письмо ко мне. Это чистейший *вздор*, так как, во-первых, ни Стефанович мне, ни

Разногласия между ними начались с упомянутого уже мною выше предложения Стефановича основать за границей большой журнал. В то время как Стефанович считал нужным придать ему «обще-революционное направление», Тихомиров, наоборот, желал сделать его узко-партийным, народовольческим, в духе его собственных статей, печатавшихся в газ. «Народная Воля». Из этого разногласия вытекал и различный взгляд на редакционный состав. Я уже выше перечислил, кого предложил Стефанович в число редакторов, Тихомиров же настаивал на приглашении вконец скомпрометировавшихся за границей руководителей якобинского журнала «Набат» — П. Ткачева и Турского. Но большинство членов «Исполнительного Комитета» согласилось с предложением Стефановича.

Вслед за тем, — рассказывал мне далее Стефанович, и это он повторил потом в своем «Дневнике»: — «не было, кажется, вопроса, по которому мне с ним не приходилось бы расходиться: то он отстаивал уже напечатанное воззвание к народу, одобрявшее избиение евреев («Добре робыте, що жидив бьете») [1], то он готов был дать санкцию нелепому плану московской или рязанской местной группы ничем не вызванного бесцельного убийства прокурора московской судебной палаты, единственно в революционно-воспитатель-

я ему тогда не писали обыкновенными чернилами, а исключительно химическими, почему, как известно, такого письма нельзя прочесть, не проявивши его предварительно особым составом, чего, понятно, не могли произвести Ошанина и Тихомиров, не зная этого состава, во-вторых, Стефанович в многочисленных письмах того периода, часть которых еще сохранилась и будет современем мною опубликована, содержание которых известно еще находящимся в живых старым товарищам, *всегда* писал мне диаметрально противоположное тому, что приписывает теперь ему А. Корба и, наконец, в-третьих, нужно отличаться фальсификаторскими способностями Н. Тютчева, чтобы решиться при жизни Тихомирова, хотя и ставшего ренегатом, опубликовать, — как это сделал Стефанович в «Дневнике», — вышеуказанное сообщение, если бы в действительности было диаметрально противоположное. Корба, очевидно, слышала звон, да не знает откуда он.

[1]) Автором этого возмутительного воззвания, вызвавшего тогда взрыв негодования среди революционеров, являлся «отчаянный террорист» Герасим Романенко, ставший затем настоящим антисемитом, во всем «раскаявшимся», припавшим к стопам царя и превратившимся, как и Тихомиров, в ярого монархиста-мракобеса.

ных целях [1]), то он считал нужным присвоить самостоятельное покушение Санковского на Черевина (шефа жандармов и тов. министра вн. д.) и писал прокламацию, где об'являл этот акт делом «Исполн. Ком.», что, по его мнению, должно было служить к вящшему престижу «Народной Воли». Тихомиров не останавливался перед тем, чтобы заведомо оклеветать почему-либо неудобного человека. Так, известный Н. Щедрин [2]) за свои речи на сходках против программы «Народной Воли» был ославлен агентом III Отделения. А когда в женевском «Вольном Слове» появились статьи против «Исполн. Ком.», Тихомиров предложил напечатать в «Народной Воле», что Драгоманов состоит на жалованьи у департамента государственной полиции (стр. 59—64) [3]).

Только благодаря энергичным настояниям Стефановича, все эти и им подобные предложения «Тигрича» проваливались большинством.

Эти постоянные споры и разногласия с лидером, не имевшим конкурента до приезда Стефановича, не могли не расстраивать моего друга, и он был, конечно, прав, когда говорил: «работать под неустанной травлей полиции, при неуверенности просуществовать до завтрашнего дня, — мне не требовалось привыкать, но работать при отсутствии добрых, искренних товарищеских отношений являлось для меня новостью и вовсе не представлялось привлекательным».

[1]) Этот-то протест Стефановича против бессмысленного убийства хотя бы прокурора г-жа А. Корба, по обыкновению, смешала в своей против меня заметке с протестом его, будто бы, против плана убийства *прокурора* Стрельникова, — плана, возникшего уже после ареста Стефановича: плохая память у этой свидетельницы, но большой апломб и самоуверенность.

[2]) Судился в Киеве в 1881 г. вместе с Е. Н. Ковальской по процессу «Южно-русского раб. союза», был приговорен к бессрочной каторге; по пути на Кару за данную им пощечину чиновн. особ. поруч. при ген.-губерн. был прикован к тачке. С Кары был перевезен в Шлиссельб. крепость, где сошел с ума; был переведен в психиатр. больницу в Казань, где скончался.

[3]) Всех этих фактов Стефанович, повторяю, не мог бы опубликовать при жизни Тихомирова в своем «Дневнике», не имей они места в указанное им время, — этого, очевидно, по свойству своего ума и характера, не может понять А. Корба и, кажется, также А. Прибылев.

Похоже ли все вышеизложенное на стремление Стефановича «взорвать партию изнутри»? Можно ли поставить ему в вину, что он решительно и открыто выступил против приведенных выше и подобных же предложений тогдашнего «главаря» «Нар. Воли?» Имеется ли хоть малейший факт в деятельности Стефановича среди народовольцев, который мог бы быть поставлен ему в вину?

Что во всех его предложениях и начинаниях им руководили честные, искренние побуждения и интересы партии, к которой он примкнул, лучшим доказательством может служить тот факт, что, несмотря на безграничный авторитет, которым пользовался «Тигрич», тем не менее, Стефановичу путем доводов и убеждений, — а не интриг и нашептываний, к чему вечно прибегал «шеф» партии, — удавалось почти всегда склонить на свою сторону большинство членов «Исполн. Ком.». Более того: даже сам Тихомиров, когда ввиду постоянных с ним споров и разногласий Стефанович выразил однажды готовность отправиться заведывать каким-нибудь отдаленным районом, напр., на Кавказ, восстал против этого, так как, мол, «дела и в центре по горло, и все находят его присутствие в Москве нужным».

Тихомиров, а также Марья Николаевна Ошанина являлись «строгими хранителями старины», боявшимися, чтобы предложения Стефановича не подкопали народовольческих традиций, но некоторые из остальных членов «Исполн. Ком.» понимали, что необходимо расширить ставшие тесными рамки, как организационных правил, так и тактических приемов. Особенное в этих случаях согласие с ним выражали Ю. Богданович, С. Халтурин, Талалов; поэтому Стефановичу и удавалось осуществить большинство своих проектов.

Его успехами была недовольна и Марья Николаевна, но совсем по другим причинам, чем Тихомиров, руководствовавшийся в своих подвохах против Стефановича исключительно честолюбивыми соображениями. Как ярая «якобинка», — известно, что до вступления в партию «Нар. Воли» она принадлежала к немногочисленной в России и за границей группе «набатовцев», — она, как сама мне это заявила впоследствии, увидела во всех предложениях Стефановича «измельчание, сведение чуть не на благотворительно-культурную работу деятельности партии», еще совсем недавно гремевшей на весь мир своими страшными актами.

«Не того я ожидала от присоединения Дмитра, — признавалась она мне летом 1882 г. в Женеве: — я надеялась, что он явится инициатором и организатором крупных предприятий, а вместо этого он начал хлопотать о «Красном Кресте», о журнале и т. п. мелочах».

Со своей точки зрения она была права: все предложения и предприятия Стефановича, действительно, не могли итти ни в какое сравнение с отчаянными планами цареубийств и заговоров с целью «захвата власти» кучкой террористов. Но, с другой стороны, прав был и Стефанович: он был слишком умным человеком, к тому же обладал огромным практическим чутьем и здравым смыслом, чтобы не понимать, что после понесенных утрат горсточке уцелевших народовольцев не только невозможно «захватить власть» в свои руки, но даже продолжать дело Желябова, Перовской, А. Михайлова и других погибших героев. Поэтому он предлагал и сам брался за осуществление того, что действительно было возможно при сложившихся после 1 марта обстоятельствах, и что могло, — как совершенно правильно он рассуждал, — при благоприятном стечении обстоятельств привлечь новый приток сил в эту партию и в «Исп. Ком.».

Поэтому, по его рассказам мне на Каре, он не только придавал большое значение начатому им предприятию среди сектантов, но считал также чрезвычайно важным делом начатую В. Н. Фигнер агитацию среди военных. Между прочим, ему пришлось самому познакомиться в одном из великорусских губернских городов, — не помню теперь в точности, в Туле или в Орле, — с довольно большой военной организацией, в которую входили исключительно офицеры. Лежа в «швейцарском шалэ», Стефанович подробно передавал мне, как эти офицеры при нем строили планы захвата царя и его близких чуть ли не в самом Гатчинском дворце, где тогда скрывался Александр III. Теперь не помню ни одного из этих планов. Несмотря на присущий Стефановичу скептицизм, он, как сам мне признавался, видя готовность этих офицеров действовать решительно, допускал временами возможность осуществления их отчаянных проектов.

— «Кто его знает! В России все возможно», — говорил он мне. И мы долго спорили об этом шопотом. А в это время кто-нибудь из четырнадцати, кроме нас двоих, помещавшихся в камере товарищей выкрикивал со сна фразу, подтверждавшую или, наоборот, отрицавшую верность того или другого из наших заявлений, или раздавался громкий стон спящего.

Из перечисленных мною выше членов «Исполн. Комитета», которых Стефанович застал по приезде в Россию, он впервые увидал: Ю. Богдановича, Талалова, Халтурина и Грачевского, принятых после нашего от'езда с ним за границу. Первых трех он особенно мне расхваливал.

По его мнению, которое и я разделял, было бы целесообразно, если бы тогда сильно скомпрометированные члены «Исп. Ком.», энергично разыскиваемые полицией, хотя бы на время, отправились за границу как для отдыха и пополнения недочетов в своем образовании, так и для сохранения резерва партии: тогда властям не удалось бы всех до единого могикан переловить. Об этом он говорил и доказывал членам «Исп. Комитета», но никто из них и слышать не хотел о поездках за границу. Только год спустя последовала его совету — и то ввиду болезни — М. Н. Ошанина, а за ней, как известно, вскоре приехали в Швейцарию и Тихомиров с женой. Все же остальные, один за другим, были арестованы. Последствия показали, насколько в этом вопросе Стефанович оказался дальновидным: последуй его совету, сохранились бы некоторые крупные лица, и судьба «Нар. Воли» могла бы быть совсем иной. Но возвратимся к сношениям Стефановича с сектантами.

IV.

Связи с ними завязались у народовольцев через какого-то интеллигента, если не ошибаюсь, из семинаристов, фамилии которого в точности не помню, — кажется, здравствующий ныне коммунист Трегубов. Чуть ли не в качестве миссионера или, вообще, человека, изучавшего практически раскол, он в течение многих лет вращался в среде сектантов. Увидев, после дела 1 марта 1881 года, сильное впечатление, произведенное убийством царя на знакомых ему раскольников, он задался целью свести их с террористами. С ним-то народовольцы познакомили Стефановича, который через него и завязал связи с сектантами. Среди последних, по его отзыву, были дельные, серьезные и положительные люди, между тем, как известно из его «профиля» в «Подпольной России», Стефанович склонен был скорее к пессимизму, чем к оптимизму.

Еще в качестве «чернопередельцев» мы с ним вовсе не являлись принципиальными противниками цареубийства: мы восставали против сосредоточивания всех сил, средств и внимания партии на этой задаче, находя, что исключительная охота на царя или царей, в конце концов, приведет к гибели нашего движения. Мы признавали значение за этим актом при том условии, если бы параллельно с его подготовкой, одновременно велась самая разнообразная агитация среди трудящихся масс населения; в противном случае, — говорили мы, чернопередельцы, — убийство царя будет неправильно истолковано народом и не даст решительно никаких положительных, а одни лишь отрицательные результаты. Последствия показали, что в этом отношении наши соображения оказались правильными: кроме антиеврейских беспорядков, впервые разразившихся во многих юго-западных губерниях после цареубийства, ничего другого в народе не произошло в 1881 и в следующих годах.

Естественно, поэтому, велика была радость Стефановича и его товарищей, когда они узнали, что именно под влиянием акта первого марта зашевелились сектанты.

Теперь из моей головы совершенно улетучилось, имелся ли у Стефановича определенный план организации сектантов, и в чем он состоял. Полагаю, что нет, иначе не могу допустить, чтобы в моей памяти решительно ничего не удержалось из его сообщения об этом. Подобно тому, как это на моих глазах и при моем отчасти содействии происходило у Стефановича во время чигиринской затеи, вероятно, и в данном случае он сперва зондировал почву, шел ощупью, надеясь при более близком ознакомлении с сектантами — с их взглядами, условиями их жизни и пр. — найти соответственный и целесообразный план организации их. Пока же, до получения, как я уже сообщил, из-за границы славянского шрифта, он выпускал воз-

звания, напечатанные в народовольческой типографии обыкновенным шрифтом и, как известно, с пачкой таких прокламаций был задержан 5/17 февраля 1882 года в Москве на квартире А. Буланова.

По глубокому моему убеждению, причиной начавшихся тогда в Москве арестов, повлекших за собою, в конце концов, полный разгром, была большая неосторожность или легкомыслие со стороны некоторых видных террористов, задумавших превратить в заместители арестованного Клеточникова 18-летнего Володю Дегаева [1]).

Здесь я должен коснуться крайне тяжелого обстоятельства — прискорбной роли моего друга Я. Стефановича в аресте Ю. Богдановича,—роли, состоявшей в том, что он невольно подтвердил подозрение Судейкина, уже выследившего «Прозоровского»: под этой фамилией проживал Ю. Богданович в Москве. Подробно об этом ужасно печальном эпизоде давно сообщила В. И. Засулич в своем письме в «Былое» [№ 13], и я поэтому останавливаться на нем не буду.

Я нисколько не собираюсь оправдывать Стефановича, да и он сам осуждал себя за этот невольный свой промах значительно строже, чем то делали другие, что известно лишь наиболее близким его друзьям. Это было его несчастием, а не преступлением. Поэтому, возмутительной клеветой на умершего, лишенного, понятно, возможности опровергнуть взводимые на него обвинения, являются сделанные некоторыми недобросовестными «исследователями старины» относительно моего покойного друга наветы.

Сознательно или бессознательно, но безусловно неверно истолкованы или раздуты и извращены этими обвинителями некоторые неясные для малоосведомленных лиц происшествия и факты из прошлого как самого Я. Стефановича, так и той эпохи. Насколько позволяет место, постараюсь в настоящем очерке, а также ниже в других заметках, сообщить, почему на памяти столь выдающегося революционного деятеля, занимавшего одно из наиболее видных мест в семидесятых годах, повисли гнусные обвинения. Для этого

[1]) Об этой рискованной затее, имевшей чрезвычайно печальные последствия, я сообщаю в дополнении к помещенному в настоящем сборнике первому моему письму к Стефановичу.

мне необходимо, хотя бы в самых кратких словах, дополнить характеристику Стефановича, сделанную Степняком в «Подпольной России».

V.

Несмотря на то, что Стефанович, как известно, в течение предшествовавшей описываемому мною времени уже довольно продолжительной революционной деятельности сам затевал, а также принимал близкое участие в чрезвычайно смелых, отважных предприятиях, грозивших ему виселицей, он, однако, при личном знакомстве ни на кого не производил впечатления страшного, отчаянного революционера. Всегда со всеми сдержанный, ровный, спокойный, Стефанович, наоборот, внушал к себе расположение и уважение даже со стороны самых заклятых наших врагов: они высоко ценили его ум, характер и миролюбие в обращении со всеми без исключения людьми. Еще в 1877 — 78 г.г., находясь вместе с ним в киевском тюремном замке по чигиринскому делу, я изумлялся тому, как решительно все служащие, начиная с надзирателей и кончая прокурорами и жандармами, буквально благоговели перед ним. Напомню о приведенных Степняком в «Подпольной России» случаях, когда смотритель тюрьмы, несмотря на данное им же распоряжение, не решился произвести у Стефановича в камере обыск, а в другой раз он попросил дать ему за подписью Стефановича удостоверение в том, что он, смотритель, хорошо обращается с заключенными, на тот случай, если на него, как на тюремного смотрителя, революционеры задумают напасть. Посмеявшись, Стефанович выдал ему такую «охранную грамоту».

Таково же, приблизительно, отношение к себе он с юных лет внушал решительно всем, с которыми ему приходилось сталкиваться, начиная с крестьян и товарищей и кончая разных рангов должностными лицами. За время нашей с ним многолетней дружбы, несмотря на происходившие вокруг нас всевозможные перипетии, конфликты и столкновения, временами чрезвычайно тяжелые, иногда доводившие самых мирных людей до исступления и бешенства, мне *ни разу* не пришлось заметить, чтобы Стефанович не только

вышел из себя, но даже повысил голос, не говоря уже о том, чтобы он по чьему-либо адресу произнес сколько-нибудь резкое, оскорбительное слово.

Превосходно знавший его, восхищавшийся его умом и характером С. М. Кравчинский однажды в кругу нескольких близких товарищей определял, кого из известных ему людей и за что он считает наиболее выдающимися: в числе трех таких лиц он поставил Стефановича (кроме Д. А. Клеменца и своего итальянского друга Малатеста).

После поездки Стефановича в Париж, о которой я сообщил в начале этого очерка, Г. В. Плеханов, при нашей с ним встрече в Женеве, сказал мне и В. И. Засулич, что «Дмитро», при его замечательном уме, мог бы сыграть одну из наиболее выдающихся ролей в революционном движении, интересуйся он теоретическими вопросами, отдавайся умственным занятиям. Так отзывался о нем Георгий Валентинович в то самое время, когда не соглашался с его предложением «соединиться во что бы то ни стало с народовольцами, хотя и поторговавшись» [1]). Тогда же Плеханов сообщил, что и на Лаврова, с которым Стефанович свиделся в то лето впервые, своим умом, тактом и выдержкой он произвел наилучшее впечатление. Упомяну, наконец, об отзыве о Стефановиче иностранца, проф. Туна, хорошо, как известно, изучившего наше революционное движение: по его мнению Стефанович, с деятельностью которого он, конечно, был совершенно не согласен, являлся, на-ряду с Желябовым и Ал. Михайловым, *самым выдающимся участником* нашего революционного движения 70-х г.г.

Такое же, повидимому, мнение составил себе о нем очень неглупый и в ту пору прикидывавшийся «либералом» Плеве: по сообщению Татьяны Лебедевой он однажды сказал ей, что самыми умными из всех известных ему революционеров он считает Клеменца, Натансона и Стефановича.

Как и все в те времена прокуроры, жандармы и директоры департамента, Плеве также любил вступать в общие беседы с арестованными, особенно с выдающимися, приобревшими известность, от чего, за крайне редкими исключениями, последние, насколько мне известно, не отказывались. То же произошло при аресте Стефановича. Однажды, во время допроса, Плеве сказал ему, что мин. вн. дел гр. Игнатьев очень заинтересован затеянной им среди сектантов агитацией, почему просил передать Стефановичу, что желает поговорить с ним в качестве частного лица.

[1]) См. письмо его к Лаврову от 31 октября 1881 г.

За гр. Игнатьевым, бывшим, как известно, в течение многих лет перед тем русским послом в Турции, установилась тогда репутация, если не «либерала», то и не реакционера-мракобеса, каким являлся вскоре затем сменивший его на министерском посту гр. Д. А. Толстой. Н. П. Игнатьев, правда, слыл за человека хитрого, пронырливого, но вместе с тем старающегося всех ублаготворить и умиротворить. Поэтому, несмотря на категорическое заявление Александра III при его вступлении на престол, что он «не изменит заветам своих предков», все же многие не теряли надежды, что хитрому дипломату, искусившемуся на востоке в обхождении с деспотами, удастся склонить нового царя к тому, чтобы он созвал что-нибудь вроде «Земского Собора». Приняв все это во внимание, к тому же ввиду однообразия одиночного заключения, Стефанович ответил согласием на предложение гр. Игнатьева.

Встреча его с последним состоялась в кабинете Плеве, но не помню, в его ли присутствии или без него. Гр. Игнатьев, действительно, держал себя как частное лицо, ни единым словом и движением не обнаружив, что он всемогущий мин. вн. дел.

Он прямо заявил Стефановичу, что затеянной им среди сектантов агитации придает очень серьезное значение ввиду огромной роли, которую раскольники всегда играли в крупных народных бунтах — Стеньки Разина, Пугачова и др. При господствовавшем тогда в стране сильном возбуждении, вызванном убийством царя, он видел большую опасность для спокойствия ее в привлечении революционерами на свою сторону сектантов. Как патриот, к тому же мин. вн. дел, он, понятно, желает, чтобы Россия избегла смут и волнений, которые могут принести ей много бедствий и несчастий. Ввиду этого он попросил Стефановича, очевидно, знакомого с настроением сектантов, сообщить ему, чем они недовольны и какими мерами можно, по его мнению, достигнуть их успокоения.

Просто, спокойно, но как всегда убедительно, Стефанович изложил то, что ему было известно о положении сектантов, в чем немало помогло ему непосредственное его знакомство со штундистами, среди которых он в 1874 г. агитировал. Перейдя к указанию мер для удовлетворения сектантов, он остановился на оценке самодержавного строя и закончил указанием на неизбежность изменения господствовавшего режима, т. е. введения всяких свобод.

Едва ли много нового почерпнул гр. Игнатьев из этой беседы, но давно известно, что «тон делает музыку», а Стефанович всегда говорил таким убедительным тоном, что его собеседник в большинстве случаев сдавался на его доводы.

На-ряду с В. И. Засулич и А. И. Зунделевичем, он принадлежал к самым скромным из всех известных мне революционеров: Стефанович не только никогда не преувеличивал, но, наоборот, всегда умалял свои способности, свои успехи, роль и пр. Я, поэтому, уверен, что любой беспристрастный слушатель его рассказа о встрече с министром Игнатьевым вынес бы впечатление, что он был вполне правдив и искренен, что все им мне сообщенное не было преувеличено, тем более я, знавший его до тонкости, не мог ему не верить. Его рассказ произвел на меня сильнейшее впечатление: помню, несмотря на холод, я временами привскакивал, восклицая: «Как жалко, что невозможно опубликовать этой интересной беседы царского министра с заключенным!».

Не раз впоследствии я очень жалел, что не записал тотчас этого рассказа, так как по прошествии сорока лет я многое забыл, а потому моя теперь передача бледна и далека от изложения Стефановича.

Плеве затем сообщил ему, что на Игнатьева он произвел чрезвычайно благоприятное впечатление. Будь, поэтому, Стефанович таким, каким, много лет спустя, теперь вздумали изобразить его некоторые злобствующие народовольцы, пожелай он купить облегчение своей участи путем каких-то будто бы «сделок», «соглашений» с Плеве, он мог бы, конечно, куда с бо́льшей выгодой использовать это свое свидание со всесильным тогда министром внутр. дел. Однако даже самый усердный и злорадный его обвинитель не мог до сих пор извлечь из архива бывш. департамента полиции никаких уличающих его документов.

— А его записка об эмигрантах? — вероятно, воскликнут некоторые глубокомысленные читатели. Как известно, по ее поводу злобствующие хулители - человеконенавистники подняли года три тому назад неимоверную шумиху. Из помещаемого мною ниже полного текста этого «уличающего» Стефановича документа беспристрастный читатель, надеюсь, убедится, что только лица, заранее задавшиеся целью обвинить его в самых тяжких для политического деятеля преступлениях, могут почерпнуть там доказательства.

* * *

На этом пока закончу, заранее признав, что я далеко не исчерпал темы, но приводимые мною ниже комментарии к записке Стефановича, затем мой ответ народовольцам и некоторые письма Зунделевича и Степняка, а также наша с ним переписка, мне кажется, в значительной степени дополнят настоящий очерк. На основании всего этого материала желающий разобраться честный читатель, надеюсь, сможет решить, правы ли обвинители Стефановича или мы, близко его знающие лица, когда заявляем, что *Стефанович сознательно не совершил никакого преступного акта* [1]).

---

[1]) Ввиду вполне естественного недоумения некоторых читателей, почему, лишь пять-шесть лет спустя после опубликования тяжких обвинений против моего друга, я впервые теперь выступаю со своими опровержениями, должен сказать, что это произошло не по моей вине, а *благодаря редактору* «Былого».

Вслед за заметкой В. И. Засулич — «Правдивый исследователь старины», появившейся в № 13 этого журнала за 1918 год, я осенью того же года передал П. Щеголеву настоящий мой очерк, написанный в несколько более мягких выражениях. Одобрив его и выдав мне аванс, он обещал поместить его в ближайшей книжке. Но, продержав очерк *около двух лет*, редактор вернул его мне весной 1920 года обратно под тем предлогом, что найденная в это время записка Стефановича об эмигрантах, будто бы, осветила ему личность последнего «с крайне неблаговидной стороны». Признаюсь, меня не в малой степени удивил такой ригоризм, строгость со стороны этого литературных дел мастера.

Получив обратно после столь долгой задержки рукопись, я уже не мог найти другого журнала, который согласился бы уделить довольно значительное место возражениям, вызванным не у него появившейся статьей, и только теперь мне представляется возможность это сделать.

Беспристрастный читатель, полагаю, оценит по достоинству поведение названного редактора, поместившего нападки на умершего и отказавшегося напечатать возражения на них его ближайшего друга.

Л. М. Л.

В. Н. ИГНАТОВ

Сообщаемые ниже сведения об одном из основателей группы «Освобождение Труда», Василии Николаевиче Игнатове записаны мною со слов брата его — Илья Николаевича за несколько лет до смерти последнего.

До старости Илья Николаевич хранил в душе образ любимого брата и не мог говорить о нем без волнения. Биографическим данным, насколько они сохранились в его памяти, Илья Ник. предпослал общую характеристику покойного: глубоко убежденный человек, чистая личность, Вас. Ник. трудно сходился с людьми, но, раз сойдясь с кем-нибудь, был глубоко ему предан и не позволял делать какие бы то ни было порочащие замечания о своих друзьях. «В виду больших заслуг людей не надо касаться их мелких свойств», — говорил он.

Могу добавить, что Плеханов был высокого мнения об умственных способностях и революционном понимании Вас. Ник. Игнатова, а Вера Ив. Засулич с любовью и симпатией вспоминала об его душевной чистоте и благородстве.

В. Н. Игнатов родился в 1854 году в городе Белеве Тульской губ. в зажиточной купеческой семье.

Семья была образованная, водилась, главным образом, с помещиками, и собственный ее уклад был помещичий. Один дядя по типу совершенно напоминал «первого гусара» Л. Толстого. Своими выходками, единоборством с дворовыми [1]) людьми и тому подобным он долго был памятен

[1]) «Дворовых» у не-дворян не было, — очевидно, автор имел в виду прислугу» *Прим. проф. А. Ф. Фортунатова.*

братьям Игнатовым. Крепостных не было, но были дворовые, из которых иные служили Игнатовым лет по 25 или дольше. Среди них было много раскольников. В этом замкнутом кругу дворни привык вращаться мальчиком В. Н. Здесь рано развились в нем способность критики и элемент протеста.

Влияние дворни было тем сильнее, что матери В. Н. лишился двух лет: она умерла, когда родился Илья Ник. Вместо матери была гувернантка, она обучала детей фран-



Василий Николаевич Игнатов (старш. бр.) в 1874 г.



Илья Николаевич Игнатов (младш. бр.) в 1874 г.

цузскому языку, смотрела за ними с точки зрения внешнего порядка, но этим ее отношения с питомцами в сущности и ограничивались.

Когда В. Н. подрос, ему взяли местного учителя, который стал готовить мальчика в гимназию. Подготовка была вполне достаточная, и В. Н. поступил сразу во 2-й класс 2-й Московской гимназии, что на Разгуляе. Это было в 67-м году.

В Москве находились уже старшие братья В. Н., так что он не был совсем одинок. В гимназии была большая

свобода. Очевидно, ее еще не успела захлестнуть толстовская реакция. В. Н. из товарищей особенно ни с кем не сходился. А с начальством очень не ладил. С 5 класса он начал усиленно предаваться чтению, сначала увлекался Писаревым, под влиянием которого был в 6 — 7 классах. Потом ознакомился и с другими передовыми авторами, в том числе с Чернышевским, оказавшим на него, как и на многих других, значительное влияние.

До 6 класса В. Н. был очень религиозен: повидимому, раскольники-дворовые заронили в его душу не только семена протеста, но и религиозность. Перелом был весьма болезненным. Но с богом В. Н. покончил после него раз навсегда.

До последнего класса учился он очень хорошо. В 8-м же манкировал, «ленился» и прочее; словом, очевидно, перерос рамки школы, как это бывает обыкновенно с наиболее развитыми юношами.

К этому времени у В. Н. особенно развилось протестующее настроение, питавшееся еще впечатлениями детства и ставшее как бы свойством его натуры. Но определенного отзвука на возникавшие у него запросы В. Н. со стороны своих сверстников не встречал.

Впрочем, смутный протест юношества выливался в форму стремления к естественным наукам в противовес классицизму, который представлялся синонимом реакции.

Захваченный этим течением, В. Н. Игнатов, окончив гимназию в 1874 году, поступил в Петербургский Технологический Институт, для чего должен был сдать, — и отлично сдал, — конкурсный экзамен.

В 1874 или 1875 году в П[етерб.] Технологическом Институте была студенческая «история». Вмешалась полиция, закрыла двери Института, арестовала на улице студентов, человек 15, и отправила их в Литовский замок. В числе арестованных находился и В. Игнатов. Судил студентов *мировой судья* за нарушение порядка и приговорил, кажется, к каким-то пустякам. Но, несмотря на это, до суда не было разрешено выпускать арестованных без *большого залога*. Этот залог был внесен людьми из «общества».

Отсюда начинаются знакомства и связи В. Игнатова в революционной среде. Приехав после того в Москву и домой в Белев, В. Н. привез запас революционной литературы; тут были, между прочим, «Исторические письма» Миртова (Лаврова).

После студенческой истории и ареста, В. Н. очень скоро, под каким-то благовидным предлогом, был исключен из Технологического Института. В. Н. воспользовался наступившей весной (1876 г.) для того, чтобы «итти в народ». Он направился в Таврическую губернию, где, переходя с места на место, жил с крестьянами, косил с ними. Косьбе он научился еще с детства и был до нее большой охотник. У отца были свои луга под Белевым, верстах в 3-х, в деревне Мишенской (родина В. Жуковского), откуда В. Н. вынес хорошее знакомство с крестьянами.

Осенью В. Игнатов вернулся в Петербург, где поступил в Медико-Хирургическую (позже переименованную в Военно-Медицинскую) Академию.

Но и в Академии В. Н. пробыл недолго. Вскоре произошли новые студенческие беспорядки, — это была история с ученым секретарем Ландцертом, на лекции которого слушатели устроили протест. Игнатов в числе других был исключен из учебного заведения и выслан на родину. Здесь пробыл В. Н. до весны следующего, 1877 года, когда ему было разрешено вновь поступить в Академию. Таким образом во время казанской демонстрации В. Н. находился в Белеве [1]).

Еще в 1875 году Игнатов познакомился, а вскоре затем близко сошелся с Плехановым. К тому же времени относится его знакомство с Александром Михайловым (а после и с однофамильцем последнего Адрианом), с технологом Варынским, о котором вспоминал также Плеханов, с Квятковским и с другими.

В апреле 1877 года В. Н. вместе с братом Ильей и рабочим Петром Крестовоздвиженским был арестован по доносу, но дней через 10 их выпустили. Петр скоро умер от чахотки, а Илья Николаевич 20 июля снова, на этот раз серьезно, попался и после долговременного заключе-

[1]) В этом пункте сестра его, считающая, что он принимал участие в казанской демонстрации, ошибается: он был выслан из Петрограда несколько раньше, но понятно, что в отдалении все «политические дела» той полосы слились в одно, наделавшее более всего шуму.

ния, в начале декабря 1878 года, был сослан в Вятскую губернию.

Только на вокзале, при от'езде, И. Н. стало известно, что его обвиняют в принадлежности к «Обществу Друзей» вместе с 5-ю другими лицами, из которых в действительности он был знаком лишь с одним. Что это за «Общество Друзей», существовало ли оно в замыслах у Натансона или лишь в жандармском воображении, — так он никогда и не узнал.

В. Н. провел лето 1879 года во Владыкине под Москвой, возле Петровско-Разумовского, поддерживая революционные связи и продолжая работу. А на зиму, повидимому, снова отправился в Петербург.

В 1879 году В. Н. принял участие на Воронежском с'езде и, вероятно, после того (И. Н. говорил: летом 1879 года) — поехал навестить брата в Вятскую губернию [1]).

На Воронежском с'езде В. Н. высказался как резкий противник тактики «дезорганизаторов» и после раскола вступил в организацию «Черный Передел».

К этому времени относится перемена в жизни В. Н. — начало его болезни. Отдавая получаемые из дому или зарабатываемые деньги частью на «дело», частью непосредственно нуждающимся, он годами жил впроголодь, отказывая себе в самом необходимом. Лишения сильно подорвали здоровье В. Н., и достаточно было первого толчка, чтобы ослабленный организм потерял способность сопротивляться. Ухаживая за одним больным товарищем, В. Н. заразился туберкулезом. Открылось кровохаркание.

В конце 1879 года он пошел к знаменитому проф. Боткину, который велел ему немедленно уезжать в солнечные страны. В. Н. отправился в Египет (в Каир), где быстро наступило улучшение в его здоровьи. Он решил вернуться в Россию, но по дороге снова заболел.

В 1882 году он оказывается в Неаполе, после многих переездов с места на место. В это время у него сильно обострился легочный процесс (бугорчатка). Он был настолько тяжело болен, что ходил с трудом, страдал одышкой. Впрочем, это не мешало В. Н. отдаваться умственной работе.

[1]) «К брату в Вятку Вас. Ник. не ездил». *Прим. А. Ф. Фортунатова.*

Он интересовался историей, мечтал о выздоровлении, собирался в Америку, где хотел получить «закал», чтобы с новыми силами и по-новому принять участие в революционном движении, преданность которому в нем не ослабевала ни на мгновение. Очень любил он углубляться в чтение «Капитала», который обстоятельно штудировал еще в Петербурге.

После Неаполя В. Н. поехал в Палермо (на острове Сицилии), затем на Ривьеру. А летом 1883 года перебрался в Швейцарию, где жил последовательно в Кларане (Clarens), в Глионе (Glyon) над Женевским озером, в Виллари над Ронской долиной.

В Швейцарию приехал и брат его Илья, отбывший свою ссылку. Здесь Игнатовых постоянно навещали: Плеханов, Дейч, Засулич, иногда наезжал из Цюриха Аксельрод. Довольно часто также братья с своей стороны ездили в Женеву, иногда вместе, иногда порознь. Вернувшись из одной такой поездки, В. Н. сообщил брату о том, что образовалась новая группа под названием «Освобождение Труда». Это не было неожиданностью для И. Н., так как вся подготовительная работа прошла перед его глазами [1]). Вас. Ник. был очень оживлен и полон надежд на будущее этой группы.

Летом 1884 года В. Игнатов опять едет в Палермо, затем в Лугано, откуда немного спустя — в Ниццу. У него начинаются кровоизлияния, продолжавшиеся месяца полтора. От легочного же кровоизлияния В. Н., повидимому, и умер в ноябре 1884 года, не позабыв завещать новой группе деньги, предназначенные на его лечение.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Кроме указанных выше неточностей, помещенных в выносках, проф. Ал. Фед. Фортунатов, бывший школьным товарищем и другом братьев Игнатовых, согласился сделать еще следующие поправки и дополнения к воспоминаниям Евд. Ник. Игнатовой об ее братьях, напечатанным в № 1-м наших «Сборников». *Ред.*

[1]) Неверно все сообщение: кроме Плеханова, с'ездившего к ним за деньгами, никто другой из нас не был у них, но они к нам в Женеву два раза приезжали. (См. «Первые шаги груп. «Осв. Тр.», Сб. № 1. *Л. Д.)*

1. Из школьных товарищей на братьев Игнатовых оказывал влияние Константин Адольфович Люри, рекомендовавший им чтение преимущественно Писарева и популяризаторов естествознания.

2. Илья Николаевич окончил гимназию 18-ти, а не 17-ти лет.

3. Василий Николаевич гимназии не кончил, не получил аттестата зрелости по неудовлетворительности отметок из древних языков, что не помешало приему в Технологический Институт. Из Технологического Института Василий Николаевич был исключен по так называемой «Ермаковской истории».

4. В Медико-Хирургическую Академию он был принят на ветеринарное отделение.

5. Илья Николаевич был арестован не вечером, а днем.

6. На Селезневской улице помещалась Сущевская часть, а не пожарное депо.

7. Могу подтвердить совершенно выдающееся знакомство Василия Николаевича с «Капиталом» Маркса, — сообщает в заключение уважаемый Ал. Фед. Фортунатов.

Л. ДЕЙЧ

ИЗ КАРИЙСКИХ ТЕТРАДЕЙ [1])

III.

ПЕЧАЛЬНАЯ ВЕСТЬ С РОДИНЫ

Помню, однажды в знойный июльский день Жорж зачем-то пришел к нам днем и вскоре, перебегая с предмета на предмет, завели мы какой-то спор об астрономии. Чтобы позабавить [нас], Плеханов стал утверждать какую-то явную несообразность; мы с Верой Ивановной возражали ему, ловили его на противоречиях и много смеялись, [когда] открылась дверь, и вошедшая «Рыженькая Вера» [2]) с какой-то дамой сказала: — «Вот вас спрашивают», после чего исчезла.

Незнакомая дама, протянув руку, произнесла:

— Не узнаете?

Тогда только Жорж обрадованным голосом воскликнул:

— Екатерина Дмитриевна [3])! Какими судьбами?

— А такими, что всех уже переарестовали: нас осталось только трое — Лев, Вера и я, — ответила она с грустью. Лев тоже сюда едет, а Вера пока еще не согласилась, но, вероятно, убедится скоро, что нечего больше делать.

Не могу описать, какое ужасное впечатление произвели на нас, — на меня в особенности, — ее слова: уже и до того, в виду отсутствия известий из России и тревог Марьи Николаевны, можно было предполагать, что положение

[1]) См. Сборник № 2.

[2]) Так мы называли жену землевольца Александра Хотинского.

[3]) Е. Д. Сергеева, член «Исп. Ком.», жена Тихомирова.

народовольцев плачевно, все же имелась еще надежда, что, — как это и раньше уже случалось, — они лишь временно дезорганизованы и скоро снова оправятся. И вот вдруг узнаем о полном разгроме еще недавно казавшейся неуязвимой партии и о бегстве за границу последних могикан!

Присев к столу и закусывая, Екатерина Дмитриевна стала подробно и очень откровенно рассказывать нам о всем случившемся в последнее время.

— Партия наша, — говорила она, — не разрушена, т.-е. зеленая молодежь, разделяющая народовольческую программу, существует, но организации больше нет, и она не может уже вновь создаться.

По ее словам выходило, что нет элементов, которые могли бы заменить арестованных старых членов «Исполнительного Комитета». Да и будь они, — при теперешних приемах полиции с Судейкиным во главе, совершенно невозможно удержаться в столицах и в больших городах. Они с Тигричем и Верой [1]) потому лишь уцелели, что жили в последнее время в провинции. Ни серьезных связей, ни материальных средств нет у них, и им с трудом удалось достать немного денег на ее от'езд за границу. Между прочим, Екатерина Дмитриевна рассказала, какую уйму шпионов развел Судейкин повсюду и к каким тонким и хитрым махинациям прибегал он для выслеживаний и арестов народовольцев. Укрыться от повсюду им расставленных сетей нет решительно никакой возможности. Организация «Народн. Воля» обречена, таким образом, на гибель.

Все это она сообщила таким тоном и так откровенно, словно мы всегда были самыми близкими людьми, перед которыми не следует ничего скрывать. Это, признаться, нас несколько удивляло с ее стороны, и мы об'ясняли себе это ее полным отчаянием относительно будущего их партии, под влиянием разразившегося окончательного разгрома «Народной Воли». Отчасти своим внешним видом, а еще более откровенными [своими] излияниями она напоминала мещанку или поповну, попавшую, было, на время в важные барыни, но, после неожиданного несчастья, снова воз-

[1]) Кличка Тихомирова; Вера Николаевна Фигнер.

вращенную в «свое первобытное состояние». (Промеж себя мы и дали ей кличку «попадьи»). Всегда некрасивая, — толстая, с неправильными чертами лица, — она стала еще хуже теперь, в виду последних месяцев ее беременности.

Окончив рассказ о постигших «партию» бедствиях, она, с присущими ей мещанскими приемами, стала жаловаться на свое бедственное материальное положение и тут же начала расспрашивать, где и как ей удобнее устроиться в виду близких родов.

Обсудив [сообща] ее положение, [мы] нашли, что ей всего лучше устроиться в Женеве, куда Марфуша [1]) вызвалась поехать с ней, чтобы там получше ее устроить. Хотя нас в очень сильной степени огорчили сообщения Екатерины Дмитриевны, все же мы были рады, что хоть эти трое уцелели, и что Тигрич также решил уехать за границу.

Но странное дело! После первого тяжелого впечатления, произведенного ее сообщениями, оставшись вскоре наедине с Марфушей, когда Екатерина Дмитриевна ушла с Жоржем в Божи, я не только не впал в уныние, — что было бы вполне естественно, — но, наоборот, почувствовал, что снова начинает во мне просыпаться деловое настроение. Все наши заграничные предприятия: типография, уже отпечатанные в ней издания и другие проектировавшиеся в близком будущем издания «Красн. Креста», а также связи с отдельными лицами и группами,—все это имело смысл не само по себе, а ввиду существования в России обширной и популярной организации и наших с нею сношений. Теперь же оказалось, что последней нет, и, судя по вполне правдивым рассказам Екатерины Дмитриевны, немыслимо было надеяться на появление ее в близком будущем.

«Однако — стал я размышлять — невероятно, чтобы движение, существующее без перерыва около десяти лет, вдруг сразу окончательно прекратилось. Возможен более или менее продолжительный перерыв, изменение направления, но трудно думать, чтобы бесследно прекратилось все то, что уже разбужено и вызвано наружу революцион-

[1]) Революц. псевд. Веры Ивановны Засулич.

ным движением. Поэтому, уцелевшие еще и не могущие примириться с существующей в России действительностью лица устремятся за границу, и здесь, подобно тому как это уже было в 1872—1873 г.г. в Цюрихе, снова произойдет оживление; таким образом, здесь создастся естественный центр для пропаганды путем печати и устно, среди наехавшей молодежи. Тогда явятся средства и возможность отсюда предпринимать что-нибудь для поддержания социалистического движения в России. Мы, бывшие чернопередельцы, сможем или вполне самостоятельно, как независимая группа, или же заодно с Тигричем, Марьей Николаевной и др. из-за границы стараться о создании в России элементов и об установлении с ними связей. Поэтому не только неотчего пока приходить в отчаяние, но, наоборот, вероятно, что нам предстоит в близком будущем масса дела».

Когда я изложил Марфуше свои соображения, она вполне согласилась с ними, найдя их верными и осуществимыми. Помню, тогда же, разговаривая по поводу моих предположений о предстоящей в близком будущем роли заграницы как временного центра для влияния оттуда на Россию, мы вспомнили об оказавшемся вещим сне, снившемся мне более чем за год до того [а именно], что Судейкин, бывший тогда в Киеве, переведен в Петербург, где ему удалось переловить всех крупных уцелевших народовольцев: теперь, судя по сообщению Екатерины Дмитриевны, почти вполне сбылся этот сон. Но, — что еще страннее — я тогда же сказал Марфуше, что разгром «Народной Воли» кладет начало торжеству марксизма в России, и мы с Жоржем явимся основателями первой ячейки. Марфуша устремила на меня взгляд и сказала:

— А ведь это верно!

Но, создастся ли за границей «очаг» революции и если — да, то когда еще это случится, а пока нужно было что-нибудь предпринять с типографией, в которой продолжали находиться два постоянных, с месячным жалованьем, наборщика. О возможности в близком будущем приступить к печатанию журнала и думать нечего было, после сообщений Екатерины Дмитриевны. Совсем закрыть ее хотя бы на время я находил непрактичным по многим соображениям, между прочим, и потому, что не хотел, чтобы эмигрантская публика увидела в этом столь быструю ликвидацию дел. Я поэтому остановился на решении сократить «штат», а также и «оклады служащих». Я написал Ивану и Вас — у [1]), что ввиду отсутствия надежд на работы в близком будущем нельзя содержать двух наборщиков и предложил Вас — у с следующего месяца искать себе занятие где-нибудь в другом месте. Ив[ану] же, вместо 150 франков в месяц [60 р.], предложил довольствоваться только сотней [40 р.]. Затем, когда Вас[илев]ский пристроился в типографии «Вольн. Слово», я снова стал отыскивать работу для одного Ивана, а так как печатание «Автобиографии Худякова», присланной Лавровым, уже приходило к концу, я надумал издать 2-ю книжку «На Родине».

Помню, что из помещенного мною в ней материала особенный интерес представляло письмо Елены Антоновны Косич к Ане [2]), в котором она описывала свой переезд из Олонецкой губ., где она была в ссылке, в Зап. Сибирь, а также статья приехавшего Тигрича, в которой изображалось ужасное положение где-то в [улусе] Якут. области за пустяки высланного туда некоего Шиллера. Представляли также интерес помещенные там слухи о Чернышевском. В конце книжки снова приложен был отчет «Загр. Кр. Кр.». Нельзя было также думать пока об устройстве постоянной доставки через герман[ско]-русскую гран[ицу] наших женевских изданий, так как некому было их доставлять [туда].

И вот, кроме незначительного количества экземпляров, отдаваемых мною заграничным книгопродавцам на комиссию, все почти издания лежали в типогр[афии]. Пока я решил пользоваться случайными оказиями для пересылки хоть в 2—3 экз[емплярах] каждой брошюры в Рос[сию], в какие представлялось возможным города и местности. Таковыми оказиями являлись, главным образом, возвращавшиеся домой на каникулы студентки и очень редко — путешественники, вояжеры.

[1]) Иван Васильевич Бохановский и эмигрант Василевский.

[2]) А. М. Розенштейн-Макаревич (Кулешова-Турати); Косич — сестра в свое время известного генерала, приятельница Ани, принадлежала к «сочувствовавшим» и была за дружбу с последней выслана админ. на Север, а потом оттуда — в Сибирь.

Я решил не упускать ни одного такого уезжающего, не обменявшись с ним адресами и не условившись относительно переписки, а также, если представится возможность, чтобы он прислал мне рукописи для печатания у нас, а я ему буду стараться посылать наши издания...

Ввиду сообщений Екатерины Дмитриевны о разгромах в России, Марфуша также не могла более рассчитывать на сношения с «центр. груп. Красн. Кр.», которой, вероятно, и след простыл. Поэтому она решила впредь, не прекращая сборов для «Красн. Кр.», стараться по возможности самой непосредственно заботиться о посылк[ах] небольших сумм лицам, высланным и заключенным, через их родственников и знакомых. Она таким образом, помню, несколько раз посылала Зунделевичу через Анку, лично знавшую его родных в Вильно, передавала Котурницкому [псевдоним] для отправки его брату (Кобылянскому), а также дала Элизе Реклю некоторую сумму, чтобы он отправил ее Клеменцу, от своего имени. Но не помню, получала ли она [В. И.] уведомления о том, что эти посылки дошли до названных лиц.

С'ездив в Женеву для устройства там Екатерины Дмитриевны, Марфуша скоро вернулась обратно и сообщила, что Екатерина Дмитриевна не только там откровенно рассказывала о полнейшем разгроме «Исп. Ком.», но что она то же делает и перед совсем посторонними лицами, напр., Добровольским, который, при его отрицательном отношении к «народовольцам», мог пересказать узнанное другим. Нам это казалось вовсе непрактичным и неуместным. Поэтому мы же, не принадлежавшие к «Нар. Воле», должны были указать Екатерине Дмитриевне на то, что вовсе не следует откровенно рассказывать посторонним людям о действительном положении дел в России, что этим она в глазах эмиграции может многое потерять и повредить в будущем их же направлению.

Какая, — неправда ли, — странная перемена ролей? Мы, недавние чернопередельцы, должны были внушать старой народоволке о необходимости не ронять их престижа [1])!

---

[1]) Спрашивается, мыслимо ли было бы такое с нашей стороны отношение, если бы наше намерение присоединиться было неискренним?

Из Женевы Марфуша привезла также следующее загадочное и таинственное сообщение. Однажды она неожиданно встретилась там с Дебогорием-Мокриевичем, который с предыдущего года жил безвыездно в Париже. Он, Россель и Луцкий [1]) совсем уже собрались ехать в Марсель, чтобы оттуда направиться через Константинополь в Вост. Румелию, как вдруг получается от Драгоманова телеграмма, в которой он приглашает Мишку [2]) приехать в Женеву по очень важному делу, на его счет. Здесь Мишка узнает, что какой-то господин, имеющий крупные связи в России, приехал оттуда с специальной целью разыскать за границей лиц, близко стоящих к «Испол. Ком.»: последнему он намерен предложить от имени некоторых высокопоставленных особ очень заманчивые условия с тем, чтобы, в интересах либеральной придворной партии, «Исп. Ком.» прекратил до коронации террор, обещая, благодаря этому, добиться от царя амнистии и политических свобод. Не считая себя вправе вступать с этим господином в какие-нибудь переговоры, Мишка снесся с Мар[ьей] Николаевной, приглашая ее также приехать в Женеву. Она же нашла более удобным, чтобы Мишка с этим господином приехали в Париж. За серьезность этой истории, казалось, говорило, кроме больших издержек со стороны этого господина, — как приезд Мишки в Женеву, так и обратный с ним состоялся в 1-м классе экстренного поезда, — и имевшаяся у него рекомендация к Драгоманову. Марфуша, очевидно, проникшаяся взглядом на это дело Драгом[анова] и Мишки, выразила неудовольствие, когда я попытался скептически отнестись к нему. Как бы то ни было, согласно просьбе Мишки, мы никому не сообщали об этом.

[О дальнейших перипетиях этой «таинственной истории» я уже рассказал в предыдущем Сборнике. Там же, между прочим, я упомянул о встрече меня на вокзале в Берне Плехановым и Анной Марковной Макаревич-Кулешевой: ей в моих карийских тетрадях посвящено немало страниц. Здесь приведу оттуда об упомянутой встрече с нею в Берне.]

---

[1]) Псевдоним д-ра Судзиловского; Луцкий — бывш. морской офицер, народоволец; о нем см. в кн. «16 л. в Сибири».

[2]) Революционная кличка Дебогория-Мокриевича.

IV.

АНЯ

С Аней я не виделся больше года: в последний раз она приезжала в Женеву весной в 1881 г., когда нас с нею однажды заперли вечером на о-ве Руссо [1]). С тех пор до лета 1882 г. она прожила в Лугано, где родила девочку и с грудным ребенком на руках решилась начать изучение медицины, что многие находили с ее стороны очень энергичным, но выражали сомнение, чтобы она довела это до конца. Со мною она давно хотела поскорее свидеться и очень обрадовалась моему приезду. Я вполне одобрил ее намерение изучать медицину еще когда она со мною об этом советовалась на о-ве Руссо, так как я надеялся, что обширные занятия вполне поглотят ее время и лишат ее возможности хандрить, не говоря уже о том, что в будущем диплом врача мог ей пригодиться как средство для самостоятельной и независимой жизни. Но при встрече в Берне я заметил, что мои надежды относительно целебного свойства медицины от хандры не вполне оправдались: по физиономии, по тону ее голоса и по отдельным фразам мне нетрудно было заключить, что душевное ее состояние попрежнему тяжелое, что ее сосет какой-то червь. Как я уже сообщил, мы с ней были в очень хороших отношениях, и она охотно изливалась мне в своих скорбях. Но теперь ей, видимо, тяжело было говорить о причине своей грусти, а я не старался навести ее на эту тему, инстинктивно даже почему-то не хотелось, чтобы она сама заговорила вполне откровенно. Об'яснить этого ощущения я не мог тогда, но теперь, спустя много лет, я, кажется, отгадал причину ее тоски, и мне понятно тогдашнее мое отношение к ней. Могу без преувеличений сказать, что Аню я любил самым чистым братским чувством. Мне приятно было, что она отличается редкими и разнообразными способностями, я радовался ее успехам в занятиях, гордился, что у моей приятельницы блестящий, быстро все схватывающий ум, мне жалко бывало, когда я видел ее тоскующей и неудовлетворенной. Нравилась мне также ее изящная фигура, и я чувствовал себя легко и приятно в ее обществе. Она не отличалась особенно глубоким умом, но этот недочет вполне возмещался присущей ей изумительной быстротой мысли и сообразительностью, — чертами, часто помогавшими ей по намеку, с полуслова отгадывать и схватывать твою мысль, понять твое настроение или отдельное ощущение.

[1]) Беседуя в сумерках, сидя на скамейке, мы не расслышали звонка сторожа, предупреждавшего о закрытии калитки. Только после длинной процедуры, при содействии прохожих и полицейского, нам удалось с помощью лодки выбраться на берег; это дало повод репортерам создать небезынтересный «роман», появившийся затем на столбцах местных газет: молодые, мол, знатные два иностранца до того увлеклись беседой на поэтическом острове, что забыли про все на свете и т. д. Немало было по этому поводу толков, рассказов и шуток среди женевцев. Между тем, помню, я с Аней обсуждал тогда самый прозаический вопрос, — поступать ли ей на медицинский факультет?

Кстати: странное у меня было отношение к ней. Во всех почти близких или просто нравившихся мне людях я всегда находил какой-нибудь недостаток, мысленно желал, чтобы в них не было того или другого свойства, или, наоборот, чтобы [они] имели то качество или черту характера, которая у них отсутствовала. Аня же мне нравилась такой, какова она была, и, конечно, не потому, что я не находил у нее недостатков или был чересчур к ней пристрастен. Думаю, что она сама и все ее близкие признали бы, что я отлично ее знал, и именно потому я и любил ее. Лучше, чем кому другому, мне была известна ее способность быстро увлекаться и, поддавшись минутному чувству, совершить легкомысленнейший поступок, который потом всю жизнь будет вызывать у нее угрызения совести. Но во мне эти черты ее не вызывали серьезного чувства недовольства ею. Никогда, поэтому, не являлось у меня желания изменить ее характер в этом отношении и не потому, чтобы я считал это невозможным или трудным и мирился с ее недостатками, а вернее оттого, что даже и эти ее недочеты мне в ней нравились. Таково было тогда мое отношение к Ане.

Видя ее грустное настроение, я об'яснял его себе недовольством сложившейся жизнью. Человек с сильной страстью к широкой общественной деятельности, с большим политическим честолюбием, она, после продолжитель-

ного, успешного и доставившего ей значительную известность в Европе участия в социалистической деятельности, увидела, что, в сущности, ничего не может сама предпринять, что ее роль излишня, и она годна лишь в качестве дополнения к мужчине. Мириться с второстепенной деятельностью самолюбие ее не допускало, и вот, после многих лет громкой, но бесплодной деятельности, сопряженной с многократными сидениями во французских и особенно в итальянских тюрьмах, она оказалась вне всякой почвы: от России она давно оторвалась и считала себя чуждой ее и к западно-европейской деятельности не пристроилась. И вот, когда у других в ее возрасте жизнь окончательно уже определяется, устанавливается, Аня должна была только сызнова начинать, к тому же на другом поприще. Ко всему этому присоединялись, вероятно, и скорбь о неудавшейся в личном отношении жизни, довольно частая смена привязанностей и непрочность ни одной из них, а, может быть, также и угрызения совести за многое, и за что-нибудь в особенности, в довольно разнообразном и богатом впечатлениями прошлом ее. Я никогда не говорил с ней подробно обо всем вышеизложенном, но думаю, что я верно об'ясняю причины ее тоски в Берне, давшей Жоржу повод тогда же назвать ее «кающейся Магдалиной».

Как и всегда прежде, она, с поступлением в университет, проявляла неутомимую и интенсивную деятельность, употребляя мало времени на сон и отдых. Занятия ее, несмотря на возню с грудным ребенком, шли очень успешно. Знакомств она почти не вела никаких, сошлась только с одной старой и очень добродушной студенткой, некоей Боголюбской, принадлежавшей к тому типу женщин, вся жизнь которых проходит в хлопотах и заботах о семье близкого человека.

В своей девочке Аня души не чаяла и чуть не молилась на нее, почему Марфуша впоследствии и прозвала ее «Идоленком» (настоящее ее имя «Андрианна»; от Андрея (Коста) и Анны.) В материальных средствах она не нуждалась, — получала от отца столько, чтобы, посещая университет, жить без лишений с девочкой, требовавшей ухода наятой женщины. Пока довольно об Ане.

П. Б. АКСЕЛЬРОД

ТОВАРИЩАМ В ШВЕЙЦАРИЮ

(по поводу программы и объяснительной записки)

Нижеследующее письмо, найденное мною среди моих рукописей, хранившихся у Плеханова, требует предварительного об'яснения.

Из прежних моих сообщений уже известно, что после нашего (Плеханова, Засулич, Стефановича и моего) от'езда за границу и разгрома «Черного Передела», Аксельрод, сообща с немногими уцелевшими членами, а также и с присоединившимися новыми лицами организовали кружок, названный ими—обществом «Земля и Воля», о котором довольно подробно сообщила О. К. Буланова в № 1-м нашего сборника. С составленными для этого кружка Аксельродом программой и об'яснительной к ней запиской была весной кружком отправлена, в качестве делегатки к нам за границу, уцелевший член прежнего состава — Евгения Рубанчик (по мужу Козлова) для ознакомления с этими документами не только нас, черно-передельцев — Плеханова, Засулич, Стефановича и меня, но также Кравчинского, Драгоманова, Жуковского и Эльсница, которых Аксельрод тоже пожелал привлечь к литературным предприятиям и вообще для оказания в той или иной степени содействия происходившему в России народническому движению. Из-за снятия Драгомановым копий с этих рукописей, оставленных приезжей делегаткой ему на прочтение, вышла крупная история, которую В. И. Засулич прозвала «Драгоманиадой»; о ней — в другой раз.

Между прочим, не могу не обратить внимания на то, что это письмо П. Б. Аксельрода является самым старым документом, сохранившимся, насколько могу вспомнить, не только среди имеющихся в нашем распоряжении документов, но и в архиве кого-либо другого из бывших деятелей того отдаленного времени.

Л. Д.

21 июня 1880 г. Из Румынии [1]).

Вы уже получили коллективные письма пигерцев и москвичей. Полагаю, что вы с бо́льшим вниманием прочитали эти письма, чем посланную об'яснительную записку. Отчасти по нездоровью, отчасти по нежеланию входить в разбирательство ваших отношений к начинаниям нового кружка, так как мне трудно об этом говорить хладнокровно с товарищами, от которых я другого ожидал, я резюмирую вкратце пределы полномочий, которыми я снабжен для переговоров с вами:

1) относительно культурной деятельности вам предоставляется сделать такие изменения, чтобы эта часть об'яснительной записки не производила такого впечатления, какого вы опасаетесь;

2) относительно специальных требований важно, чтобы вы выяснили их значение в записке, указав на них в программе в более или менее общих чертах;

3) что касается до придания программе общерусского характера, то это мыслимо только при условии присоединения к ней поляков и Драгоманова. Мы, в свою очередь, не настаиваем на соглашении с ними, но зато в таком случае не стоит говорить за всю Россию. Наконец,

4) программа партии должна быть отдельная от программы общества, в которой только должно быть заявлено о ее принципиальной солидарности с партийной программой. Если в указанных пределах вы считаете возможным соглашение между нами, то сообщите немедленно в Яссы по следующему адресу [следует адрес].

Если вы считаете возможным, сговоримся письменно, так как и денег жаль, да и почитать хочется в течение этих двух — двух с половиной месяцев. Но если вы считаете необходимым, чтобы я приехал, то приеду, как только получу деньги из Питера (дней через 10). Считаю необходимым вас предупредить, что письмо московских украинцев к Драгоманову, о котором упоминается в письме к вам, не послано еще, так как решено было, чтобы только в таком случае обратиться с этим письмом к Драгоманову, если вы ради выработки общерусской программы найдете или, точнее, согласитесь войти с ним в переговоры. Вообще, благодаря вашему испугу нескольких слов и фраз, не заключенных в катехизисах и особенно еретических тем, что напоминают нелюбимого вами Драгоманова, благодаря этому замедлилось и дело вашего издания и вообще до некоторой степени парализовало нас. Если бы мы не надеялись на вас, мы бы не откладывали устройство заведения в долгий ящик. Если бы вы прочитали записку с тем вниманием, с каким читает всякий добросовестный человек литературное произведение, то вы бы легко отметили в ней существенное от несущественного и, не опасаясь неудовольствия, исправили бы эти места. Но, увидев название, напоминающее пропаганду Драгоманова, вы уже наперед возгорели негодованием, хотя Женька и Ярослав [1]) самолично *согласились* с рабочей об'яснительной запиской, вполне тождественной с присланной вам. Как они ухитрились так истолковать то, с чем они соглашались какие-нибудь 3 месяца до того? Но довольно об этом, — на одном листке все равно не разберешь этих разногласий. Только об одном прошу вас, особенно Жоржа. Если вы не находите возможным соглашение и не находите целесообразным сделать литературные поправки, то пришлите мне сюда рукопись. Если вы находите возможным и даже письменно, то вышлите мне сюда проект ваших изменений. Что до меня касается, то я, по чистой совести, не могу даже представить себе расхождение между нами в такое время и расхождение, в сущности, из-за названия, потому что относительно других пунктов существует непростительное с вашей стороны недоразумение, говорю *непростительное* потому, что я даже в письмах указывал на несущественное значение редакции специальных требований или, вернее, указывал на неудовлетворительную редакцию. Насколько мои письма перетолковываются, видно из того мелкого факта, что Дмитро перепутал мое приглашение к нему и к Евгению свидеться

[1]) Для переговоров с вами, а также, чтобы отдохнуть и повидаться с семьей, П. Б. Аксельрод отправился летом 1880 г. на время из Петербурга в Румынию, откуда, смотря по ходу переписки с нами, женевцами, предполагал, что или он сам к нам приедет, или от нас кто-нибудь к нему отправится. *Л. Д.*

[1]) Женька, Евгений — Дейч; Ярослав, Дмитро — Стефанович.

в Румынии с выраженным желанием, чтобы он попал на с'езд в Москву, если думает скоро ехать. Кстати: ты, Дмитро, пишешь, что не можешь приехать теперь, что бы мы ни говорили о тебе. Вообще, что до меня касается, то это дополнение было совершенно лишнее, так как я, вообще, не склонен к легкомысленным осуждениям в подобных обстоятельствах, а тем более по отношению к человеку, которого я 4 месяца тому назад считал искренним революционером. Без крайне важных фактов, я не имею обыкновения так скоро менять свое мнение о товарище; что касается до других, то мне не приходилось слышать особенно определенных отзывов на ваш счет, но, кажется мне, что слухи, распространяемые террористами о вас, кое-где возымели некоторое влияние.

В ожидании вашего ответа, шлю вам свой привет.

Павел.

Когда пришло это письмо, никого из моих друзей не было в Женеве. Поэтому я, по прочтении, переслал его Стефановичу с нижеследующей припиской:

«Как видишь, Дмитро, Павел очень зол. Но я вполне понимаю его и вхожу в его положение: мы, — невольно, конечно, — все же затормозили его начинания. Много виновата Евгения [1]), которая, будучи делегатом, сама не прочла об'яснительной записки и не сказала, что в ней существенно и что нет. Пока все соберутся ответить ему, так сказать, официальным деловым письмом, я напишу ему сегодня частное, ласковое письмо, чтобы смягчить его.» *Евг.*

Л. Д.

---

[1]) Рубанчик-Козлова.

ПИСЬМО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА «НАР. ВОЛИ» К ЗАГРАНИЧНЫМ ТОВАРИЩАМ [1])

На экземпляре, отправленном С. Степняку, имеется пометка рукою Дейча:

«Прислано из России с перечнем следующих лиц, которым только нужно дать его на прочтение: тебе, мне, Вере, Жоржу, Павлу, Лаврову, Кропоткину, Гартману, Александру (Хотинскому), Василию (Игнатову), и Ивану (Бохановскому), *Евг.*».

[Л. Д.]

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО НАРОДОВОЛЬЦЕВ

[Нач. фев. 1882 г.]

Дорогие товарищи!

За последнее время обстоятельства сложились таким образом, что фактическое сближение между нами на одной работе делается все более нужным. В то же время с вашей стороны все чаще слышатся голоса, заявляющие о вашем желании работать. Нечего говорить, как важно и как приятно для нас это последнее, обещающее и новый приток сил и уничтожение или ослабление разных раздоров, недоразумений и т. п., до сих пор в известной степени парализовавших успех нашего общего дела. Об этом, друзья, распространяться излишне. Но вместе с тем у нас является

---

[1]) Я получил этот важный документ при следующем письме: Лондон. 4/VII—1924 г.

«Дорогой Евгений, очень рада, что могу вам услужить письмом Исполн. Ком. «Народной Воли»: оно, конечно, имеет исторический интерес, и в данном случае, т.-е. для вас, оно является очень важным. Пожалуйста, пользуйтесь им, как найдете нужным. Большой привет вам from your old friend [от вашего старого друга] Фанни. *Л. Д.*

забота другого рода. Важно количество сил, но еще важнее единомыслие. А между тем мы имеем, к несчастью, слишком много доказательств, что у вас нас часто совершенно перетолковывают. Ну, разумеется, союз, основанный на недоразумении, это хуже чем ничего. С другой стороны, это недоразумение слишком естественно после того продолжительного отсутствия из России, особенно при отсутствии связи, переписки, при невольной сдержанности нашей печати, часто не договаривающей наших мыслей. Принимая все это во внимание, мы решаемся в настоящее время обратиться к вам письменно с разрешением хоть таких пунктов, относительно которых некоторые недоразумения уже, несомненно, у разных лиц в разном смысле проявлялись. Недавний пример этого представляет речь П[авла] на конгрессе, — речь, по слухам, имевшая цели примирительные и, однако, не только запутывающая дело, но и прямо для нас вредная, да и вообще вредная. Для того, чтобы действовать рука об руку, как товарищи, мы должны согласиться в основной точке зрения и выяснить ее, что и есть самая трудная задача. Тут важны не подробности, не частности, не то, что один — социалист, а другой — политический радикал, не то, что один действует в народе, а другой среди военных... Все это частности, в которых можно расходиться, не переставая работать одному богу. И существенная черта народовольцев, его (их?) отличие от революционных направлений именно в том, что для народовольцев все такие вещи частности. С начала до конца народовольство было направлением *немедленного действия, государственного переворота* [1]), в том его характерность, определяющие (?) и все дальнейшие особенности. Понятно, что если мы ставим себе такую цель, то исключительно потому, что верим в близость революции, верим в существование естественных пособников революции, верим в способность народа действовать революционно. Вообще мы считаем революцию подготовленной и полагаем, что теперь остается подготовить только самый переворот, который и будет началом революции. Переворот государственный — это наше быть или не быть. Если он будет, то революция сразу приобретает правильное течение. Если его не будет, то революционное движение может заблудиться, извратиться и утратить большую часть своей полезности. Итак, наша цель — *государственный переворот*. Его нужно сделать. Отсюда вытекает вопрос *организационный*, самый важный из всех, без которого народовольство — фарс. Весь смысл нашего существования в захвате власти (нами, повторяю, или чернорабочей массой, это все равно), в перевороте, который может быть только *насильственным*, а стало-быть, требует силы, силы и еще силы. Собирание, развитие, организация активной силы составляет, значит, главнейшую нашу задачу. Этой цели подчиняется у нас *все*: программа, тактика, все интересы, все вопросы. Все, что мы делаем, делаем только для этого. Это вы должны глубочайшим образом понять, если хотите быть с нами. Вся наша деятельность есть старание собрать эту силу. Судить наши поступки можно только с точки зрения того: целесообразно ли данное действие в интересе собрания силы. Нужен ли террор? Нужны ли газеты? Нужно ли изменение программы? Нужна ли деятельность среди молодежи, среди рабочих, военных, крестьянства, в земстве, в интеллигенции и т. д.? На эти все и все подобные вопросы мы отвечаем: а сколько силы даст то или другое? Что дает более силы для совершения переворота (конечно, такого, как выше сказано) — то и важнее. С этой точки зрения обсуждаем мы все, и каждый, кто поступает так же — наш товарищ; каждый, кто не стоит на такой точке зрения, может быть скорее союзником, чем товарищем. Теперь, друзья, перейдем к частностям, к тем именно, о которых существуют недоразумения, или которые вам неизвестны, может быть, хотя и очень важны.

Прежде всего скажем о деятельности *в народе*. П[авел], между прочим, говорит в своей речи, что мы прежде считали возможным игнорировать народные массы, а теперь одумались. Стыдно говорить такие вещи! Незнание — не оправдание; тот, кто не знает, не должен и говорить. Вдумайтесь, друзья, в числа и факты и судите сами. Возьмите наши *слова* и наши *дела*. В своей *пропаганде* мы не игнорировали массы. Наша официальная программа составлена

[1]) Выражение «госуд. переворот» часто вводит в смущение, потому оговариваемся, что понимаем именно такой переворот, который делает владельцем всех сил и средств массу рабочую (и крестьянскую стало-быть); начало же этого переворота — захват власти революционерами.

в сентябре, октябре 1879 г., т.-е. буквально в момент землевольческого распадения. Эта программа составлялась коллегиально, а сверх того рассылалась для обсуждения всюду, где мы имели зародыши своих кружков. Стало-быть, она выразила общественное мнение партии в самый момент ее возникновения. Мы полагаем, что программа проникнута уважением к массе, сознанием всего громадного значения масс. Это видно в каждой строчке. Деятельности среди рабочих там отводится самое видное место. Деятельность в крестьянстве обозначена так, как это дело и есть возможно. Другие официальные литературные работы: «Подготовительные работы партии» и «Программа партии рабочих народовольцев» обрисовывают роль массы в революции *лучше, яснее*, чем что бы то ни было в России до тех пор. Итак, мы утверждаем, что партия в своей пропаганде не игнорировала народных масс, а, напротив, понимала их значение лучше, чем другие. Она отрицала собственно те формы *якобы деятельности* в народе, которые (правильно или ошибочно) считала *фразой*, болтовней о народе. То же самое должно сказать и о нашей газете, хотя заметьте, что мы, как партия, *безусловно* отвечаем только за официальные программы. Газетная статья находится под гораздо меньшим контролем, а потому легче может выражать индивидуальность того или другого автора. Тем не менее, и газета вовсе не проповедывала игнорирования масс. Это чистая выдумка, доказываемая «выдиранием фраз», а не общим тоном и духом газеты. Как бы то ни было, но об истинном смысле нашего *слова* нужно судить по *делу*. Перейдем к делу. Наше положение было в начале, как известно вам, самое бедственное. Денег нет, людей нет, имени даже нет. В своей организационной работе мы принуждены были считаться с чрезвычайными трудностями. Старый дух партии относился с отвращением к нашей задаче, основанной на государственности; полное нежелание подчиниться и дисциплинироваться подрывало организацию; наконец, у нас не было никакого авторитета; при таких условиях мы должны были собирать силы, имея еще на руках страшно трудную задачу — дать урок деспоту. Понятно, что силы собирались очень плохо, и затем собранное поглощалось в огромном % задачей, хотя и частной, но неизбежной (Ал[ександр] II).

Можно ли, по совести, при таких условиях обвинять нас, что мы не сделали того или другого? Мы, без сомнения, не сделали очень многого, но не потому, чтобы не хотели, а потому, что не имели силы. На нет — суда нет.

19 ноября нас несколько поправило. О нас заговорили, как о чем-то существующем. Но в то же время провалы типографий и пр. выхватили у нас множество людей и средств. Только 5 февраля поставило нас окончательно на ноги. Россия признала, что мы *есть*. Только с того момента мы получили некоторую возможность действовать согласно со своими стремлениями. Напоминаем, друзья, еще раз, что мы представляем не просто направление, а практическую задачу и организацию. Но организация во имя неизвестного бога, это — истинная мука — толчение воды в ступе. Повторяем, что ответственности за свои действия мы подлежим только с того момента, когда заработали себе какое ни на есть имя, известность чего-то реально существующего. И это случилось только с февраля 1880 года, или через 5 — 6 месяцев после возникновения народовольства как отдельной партии. И что же? Мы действовали всю весну 1880 г. очень деятельно среди рабочих в Спб., побуждая к тому же и все наши провинциальные кружки. К осени 1880 г. в Спб. у нас уже были сотни рабочих, человек 30 интеллигенции было направлено нами в эту сферу, в числе их самые талантливые и ценные из наших товарищей. Зимою 1880 г. у нас была основана типография и «Рабочая Газета» — первая, между прочим, в России по времени. В провинциальных городах, где были только народовольцы, везде шла деятельность и среди рабочих, иногда, как в Одессе, составляя *главную* массу всей революционной работы. Итак — пустая болтовня о том, будто бы народовольцы игнорируют народ, не имеет никаких реальных оснований, кроме того, что люди, распространявшие подобные слухи, были просто дети в революции и не умели примирить народовольческого отрицания некоторых форм деятельности в народе с деятельностью все-таки среди масс. В самом деле — об'яснение этого очень просто. Мы собираем активную силу. Где она есть, мы ее берем, где нет — туда и не суемся. Здесь кстати уместно будет сказать о крестьянстве. Мы, собственно, почти ничего в нем не делали, если не считать прокламаций да

очень робких помышлений о нар[одном] терроре. Но это не значит, что мы принципиально отказались от подобной деятельности. В этой, как и во всякой другой среде, мы руководимся тем соображением: чтобы силы затрачивались производительно, окупились получаемыми результатами. Но такой исход обусловливается двумя обстоятельствами: 1) характером об'екта действия; 2) количеством затрачиваемой силы. Ясно, что если бы мы могли пустить в крестьянство целую армию, то его можно было бы сдвинуть. Но, к несчастью, для того, чтобы крестьянскую скалу низвергнуть на правительство, нужны пуды пороха, а у нас его только несколько фунтов. Это вышел бы не взрыв, а фейерверк. Но, по мере того, как возрастают наши силы, у нас открывается более возможности воздействовать на крестьянскую среду, особенно в те минуты, когда она революционно возбуждена, или там, где она более сорганизована. Вообще, наша тактика по отношению к народу, это — наиболее экономно и скоро подготовить «содействие перевороту», о котором говорит программа. Необходимая (где возможно) организация, необходимое (где возможно) влияние на массы, популяризация партии как «активной и благожелательной народу силы» (см. опять программу) — все это мы преследуем насколько хватает силы, но всегда имея мерилом полезности работы — государственный переворот. Так мы всегда смотрели на работу в массе, так смотрим и теперь. Фактически же действовать в крестьянстве нам до сих пор приходилось очень мало, теперь же *несколько больше*.

Перейдем теперь к другому вопросу, возбуждающему, кажется, толки за границей, — именно о нашем *политическом радикализме и социализме*. П[авел] здесь опять ошибается в своей речи, будто мы были политические радикалы, а теперь перестали. Мы, какие были, такие и есть, т.-е. не радикалы и не социалисты, а просто *народовольцы*. Задачи наши заключают в себе элементы политического радикализма, так же, как и социализма, и иначе быть не может. Что касается до Земского Собора, то мы не понимаем, как можно серьезно сбиваться по поводу внешнего агитационного приема. Ведь мы Земский Собор требуем у правительства, а не у жизни, не у революции. У революции мы требуем, конечно, побольше, а чего — см. опять в прогр. И[сполн.]

К[омит.] (содержание *нашей* пропаганды) и прогр. рабочих. Не можем же мы требовать у правительства, чтобы оно вот так, непременно по-нашему и устроило. Это было бы настолько же неполитично, как и бесполезно, и, вообще, мы вовсе не желаем пугать умеренных. В настоящее время — единственно чего мы можем *требовать* — это апелляции к народу. А чего желаем достигнуть от этой апелляции — этого незачем кричать на весь свет. Мы никого не надуваем, но без нужды колоть глаза умеренным их будущей судьбой — это совершенно бессмысленно. А между тем, толки о нашем конституционном радикализме и пр. возникают именно потому, что люди не хотят понять разницы между *заговором* и *пропагандой*.

Пункт третий. Федерализм и якобинизм. Мы, собственно говоря, не федералисты. Нам кажется, что большие государственные союзы выгоднее малых. Чем больше народ, тем он сильнее, независимее, тем удобнее ему самостоятельно развиваться. Сверх того, необходимость правильного госуд[арственного] хозяйства стоит в полном противоречии с существованием мелких госуд. единиц. Область, составляющая один экономический район, поступила бы очень глупо, разделившись на несколько государств по национальностям. Но с развитием культуры современем весь земной шар составит один экон[омический] район, и поэтому наши идеалы вовсе не рисуют нам раздробление, напр., России. Тем не менее, излишне прибавлять, что определение своей принадлежности к тому или другому государству зависит всецело от самого народа. Принцип нар[одной] воли несовместим с насильственным подавлением национальностей, особенно таких, как, напр., Польша, которых историческое прошлое заставляет стремиться к национальности. Итак мы не препятствуем кому бы то ни было отделяться, но нельзя не заметить, что вопрос этот до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит в сущности.

Что касается нашего якобинизма, то опять не знаем, как сказать. Беда с этими иностранными словами. Поэтому мы лучше об'ясним вам. Во-первых, слово якобинизм в России очень загажено болтунами, а потому, что бы оно ни означало, мы себя якобинцами назвать *не согласны*. Затем, мы по убеждениям и стремлениям государственники, т.-е. при-

знаем за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила — а потому она должна быть умно организована. Госуд. власть была, есть и будет, вероятно, всегда. Поэтому мы обращаем на ее организацию такое же внимание, как на организацию экон[омических] отношений. Революция совершится только тогда, когда власть эта будет в хороших руках, а потому мы и стремимся захватить ее, так как народ, *пока* он раб тысячи других условий, ее все равно не удержит. Если бы госуд. переворот дал нам власть, то мы ее не выпустили бы до тех пор, пока не поставили бы прочно на ноги народ. Значит ли это, что мы якобинцы? Но что касается дальнейшего, то мы это народное опекание в вечную систему не вводим, и как только народ прочно утвердится, мы сочтем долгом созвать Земский Собор и пр.

Но, если мы даже якобинцы, то этого не проповедуем, потому что это была бы болтовня. Этим мы могли бы только вооружить против себя и дать повод к обвинению в деспотизме. Зачем же говорить? Для того, чтобы идея не пропала? Но тут нет никакой идеи. Каждый сильный и честный человек без всякой идеи не отдаст власти, если она к нему попадет, иначе как в надежные руки. Стало-быть, об этом толковать бесполезно и только вредно. Теперь еще вопрос о терроре. Вопрос этот страшно запутали у вас Морозов и Тарновский. Но вы сами виноваты. Вольно же всякой брошюре, которую кому вздумается написать, придавать программное значение. У нас есть программа официально утвержденная. У нас есть газета. Там значение террора вполне об'яснено и исчерпано. Что касается Мор[озова], то он именно по поводу своих взглядов на террор и разошелся с нами. Против его брошюры мы даже хотели возражать, да решили, что не стоит. Вообще—по вопросу о терроре отсылаем всецело к Прогр[рам.] И[спол.] К[ом.], где значение террора вполне исчерпано, хотя в немногих словах. Мы ему и придаем как раз такое значение, ни больше, ни меньше.

Теперь не мешает сказать еще несколько слов о внутренней организации партии, какую мы ей стараемся дать. Единомыслие в этом отношении особенно важно. Централизация, дисциплина, выборы сверху (т.-е. пополнение группы высшего порядка членами группы низшего порядка путем выбора первого, а не последнего) — вот основа нашей организации. Как личности (агенты), так и кружки (местные и специальные группы) одинаково подчинены этим правилам. Вообще вся система имеет целью создать сильный центр, усилить комитет. Местные и специальные группы в пределах своего ведения, однако, вполне самостоятельны и подчинены комитету только в главных делах. Вообще, — комитет, как центр (по системе), имеет у себя в прямом ведении все те силы, которые необходимы для произведения переворота; местные организации имеют в своем ведении всю работу, которая имеет целью *поддержать* переворот. По принципу — дело комитета сорганизовать боевую силу, а также утилизировать в целях переворота все созданное местными группами; местные же группы, главным образом, вырабатывают людей, создают связи в обществе, в народе и т. д.

Мы, разумеется, не можем предусмотреть всего, что может быть вам интересно или неизвестно. Но во всяком случае — вы, конечно, согласитесь, что для совместного действия нужно ясно понимать друг друга. Поэтому мы готовы будем отвечать на ваши запросы. Лучше столковаться заранее, чем расходиться после необдуманного сближения, тем более, что в большинстве случаев это расхождение даже прямо невозможно.

Настоящее письмо адресуется лишь поименованным лицам, так же, как и дальнейшая переписка этого характера (если она будет). Затем просим уничтожить. Насчет таких вещей, как захват власти и т. п., просим не распространяться в публике, по крайней мере, от нашего имени. Вообще мы очень бы желали, чтобы нас не характеризовали публике без предварительного соглашения. Затем, друзья, прощайте. По получении вашего ответа, мы, вероятно, обратимся к некоторым из вас с некоторыми просьбами и поручениями.

Полагаю, всякие комментарии излишни: добросовестные читатели видят теперь, насколько легкомысленны и несправедливы старые народовольцы, приписывавшие мне сочинение этого письма и потому обрушившиеся на меня со всевозможными тяжкими обвинениями на стр. «Былого» (см. № 25).

Л. Д.

С. КРАВЧИНСКИЙ

ПИСЬМО К ЧЛЕНАМ ИСП. КОМ. «НАР. ВОЛИ»

[Из Милана, в марте 1882 г.]

Дорогие друзья! Начну с одного совершенно частного вопроса, потому что, по-моему, он имеет очень важное общее значение — именно с выраженного вами неудовольствия П[авлу] [1]). Считаю себя в праве говорить об этом без всяких полномочий со стороны П., потому что я сам нахожусь с ним в одном положении, и то, что вы сегодня сделали с ним, то завтра вы можете сделать со мной, т.-е. напасть, накинуться, изругать ни за что ни про что, не разузнав даже хорошенько дела, а по каким-то слухам, неведомо откуда к вам долетевшим. — Ведь дело в том, что П. решительно *ничего подобного* тому, что вы на него взводите, не говорил. Подробно об этом писать не стану, потому что об этом вам, наверное, напишут женевцы с приложением подлинных документов, так как не сомневаюсь, что такое отношение ваше к одному из наших товарищей оскорбит их так же точно, как оскорбило меня. С своей стороны скажу только вообще: П. и не думал говорить того, что вы на него взводите. Этого не было даже *в первоначальном* отчете о его речи. Там было, по недосмотру редакции, кое-что другое относительно Желябова, против чего он, П., *печатно возражал*, так что само собою это место уничтожается. — О последнем факте вы, как видно, даже не слыхали. — Таким образом, господа, уж извините за правду, *вам* приходится сказать: «стыдно говорить такие вещи. Незнание — не оправдание: тот, кто не знает, не должен говорить» — ваша собственная фраза, господа, которая, как письмо в случае ненахождения адресата, возвращается отправителю.

Но это все пока относится только к нам лично, к небольшому кружку людей, живущих за границей, которым вы делаете честь, обращаясь к ним с предложением общей работы. Но этот вопрос имеет и более широкое, принципиальное значение, и потому-то я его и поднял.

[На этом, к крайнему сожалению, обрывается ответ: пока Фанни Марковна не нашла окончания его. *Л. Д.*]

---

[1]) П. Б. Аксельрод.

Л. ДЕЙЧ

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ В РОССИЮ

Мне уже не раз приходилось упоминать о том, что при возникновении группы «Освобождение Труда» Плеханов, Аксельрод и я обращались «к товарищам в России» с письмами, в которых, сообщая о причинах, побудивших нас выступить в качестве новой группы, просили о поддержке. Черновик 2-й части моего письма, сохранившийся в архиве Георгия Валентиновича, воспроизвожу здесь.

[Лето, 1883 г.]

...Когда уже окончательно сложились у нас вышеизложенные марксистские наши взгляды и когда, судя по некоторым данным, казалось, что и у народовольцев произошла перемена во взглядах, в смысле большего, чем прежде, напирания на рабочую среду (издание «Рабочей Газеты», заведение там организаций и пр.), — у нас завязались с ними переговоры о соединении. Как и теперь, мы и тогда находили крайне вредным для обще-революционного дела дробление сил и средств, а потому готовы были мириться с некоторыми разногласиями. Мы соглашались, как группа, примкнуть к организации «Нар. Воли», признавая в то же время выгодным удержать ее название, приобревшее большую известность. Подробнее ознакомившись, при переговорах с народовольцами, с их практическими задачами — совершением политического переворота с целью захвата власти, для чего было им необходимо, как они выражались, «собирание сил, где только они представляются» (их слова),—мы указывали им как на утопичность этой цели, так и на могущий произойти от нее сильнейший вред для социалистического дела. Тогда, в начале наших с ними переговоров, т.-е. весной прошлого года, они находили наши разногласия несущественными и

не могущими препятствовать нашему к ним присоединению. Затем, весною и летом прошлого года произошли обширные аресты в Москве, Питере и в др. гор. Почти все старики были арестованы, и вопрос о нашем соединении как с ними, так и немногими уцелевшими из них, был как-то забыт. Но мы, конечно, продолжали помогать «Нар. Воле» во всем, в чем только они нуждались и чем мы могли помочь. Наконец, летом настоящего года, ввиду предпринятого ими издания здесь «В[естн.] Н[ародн.] В[оли]», раньше, чем принять в нем то или другое участие, мы сочли нужным определить наши отношения к организации «Н[ародн.] В[оли]» и тем покончить с вопросом о присоединении. Но на наше заявление об этом народовольцы ответили, что присоединение целой группой к организации «Н. В.» не может состояться, так как этого не допускает их устав, но мы можем присоединиться к партии «Нар. Воли» только каждый в отдельности. К тому же, говорили они, ввиду имеющихся у нас с ними разногласий, мы, присоединившись к организации, своим большинством гнули бы в нашу сторону. Для нас, конечно, важно было бы участие в «Нар. Воле» в том случае, когда мы так или иначе могли бы влиять на внесение тех или других поправок, изменений как в их теоретической программе, так и в практических их задачах. Но, раз это оказывалось невозможным, для нас пропадал всякий смысл присоединяться к ним в одиночку: считаться в партии «Н. В.», брать на себя, хотя бы косвенно, ответственность за совершаемые ею промахи и ошибки, не будучи в состоянии влиять на дела организации, — конечно, не имеет никакого смысла.

Как видите, нам нельзя было присоединиться к «Н. В.». С другой стороны, и народовольцы правы, с своей точки зрения, не желая присоединения к их организации людей, во-первых, не разделяющих целиком их воззрений, а во-вторых, не имеющих за собою ни сил, ни средств, ради которых им стоило бы делать уступки и отступления от пунктов их устава. Если бы народнические кружки чем-либо заявляли о своем существовании, если бы у нас имелись серьезные связи с Россией, я думаю, могло бы состояться соединение на разумных и необидных для обеих сторон основаниях. Но теперь это соединение невозможно; из этого, конечно, не следует, чтобы между нами и ими существовали враждеб-

ные отношения: наоборот, мы, по крайней мере, будем употреблять все усилия, чтобы не допустить до каких-нибудь неприятных столкновений, как бы нам ни были несимпатичны те или другие поступки народовольцев. Вражда революционных кружков, ослабляя их собственные силы, может принести пользу лишь нашим врагам.

Товарищи! Вы знаете теперь наши взгляды и стремления: вы знаете, что побудило нас выступить в качестве новой группы. От вас теперь зависит наш успех или поражение. Мы, что можем, то готовы и будем делать. Если вы не окажете поддержки нашим литературн. предприятиям, в необходимости которых мне незачем вас убеждать, — нам придется прекратить свое существование, как группы. Поэтому, если вы разделяете наши воззрения и стремления, то постарайтесь войти в более тесные сношения с нами, организуйте правильные сборы на литературные наши издания, присылайте всякого рода материалы и пр. Обо всем этом, конечно, лучше всего было бы условиться и сговориться с уполномоченным от вас, которому вы могли бы дать указания, какие поправки и изменения вы находите нужным сделать в нашей программе, какие произведения вы считаете более необходимыми и пр. Мы, конечно, охотно согласились бы со всеми вашими указаниями, раз бы только они клонились к успеху общего дела.

Шлем товарищам привет и всевозм. пожелания.

[Евг.]

С. КРАВЧИНСКИЙ

ПИСЬМО К Л. Г. ДЕЙЧУ

6 марта 1882 года. Милан.

Ох, Женичка, Женичка милый, тяжело человеку в твоем положении говорить «не езди», вместо того, чтобы сказать: «едем вместе». Но я все-таки это говорю в надежде, что, когда пройдут первые минуты жгучей острой боли, ты признаешь справедливость моих слов.

Зачем ты едешь? Это очевидно, что бы ты ни говорил: тебе хочется погибнуть тоже. Это ясно. Я это чувство понимаю, и нужно быть деревяшкой, чтобы не оценить его. Но нужно сдерживать даже лучшие порывы, если они могут только вред принести тем, за кого ты рад душу отдать. Вот почему и пишу.

Ты едешь для Дмитра — очевидно, потому что иначе не переменил бы решения остаться еще на месяц-другой, получив известие об его аресте.

Итак — для Дмитра. Обсудим же его положение хладнокровно. Это положение своеобразно, и по-моему вот каково:

Никаких кровавых дел за ним, к счастью, нет. Он даже ни к одному из них не прикосновенен. Шанс очень важный в его пользу. Чигиринское дело в настоящее время забыто, потеряло всякое значение и в глазах правительства всю его прежнюю опасность, потому что пример не был никем и нигде повторен. Значит, за это дело ему не придется отвечать, как было бы прежде.

Затем он основал «Черный Передел», отделившись от чисто террористической группы. Конечно, на суде он откажется от *этого* Передела. Но он не будет в состоянии отказаться от своих убеждений. А эти убеждения во всяком случае идут против народовольческой *исключительности*.

А деятельности в народе до сих пор правительство совсем не боится. Доказательством тому может служить приговор всем чернопередельцам, несмотря на весь их аграрный террор и «бунты».

Поэтому, обсуждая это дело хладнокровно, прихожу к заключению, что положение Дмитра характеризуется так: отсутствие каких бы то ни было серьезных обвинений (то-есть, не *улик*, что не имело бы для них особого значения, а обвинений самих по себе) при глубоком и твердом убеждении в чрезвычайной личной важности и опасности этого человека.

Совершенно аналогично было положение Дмитрия [1]). Против него не было тоже никаких обвинений в кровавых делах. Но они *лично ему* придавали все значение, которое он имел. Прокурор прямо это выразил в речи по делу Веймара. Да, наконец, лучше всего это доказывается упорными слухами о том, что он будет, наверное, повешен.

В положении Дмитра является осложнение в виде Чигиринского дела. Но если бы этого дела не было, он находился бы в положении уже не Дмитрия, а Марка Натансона, относительно которого *убеждение* было то же, но зато абсолютно уже никаких обвинений в чем бы то ни было серьезном.

Вот почему я лично убежден, что дело Дмитра кончится Сахалином, который теперь заменяет Централку. Во всяком случае, ты сам, конечно, понимаешь, что о смертной казни не может быть и речи. Значит, начнутся во всяком случае пересылки, если не ссылка.

В это время на освобождение всегда шансы есть. Но ты сам знаешь, что для того, чтобы началась освободительная работа, мало, чтобы человек пользовался всеобщей симпатией, всеобщим почетом и все такое. Как бы велики ни были эти симпатии и этот почет, они останутся бесплодными и бесполезными, если нет человека, который всю душу, все мысли отдаст исключительно этому делу, который никогда ничем другим не увлекся бы и не отвлекся бы. Одним словом такой, для которого это сделалось бы целью жизни.

Таким человеком для Дмитра можешь быть ты и — ты это сам понимаешь — только ты один. Грустно ли это или

---

[1]) Клеменц.

нет — все равно. Факт верен, и жестокий и неумолимый рассудок это заставляет сказать. — Что я готов для Дмитра головой рисковать, этому ты поверишь, и если придется, то можешь испытать это на деле: я это тебе обещаю заранее, а ты знаешь, что в таких делах мое обещание твердо, как каменный утес. — Но, чтобы сделать это освобождение целью своей жизни, для этого нужно быть тобою. Ты один можешь употребить в пользу все симпатии, которыми пользуется Дмитро и которые готовы выразиться в помощи и денежной, и личной всех родов и видов. Ты один сможешь соединить их в одно практическое предприятие. Иначе они пропадут тут, как пропадает тепло от сжигаемых в разных концах угольков, которые, будучи соединены в одно место, могли бы расплавить металл.

Вот почему мой тебе совет не ездить и ждать — теперь уже не два или три месяца, а сколько понадобится по делу Дмитра. Не думаю, чтобы это было долго, потому что теперь такие дела скоро делаются. Но как бы то ни было, Дмитро такой человек — и это скажу тебе не я один, ты это знаешь сам, — для возвращения которого в наши ряды можно пожертвовать не только временем, но даже поставить это целью жизни.

Не решаюсь настаивать на том, чтобы ты оставался во что бы то ни стало. Когда Ольга ехала освобождать Морозика, я был вполне убежден, что она ровно ничего не сделает. Но я не удерживал ее ни одним словом, потому что отлично видел, что если она останется, то сойдет с ума. Может быть, и для тебя лично свыше сил оставаться теперь здесь и ждать, ждать и ждать. Тогда возражать нечего: на нет и суда нет. Но если только у тебя хватит твердости остаться, то тебе остаться следует. Для меня это очевидно, и я не знаю только, ясно ли я изложил свои мысли. Я скажу тебе прямо, — как говорил прямо все, что сказал выше, — желая, чтобы ты остался, думаю вовсе не о тебе. Что ты погибнешь очень скоро, поехавши, это я, конечно, знаю, и мне тебя жаль. Но ведь все мы погибнем. Днем раньше или позже — это не так важно. Я думаю в данном случае о Дмитре, даю тебе слово. Да к тому же ведь теперь тебе лично было бы, наверное, приятнее сидеть, чем быть на свободе. Не прими, поэтому, моего письма

за обычное «отговаривание», ввиду разных сантиментов. Все мы должны погибнуть, и должны итти на гибель прямо и смело, смотря ей в лицо. Мне просто до слез жаль, что ты погибнешь *даром*, а Дмитро пропадет наверное, тогда как для такого человека всегда найдутся люди и средства, чтобы устроить освобождение, когда это будет действительно возможно. Без тебя же это сделано не будет. Я это ясно предвижу.

Ну, будет. Не хочется мне писать после всего этого о всяких глупостях.

Лаврову напишу и народовольцам тоже отпишу, но только завтра. Сегодня, ей-ей, не могу на такую белиберду ответа писать.

Напиши. Буду ждать с великим нетерпением.

Целую Веру. Напишу ей завтра по поводу Красн[ого Креста].

Сергей.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Это письмо требует небольшого пояснения.

По получении в начале февраля 1882 года сообщения об аресте Я. Стефановича, я решил немедленно вернуться в Россию, чтобы через его родных завязать с ним сношения, а там, смотря по обстоятельствам, быть может, содействовать его побегу. В ответ на мое извещение Кравчинского только о моем возвращении в Россию, он прислал это письмо. Оно, между прочим, может служить в некотором роде иллюстрацией его отношения к Стефановичу, что не излишне ввиду приводимых ниже нападок и тяжелых обвинений, возводимых на него некоторыми злобными и легкомысленными лицами. Кравчинский не только не способен был поставить Стефановичу в вину небольшой, относительно, срок наказания, как это сделал Н. Тютчев, — при этом еще лживо уменьшивший его размер вдвое [1]), — но, как мы видим, еще заранее, за год до суда, доказывал мне, что Стефановича не ждет большое наказание. Столь же, как этот пункт, основательны и все остальные, созданные по личным мотивам, обвинения против моего покойного друга.

Л. Д.

---

[1]) Уже после того, как В. Засулич изобличила его в том, что он сообщает «очередную неправду», утверждая, будто Стефанович был приговорен к 4 годам, когда в действительности он осужден был на 8 лет, — этот «правдивый исследователь» сочинил новую неправду, будто к Стефановичу был применен манифест, сократившей его срок до 5 лет и будто он лишнее время (т.-е. до 8 лет!) добровольно провел на Каре. И с этой заведомой неправдой солидаризовался редактор «Былого»!..

Л. ДЕЙЧ И Я. СТЕФАНОВИЧ

ПЕРЕПИСКА

Кроме сделанных в выносках об'яснений, необходимо, для понимания этих писем лицами непосвященными, предпослать им введение.

Предварительно замечу, что, занимаясь между 1918 и 1921 г.г. в Петроградском Историко-Революционном Архиве, я однажды немало был удивлен, увидев в одной папке секретных дел бывшего Департамента госуд. полиции свои письма, отправленные 40 лет перед тем моему другу Я. Стефановичу, находившемуся тогда в Москве и, как мне казалось, в свое время им полученные.

Только по прочтении там же лежавшего и печатаемого ниже письма ко мне Я. Стефановича, я вспомнил, что эти два мои письма были у него отобраны при аресте, почему они затем и попали в архив департамента полиции.

Обращаясь к содержанию этих писем, я должен сказать, что особенный интерес представляет первое из них и, главным образом, заключающимися в нем неясными упоминаниями о «мальчике», с которым, видимо, связано какое-то крупное, серьезное конспиративное дело. Это-то таинственное дело требует пояснения.

То было 40 лет тому назад. Состоявший членом «Исп. Ком.» партии «Н. В.» Стефанович зимой 1881 — 1882 г. сообщил мне, что ко мне в Женеву приедет молодой человек, которому он просил помочь в осуществлении возложенных на него поручений, но вместе с тем мой друг советовал «быть с ним крайне осторожным». Неопределенность выражений этого письма поставила меня в большое затруднение.

Действительно, вскоре ко мне явился юноша лет 18-ти на вид, произведший благоприятное впечатление; но меня очень удивило, что «И. К.» возложил на такого подростка какие-то серьезные поручения, которых, однако, ни друг мой в письме, ни юноша устно мне не сообщали. Но, однажды, «Володя», как все мы его называли, заявил мне, что он «заме-

нил Клеточникова», т.-е. того видного члена «Н. В.», который поступил в 1879 г. в страшное тогда III Отделение с тем, чтобы, узнавая секреты тайной полиции, сообщать их своим товарищам и, таким образом, предохранять их от арестов. По прошествии полутора-двух лет он был арестован и затем, осужденный на бессрочную каторгу, заключен в Шлиссельбурге, где вскоре скончался.

И вот заместителем этого солидного человека «Комитет» вздумал сделать юнца! Меня это известие ужаснуло, тем более, что начальником охраны в Петербурге был прославившийся в Киеве жандармский офицер Судейкин, искусно выслеживавший революционеров, вводя в их среду провокаторов.

«Володя» рассказал мне, что ему понадобилось свидетельство о благонадежности. Когда для этого он пришел в охранку, то его повели к самому начальнику, подполковнику Судейкину. Последний стал убеждать его, чтобы он уговаривал своих товарищей отказаться от террористической борьбы, так как правительство будто бы само желает дать стране всякие свободы. Тон Судейкина честному и искреннему тогда Володе показался правдивым. По совету старшего своего брата, Сергея Дегаева, и некоторых других почтенных народовольцев Володя заявил Судейкину, что принимает его предложение, так как последние надеялись таким путем узнавать через Володю «секреты» тайной полиции, а также подготовить убийство Судейкина. Но, конечно, вскоре оказалось, что Судейкин был куда хитрее этих «опытных» революционеров: никаких «тайн» Володе узнавать не удавалось; от него же Судейкин требовал постоянных донесений о революционерах.

Поняв сделанную ошибку, плохие советники этого подростка решили сплавить его за границу под предлогом изучения способа приготовления динамита, что должно было понравиться Судейкину: Володя сказал последнему, что, вернувшись из-за границы с такими знаниями, он сможет проникнуть в первые ряды партии. Сделав вид, что он верит этому заявлению, но желая использовать своего юного агента в другом отношении, Судейкин снабдил его деньгами и видом на проезд через границу.

Чтобы Володя мог там осуществить указанную подготовку, Стефанович дал ему письмо к Кравчинскому. Но последний тогда скрывался в Милане, куда я не решился направить с этой опасной миссией юнца, так как через последнего могли проследить Кравчинского шпики, не упускавшие Володю из виду. Поэтому «преемник Клеточникова» остался в Женеве исключительно на моем попечении, чем, конечно, навел на меня массу шпиков, между тем, я в то время собирался вернуться в Россию.

Кроме того, так как перед выездом в Швейцарию Володя заезжал в Москву, где виделся с каким-то членом И. К., — кажется, с Златопольским или с Грачевским, — шпики, следовавшие за ним по пятам, выследили некоторых крупных террористов, которые и были затем арестованы. В этом, несомненно, и состояла цель привлечения Судейкиным Володи Дегаева [1]).

I.

ПИСЬМО Л. ДЕЙЧА

Женева, 2 февраля 1882 г.

Ты пишешь, что предыдущее мое письмо плохо написано, поэтому повторю здесь кое-что из там сообщенного: вопервых, насчет нашей с тобой переписки, если я трех [2]) №№ твоих под ряд не получу, то буду тебе телеграфировать: «Гувернантка едет». Но ты, получивши такую телеграмму, не прекращай посылок своих писем [3]), как ты предлагаешь, а начни их посылать по вышеозначенному адресу (т.-е. Маленькой Лизы), откуда я их буду аккуратно получать. Можешь не сам надписывать адрес, можешь переменить газету (возьми: «Телеграф», напр.), можешь не сам бросать в ящик и, наконец, не столь часто; но прошу тебя, не жди моего письма о неполучении, как ты предлагал, ибо пройдут $1\frac{1}{2}$ — 2 недели, пока я узнаю, что с тобою, а, между тем, уже иногда случалось, что трех №№ [газеты] не приносят по неаккуратности почты, а потом сразу принесут несколько. Напиши, согласен ли ты так?

Во-вторых, я писал там о «Бюллетенях» на французском языке, что в высшей степени было бы полезно издавать здесь регулярно раз в две недели, а если случались бы

[1]) Дальнейшая судьба этого «нового» Клеточникова» была такова: когда он вернулся в Россию, то Судейкин, успевший к тому времени переловить почти всех находившихся в Москве и Петербурге членов И. К., больше уже не нуждался в нем, почему посоветовал ему поступить на военную службу в далекой провинции. Затем он эмигрировал в С.-Америку к брату Сергею, где до Февр. революции служил в Нью-Иорке в русском консульстве. Знаменитый же брат его Сергей, выдавший для собственного спасения всех до единого членов «Н. В.», как известно, убил Судейкина, после чего уехал в С.-Штаты (подробнее обо всей этой печальной истории см. мой фельетон в «Луче» за 1913 г. №№ 116 и 117).

[2]) Дело в том, что Стефанович ежедневно посылал мне «Моск. Ведом.», в которых химическими чернилами сообщал кое о чем. *Л. Д.*

[3]) То-есть — газеты. *Л. Д.*

какие-либо выдающиеся события, то тотчас о них «дополнения». Потребность в этаком органе чувствуется теперь всеми, когда затеялся [Загр. Отд.] «Крас. Крест»: все газеты, открывшие у себя подписку в его пользу, просят материалов, а их у нас нет. Если бы издавался такой «Бюллетень», то можно было бы прямо его им посылать; кроме того, в нем печатались бы подробные отчеты (с сантимами от рабочих), [для] чего ни в иностранных газетах, ни в «кацеевской»[1]) не хватило бы места для печатания, — придется только общие суммы в таких помещать. Но, не говоря уже об иностранных газетах, ради которых стоило бы здесь издавать «Бюллетень», — он [был бы] полезен и для ознакомления европейской публики с русским движением и мог бы продаваться в киосках, так что, если бы не приносил прибыли, то уж ни в каком случае не был бы в убыток. Но, чтобы приступить к такому изданию, для чего нужен капиталец минимум в 500—600 руб., для его обеспечения нужно еще два условия более важных, так как (капиталец) можно как-нибудь раздобыть, а именно: 1) чтобы вы присылали материалы, получающиеся у вас для №№ «Народной Воли» еще в рукописях, чтобы здесь они могли раньше появляться, чем у вас, — не принципиальные статьи, которые, к слову сказать, у вас очень-очень плохи и можно было бы себя только скомпрометировать перед Европой, переводя их на французский язык, — а корреспонденции, какие, например, были в № 6, письма (напр., Малав[ского]) в № 7, который я получил в 3-х экз[емплярах], речи, биографии и пр. Можно помещать и иную передовую, напр., такую, какая была в № 6 о нашем бюджете или из № 7 — благодарность конгрессу, но не бестолковую болтовню о Павловской речи на конгрессе, почему, не говоря уже о ее полном незнании Европы, полном непонимании, что такое «социализм» и пр., — она крайне несправедлива к Павлу[2]), так как, наоборот, он-то своей речью и поднял на конгрессе — и теперь среди

[1]) Так мы ради конспирации называли между собой народовольцев.

[2]) Здесь я имел в виду не раз уже упоминавшуюся на страницах наших Сборников и в других изданиях речь П. Б. Аксельрода, произнесенную им на Хурском конгрессе и несправедливую разноску его Тихомировым в «Нар. Воле» (см. об этом в наст. Сборн. письмо Степняка-Кравчинского к «Исп. Комитету»).

европейских социал-революционеров — народовольцев, которых европейские социалисты в последнее время (до конгресса) трактовали как «либералов», «буржуазных революционеров». Благотворное влияние его речи мы видим на деле «Красного Креста».

2-е условие для «Бюллетеней» это — присутствие здесь одного-двух своих людей, более или менее практичных, способных вести, так сказать, административную часть, почему за моим исчезновением[1]) Марфуша [т.-е. В. И. Засулич] остается здесь совершенно одна и ей не управиться с одним «Красным Крестом», который отнимает у нее все время; ей придется вести громадную переписку, исполнять всякие предложения и пр. Здесь найти такого человека абсолютно нельзя: Иван [Бохановский] будет целиком занят одним набором типографии, если она устроится; он [Иван] говорит, что не берет на себя даже внешнюю административную часть в типографии, т.-е. рассылку изданий, сдачу их книгопродавцам и пр., так что ради одной типографии и «Красного Креста» здесь нужен свой человек. Если у вас нет такого, которому было бы полезно отдохнуть здесь, посмотреть на Европу, поучиться кое-чему, так не на кого рассчитывать. В Парижской группе «Красного Креста» (Бух, Мишка [Дебогорий-Мокриевич], Цакни, Луцкий, Лавров и Битмит) нет ни одного подходящего, — все они предлагают только «проекты» и пишут «отношения» в «Центральное управление», как увидишь из их письма, которое пошлю в следующий раз; но [они] не делают даже того, что лежит на их обязанности по делу «Красного Креста» и «Социально-революционной библиотеки», административная часть которой идет у них в высшей степени скверно, и они, по нашему мнению, никакого дела довести до конца не смогут. Также Сергей [Кравчинский] за такую функцию не возьмется, как увидишь из прилагаемого его письма ко мне. Поэтому обсудите хорошенько: 1) можете ли присылать материалы для «Бюллетеней» аккуратно и регулярно, без чего никак нельзя приступить к подобным изданиям, чтобы не осрамиться перед Европой и 2) на кого вы укажете, как на администратора? Не забудь же, прошу тебя, ответить по поводу:

[1]) Ввиду моих тогда сборов поехать в Россию.

1) нашей переписки и 2) о «Бюллетенях», — быть может, ты уже ответил через «нарочного» и я его, может быть, на-днях увижу, тогда — тем лучше.

На этом месте письма я получил твой № 14 [1]), в котором ты говоришь о поручении Лаврову и Сергею организовать журнал, в связи с которым может существовать и «Бюллетень», а также говоришь «о весне» [2]). Если бы ты разобрал мое предыдущее письмо, то увидел бы, что Лаврова — по моему и Вериному мнению, — не следовало бы избирать *учредителем* и *организатором* не только журнала, — предприятия столь серьезного и сложного, — но даже «Бюллетеней», вещи сравнительно ничтожной. Уже с «Красным Крестом» вы сделали большую ошибку, что не поручили организацию этого дела одной Вере, которая могла бы уже избрать и Лаврова (для Франции) и Чайковского (для Англии), из-за чего вышли страшные проволочки, длиннейшая переписка с Лавровым, который, — надо тебе заметить, — очень туго согласился взяться за дело «Красного Креста», за то, что оно так называется. А тем более с ним вышла [бы] всякого [рода] возня в деле литературном, так как он мне в каждом письме пишет, что никак не может согласиться с направлением «Народной Воли». И если бы он взялся за ваше предложение насчет журнала, то Сергей или бросил [бы], или журнал вышел бы такой, от которого вы открещивались бы. Лаврова, по моему, можно пригласить в число руководителей этого журнала, но с предложением об его *организации* нужно было бы, по моему, обратиться совсем не к нему, ибо он менее чем кто-либо другой из заграничных согласен с программой «Народной Воли» и способен пойти на компромиссы. Ты введен в заблуждение прошлогодней встречей: тогда он считал тебя народником и так как он сам народник, поэтому он и понравился тебе [3]).

Вот тебе пример: когда получились твои письма (через баронш у и сестру [4]), в которых ты указывал, почему не

[1]) То-есть газету от 14 числа.

[2]) Это означало — мой приезд в Россию весной.

[3]) Перед возвращением в Россию Стефанович на короткое время с'ездил в Париж, где впервые познакомился с Лавровым.

[4]) Под этими лицами я имел в виду две «оказии», с которыми Стефанович прислал мне много писем, документов, рукописей, — первой была

могло иначе состояться соединение [1]) и излагаешь задачи народовольцев, я, сделав выдержки, послал ему, спросив, согласен ли он с твоими доводами; на это он ответил, что ты, приставши к народовольцам, очевидно, «тянешь в их сторону», и что он, прежде чем согласиться помогать народникам или народовольцам, должен сперва увидеть «программы обеих партий». Хотя ты, очевидно, не спрашиваешь моего мнения, но я, как видишь, изложил тебе свои соображения и заявляю свою *глубокую* уверенность, что, раз вы действительно предоставите Лаврову и Сергею «организовать журнал», — никакого толку не выйдет и, если после полугода переписки между Сергеем и Лавровым и ими обоими с вами и появятся одна-две книжки через год-полтора, как родился на свет божий «Шефле» [2]), спустя год, — то *на этом все дело и кончится*. Запомни мои слова! Одному же Сергею предоставить организовать это дело было бы крайне неразумно, потому что он, хотя и очень талантлив, но, во-первых, человек абсолютно беспринципный, а, во-вторых, за эти годы полного почти игнорирования науки стал крайне невежествен: он может написать корреспонденцию, перевести то-другое, написать об итальянской и др. литературе, но и только. Можно ли ему одному предоставить организовать такое серьезное дело? И ты с этим не согласишься? Не считаю себя в праве указывать вам кого, кроме Сергея, следовало бы пригласить для организации этого дела, так как думаю, во-первых, что моего мнения вы не послушаетесь, а во-вторых, мое дело — сторона.

Что же касается «Бюллетеня», то он, опять повторяю, крайне полезен и выполним при вышеприведенных условиях, если вы, выбрав у себя человека, который списывал бы материал, присылающийся для «Народной Воли» и не могущий в нем («Народной Воле») быть помещенным, пересылал бы его аккуратно сюда, затем предоставили бы это дело органи-

студентка Ротт, второй — сестра В. Н. Игнатова, ныне здравствующая Евдокия Николаевна.

[1]) То-есть присоединение Стефановича и супругов Булановых к «Народной Воле».

[2]) В «Соц.-рев. библиотеке» главным руководителем состоял П. Л., всегда очень тормозивший выпуски изданий.

зовать Вере, она подобрала бы здесь из французских и других [наций] сотрудников: у нее есть литературный вкус и можно полагать, что «Бюллетени» появлялись бы на свет божий, раз только вы не прицепили бы к ней Лаврова, как к «Красному Кресту», при каковом условии она и не возьмется за это дело. Впрочем, что и расписывать вам все это: во-первых, вы не согласитесь с моими доводами, а во-вторых, если бы и согласились, то не исполнили бы тех двух условий, какие я в начале письма указал и без которых нельзя затеять это предприятие. Назвать этот «Бюллетень» я предложил бы так: «Бюллетень, иностранный орган партии «Народной Воли».

Раньше чем ответить тебе по поводу «весны», расскажу тебе о следующем обстоятельстве. Когда приехал «Мальчик» с запиской от тебя, о котором ты писал: «держись подальше», я не знал, что думать, как мне быть с ним, что делать и чего нет? Но так как я *всегда* пунктуально исполняю твои поручения и просьбы, то, конечно, и в данном случае следовал этому совету, строя всякие предположения, а именно: «раз ты его направил к Грессо [1]), а не ко мне на дом», — рассуждал я, — «значит мне и не следует его вести к себе», но, так как ты все же дал ему рекомендацию, значит помогать ему, исполнять его просьбы нужно. А просил он, чтобы я ему нанял квартиру, поместил в типографию, к граверу, что я и исполнил насколько мог аккуратно, но так как ты, как впоследствии оказалось, переконспирировал, то я встречался с ним именно там, где меньше всего следовало, т.-е. ходил иногда с ним по улицам, бывал у Грессо, у 11, 21, 19, 10, 18, 17, 27 [2]), — согласно твоей просьбы, как видишь. Посуди же сам, кто иначе понял бы твою *единственную* фразу? Мальчик отчасти, вероятно, почувствовавши, что я «следую твоему совету», отчасти, потому, что не знал, как ему быть в том или другом случае или еще потому, что почувствовал ко мне симпатию, возвращаясь раз из театра, где мы встретились (видишь плоды твоих конспираций!), счел нужным открыться мне,

[1]) Так назывался известный в 70-х и 80-х г.г. среди русских и др. эмигрантов небольшой, очень демократический ресторанчик, содержавшийся вдовой коммунара М-м Грессо.

[2]) Эти цифры означали: «у Марфуши», т.-е. у В. И. Засулич.

сопровождая это, конечно, просьбами о молчании..., что я, понятно, и делаю.

[Своим признанием] он оказал мне, себе, тебе и прочим большую пользу, так как после этого мы принимаем все те предосторожности, которые нужны. Я, по крайней мере, очень благодарен ему за это известие, так как без этого, не говоря уже о «весне» [1]), со мною могло бы стрястись нечто, — даже здесь могли бы выдать, так как, вероятно, следят за ним. Конечно, я не в праве требовать, чтобы со мною не «конспирировали», но [на] что я [имею] право — это, чтобы я знал подробно, детально, как мне нужно делать *каждый шаг* (чего, впрочем, нельзя заранее расписать на каждый случай, раз нужно «конспирировать»). Поэтому я в праве требовать — и это было бы всего разумнее — вовсе ко мне не направлять, а к кому-нибудь другому, кому безопасно знакомство с ним, лиц[ам], которых он там же мог найти, где меня, и с которыми раньше знаком, и мог и при конспирации все раздобыть и устроить, что ему нужно. Ты, вероятно, скажешь, что, если бы не пропала оказия, что к Лаврову и Сергею, то этого не было бы со мною. Ошибаешься, — я думаю, что [было бы] то же, с тою разницею, что теперь, хоть Сергей ему неизвестен, что очень хорошо. Как увидишь из прилагаемого письма его ко мне, он сюда не приехал бы ради этого мальчика, как ни важно это: он, действительно, занялся теперь обещанной им работой, или [лишь в том] случае [приехал бы], если бы, например, я ему предварительно выслал 500 — 1.000 руб. на уплату его долгов, что затянулось бы очень надолго, а пока я был бы в том положении, в каком расписал выше, т.-е. до «признания».

Случай этот, кроме того, указывает еще на большое легкомыслие с твоей стороны. Как бы я хотел, чтобы все мои предположения [т.-е. опасения] не оправдались. Но, к сожалению, я чувствую, что все было так, как я предполагаю. А раз это так, у меня являются всякие представления, что будет со мною у вас? Ведь я никого (и вас всех в том числе) не считаю непогрешимыми папами... Тяжело и больно становится. Не знаю, понял ли ты вполне

[1]) То-есть, повторяю, о моей поездке в Россию, которую выследили бы.

меня, — вник ли, и время ли тебе вникать в такие пустяки, быть может, по-твоему. Но вот о чем прошу я настоятельно: ответь мне, — как ты думаешь, могут ли и там повторяться аналогичные случаи легкомысленного отношения *с твоей стороны?* Если да, если ты *обязался* на это «начальству», то как мне ни больно, а я кащеем [народовольцем] не сделаюсь — при всем моем *страшном* желании быть с тобою. Как я поступлю, в случае твоего ответа, что и там так будет, я еще не знаю, не подумал, так как твое письмо (№ 12), в котором ты говоришь об этом случае, что «это конспирация», всего два дня как получено, и я был занят твоими поручениями, а до этого письма, хотя я уже и имел «признание» от мальчика с неделю и меня разбирало сомнение насчет «легкомысленного отношения», но я все же утешал себя тем, что в других письмах ты раз'яснишь мне [это дело]. Теперь же, повторяю, у меня почти нет сомнения, что ты «конспирировал», а, следовательно, я прошу только заявления от тебя насчет будущего, чтобы я знал как мне быть... Может, все это совсем не так, как я думаю, может все проще, безобиднее. Как бы я хотел, чтобы это так было!

Как бы там ни было, а нужно возвратиться к делам. Хотя помимо своей, а тем более вашей, воли, я узнал о мальчике, и так как Сергея здесь нет да, повторяю, он не приедет раньше двух месяцев ни сюда, ни куда[-либо] в другое место, то я поневоле явился единственным человеком, с которым мальчик может (советоваться). И заключение, к которому я пришел, следующее: 29, 22, 21, 22, 28, 17, 23, 29... несомненно извлечет из него больше пользы, чем вы, 29, 22, 21 наверно знает, что 1, 4, 20, 22... поставлен кащеями и надеется их 4, 9, 25, 11, 0, 21, 5, 15, 24, 21, 6, что ему, вероятно, удастся, так как: во-первых, 1, 4, 20, 22... крайне неопытен, хотя и не глуп; а во-вторых, 6, 20, 10, 17, 10, 16, 1, 12, 20, 26, 10, 16, 10, были сделаны некоторые ошибки 22, 20, 23, 8, 15, 0, 7, 20 и, конечно, 29, 22, 21, 10, 12, 27, 21, 15, 18, 14, 20, 22... По моему, вы в 17, 13, 18, 15, 24, 11, 18, 7, 12, 27, 11. Мне 1, 4, 20, 22, 22, 20, 15, 21, 10, 20, 4, 9, 20, 11... и теперь 12, 12, 27, 6, 20, 27, 26, 16, 16, 15, 23, 15, 28, 24, 18, который 4, 19, 18, 22, 20, 13, 28, также 24, 9, 22, 2, 13, 21 (мне 1, 4, 20, 2... 6, 21,

23, 28, 14, 22, 0, 0, говорит он, что вы велели 2, 4, 19, 18, 18, 16, 26, — я хорошо — до приезда «нарочного», что по твоему расчету должно быть завтра. Если вы имеете, что передать 1, 4, 20, 2, 2... то 6, 18, 15, 29, 18, 0, 22, так как они 24, 6, 10, 10, 1, 13, 20, 13, 6, 0, 21... 20, 13, 15, 18, 23... 25, 8, 15, 23, 12, 27, 18, 15, 28, 11, 10, 19, 27, 0, 6, 4, 20, 6, 26, 15, 23, 28, 23, 4, 3, 15, 23, 5 [1]). Россель [2]) прислал следующий окончательный ответ: он хочет сперва обеспечить семью, расплатиться с долгами, на что ему нужно 2.000 руб. (!!), а, следовательно, если вы не можете ему такой суммы дать (в чем он, впрочем, уверен заранее), то раньше года он не будет свободен; за это же время надеется сам заработать такую сумму и быть вполне свободным, а, следовательно, к вашим услугам. О наборщиках решится, когда «нарочный» [3]) приедет; от Иван[овско]го все нет ответа, хотя я и послал ему заказное письмо, не знаю, чем [это] об'яснить.

«Красный Крест» пока идет слабо, но можно надеяться, при вашем содействии, на успех, если будете присылать материал, пока же, кроме вырванных цензурой страниц из календаря Суворина, ничего не получили.

Во Франции открыли подписку только «Justice» и «Citoyen», Рошфор же, хотя про него и протрубили все

---

[1]) Вот что обозначают эти цифры:

«Кум Суд[ейкин] несомненно извлечет из него больше пользы, чем вы; Кум наверно знает, что мальчик поставлен кащеями и надеется их перехитрить, что ему, вероятно, удастся, так как, во-первых, мальчик крайне неопытен, хотя и не глуп, а во-вторых, с самого начала были сделаны некоторые ошибки в советах и, конечно, Кум хитрее мальчика. По моему, вы с огнем шутите. Мне мальчик все рассказал и теперь читал письмо Кума, который прислал также деньги... Если вы имеете, что передать мальчику, то спешите, так как он 28-го едет в Париж, а оттуда, в скором времени, домой.

[2]) Д-р Россель (Судзиловский), впоследствии ставший сенатором на Сандвичевых островах (см. мою кн. «16 лет в Сибири»), — тогда, в начале 80-х годов, желал поехать в Россию.

[3]) В нескольких письмах Стефанович предупреждал меня, что к нам едет нарочный со всевозможными поручениями, документами, рукописями и проч. Он же вез знаменитое письмо «Исп. Ком.» о захвате власти. Когда мы уже было потеряли надежду увидеть его, он явился в начале февраля 1882 г., действительно со многими материалами. Подробнее о нем сообщено в другом месте.

русские газеты, очевидно, не согласен, в Италии также началась подписка в пользу «Красного Креста», там мадзинианцы открыли в двух своих газетах, благодаря письмам Веры к главам, которые ей ответили очень любезными письмами, выражая ей благодарность за обращение, доверие к ним и обещая все сделать. В Англии также начинает завариваться дело, и будет успех, если только не повредит то обстоятельство, что в Англии теперь больше митинги в пользу евреев и собираются огромные суммы, а так как во всей Европе убеждены, что «нигилисты вызвали еврейские беспорядки», — чему отчасти помогла прокламация Исполнительного Комитета на малороссийском языке, — то очень может быть, в Англии так же откажутся жертвовать в пользу «Красного Креста», как [и] в Австрии, где «Красный Крест» не имеет никакого успеха, благодаря тому, что тамошние евреи против «нигилистов» из-за их отношения к еврейским беспорядкам в России, в Германии соц.-демократы усердно взялись за это дело и обещают сборы, так же как и в Северной Америке, благодаря Павлу, который, будучи на Хурском конгрессе, расположил бывших там из этих стран делегатов в пользу русских революционеров (как раз обратно тому, что вы, вероятно, думали) и снесшись с ними, начавши агитацию, получает оттуда выражение готовности (кстати, если кто будет ехать через Цюрих, направляй его к Павлу: адрес [следует перечень адресов]. Последний № 7 «Народной Воли» я получил [и кажется] все тобою высланные, т.-е. три экземпляра.

Посылаю вам на немецком и русском языках (перевод Плех[анова]) предисловие Маркса и Энгельса, специально ими написанное для имеющего вскоре появиться в переводе Жоржа издания Социально-революционной библиотеки. Недурно было бы, если бы вы поместили это предисловие в ближайшем номере «Народной Воли» [1]). Посылаю тебе более интересные вырезки из «Вольного Слова». Положительно нет никаких оснований верить распускаемым слухам, что это орган лиги или чего-либо подобного; Сергей глубоко убежден, что это неверно, мы также. Очень может быть, что правительство само распускает этот слух, чтобы

[1]) Это не было исполнено.

отвратить всех от него, так как это первая серьезная попытка либералов-земцев издавать за границею антиправительственную газету. Было бы очень грустно, если бы сами радикалы [1]) оплевали и (невольно) оклеветали затею людей честных и, во всяком случае, возмущающихся против правительства; это ему, правительству, вполне на-руку, по правилу «divide et impera», в чем оно, может быть, уже и успевает. Основания, которые передал мне мальчик, очень шатки и сомнительны. Наоборот, мне кажется, что вам следовало бы, разузнав хорошенько, в чем тут дело, напечатать, что слухи, распускаемые про «Вольное Слово», неверны. Редактором этой газеты некий Мальчинский, а Божидарович только сотрудник [2]). Не удивляйся, если я не отвечаю на какие-нибудь твои вопросы, — я ведь все время после приезда сестры [Евд. Ник. Игнатовой] не получил от тебя сколько-нибудь большого письма. Но если на-днях приедет «нарочный», то я на следующей неделе пошлю тебе такое же письмо на адрес «Красного Креста» (с ужасными именами). Поэтому старайся, чтобы туда чаще наведывались.

А на самой (?) нельзя таки больше писать? Как жаль! Что слышно с Ольгой и Длинноногим [3])? Они взяли, ты знаешь, бумаги приятельницы баронши и не возвра-

[1]) Так в те времена мы сами и другие называли нас, социалистов, в России. Называли нас еще (и мы сами) «социалистами-революционерами». Правительство же, кроме «злодеев», «злоумышленников» и т. п. эпитетов, после одной речи Александра II, величало нас еще «крамольниками». В Зап. Евр. буржуазное общество и печать называли всех без различия русских социалистов «нигилистами», а иногда «анархистами». Даже Маркс, судя по известному письму его к Зорге, не избег этого огульного взгляда.

[2]) Впоследствии оказалось, что мы, положившиеся на участие В. Сл. Драгоманова и П. Б. Аксельрода, попали впросак: орган этот, как теперь несомненно известно, был основан обществом «Добров. Охраны», т.-е. черносотенцами.

[3]) «Длинноногим» мы называли Герасима Романенко. Он и приятельница его Ольга Любатович, вернувшись из-за границы в Россию, были вскоре арестованы. Но впоследствии, несмотря на приверженность их к террору, они были только в административном порядке высланы. Это, между прочим, может служить иллюстрацией правильности возводимого на Стефановича обвинения, будто тем, что он назвал их фамилии в своей известной записке (см. ниже), он повредил этим лицам (см. «Былое», 16).

тили их. Не можешь ли узнать, что с этими бумагами сталось и как быть приятельнице баронши? Говорят, что Ольга оставила их на хранение у какой-то своей подруги, с которой больше всего видалась. Так порасспроси и напиши. Не знаешь ли, что сталось с Фоминым [1])? Говорят, его арестовали. Его сестра просит узнать об этом. От Мишки [Дебогория-Мокриевича] я еще не получал ответа, давал ли он адреса Лог—у [?] (Сибирь), так как ты об этом спрашиваешь только во вчерашнем письме.

3 февраля.

Итак, коллективного письма нет [2]), — что очень, очень жаль. Желательно, чтобы вы прислали другое.

Посылаю тебе письмо отца, оно недели две как получено. Письмо Павла с моими замечаниями можешь и другим читать, а Сергея — нет, лишь выдержки, а то он, пожалуй, на меня будет сердиться. Относительно осторожностей, которые ты советуешь мне при от'езде, то могу тебя успокоить,

---

[1]) Бывш. офицер, бежавший из Виленской военной гауптвахты за границу, затем нелегально вернувшийся в Россию, где вскоре (в 1882 г.) был арестован, осужден на каторгу и отправлен на Кару (см. о нем в № 1 нашего Сборника и в «16 лет в Сибири»).

[2]) Само собой разумеется, я имел здесь в виду то именно письмо «Исп. Ком.», существование которого отрицают В. Фигнер, А. Корба и др. члены последнего, но которое, тем не менее, как видит читатель, приведено в настоящем Сборнике, и переписка о нем у нас со Стефановичем шла еще в то отдаленное время. Этим «знатокам» своего собственного прошлого остается теперь утверждать, что я не только подделал письмо «Исп. Ком.», но и свои собственные и Стефановича от той отдаленной эпохи; мало того: я же умудрился эту нашу переписку подбросить тогдашнему Деп. гос. пол, а теперь для подкрепления своих лживых наветов ссылаюсь на них! Вот до чего доходит ловкость моих рук, с одной стороны, но зато, с другой — сообразительность бывших членов «Исп. Ком. Нар. Воли», по счастью, сохранившихся в живых, потому что известно, — «мертвые не говорят» (к слову, великое открытие В. Фигнер, не уступающее по своему глубокомыслию тому, что «Волга впадает в Каспийское море»), а, следовательно, не будь их, выдуманные мною на «Исп. Ком.» клеветы не были бы изобличены.

Шутки в сторону. Надо быть круглейшим невеждой в разных областях, чтобы хотя бы только по прочтении этого моего письма к другу, отправленному более сорока лет тому назад, конечно, не предполагая, что оно попадет в руки полиции при аресте Стефановича, продолжать свои легкомысленные обвинения против него (и меня), будто задумавшего «взорвать Нар. Волю» изнутри.

что раз это случится, я последую твоему совету и сделаю все, чтобы никто не знал, когда еду; я уверен, что все сойдет хорошо.

Твой Евгений.

II.

ПИСЬМО ЕВГЕНИЯ [ДЕЙЧА] К ДМИТРИЮ [СТЕФАНОВИЧУ]

[5] февраля [1882].

№ 12 (означало у нас № отправленного мною ему письма). Дорогой мой брат! Странно, куда девалась та оказия, о которой ты писал, что она едет на Париж. Я только что получил от Ла[вро]ва телеграмму, что никто не приезжал. Очень жалко, если коллективное письмо «кащеев» и проч. «очень важные письма, особенно к Сер[гею]» пропали. Старая оказия, т.-е. «нарочный», о котором ты писал, что «будет в конце следующей недели», также еще не приехала, хотя уже и конец (четв[ерг]) «следующей недели». С большим нетерпением жду его приезда, так как согласно «инструкциям», которых мы с Вас[илием Ник.] у тебя просим, приступим к делу закупки [1]); кроме того, ты пишешь еще о каких-то поручениях, которые нарочный везет. И, наконец, у меня есть кое-какие здесь планы и виды, к которым могу приступить, только получив письма твои с этим нарочным. Я уже писал тебе, что юноша [2]), расхваливаемый Розиной приятельницей, вполне присоединяется к кащеям и обещал 1.000 руб. На-днях я, наконец, их получил и хотя я уже выслал их тебе, но в этот же вечер получил твое письмо (№ 12), в котором ты не советуешь высылать 2.000 фр. от Марфуши ее начальству [3]) и говоришь, что хорошо бы, если бы у тебя (т.-е. у меня) было 500 руб. Да, всей 1.000 руб. нельзя было бы тебе послать, так как здесь нужно было

---

[1]) Здесь я имел в виду покупку славянского шрифта.

[2]) Ив. Ник. Присецкий, бывший тогда за границей, человек довольно состоятельный, очень склонялся к «Нар. Воле», через меня оказывал ей значительную материальную поддержку. Расхваленный Розиной приятельницей, т.-е. Теофилией Полляк.

[3]) Марфуша — кличка В. И. Засулич; ее начальство — рус. отд. Красн. Кр. «Н. В.».

уплатить за типографские работы, нужны кое-какие деньги и на печатание твоих заказов (отдельной брошюры «Из древней истории», что уже готово; кроме того, для военных специально еще 2 имеются в виду) [1]) и, наконец, нужны кое-какие деньги на книги тебе, телеграммы. Так что, думаю, рублей 600 только можно тебе послать. Впрочем, это ты можешь сообразить, сколько тебе выслать, так как я не знаю, сколько «нарочный» везет и ты вышлешь, как писал в № 12 (по телег[рафу] на Ит[алию]), и на что нужно мне здесь потратить. У меня, кроме вышеупомянутых расходов, предвидится только необходимость дать Социально-революционной библиотеке исполнить твой заказ насчет 3-го пункта [2]), на который у Вас. Ник. пока будет только 500 руб., остальные позже, хотя я бы и 2-й (т.-е. «рабочий») [3]) заодно с 3-м сделал, что будет, вероятно, и дешевле и удобнее — вот и все почти. Поэтому ты, разочтя сколько тебе выслать, телеграфируй: M-me Sewerin, Botanischer Garten, Bern; тогда я постараюсь оттуда же переслать тебе по телеграфу. Телеграфируй мне на Лизин или итальянский адрес, чтобы это обозначало, что ты это и предыдущее письмо получил и что здоров.

Ну, целую тебя крепко-крепко. Скорей отвечай на Лизин адрес.

III.

ПИСЬМО ОТ ЕВГЕНИЯ [ДЕЙЧА] К ДМИТРИЮ [СТЕФАНОВИЧУ].

[Несколько дней спустя].

№ 13. Дорогой мой! Несколько дней назад я послал тебе письмо и книгу по новому адресу, получил ли ты? Твои деньги [я] сполна получил и так как ты почти одно-

[1]) Здесь речь идет о печатании за границей задуманных мною сообща со Стефановичем нескольких подходивших для военных брошюр.

[2]) Пункт 3-й означал задуманную опять же Стефановичем и мною «рабочую библиотеку», о чем подробно я уже сообщил в очерке, посвященном В. Н. Игнатову («Прол. Рев.», 9/21, 1923 г.).

[3]) Пункт 2-й, полагаю, означал устройство (на средства Игнатова) предварительно специальной рабочей типографии (см. назв. ст. об Игнатове).

временно просил меня выслать тебе 500 рублей, «если получу от Вас[илия]» [1]), то хотя я от него еще не получил, но так как я получил от юноши [2]), расхвалив[аемого] Розин[ой] прият[ельницей], 1.000 руб., то я и выслал тебе 600 с чем-то (1.540 франк.) руб. Из оставшихся у меня придется часть употребить на [типографию], на печатание брошюр и проч. Сергей, как я писал тебе в предыдущем письме, поедет только спустя два-три мес...; и просит, чтобы [деньги] пока хранились здесь неприкосновенными. Можно ли отдать их пока на хранение, как он просил, или иначе как поступить? Себе я достану сам и присланные для меня можете получить обратно или иначе как-нибудь ими распорядитесь [3]). Все твои поручения, конечно, постараюсь исполнить, а относительно «весны» отвечу тебе, т.-е. решу окончательно по получении твоего ответа на предыдущее мое письмо. А оказии никакой нет, ни на Париж, ни нарочного. Что бы это значило? Не знаю еще, согласятся ли на ваше предложение имеющиеся в виду наборщики [4]). Опасаюсь, что ни один не согласится. Я получил твое последнее письмо № 20 [5]), а двух перед этим не получал вовсе и предыдущее было 17-е. Поэтому думаю, что письма пропадают, что иногда случается. Так как носятся слухи, что здесь кого-то ищут, то мне приходится менять квартиру, и ты поэтому пиши на адрес Мал[енькой] Лизы [следует адрес]: она мне будет аккуратно пересылать, не

[1]) В. Н. Игнатова.

[2]) Ив. Ник. Присецкий.

[3]) Вследствие истории с «мальчиком» (см. 1-е письмо), я решил вернуться в Россию, не будучи связан денежными обязательствами с народовольцами, так как опасался, что при близких встречах, быть может, не полажу с ними: я подробно уже изложил, насколько всех нас возмутила выпущенная «Исп. Ком.» прокламация на украинском языке, затем несправедливое отношение к П. Б. Аксельроду за его хурскую речь. После этого история с «мальчиком» показала мне наглядно, что тогдашний состав «Исп. Ком.» далеко не состоял из непогрешимых пап, а потому мне не следует заранее связывать себя обязательством вступить в его ряды.

[4]) Это — предложение к нашим, русским наборщикам, работавшим в устроенной мною в Женеве для «Нар. Воли» типографии, чтобы они приехали в Россию.

[5]) То-есть № 20 «Моск. Ведом.».

распечатывая. Я ужасно беспокоюсь относительно тебя... Поэтому ты бы меня очень обрадовал, если бы по получении этого письма телеграфировал мне.

Твой *Е.*

IV [1]).

ПИСЬМО Я. В. СТЕФАНОВИЧА

(из тюрьмы за границу конспиративно.)

15 февраля 1882 г.

Дорогой мой, милый мой брат! Сегодня около недели, как ты не получаешь от меня обычной корреспонденции [2]). Воображаю, как ты глубоко тревожишься, и не напрасно, дорогой мой друг: я уже десять дней, как арестован, и пишу это письмо из тюрьмы. Взяли меня в засаде некоего Буланова с тюком каких-то духовных прокламаций, взяты также при мне твои два последние письма: большое, вместе с Павловским [3]) и С. И. [?] маленькое, химическое, где ты просишь телеграфировать тебе, жив ли я, затем записную книжку; где, впрочем, кроме заграничных адресов да кое-каких счетов, ничего нет. Итак, все наши адреса считай негодными, кроме того, на который теперь пишу. Ключ, которым ты писал мне, наверное, разберут. Еще не знают, кто я, но, конечно, не сегодня-завтра узнают; во-первых, потому, что уже сняли с меня карточку, а 2-е, письма... Завтра или послезавтра увезут в Питер, мне уже сказано об этом. Итак, мой незабвенный друг и брат, прощай, дорогой! Уж, конечно, не видать нам друг друга, — повесят ли меня, не повесят, — все равно, не видать мне тебя больше. Мне ужасно хотелось выискать случай написать тебе и попросить тебя, дружок, сделать величайшую услугу, какую ты только можешь оказать мне. Я прошу тебя, умоляю,

[1]) Ответов на приведенные выше мои письма я не получил, так как, оказалось, Стефанович был арестован.

[2]) Т.-е. коротеньких сообщений в «Моск. Вед.». *Л. Д.*

[3]) Павла Борисовича Аксельрода письмо, в котором он отвечал на напечатанное в «Нар. Воле» возмущение по поводу хурской речи его. Отрывок этого письма теперь воспроизведен в «Ист.-рев. Сборнике», т. II, стр. 390.

не приезжай сюда, оставайся за границей, по крайней мере, пока я не повешен или не выслан в каторгу. Ты представить себе не можешь, каким утешением для меня было, попавшись, сознавать, что ты на воле и в безопасности. Но теперь, когда ты, не получая от меня обычной корреспонденции, можешь догадаться, ч[то] я взят, и приехать сюда [1]), мною овладевает такое беспокойство, что я места себе не нахожу в своей камере, не могу ни спать, ни думать о чем-нибудь и даже ем лишь по заказу. Для меня остается еще некоторая надежда, что ты не поспешишь, спишешься предварительно, а тем временем, быть может, мое письмо дойдет к тебе. Господи, чего бы я только не дал, чтобы оно дошло! А мне верится, что ты снизойдешь к моей просьбе — не станешь приезжать. Я верю, что ты поймешь, какое это будет для меня утешение и какое [наоборот] невыносимое, буквально невыносимое, страдание причинишь мне, твоему единственному другу... своим приездом. Если бы ты мог представить, что́ я испытываю при мысли, что ты явишься, а тем более, когда ты будешь уже тут, то, несомненно, охотно бы оставил всякую мысль ехать в Россию, ибо ты очень меня любишь и не захочешь мучить меня, дорогой мой брат. Ты, может быть, задумаешь устроить свою поездку так, чтобы я не знал, в интересах моего спокойствия, но это будет напрасно, я и через жандармов сумею узнавать — за границей ли ты? Видишь ли, голубчик, для меня будет вдвойне мучительно твое присутствие здесь: во-первых, постоянная мысль, что ты провалишься; во-вторых, провалишься, не нашедши для себя никакого делового удовлетворения, унесши с собой невыполненные планы «новшеств» [2]), да, весьма вероятно — недовольство «ка-

[1]) Получив уведомление, что он арестован, я, действительно, немедленно собрался в Россию, но это его письмо задержало меня. *Л. Д.*

[2]) Главный обвинитель Стефановича из «Былого», № 16, усмотрел в этом слове подтверждение своих обвинений, будто под «новшествами» надо разуметь наш план «взорвать извнутри» партию «Народной Воли». Разумеется, это вздор. Употребляя это слово, Стефанович имел в виду заведенные мною за границей предприятия: типографию, издания брошюр и т. д. на пользу партии «Нар. Воли», за что они, спустя два года, заплатили черной неблагодарностью (см. мою ст. «Сближение и разрыв», «Прол. Рев.», № 8(20) 1923 г.). *Л. Д.*

щеями» [1])... я бы не с такой смелостью просил тебя обречь себя на пребывание за границей до моей смерти или каторги, если б не считал вероятным 2-й пункт в результате твоего приезда: каково же мне сознавать, что ты арестован, еще в таком нравственном состоянии! А, между тем, твое время не ушло еще, и такие люди, как ты, никогда не останутся в заштате. Учись, постарайся устроить журнал, работай при нем. Журнал так нужен всем, кроме завзятых землекопов [2]), сознается в нем сильная потребность. Изучи языки. В смелых, отчаянных людях никогда недостатка не будет, пока внутренняя политика правительства останется все той же, а в развитых, образованных людях, вооруженных знаниями, ужасный недостаток. А с таким оружием ты всегда найдешь себе место и время быть полезным. Послушайся же меня, дай мне найти хоть некоторое успокоение в моем абсолютном одиночном заключении. Да, наконец, на кого ты оставишь Веру? Ведь она тоже почти что одна останется и будет за тебя мучиться не меньше, чем я в тюрьме. Итак, посуди сам, приедешь—сам себе удовлетворения не найдешь [3]) и причинишь страдания другим, очень любящим тебя людям. Будешь же ты жить на свободе, и я буду жить в тебе, мне будет чем всегда разогнать свою тоску—сознанием, что ты жив и в безопасности. Я понимаю, что тебе будет скверно, что ты будешь убиваться по мне, но здесь еще худшее станешь испытывать — там, за границей, у тебя хоть близкий человек останется, а тут никого не имеешь.

Не знаю, убедительно ли я пишу, но чувствую так убедительно, что ты никогда не решил бы не выполнить моего завещания, если б проник в мою душу, или даже если б только видел меня в эту минуту, когда я пишу это письмо; у меня нет более аргументов; чувств я своих изобразить не умею, но ты меня знаешь настолько, чтобы представить себе, что я испытываю при мысли, что

[1]) Так мы, ради конспирации, называли между собой народовольцев. В этой фразе, по мнению того же обвинителя, также скрывалась какая-то изобличающая Ст-ча догадка.

[2]) Т.-е. твердокаменных народовольцев-террористов.

[3]) В этом Ст-ч, несомненно, имел в виду уже выше мною указанное недовольство «Нар. Волей» по поводу перечисленных там, по моему, крупных ошибок, совершенных последней.

ты скоро приедешь в Россию. Милый мой брат, дорогой, не заставляй же меня переносить нравственные мучения, дай мне найти убежище от томительного заключения и от перспектив еще более мрачных мытарств впереди, дай мне найти убежище от всего этого в твоей свободе. Я, голубчик, всегда буду думать о тебе, буду занимать воображение представлением, как ты живешь свободный, что делаешь свободный, и мне в эти минуты будет легко на душе. Я стану измышлять все способы, чтобы иметь от тебя вести и о себе тебе давать знать и, надеюсь, что это не последнее мое письмо к тебе. Мало того, *я буду искать случая опять жить с тобою, восстановить мою неразлучность с тобой не в заключении, конечно, а на воле* [1]). Всем этим я буду занимать себя пока жив, но для этого мне нужно некоторое хоть спокойствие, некоторая энергия, чего я не найду в себе, если буду думать, что ты в России. Ах, когда бы это [письмо] дошло до тебя! Я уверен, что ты поступишь так, как я молю тебя. Вера тоже поймет меня и присоединит свои увещания к моим. Как только получишь это письмо, тотчас телеграфируй содержание той телеграммы, какую должен был послать, если В. согласится выполнить первые два пункта моих предложений. Ты эту телеграмму прислал, чтобы задержать меня в М., помнишь, на кубическое А [2]). Теперь телеграфируй такую же по адресу: Петербург, вокзал Николаевск. ж. д. до востребования Степану Васильевичу Яковлеву: я устрою так, чтобы ее получить. С-ю [3]) скажи, чтобы не спешил тоже: аресты в Москве довольно большие, хоть и неважные, но во всяком разе не надо ему спешить. Адреса нарочного (яв[ки?]) не знаю, теперь годятся ли [4]). Ты не можешь писать по всем тем, какие имеешь, а также

[1]) Даже это, очевидно, написанное для успокоения, утешения меня, усердный хулитель тоже поставил Стефановичу в вину: видите, собирался еще жить вместе на воле, — ergo, выдавал товарищей! Может ли быть что-либо гнуснее такого инквизиционного толкования?! *Л. Д.*

[2]) В. — это Вас. Ник. Игнатов; два пункта касались предложений Ст-ча насчет сектантов и рабочих, а кубическое «А» — товарищ, имя, отчество и фамилия которого начинались буквой А.

[3]) С. — Сергей Кравчинский-Степняк.

[4]) Незадолго до ареста Стефановича приехал в Женеву специально посланный «Исп. Ком.» человек, привезший адреса, явки и разные документы, в том числе печатаемое здесь знаменитое письмо о захвате власти.

и на последний, по которому от сестры жены М-ки [1]) будешь и о мне узнавать что-нибудь, если бы я не смог писать тебе. Но думаю, что смогу, хоть через жандармов [2]) даже. Мне хоть знать, жив ли ты, здоров ли? Меня страшно беспокоит, что ты будешь первое, по крайней мере, время горевать сильно по мне. Но какой философией мне утешить тебя? Мне только остается надеяться на Веру, что она сумеет облегчить твое горе. Я и не прошу ее об этом; знаю, что она и без того все сделает для твоего успокоения. Мучительно мне становится, как подумаю, что ты, вдруг, очутишься тут, прежде чем прочтешь эти строки. Исполни же мой завет, мой единственный, дорогой мой и до конца жизни незабвенный друг и брат! Мой голубь [3]) гонит скорей кончать письмо, а писал бы я тебе до бесконечности. Поручаю тебе крепко обнять и поцеловать за меня Веру и попросить ее простить меня за все неприятности, какие я доставил ей. Поцелуй также Лизу [4]) и скажи, что я не забываю ее симпатии ко мне. Сергея с семьей, Жоржа, Павла с их семьями и всех, кто сохраняет обо мне добрую память. Исполни же мою мольбу к тебе, друг мой.— Если бы вдруг Евг[ения] это письмо не застало, то прошу тебя, Вера, телеграфируй по тому же адресу какую-нибудь телеграмму за подписью женск[ово] имен[и]. Сделай это, дорогая! Что касается Мал. [5]), то с ней все-таки будь далек, дружок. Ну, будь здоров, счастлив, свободен и не горюй о мне, если можешь. Твой до конца (быть может, близкого) дней моих. Боюсь, чтобы отец не узнал о моем аресте. Буду просить даже, чтобы его не извещали. Еще раз крепко и горячо обнимаю тебя и много, много раз целую. Пощади же меня, не езди сюда.

---

[1]) Сестра Мар. Пав. Ковалевской — Лидия Пав. Барышева. «Мишка» [т.-е. Дебогорий-Мокриевич] считался мужем первой.

[2]) Также вменено было ему в вину в качестве тяжкой улики все тем же прокурором из народовольцев, нашедших себе приют в «Былом».

[3]) «Голубем» мы называли нелегального почтальона, переносившего письма и пр. из тюрьмы на волю.

[4]) Это — Маленькая Лиза, сестра А. Хотинского, по мужу Мощенко, большой друг всей нашей группы.

[5]) Под этим сокращенным словом Стефанович, вероятно, имел в виду «Мальчика» — «Володю», которого, очевидно, ради конспирации, он превратил в женщину.

V.

ПИСЬМО ДИМИТРИЯ [СТЕФАНОВИЧА] К ЕВГЕНИЮ [ДЕЙЧУ]

19 марта 1882 г.
Петербург [из тюрьмы].

Милый мой, дорогой друг!

Прошел уже месяц после первого моего письма к тебе из тюрьмы. Никогда так долго мы не были в неизвестности друг о друге, а то ли еще предстоит впереди! Ты знаешь, что у меня нет таких привычек, с которыми мне трудно было бы расстаться. Я очень скоро свыкаюсь с переменившейся обстановкой и приспособляюсь к новым обстоятельствам, но примириться с тем, что я никогда не увижусь с тобой и, быть может, скоро не буду иметь возможности даже изредка переписываться или хоть слышать что-нибудь о тебе,—примириться с этим мне чрезвычайно трудно. Мне часто даже не верится, чтобы все это было действительно так, — до такой степени наша долгая неразлучность приучила меня думать и чувствовать, что она никогда не прервется навеки. И вдруг одна глупейшая неосторожность с моей стороны (неосторожность других в этом случае не может служить для меня оправданием) мгновенно превращает все, чем я интересовался, все, что любил, одним словом — все, что составляло мою жизнь в невозвратимое прошлое. Я говорю *невозвратимое*, потому что какие же надежды могут быть в моем положении, которое, к сожалению, я очень хорошо понимал и еще *яснее понимаю теперь*. Не скрою, что первое время (в Москве) я чувствовал себя самым несносным образом. Я не мог найти утешения в том, в чем некоторые счастливцы его находят, — «в пределе земном свершил все земное». Мое поприще на этом пути было прервано на самом интересном месте, когда были положены прочные начинания, обещавшие принести желанные результаты. Но теперь едва ли эти начинания не пойдут прахом. Таким образом, я понес с собой в заключение полную не-

и на последний, по которому от сестры жены М-ки [1]) будешь и о мне узнавать что-нибудь, если бы я не смог писать тебе. Но думаю, что смогу, хоть через жандармов [2]) даже. Мне хоть знать, жив ли ты, здоров ли? Меня страшно беспокоит, что ты будешь первое, по крайней мере, время горевать сильно по мне. Но какой философией мне утешить тебя? Мне только остается надеяться на Веру, что она сумеет облегчить твое горе. Я и не прошу ее об этом; знаю, что она и без того все сделает для твоего успокоения. Мучительно мне становится, как подумаю, что ты, вдруг, очутишься тут, прежде чем прочтешь эти строки. Исполни же мой завет, мой единственный, дорогой мой и до конца жизни незабвенный друг и брат! Мой голубь [3]) гонит скорей кончать письмо, а писал бы я тебе до бесконечности. Поручаю тебе крепко обнять и поцеловать за меня Веру и попросить ее простить меня за все неприятности, какие я доставил ей. Поцелуй также Лизу [4]) и скажи, что я не забываю ее симпатии ко мне. Сергея с семьей, Жоржа, Павла с их семьями и всех, кто сохраняет обо мне добрую память. Исполни же мою мольбу к тебе, друг мой.— Если бы вдруг Евг[ения] это письмо не застало, то прошу тебя, Вера, телеграфируй по тому же адресу какую-нибудь телеграмму за подписью женск[ого] имен[и]. Сделай это, дорогая! Что касается Мал. [5]), то с ней все-таки будь далек, дружок. Ну, будь здоров, счастлив, свободен и не горюй о мне, если можешь. Твой до конца (быть может, близкого) дней моих. Боюсь, чтобы отец не узнал о моем аресте. Буду просить даже, чтобы его не извещали. Еще раз крепко и горячо обнимаю тебя и много, много раз целую. Пощади же меня, не езди сюда.

---

[1]) Сестра Мар. Пав. Ковалевской — Лидия Пав. Барышева. «Мишка» [т.-е. Дебогорий-Мокриевич] считался мужем первой.

[2]) Также вменено было ему в вину в качестве тяжкой улики все тем же прокурором из народовольцев, нашедших себе приют в «Былом».

[3]) «Голубем» мы называли нелегального почтальона, переносившего письма и пр. из тюрьмы на волю.

[4]) Это — Маленькая Лиза, сестра А. Хотинского, по мужу Мощенко, большой друг всей нашей группы.

[5]) Под этим сокращенным словом Стефанович, вероятно, имел в виду «Мальчика» — «Володю», которого, очевидно, ради конспирации, он превратил в женщину.

V.

ПИСЬМО ДИМИТРИЯ [СТЕФАНОВИЧА] К ЕВГЕНИЮ [ДЕЙЧУ]

19 марта 1882 г.
Петербург [из тюрьмы].

Милый мой, дорогой друг!

Прошел уже месяц после первого моего письма к тебе из тюрьмы. Никогда так долго мы не были в неизвестности друг о друге, а то ли еще предстоит впереди! Ты знаешь, что у меня нет таких привычек, с которыми мне трудно было бы расстаться. Я очень скоро свыкаюсь с переменившейся обстановкой и приспособляюсь к новым обстоятельствам, но примириться с тем, что я никогда не увижусь с тобой и, быть может, скоро не буду иметь возможности даже изредка переписываться или хоть слышать что-нибудь о тебе,—примириться с этим мне чрезвычайно трудно. Мне часто даже не верится, чтобы все это было действительно так, — до такой степени наша долгая неразлучность приучила меня думать и чувствовать, что она никогда не прервется навеки. И вдруг одна глупейшая неосторожность с моей стороны (неосторожность других в этом случае не может служить для меня оправданием) мгновенно превращает все, чем я интересовался, все, что любил, одним словом — все, что составляло мою жизнь в невозвратимое прошлое. Я говорю *невозвратимое*, потому что какие же надежды могут быть в моем положении, которое, к сожалению, я очень хорошо понимал и еще *яснее понимаю теперь*. Не скрою, что первое время (в Москве) я чувствовал себя самым несносным образом. Я не мог найти утешения в том, в чем некоторые счастливцы его находят, — «в пределе земном свершил все земное». Мое поприще на этом пути было прервано на самом интересном месте, когда были положены прочные начинания, обещавшие принести желанные результаты. Но теперь едва ли эти начинания не пойдут прахом. Таким образом, я понес с собой в заключение полную не-

удовлетворенность своей деятельностью [1]). Другие, правда, могут извинить меня слишком ничтожным сроком свободы, каким я пользовался, возвратившись в Россию; но для меня самого это плохое утешение... Одно поддерживало мою бодрость, как я уже писал тебе, — это сознание, что ты на воле. Я припоминаю себе наш первый арест и хотя первые дни я тогда чувствовал себя гораздо лучше, потому что мы были вместе, чем при последнем своем аресте, зато теперь я значительно спокойнее. Ты мне оказал величайшую услугу, за которую я чрезвычайно тебе благодарен, согласившись исполнить мою просьбу. До тех пор, пока я не получил ответной телеграммы, я испытывал большое беспокойство. Я просил даже отца в своем письме к нему написать тебе от моего имени, чтобы сохранил себя, пока я не осужден, по крайней мере. Конечно, мои желания простираются и на дальнейшее время, но я не осмеливаюсь требовать от тебя столь многого. Итак, ты мне делаешь небольшое одолжение, если не большую жертву. Ее цену знаю лишь я, да и ты должен понимать, зная, как я был всегда к тебе привязан и как мне дорога твоя жизнь и свобода. Не желал бы я вовсе, чтобы ты попался с такими чувствами, как я и с такой же неудовлетворенностью своим положением и своими трудами, как деятеля. А с тобой так же легко могло бы теперь статься, как и со мною, и даже скорей, чем со мной. Я боюсь только, что с моим арестом ты потеряешь связь и общение с Россией, что для тебя будет тяжело. Во всяком случае, не думаю, что ты, Вера и др. очутитесь в полной оторванности (как это было в мое пребывание за границей), хотя этого, вероятно, желали бы некоторые из неосмысленных наших недружелюбцев, торчащих за границей и обиженных невниманием к ним, какое стали высказывать им отсюда с моим приездом, узнав их настоящую цену [2]). Но я уверен, что ты найдешь себе занятие и за границей, и я постараюсь с своей стороны время от времени сообщать тебе кое-что о себе. А там, если это окажется невозможным, ты можешь узнавать обо мне через отца моего.

Тебя, конечно, интересует, в каком положении мое дело и какая участь ожидает меня? Ничего определенного нельзя сказать теперь. Но несомненно, буду ли я казнен или нет, зависит от того, какой тактики станет держаться революционная партия. Террористические акты всецело отразятся на отношении правительства к заключенным. Это, впрочем, всегда было так и теперь — в особенности. Я очень рад, что процесс 22-х происходил при условиях благоприятных; особенно радуюсь за Михайла [Фроленко]. А как будет с нашими (я еще не знаю, с кем мне придется фигурировать на суде), — бог ведает. Скука и томление в одиночестве — это собственно самое неприятное и тяжелое. Я часто вспоминаю Швейцарию и, несмотря на многие невзгоды, какие приходилось претерпевать там, с удовольствием переношусь фантазией на «rue de Pâquis» или в Кларан. Не думал я тогда, что мы больше не увидимся. А почему знать? Может и увидимся: если я не буду казнен, а ты не будешь арестован, быть может, судьба когда-нибудь опять сведет нас...

Как поживают Вера, Лиза, Сергей? Поклонись им от меня и всем хорошим друзьям и приятелям. Хотел бы я видеть Сергея здоровым и свободным. Передай ему это. В своем последнем письме ко мне ты пишешь, между прочим, что он очень занят литературными работами. Желаю ему всякого успеха, и если он подольше потрудится над своей книгой [1]), то, наверно, напишет хорошую вещь. Спешность работы — это был всегдашний его недостаток. Я здесь, в тюрьме, перечитывая некоторые из переведенных [им] романов, заметил, что обработка слога весьма не совершенна. Имеешь ли ты какую-нибудь работу? И как твои финансовые обстоятель-

---

[1]) Неправда ли, как все это похоже на человека, вступившего в «Нар. Волю» с намерением «взорвать ее извнутри», — уже сознательно выдавшего товарища и вступившего в договор с Плеве?! *Л. Д.*

[2]) Стефанович имел здесь в виду Иохельсона (псев. Голдовский), преданнейшего народовольца, околачивавшегося многие годы в эмиграции. Оттуда он писал «Исп. Ком.», чтобы тот не доверял Стефановичу и мне — все по той же причине, что мы, мол, намерены «взорвать «Нар. Волю» извнутри». Посланное им с «нарочным» в 1882 г. подробное письмо, полное клевет на нас и взятое при аресте последнего, было прокурором и жандармами пред'явлено Стефановичу во время допроса. *Л. Д.*

[1]) Стефанович знал, что С. Кравчинский в то время подготовлял отдельное издание своих статей, печатавшихся в каком-то итальянском журнале, под заглавием «Подпольная Россия». *Л. Д.*

ства? У меня пока деньги есть, я их не трачу, потому что ни в чем не нуждаюсь — все казенное. Но если буду нуждаться, то обращусь к тебе (если, конечно, на то будет соизволение начальства). Я буду ждать этого письма с большим удовольствием, и ожидание его наполнит пустоту моего заключения и заставит хоть немного забыть его тяжесть. Старайся найти развлечения в занятиях: они дадут тебе возможность современем с пользой для других и счастливо для себя устроить твою жизнь. Я же всегда буду помнить о тебе и буду чувствовать себя счастливым, что имею на свободе такого друга, как ты.

Это письмо было начато вчера, но мне помешали его кончить. Впрочем, я сам виноват: мне хотелось как можно дольше его писать, чтобы таким образом мысленно как можно дольше быть с тобой. Сегодня 20-е марта, как раз полтора месяца, как я арестован (по собственной глупости). Это было 5 февраля, вечером. В этот же день вечером я послал тебе письмо, не подозревая, что оно будет последнее.

Остаюсь твой неизменный друг

Митя.

VI.

ПИСЬМО Л. Г. ДЕЙЧА

6 апреля (25 марта) 1882 г.

Бедный, дорогой мой друг!

Только что получил я твое второе письмо и ужасно рад этому обстоятельству — знаю хоть, что 4 — 5 дней тому назад ты был жив и здоров; я, ведь, очень-очень беспокоюсь за твое здоровье... [1]), которое, как мне кажется, в настоящей твоей обстановке, при полном, вероятно, отсутствии движения, еще более разовьется... Не будь у тебя расстроенного здоровья, я, признаться, глубоко верил бы, что мы не навсегда разлучены... Я и теперь, по правде сказать, сильно, очень сильно верю в то, что оно осуще-

[1]) Многоточия обозначают пропуски мест чисто личного характера, неинтересные, к тому же заключающие бесконечные повторения. *Л. Д.*

ствится... Я безусловно согласен в точности исполнять все твои желания, просьбы. Я не тронусь отсюда *только* потому, что ты этого хочешь; я даже стараюсь втянуться в занятия, в науку... Конечно, и ты сам это угадываешь, — нелегко мне вдруг теперь совершенно изменить свои планы, свои решения, расстаться с теми мыслями и планами, с которыми я уже так свыкся... Надеюсь, что дальше более втянусь в науку, буду верен твоим советам. Но не только в отношении занятий, — во всем, во всем твои слова, твои просьбы будут для меня заветом самого дорогого во всей моей жизни, самого близкого мне человека. В свою очередь, и я тебя *прошу*, *умоляю*, чтобы и ты старался, насколько это от тебя может только зависеть, исполнять мои просьбы. Я бы очень, очень хотел, чтобы ты читал побольше по истории, тебе, вероятно, доставляли бы Шлоссера, Соловьева, Костомарова, если ты попросишь, а я мог бы тебе прислать, какие ты захотел бы книги на французском яз., напр., Тэна, что ли... Мне ужасно жаль, что я отпустил тебя одного, мне жаль также, что проведенное нами за границей время прошло так бесплодно, что я мало (если не сказать совсем не) занимался теоретически и не подгонял и тебя кое-чем заняться. Тогда современем мы могли бы с тобой составить хорошее дополнение друг к другу, могли бы быть очень полезны своей родине. Но прошлого не воротишь! Не надо только теперь отчаиваться, — нужно, насколько теперь это возможно, стараться загладить промахи, потери; ведь, кто его знает? Будущее, б[ыть] м[ожет], еще не ушло от нас. А как бы это было хорошо, если бы мы с тобою жили еще на свободе! Но это будет, это непременно должно быть! Мне как-то не верится, чтобы так-таки все кончилось. Нет, это немыслимо! Так вооружимся же терпением, сделаем все от нас зависящее! А там посмотрим. Воображаю, до чего тебе скверно, тяжело сидеть! Так неожиданно, так скоро это случилось. Раньше получения письма от старой нашей приятельницы [1]), известившей о твоем аресте, я уже предчувствовал его: за два дня до ее письма — а она мне написала 8-го — я был уже в большой тревоге, которую и выражал в изготовленном тебе большом письме, когда

[1]) Лидии Павл. Барыневой.

пред самой его отсылкой получилось ее письмо, так что мое и до сих пор лежит у меня. Как поразило меня это известие, ты представишь себе сам. Но я нашел некоторое утешение в том, что сейчас же начал собираться в путь, и уже совсем был готов, когда получилась твоя телеграмма, остановившая мое решение. А теперь тянутся тоскливые дни, но я, как уже сказал тебе, стараюсь быть верным твоему совету, втягиваюсь в чтение.

С материальной стороны недостатка нет, как и не было все то время, что ты уехал отсюда. Думаю, что и впредь не будет, и я всегда смогу делиться с тобою, что, как и сам знаешь, доставит мне только величайшее удовольствие. Я и теперь ужасно хотел бы что-нибудь послать тебе, чтобы ты имел какую-нибудь вещь на память от меня, но я не знаю, позволят ли тебе получить и что послать? Расспроси и сообщи поскорее: а какое бы мне — и, я знаю, тебе — доставило бы это удовольствие, — самую невиннейшую вещь, ну хоть мою (и Катину [1]), пожалуй) карточку? Так посылать, когда не знаешь, пропустят ли, нет желания. Я вот не уверен, дойдет ли до тебя и письмо это, и не знаю, писать ли много? А, между тем, на сколько дней и недель оно могло бы утешить тебя, порадовать! На днях я послал твоему отцу 100 руб. затем, чтобы он мог купить что-нибудь тебе нужное, не знаю только, получил ли он их: он, ведь, сам очень отягощен большой семьей и с трудом, вероятно, мог бы что-нибудь для тебя сделать, напр., с'ездить к тебе, если бы захотел. Так же и впредь смогу делиться с ним, — лишь бы только он обращался ко мне.—Ты опасаешься, что у меня прекратятся сношения с товарищами? Вполне, — не думаю, чтобы это случилось, что, конечно, было бы очень неприятно, и хотя с твоего ареста я почти что не имею писем — одну лишь маленькую записку от того же [2]), который, помнишь, зимою раз написал мне, но он обещает, что «хотя сношения со мною не могут теперь быть столь часты и аккуратны, как при тебе», но все же обещает поддерживать их. Посмотрим! Пока же, кроме теоретических занятий, доканчиваю начатое

[1]) Ек. Кон. Брешковская была большим другом Стефановича. *Л. Д.*

[2]) Это был Тихомиров.

при тебе дело [1]), но, конечно, все пойдет не так успешно, как если бы ты был на свободе.

В сущности, здесь начинало только завариваться дело, подготовлялось лишь, и все здешние очень оживились, закопошились в период твоего пребывания на воле, почему теперь все, даже мало (или вовсе не) знавшие тебя очень огорчены твоей участью. Что же уже говорить о близких, о друзьях! Но все же пока никто не думает складывать рук и не отчаивается за твою участь. Дела Кр[асн.] Кр[еста] идут слабо, т.-е. слабее, чем можно было ожидать. Иностранцы (особенно французские радикалы) любят пошуметь, выразить свое сочувствие, свое негодование; готовы, пожалуй, расклеить прокламации по поводу того или другого события в России, собрать митинг, напечатать протест, но и только. Когда же дело дошло до сборов пожертвования в пользу закл[юченных] и ссыльных, то, кроме рабочих, у которых, как знаешь, и на свои дела еле-еле хватает, почти никто из здешних либералов или радикалов не откликнулся. Но среди рабочих, особенно немецких, большое сочувствие этому благотворительному предприятию, и они по мере сил вносят; так что в результате все же получается некоторая сумма, и это дело не обещает скоро прекратиться. Пожертвования и сборы часто являются совсем неожиданно, из неведомых мест. А в Париже, с высылкой Петра Лавров[ича] [2]), дело это пошло даже ходче: ты, ведь, знаешь парижан, — их тогда и можно возбудить, наэлектризовать, когда случится что-нибудь экстраординарное. Кроме осязаемого результата, кроме многочисленных выражений сочувствия русским преследуемым, основание здесь Кр. Кр. имеет еще и ту пользу, что иностранные газеты перестали врать о России и «нигилистах» всякие небылицы, — даже Рошфор в своем Intransigeant'е реже печатает свои измышления и побасенки. — Впрочем, что это я расписался о здешних делах, когда тебе, б[ыть] м[ожет], это не позво-

[1]) Издание присланных им же биографий С. Перовской, А. Желябова, Н. Кибальчича, Гриневицкого.

[2]) За деятельность по Загр. Отд. Кр. Кр. русское правительство добилось весной 1882 г. высылки его из Парижа, при этом тогда же ему было обещано, что высылка эта будет продолжаться недолго. Действительно, месяца два спустя, ему разрешено было вернуться. *Л. Д.*

лительно знать?.. Ты спрашиваешь, что поделывают Вера, Лиза, Сергей и др.? Вера вначале была очень занята Кр. Кр. Ей приходилось вести громадную переписку с разными странами; но теперь дело уже заведено, и она свободнее, т[ак] ч[то] снова взялась за литературную работу. Лиза попрежнему все хворает, и брат ее также начал болеть: у него сперва был тиф (легкий), а теперь профессор сказал, что у него начался легочный процесс (чахотка), почему и советует ему скорее бросать свои занятия и лечиться, чтобы остановить процесс. Сер[гей] напечатал уже свою книгу [1]), и иностранцы от нее в восторге (она переведена на франц. и англ. яз.). Он думает серьезно заняться литературой (самостоятельной и перев[одной]) и с жаром принялся за нее. Ж[орж] и П[авел] также попрежнему следят за наукой [2]), и первый, как сам о себе говорит: «plus marxiste que Marx lui-même» [3]). Я с ним видаюсь, и мы часто спорим. Ну вот тебе сведения о всех, к[оторые] могут интересовать тебя. — Ты, очевидно, очень огорчаешься, что не можешь утешить себя сознанием, что «в пределах земного свер[шил] все земное». Да, это, конечно, большое утешение, но не думаю, чтобы кто-нибудь так утешал себя, кроме очень самомнящих о себе, да и то нет, ибо и им казалось бы, что, поживи они еще, они все вверх дном поставили бы. Ты же, конечно, не из таких. Помню, когда я с тобой находил утешение в том, в чем Карамзин (в своем предисловии к Ист. Гос. Росс.) советовал находить утешение, а именно, припоминая, как и куда хуже целой массе людей случалось (и случается) гибнуть, как часто пропадали другие, ничем меня не худшие, не успев и шага сделать. И это поддерживало мою бодрость: помнишь, я ведь совсем не тосковал. Конечно, теперь не то, что тогда было, теперь каждый висит на волоске; но, кажется, теперь, как ты пишешь в первом письме: «не за горами времена, когда с таким оружием (как знания)...) не далек черед таких людей». Я также верю в это, а потому и прошу тебя

[1]) «Подпольную Россию», явившуюся впервые в 1882 г. на итальянск. языке.

[2]) Я имел в виду Плеханова и Аксельрода, занимавшихся изучением марксизма. *Л. Д.*

[3]) «Больший марксист, чем сам Маркс».

беречь себя, не терять бодрости. Старайся, делай это ради меня, твоего лучшего друга... Помнишь ли ту беседку над озером, где мы (в воскресенье) перед твоим от'ездом были все, — Сер[гей], Ма[рфа], я, Вас[илий] —, и Мишка лазил на мускулах на дерево. В этой беседке я каждый день бываю. ...Рад бы ужасно был, если бы ты поскорее получил хоть это письмо... Я не уверен, дойдет ли и это письмо, не затеряется ли оно, как и предыдущее. До свиданья. Все целуют тебя и желают того же, чего и я.

Твой Евг.

VII.

ПИСЬМО Я. СТЕФАНОВИЧА

С.-Петербург, 7 июня. [1882]

Дорогой мой Женя! Письмо твое получил 2 числа. Жаль, что ты ничего не сообщаешь о себе; я привык делить с тобой все детали будничной жизни, поэтому с удовольствием читал бы описание твоего образа жизни, что другому было бы совсем неинтересно. Я знаю, что нам нельзя быть теперь в письмах настолько же интимными, как это было на воле. Но все-таки можно сказать больше о своей частной жизни, чем ты сообщаешь. Какова твоя материальная обстановка? Получаешь ли русские газеты и журналы? Во всяком случае ты больше можешь сказать о себе, чем я. Ибо какая моя жизнь? Абсолютное отсутствие всяких событий: перемена книги составляет единственное и самое выдающееся развлечение. В прежнее время приходилось видать довольно часто начальствующих лиц, но я уже писал тебе, что, напр., производящих следствие по моему делу не вижу уже с апреля месяца. Впрочем, неудивительно, мое дело совсем несложное. Не было времени осложниться ему в каких-нибудь 3 — 4 месяца. Приехал, примкнул к народовольцам, участвовал в деле Красного Креста и литературы—вот и все. Кстати сказать тебе, что я обвиняюсь, как редактор «Нар. Воли». Но с этим я никак не могу согласиться, хотя я же сам дал повод к такому обвинению: ты, конечно, получил 4-й, кажется, № «Черн[ого] Перед[ела]», на котором сделана мною при-

писка, что газета может быть перепечатана с тем, чтобы известный % выручки за распродажу пошел в пользу Кр. Кр., а остальное — в эмигрантскую кассу. Приписка эта подписана «редактор». Точно такую же сделал я и на 6 №, кажется, «Н. В.», который очутился в руках полиции; подпись на нем («редактор») и послужила поводом присоединения меня к числу руководителей этой газеты. Между тем, как тебе хорошо известно, что в то время я еще не состоял в «Нар. Воле», и подпись «редактор» означала лишь желание придать содержанию приписки бо́льший авторитет для эмигрантов. Попадись полиции две разные газеты, с одной и той же моей подписью, тогда, конечно, обвинение в редакторстве само собой уничтожалось бы, ибо как я мог быть редактором одновременно «Ч[ерного] П[еределa]» и «Н[ародной] В[оли]». Если у тебя сохранился этот № «Черн. Пер.» (с припиской моей на полях), недурно было бы прислать его в деп. г[осуд.] п[олиции]. Ты очень хорошо понимаешь, почему я никак не хочу признать себя редактором «Нар. Воли». Дело тут вовсе не в усугубляемости преступности (в данном случае напротив), а в том, что кто же возьмется нравственно отвечать за каждую строчку, написанную другим, кроме людей, с'евших вместе не один пуд соли? Всякий народоволец ответственен за каждое слово, сказанное тем или другим его сочленом, хотя бы то был редактор органа. Старых обвинений мне еще не пред'явили, но, по всей вероятности, в деле Гор[иновича] обвинять не будут (хотя наверно это еще неизвестно). В последнем письме я выражал тебе неудовольствие на последнюю динамитную попытку партии. Я не знаю, чем она руководилась, демонстрируя таким образом. Если переменой министерства (о чем я узнал лишь из твоего письма), то это вовсе не столь важная причина, чтобы затмить все другие соображения настоящего момента. В качестве более или менее постороннего наблюдателя и мне, конечно, ничего не остается сказать, глядя на все, что происходит у нас в России: — mais les repressions n'inspiraient et n'inspireront que l'idée de la revanche [1]). Но, как член этой самой партии, я, естественно, отношусь к ее действиям не только как к фатальным проявлением известного исторического закона. Мне естественно желать в ее политике больше стратегического и всякого другого смысла. Знаю я также очень хорошо, что чем дольше продлится эпоха всех этих покушений, заговоров и пр., тем развязка будет решительнее. Но я стою за более скорый, хотя и менее удовлетворительный, выход из этого положения России. Правда, что это точка зрения не революционера, по принципу, вне места и времени, зато это, несомненно, общее желание всей страны, от низу до верха. Вот почему я думаю, что партии следовало бы не затягивать процесс развязки, а всячески ускорять его, считаясь с этой целью с благоприятным расположением правительственных сфер. Ты говоришь, что обществу неизвестны предстоявшие успокоительные намерения правительства. Это, конечно, очень жаль. Но сам же ты видишь в радужных надеждах моего отца выражение надежд всего общества. Основательно ли было партии давать повод при таком настроении общества считать себя причиной несбывшихся их надежд, если даже в действительности не партия тут главным образом виновата? Но сделанного уже не поправишь; и теперь нужно ожидать, что затянется старая опять песня на старый лад. Мой отец очень плохой пророк, несмотря на то, что получает много газет и журналов: мы не только не очутимся с тобой в Дептовке [2]), но едва ли и в очень далеком будущем будем опять вместе. С одной стороны, бог знает, что с тобой станется, и с другой, — вывезет ли мое здоровье? Но все-таки я держусь надежды когда-нибудь опять тебя увидеть, хотя бы это и была одна иллюзия. В тюрьме не вредно жить приятными иллюзиями. Напрасно тебя тревожит мое нездоровье, потому что, собственно говоря, для тюрьмы я довольно здоров. Не можешь же ты требовать, чтобы мое физическое состояние было в лучшем положении в тюрьме, чем на воле? Обстановка у меня хорошая, и вообще нет никаких оснований тебе за меня беспокоиться. Я отцу писал свой совет не удерживать сестру в ее желании ехать сюда на курсы. Но ты, дружок, не посылай ему больше денег: это уж слишком щедро будет, — и прежние, что ты прислал для меня,

[1]) Репрессии внушали и будут впредь внушать лишь чувство мести».

[2]) Дептово — село, родина Я. Стефановича.

не тронуты еще. В последнем своем письме к отцу я старался охладить слишком далеко зашедшие его надежды; а то при его болезненности разочарование может дурно на него подействовать. Мне его очень жаль: он хороший старик, и я уверен, будет любить тебя так же, как и меня. Я знаю, что он был бы чрезвычайно рад видеть нас обоих в своей Дентовке; желал бы я очень, чтобы хоть тебе одному пришлось побывать у него в доме. А пока я, как и ты, мечтаю лишь, чтобы хоть изредка переписываться с тобою.

Да, дорогой мой, я очень счастлив, что ты на свободе, и вечно буду благодарен за то, что мне дали возможность написать тебе из тюрьмы мое первое к тебе письмо, а то бы ты, наверное, был бы уже арестован, наверно, вертелся бы в Питере около меня, что полиция легко предугадала бы. Я часто думаю, как это счастливо вышло, что из нас двух я первый потерял свободу, а не ты, и в эти минуты мне всегда очень весело. Какой-то ты будешь, когда мы опять встретимся, если этому суждено быть? Мне тоже кажется, что дело мое кончится каторгой. На-ряду со многими обвиняемыми в покушениях на цареубийство я не буду казаться таким страшным. К каторге же так все привыкли... Один мой знакомый всякий свой спор с кем-нибудь о политике всегда заканчивал так: «а, впрочем, все дороги ведут в каторгу». И это изречение вошло в пословицу между радикалами. Нельзя сказать, чтобы и виселицы очень пугались. Был я случайным свидетелем одного сеанса, что доктор (революционер) читал лекцию группе лиц о том, какое положение следует принимать, когда палач одевает петлю; производились опыты... шутили, смеялись... Странная сцена была, я только что приехал из-за границы, и в таком виде впервые представилась мне русская «liberté de reunion» [1]). Одно на каторге скверно: болеть там — сохрани бог.

Ты помнишь Марусю Ковалевскую, я читал ее письма оттуда. У нее сначала были просто расстроены нервы, она совсем не могла спать, но никаким манером нельзя было достать морфия. Кончила тем, что с ума сошла. Дальнейшая ее история тоже интересна. Сумасшествие ее было какое-то

[1]) «Свобода собраний».

периодическое, она иногда приходила в сознание и ясно понимала свое положение. Стала она хлопотать, чтобы ее поместили в госпиталь. Долго длилась эта переписка, так что она успела оправиться; наконец, получилось распоряжение исполнить просьбу Ковалевской и, несмотря на все ее протесты, ее, здоровую, перевели в дом умалишенных. Много было переписки, пока ей удалось оттуда выбраться: я представляю себе, вдруг мне понадобится карлсб[адская] соль, столько хлопот будет стоить получить ее!

3 июня.

Вчера я весь вечер мысленно провел среди вас: так и заснул за границей и, проснувшись, все еще был за границей, так что на разбудивший меня стук дверей отвечал: «entrez!» [войдите!]. Промелькнули все эти «Балагулы, Гутерманы» [1])... Пробуждение—самое скверное время в одиночном заключении и самое лучшее — сон. Затея ваша насчет 110 страниц [2]) мне, действительно, не нравится. Хотя мне приятно очень, что товарищи не забывают меня, но способ выказать обо мне свою память, предложенный Жоржем, я не нахожу удачным: не стоило Ивану задавать лишней работы. Что поделывает Павел? Я не успел ответить на его письмо по поводу «русского гостя» [3]). Мне это оч[ень] жаль, потому что, кажется, он не понял меня как следует. Продолжает ли издаваться «Вольн. Сл.», «Громада»? Существует ли польская газета? Не удивляйся, что меня интересуют все эти мелочи, на которые на воле не обратил бы внимания: это потому, что я не знаю, чем следует теперь интересоваться. Если придется провести еще много лет в таком же отчуждении от мира, воображаю, как странны будут казаться подобные вопросы вольным людям! Один бежавший из Сибири по процессу 50-ти усердно разыскивал *кружок* бунтарей, к которым он желал пристать. А приставши затем к «Н. В.», он иначе не выражался о ней, как «наш кружок». Этот анахронизм очень потешал народовольцев. Тот же бежавший из Сибири рассказывал, что ссыльные в Сибири

[1]) Кличка и фамилия двух эмигрантов, наших знакомых.

[2]) По предложению Плеханова, были отпечатаны в нашей типографии все статьи Ст-ча в виде брошюрки в 110 стр., о чем я ему сообщил, и это ему не понравилось, — я не пустил ее в обращение.

[3]) Выступивший на хурском конгрессе П. Б. Аксельрод. *Л. Д.*

б[ольшею] частью принадлежат к южн.-рус.-раб. союзу, о котором они когда-то слыхали и воображают, что он и до сих пор существует. Ты... выражаешь неудовлетворенность по поводу моих сообщений тебе, но, во-первых, мне самому многое неизвестно, а, во-вторых, если бы и было известно, то не забывай, что я человек не свободный... Превеликое спасибо и за то, что я хоть что-нибудь могу писать тебе и получать твои письма. Вспомнилось мне, что ты просил выслать тебе историю рус[ской] лит[ературы]. Я купил ее за несколько дней до ареста и поручил одной барыне ее тебе выслать. Не знаю, дошла ли эта книга до тебя. Она должна была пройти через руки Lefrançais [1]).

Пора прощаться с тобою. Несут обедать, надо передать письмо. Ну, будь здоров, дружок. Целую тебя крепко, крепко. Отдал переменить книгу, надо ждать до завтрего. Буду перечитывать твои письма.

---

[1]) Это означало, что эта книга (с конспиративным в ней письмом, написанным химическими чернилами) была отправлена через жившего в Кларане известного коммунара Лефрансэ и что надо у него о ней справиться, но, насколько могу припомнить, кажется, эта книжка не была им получена.

А. И. ЗУНДЕЛЕВИЧ

ПИСЬМА К Л. ДЕЙЧУ [1])

ЗА ДВА ПОСЛЕДНИХ ГОДА ЕГО ЖИЗНИ.

(1922 и 1923 г.г.)

I.

Лондон. 12/XI — 1922 г.

Дорогой Лев!.. Когда будешь писать о Кропоткине, то я думаю, что для характеристики его отношения к зарождавшейся тогда «Народной Воле» можешь сообщить, что он в 79 году в Женеве помогал мне добывать динамит для России и ходил со мною к коммунару Ренди, который имел связи с людьми, заведывавшими где-то в Швейцарии динамитным складом, и просил его оказать мне содействие: хотя Кропоткин всегда готов был помогать товарищам, а мне в то время в особенности, так как он ценил мое участие в его освобождении, но все-таки, если бы он не сочувствовал планам народовольцев, то едва ли стал бы мешаться в такого рода дела. Этот факт содействия, оказанного мне Кропоткиным, повидимому, крепко сидел в его голове, так как он мне напомнил о нем в первое наше свидание после 30-летней разлуки, когда в 1906 году, по возвращении из Сибири, я посетил его в Bromley, недалеко от Лондона. Помогал мне тогда в Женеве в этом деле и Черкезов, который привлек к участию в этом деле коммунара Кана. Целую тебя.

Твой Арон.

---

[1]) Кроме печатаемых здесь писем А. Зунделевича у меня имеется еще большое количество их, но я считаю более целесообразным опубликовать сперва эти ввиду того, что в них А. З. сообщает о многих важных фактах из наиболее отдаленных эпох. *Л. Д.*

II.

Лондон, 18/VII — 1922 г.

Дорогой Дейч! Твое письмо к Фанни [1]) я переслал ей по почте. Твою брошюру о Сергее [Кравчинском] Фанни имела: кто-то из торгово-большевистской делегации прислал ей ее.

Я ее читал с величайшим интересом: замечательно хорошо она написана, да и настолько полно, что едва ли Фанни что-нибудь прибавит к ней. Для меня в брошюре было много нового, хотя кое-какие рассказы о том периоде я слышал от тебя еще на Каре и хотя я был участником мезенцевского дела. Я, кажется, был привлечен к участию в нем в последние дни его приготовления, а история его возникновения мне мало была известна, так как меня тогда в Питере не было. По приезде моем мне предложили функцию сигнальщика, вероятно, потому, что я раньше аккуратно выполнил такую функцию при побеге Кропоткина. План был выработан без меня, и мне дали готовые указания, где наблюдать и какие давать сигналы. После увоза Кравчинского я немедленно удалился с площади и не видел, кто и как подавал Мезенцеву помощь [2]).

«Пролетарскую Россию» [Революцию] я получил. Твои статьи прочитал с удовольствием.

Об Обнорском я не знал, что он был [одним из] инициаторов «Северного Раб. Союза». В 1901 или 1902 году он проезжал через Читу на Дальний Восток в поисках работы. Я с ним тогда видался несколько раз: по его словам, жизнь его на поселении протекала попеременно в работе по его специальности, в накапливании по нескольку сот рублей и растрачивании накопленных денег, в безустанных поисках золота. Разочаровавшись в золоте в Забайкалье и оставшись без средств, он решил двинуться в Благовещенск или дальше, рассчитывая там найти работу и искать случая нахождения хорошего прииска. Вероятно, мы говорили тогда

[1]) Вдова Кравчинского-Степняка. *Л. Д.*

[2]) Подробности об убийстве Кравчинским шефа жандармов, ген. Мезенцева, см. в моей брошюре: «С. М. Кравчинский», Петроград, Госиздат.

с ним и о политике, но ничего характерного в этих разговорах он не высказывал, так как у меня ничего в памяти не осталось. С тех пор я об Обнорском ничего не слыхал.

Мне кажется, что ты ошибочно приписываешь дело Рейнштейна «Северному Союзу»: это было делом «Земли и Воли». Сведения о Рейнштейне получены были землевольцами от Клеточникова. Я помню приезд трех землевольцев из Москвы после расправы, ими учиненной над Рейнштейном. Я раньше помнил фамилии этих трех, теперь забыл их. Удивляюсь, что ты этого не знал? Мне кажется, что один из трех участников был член нашего кружка с немецкой фамилией, чуть ли не Шмеман. Помнишь ли ты товарища с такой фамилией? [1]).

Твое полуироническое замечание насчет Павла [2]), что он внес в программу [принцип]... о федерации свободных общин, я думаю, неправильно: под его влиянием могла быть составлена программа целиком, так как его критика немецких социал-демократов относилась не к программе их, а к парламентарскому методу действия; программу же минимум требований он мог включить в программу «Северного Союза», несмотря на свой анархизм.

Книга [«Пролетарская Революция»] читается с интересом, хотя... [неприятен тон] некоторых авторов... Любопытна Коллонтай, все время ведшая линию на мир, вроде брест-литовского или еще худшего, вышедшая из состава народных комиссаров, потому что была недовольна брест-литовским договором.

«Год на родине» [3]) читается с захватывающим интересом; очень сожалею, что книга плохо расходится: это поистине книга о «наших разногласиях», разногласиях более актуальных, чем разногласия начала 80-х г.г. Некоторые не пробуют читать [эту] книгу, думая, что не может быть интереса в чтении старых газетных статей, но я видел, что, если кто-нибудь из таких [лиц] преодолевает свое

[1]) Да, помню, но он совершенно всеми забыт; умер, кажется, во всем разочаровавшись, в эмиграции. *Л. Д.*

[2]) Павел Борис. Аксельрод. *Л. Д.*

[3]) Под этим заглавием вдова Плеханова издала в Париже в 1921 г. собрание статей и речей Г. В. за 1917 г. в 2-х больших т.т., стоющих 40 фр. *Л. Д.*

предубеждение и начинает читать, то уже не может оторваться от книги, как [от] одной из величайших трагедий. Разумеется, и цена служит большим препятствием к распространению этой книги.

Знаешь ли, что большевики уплатили вдове Фельса две тысячи фунтов и получили расписку, выданную Фельсу за подписью всех делегатов с'езда? Разумеется, уплата произведена только ради получения расписки. Как оказалось, Фельсом руководил правильный инстинкт финансиста, когда он требовал расписку за подписью всех делегатов; а ведь как это тогда казалось смехотворной затеей [1]).

Твой А.

ДОБАВЛЕНИЕ.

Дело это касается происходившего в Лондоне весной 1907 года с'езда нашей, тогда «об'единенной социал-демократической рабочей партии»: вследствие того, что многочисленным членам этого с'езда, прибывшим в Копенгаген, датское правительство не разрешило там остаться, и им пришлось переезжать из одной северной столицы в другую, пока они не остановились на Лондоне, то средства, имевшиеся для этой цели у ЦК нашей партии, истощились, и угрожала опасность, что 350 делегатам не на что будет вернуться обратно. Поэтому выбрана была финансовая комиссия, кажется из 5-ти лиц: А. Балабановой, М. Горького, меня, Плеханова — пятого не помню. На первом же собрании Горький заявил, что стараться о добывании денег для всех фракций он отказывается, и на этом деятельность названной комиссии закончилась. Положение, по крайней мере, двух из пяти участвовавших на с'езде фракций — меньшевиков и бундистов — получилось критическое: не только уехать из Лондона, но и существовать там не на что было. Тогда я обратился в Vorstand (ЦК) немецкой социал-демократической партии с просьбой выручить нас. В ответ на это он прислал 6.000 марок (около 3.000 руб.); между тем, чтобы довести до конца с'езд и снабдить всех делегатов средствами, необходимо было иметь двадцать с чем-то тысяч рублей. Обратился я также к Г. Чичерину, располагавшему некоторыми средствами, и он тоже внес какую-то небольшую сумму, — всего этого было, однако, недостаточно. Узнав от вдовы Степняка-Кравчинского, Фанни Марковны, что один лондонский фабрикант, Фельс, занимается филантропией и питает ко мне расположение, как к автору книги «16 лет в Сибири», я предложил ей вместе со мною отправиться к этому меценату. Захватив с собою еще одного местного товарища, мы отправились к Фельсу, которого, после изложения затруднительного положения нашего с'езда, попросили на определенный срок ссудить нас 20-ю тыс. руб. (2.000 фунт. стерл.). Без малейших колебаний Фельс выразил согласие вручить нам эту сумму; затем, когда мы уже собрались уходить, он сказал, что хотел бы «в знак памяти о нашем с'езде», на одном заседании которого он лично присутствовал на галлерее, иметь от нас бумажку о получении нами от него этой суммы, за подписью всех делегатов; при чем он заметил, что значения векселя или обязательства эта бумага по английским законам иметь не может.

[1]) Упоминаемое здесь дело требует подробного изложения, которое следует в «Добавлении». *Л. Д.*

По возвращении от него на с'езд я сообщил с трибуны всему собранию об этой сделке, заявив, что каждый может подписаться каким он желает псевдонимом. Тем не менее, нашлись такие дальновидные делегаты, которые подняли ропот и выражали опасение, не заключается ли в этой сделке какого-нибудь подвоха. Тогда я первым написал на листе свою настоящую фамилию, после чего стали подписываться другие.

Наступил срок уплаты, но долга этого наш ЦК не уплатил. Мы с Фанни Марковной тщетно обращались как к нему, так и к целому ряду видных членов нашей партии с просьбами посодействовать исполнению взятого нами на себя обязательства. Проходили годы за годами, но долг этот оставался неуплаченным. Фельс умер, не получив от нас упомянутой суммы.

И вот в 1922 г. А. Зунделевич сообщил мне, что «вдове Фельса Советская торговая миссия в Лондоне внесла 2.000 фунт. стерл. и получила выданную нами ее мужу расписку».

Такова действительная история этих денег. Но вот как ее же изложил К. Гандурин в юбилейном сборнике, озаглавленном «25 лет РКП (б.) 1898 — 1923».

«Делегаты, — пишет он, — не исключая и лидеров, были настолько нищи, что было смешно думать, что кому-нибудь из них лондонский буржуа одолжит деньги. Только два человека могли помочь в беде: Плеханов и Горький. И тот и другой были популярны в Лондоне, и имена их, конечно, в глазах буржуа могли служить гарантией возврата долга. *Плеханов отказался что-либо предпринять; выручил попавшую в беду РСДРП Максим Горький: под его поручительством была одолжена нужная сумма* (стр. 143)».

Подчеркнутые мною слова заключают в себе полное извращение истины: не Плеханов, а *Горький* «отказался что-либо

предпринять, и под его «поручительством *никакая сумма не была* одолжена». Кроме его самого это могут подтвердить многие, более К. Гандурина, осведомленные лица.

Л. Д.

III.

Лондон, 10/VIII — 1922 г.

Теперь, Евгений, вот что: что ты думаешь об истории с Успенским на Каре? Кажется, до сих пор она в литературу не проникла и остается неизвестной публике. Думаешь ли ты ее оставить так или что-нибудь написать о ней? Знает ли Ал. Ивановна [1]) об этой истории? Имел ли ты с нею разговор о ней? Когда я приехал на Кару, там уже не было ни Успенского, ни Александры Ивановны.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Под «Историей с Успенским» Зунделевич имел в виду происшедшее в карийской каторжной тюрьме в конце декабря 1881 г. ужасное происшествие: трое заключенных там — Андрей Баламез, Игнатий Иванов и Федор Юрковский, — заподозрив совершенно неосновательно бывшего нечаевца, Петра Успенского, в предосудительных сношениях с тюремным смотрителем, зазвали его в баню, где повесили его. Вдова его, узнав об этом, просила меня опубликовать этот возмутительный факт. *Л. Д.*

IV.

Лондон, 10/VIII —1922 г.

Дорогой Дейч, я очень рад, что Вера так горячо отозвалась на статью Тютчева [2]): это с ее стороны большое проявление чувства человечности. Для меня это тем более приятно, что я склонен был бы предполагать, что в таких случаях ригоризм возьмет у нее верх над человечностью. Каковы дальнейшие перипетии этой истории? Я о ней ничего не знаю. — О Мирском и Свитыче я знал из письма

[1]) Александра Ивановна Успенская, урожд. Засулич, старшая сестра Веры Ивановны. *Л. Д.*

[2]) Вера Ивановна Засулич, прочитав в «Былом» его сообщение, будто бы Стефанович умышленно выдал Богдановича, поместила в этом же журнале резкое опровержение этой злостной и гнусной клеветы. *Л. Д.*

Паши [1]). Она прибавила к своему сообщению, что желала бы, чтобы сгорели все архивы, в которых рассказываются вещи, бьющие по ее самым святым чувствам. О Медведеве [2]) впервые узнаю от тебя. Самое серьезное по последствиям — это дело Мирского. Свитыча дело не представляет большого интереса: подкоп, который он выдал, был в то время никому не нужен — он делался до побега, а после побега тюрьму так стеснили, что подкопом воспользоваться было немыслимо. Он был далеко не закончен. Много предстояло работы, чтобы его закончить. Никто не был уверен, что он мог быть удачно выведен наружу, даже при свободных условиях тюрьмы, а когда камеры заперли и у заключенных все отняли, нечего было думать о продолжении его. В выдаче подкопа обвиняли тогда Овчинникова, которого тогда увели из тюрьмы. Открытие подкопа никаких последствий ни для кого не имело, никаких следствий и дознаний по этому поводу не производили. Ты ошибочно связываешь донос Свитыча с делом Успенского: когда Успенского убили, подкопа еще не начинали, а Свитыча привезли на Кару в феврале 82 г., т. е. месяца через 3 после смерти Успенского. Свитыча привезли вместе со мною с партией централистов. Мы застали тюремное население разделенным на две части, не помню, численно одинаковые ли: одна часть обвиняла другую в убийстве и так враждовала с ней, что не только не разговаривала с ней, но избегала каких бы то ни было соприкосновений. Некоторые отказывались даже жить в одном здании с теми, кого считали причастными к убийству, и потому добились у начальства разрешения жить в одиночных камерах, находившихся вне ограды тюрьмы. Помню, что там были: Тимофей Квятковский, Петров и еще 2 — 3 человека. К нам, вновь прибывшим, в количестве

[1]) Прасковья Семеновна Ивановская-Волошенко — заслуженный член «Нар. Воли». Лица, работавшие в Петроградском Историко-Революц. Архиве, узнали из дел бывш. Депар. гос. полиции, что известные революционеры — Л. Мирский, совершивший в 1879 г. покушение на ген. Дрентельна, во время заключения в Алексеевск. равелине, выдал властям затеянную Нечаевым среди стража тайную организацию с целью устройства побега, а Вл. Свитыч, осужденный на каторгу за вооруженное сопротивление при аресте, во время пребывания на Каре, выдал тюремному смотрителю устроенный заключенными подкоп. *Л. Д.*

[2]) См. «16 лет в Сибири». *Л. Д.*

человек около 30, обе стороны относились с доверием и хотели, чтобы мы высказались по поводу случившегося в тюрьме. Так как никаких практически полезных результатов не предвиделось от установления факта, умер ли Успенский от самоубийства или убийства, то мы от разбора этой стороны дела уклонились. Мы согласились только разобрать обвинение против Успенского. Была выбрана комиссия, насколько помню, из 6 человек. С трудом припоминаю состав этой комиссии. Она состояла, кажется, из Ковалика, Войноральского, Мышкина, Здановича и меня — шестого совсем не могу припомнить. Несколько вечеров мы заседали, выслушивая обе стороны, т.-е. и тех, которые утверждали, что Успенский предательствовал, и тех, которые доказывали, что подозрения неосновательны. Наше заключение было, что обвинения против Успенского были результатом излишней подозрительности стремившихся к побегу заключенных. Можно было только констатировать, что Успенский был противником побегов и не желал, чтобы они совершались из тюрьмы, но из этого не следовало, что он готов был завязать предательские сношения с администрацией тюрьмы. Если бы можно было быть уверенным, что никто этого карийского события в своих воспоминаниях не коснется, то можно было бы и не делать его достоянием истории, но если этот факт попадет в печать, то я предпочел бы, чтобы он попал в твоем изложении: случай для этого у тебя будет, когда в своих «За полвека» дойдешь до Кары, тогда можешь коснуться и того, что происходило на Каре до твоего прибытия.

[А.]

V.

Лондон, 24/VIII — 1922 г.

Дорогой Евгений... Траурная обложка этой книги [1]) с крестами на могилах навевает грусть, пожалуй, больше, чем твои сборы на Волково кладбище.

Да, то или иное кладбище для нас не за горами, — все же я думаю, что мысль об этом так же мало отравляет жизнь тебе, как мало она отравляет мне. В свое время все

[1]) «Положение детской школы». *Л. Д.*

придет, но думать об этом заранее дело не жизненное. Больше меня тревожит то, что места не могу для себя найти и что виды на помощь богатых братьев все больше слабеют.

Это только мы, россияне, не имеем куда обращаться в случае нужды. Все же Черкезов, повидимому, чувствует себя стесненным и прибегает ко всякого рода экономиям.

Случилось как раз, что в прошлую неделю я раздобыл книжку «Былого» и прочитал записку [об эмиграции] Стефановича и злобную, ненужную статью Тютчева. Ты с Верой [1]) совершенно правильно решили, что лучше в эту полемику больше не соваться: вызвать в таких случаях сочувствие невозможно, а от полемики только подымется больше едкой пыли. Записка меня удивила своей бесцветностью. Повредить она решительно никому не может. Этого достаточно, чтобы о ней больше не говорить.

Ты, конечно, получил уже «Пролетарскую Революцию» с приложением заметки Веры и другой твоей статьи из «Былого», т.-е. воспоминаний Веры.

Сегодня я получил твою рукопись с выдержками из писем Плеханова. Для сборника плехановского было бы лучше, если бы было напечатано только то, что Плеханов сказал, а для того, чтобы было ясно, о чем он говорит, ты мог бы сопроводить его замечания короткими пояснительными примечаниями. С твоей стороны в таком издании резкая полемика излишня. Да и вообще я думаю, что нет оснований резко полемизировать с мемуаристами, как Морозов, у которого только невинная слабость попоэтизировать. Неверно утверждать, что Морозов был второстепенным деятелем в то время или даже третьестепенным: он был весьма видным членом кружка, и его «Листок Земли и Воли» впервые выражал в форме периодического издания тенденции террористических членов кружка. В смысле выдвигания террора, как программы, Тихомиров в то время ничего не делал даже на первых собраниях будущих народовольцев; после разделения Морозов был активнее, чем Тихомиров. Я помню, что Морозов выступил тогда со своим проектом программы. Другой проект был Желябова, и спор долго

[1]) В. Ив. Засулич. *Л. Д.*

шел о том, чей проект принять. Был мой проект — третий, но он не встретил сочувствия и длинных прений не вызвал. Тихомиров же весьма мало интересовался программами и только говорил, что ему все равно, какой проект будет принят, так как любой из них можно защищать. Конечно, полезно делать поправки к сообщениям Морозова и поставить кое-где его на надлежащее место, но насмешливое и сердитое отношение к нему неуместно. Такого же рода спокойные, без полемики, поправки надо сделать и к Любатович. Она, конечно, неправильно говорит, что троглодиты отличались нечаевскими приемами, но и ты неправ, когда говоришь, что этим отличались «дезорганизаторы» на Воронежском с'езде. Я уверен, что если они там заявили, что знают, что Стефанович и ты согласны с ними, то это был прием не нечаевский, т.-е. не нарочная ложь, а основано на ошибочных сведениях, имевшихся о вас. Слово «нечаевщина» имеет смысл, когда применяется к людям, пользовавшимся нечаевскими приемами во всех своих действиях. Обвинять же в нечаевщине группы, которые вообще были чужды нечаевских приемов, а только в одном каком-нибудь случае были не откровенны со всеми товарищами, совсем неправильно. Едва ли найдется организация, в которой не было бы каких-либо частных случаев применения нечаевщины. Были такие случаи и в «Земле и Воле» и задолго до возникновения разделения по вопросу о терроре и во время этого разделения. Ольга Любатович основывала свое мнение о склонности землевольцев к нечаевщине на том основании, что некоторые члены кружка часто спорили по поводу цели, оправдывающей средства, и защищали этот принцип. Я склонен думать, что даже в уставе был этот принцип. Точно не помню. Не знаешь ли ты об этом? [1]).

Не нравится мне, что ты резок в критике Богучарского. Я, помнится, когда-то писал тебе об этом. У Богучарского есть промахи, но не злостные, а естественные при неразработанности вопросов.

Я не стану писать тебе систематические замечания на статью [2]), как ты предлагаешь: статья, главным образом,

[1]) Кажется, его там не было. *Л. Д.*

[2]) Здесь речь идет о статье: «О былом и небылицах» Плеханова. *Л. Д.*

касается моментов, мне незнакомых. Я ничего не знал о саратовских делах; также не знал об организации казанской демонстрации, — меня тогда в Петербурге не было. От тебя впервые слышу, что возникла эта демонстрация отчасти по инициативе рабочих групп [1]). Я всегда слышал и был уверен, что это так, — об исключительной инициативе в этом деле кружка Натансона, на который и сыпались с разных сторон обвинения за эту инициативу. Конечно, смешны выпады Ольги [Любатович] по поводу того, что Плеханов не был арестован. Но ее нервы были таковы, что беспристрастия от нее ожидать нельзя было. Ее надо поправлять с полным уважением к ее прошлому.

По поводу «бурного заседания» во время обсуждения соловьевского предприятия, у Плеханова опущено, что кончилось все-таки заседание тем, что «деревенщики» согласились на то, чтобы террористы помогали Соловьеву в организации дела.

Кривили мы тогда душой, изображая дело так, что Соловьев все равно совершит покушение, будет ли ему помощь или нет. Я думаю, что если бы настойчиво просили Соловьева оставить свое намерение, он согласился бы не делать покушение. Но ни Михайлов, ни Квятковский не считали нужным отговаривать Соловьева, исходя из того, что он все равно совершит нападение; все, даже и противники этого дела, согласились, что нам следует помогать Соловьеву, чтобы затея его кончилась при лучших шансах на успех. Нам предоставлено было заняться организацией дела, что и было нами выполнено.

Решительно не помню, чтобы мы решили тогда останавливать деятельность типографии. Речь шла об осторожности в первые дни после покушения. В такой временной остановке печатания никакой беды мы не видели.

В с'ездах я не участвовал, но принимал участие в решении вопроса о том, что они нужны, при чем вопрос о Липецком с'езде был решен только между нами, сторонниками террора. Мы это делали на основании устава «Земли и Воли», допускавшего образование подгруппы без необходимости посвящать всю организацию в деятельность этих

[1]) Это, между прочим, сообщает Плеханов в «Русск. рабочем в революц. движении». *Л. Д.*

подгрупп. Значение Липецкого с'езда, как начала организации «Народной Воли», — это одно из ошибочных представлений, внушенное показаниями [Гр.] Гольденберга, который, согласно уставу «Земли и Воли», как участник подгруппы, не должен был знать, что творится в центральной организации. Он высказал, что эта подгруппа и есть вся организация. В центральную организацию его никто и не думал предлагать и проводить. Если бы террористы гонялись только за голосами на Воронежском с'езде, то они могли бы провести его в члены. На самом же деле мы его не приняли даже в члены «Народной Воли», которая сбразовалась не в Липецке, а в Петербурге после раскола.

Кстати, не помнишь ли, кто участвовал в комиссии раздела «Земли и Воли»? Помню, что по 3 человека, помню, что со стороны террористов были: Тихомиров и я, но не помню, кто был третий [1]). Кто был с вашей стороны, совсем не помню. Кажется, ты, Стефанович и Преображенский, — так ли? На воронежском с'езде предложены были в центральную организацию люди, вполне заслужившие это, как Желябов и другие. Помню, что до с'езда я встретился с Михайловым в поезде между Киевом и Одессой. Я ему впервые тогда сказал о желании Желябова, с которым я тогда познакомился в Одессе, вступить в организацию и советовал предложить его в члены. Тогда же все согласились насчет того, кого пригласить в члены подгруппы. Весьма вероятно, что устав и программу для Липецкого с'езда подгруппы написал Морозов, который был вполне солидарен с другими членами центральной организации, желавшими повести террористическую кампанию, что предлагать в центральную организацию следует только очень известных и хорошо зарекомендовавших себя людей. Поэтому никто из нас и не думал предлагать Гольденберга или Кобылянского. Этот же принцип применялся и при организации «Народной Воли». Ни Гольденберг, ни Кобылянский, ни некоторые другие в центральную организацию предложены не были. Если говорю, что, вероятно, Морозов выработал устав, это не значит, что устав прошел точно в первоначально представленном виде. Возможно, что Же-

[1]) Ал. Михайлов; с нашей стороны были Стефанович, Преображенский и М. Попов. *Л. Д.*

лябов делал принятые собравшимися поправки, и в этом смысле, может быть, верно и сообщение Фроленко. На собраниях, когда конструировалась «Народная Воля», Желябова проект программы не был принят, но не был принят и проект Морозова. Решили тогда выпустить первый номер «Народной Воли» без формулированной программы. Программа появилась только в третьем номере, когда я уже был в тюрьме. Не знаю, кто выработал проект этой программы? [1]).

О фондах. Никто почему-то не упоминает, что первые деньги «Народной Воле» были доставлены мною: я дал тогда 8000 рублей, не сказавши, откуда я их взял. Это были деньги специального фонда, о котором в то время я один только знал и который хранился в течение двух лет исключительно для целей, подобных тем, которые наметила себе «Народная Воля». Таково было желание жертвователя [2]). Будет пока на эти темы.

[*А.*]

VI.

Лондон, 24/IX — 1922 г.

Дорогой Дейч! Прочитал сегодня твои статьи в «Творчестве»: Вера Фигнер не могла дать характеристики Клеменца, Сергея [Кравчинского] и других, так как она мало с ними встречалась. Она, может быть, фамилии Фесенко и не слыхала [3]). Я впервые услышал о Фесенко от тебя на Каре. Она, конечно, не думала, что «дворник» [4]) мог бы быть Робеспьером при той эрудиции, которую он имел: она имела в виду силу характера, упрямство и уменье подчинять людей. При иных условиях «дворник» мог бы быть и ученым и выработать уменье говорить. Он последний год очень развился и хорошо на сходках излагал свои взгляды. Знание проходных дворов не та черта, которая ценилась у Ал. Михайлова. Я уже тебе раньше писал, как возникла кличка «дворник»: она имела юмористическое происхожде-

[1]) Насколько могу припомнить, Тихомиров. *Л. Д.*
[2]) Им был Д. Лизогуб. *Л. Д.*
[3]) Это предположение неверно; она знала Фесенко. *Л. Д.*
[4]) То-есть Алек. Михайлов.

ние, и не дворницкие черты служили основанием к уважению, которым «дворник» пользовался. Вообще, на замечание Веры о Робеспьере можно было бы и не возражать, а возражать, как ты возразил, не следовало совсем... Упреки, которые ты делаешь террору, в смысле создавания реакции, могут с таким же основанием быть сделаны революционному движению вообще. Весьма вероятно, что, не будь революционного движения молодежи в начале 60-х г.г. и польского восстания, Александр II не становился бы на путь реакции совсем; первое хождение в народ повлекло не меньшее расстраивание сил вследствие арестов, чем первое марта. Думать, что пара десятков человек, занимавшихся террором, сделала бы огромные дела, если бы только занимались пропагандой, я решительно отказываюсь. Да и террор только подкреплял пропаганду. А это уже абсолютный пустяк, облюбованный социал-демократами, что террор усыплял общество и удерживал его от самодеятельности. Слишком много пришлось бы писать об этом; больше, чем в письме стоит написать; перехожу поэтому к другому.

Ты не совсем знаешь, что делалось на Севере в то время, когда ты жил на Юге. Я слышал часто разговоры и даже на сходках о плане Каблица в карете подвезти динамит к дворцу и взорвать его. Раз я имел об этом разговор с самим Каблицем и слышал от него самого этот план. В программу народников центральный удар не входил, но видные деятели кружка говорили об этом часто. Был даже особый капитал из денег Лизогуба в 14.000 руб. для осуществления проекта Каблица в каком-нибудь виде. Лица, отложившие этот капитал, составляли тайное общество в тайном [же] обществе. Я об этом узнал года через полтора после того, как капитал был отложен: мне Оболешев сообщил, что капитал этот имеется, что он хранится у профессора химии в Лесном, что о капитале знают Натансон, Ольга, Лизогуб, он, — Алешка, — и еще кто-то, что решено было посвятить меня в это на случай, если все будут арестованы и я останусь один, чтобы я мог получить его. Мне сказали, какие приметы я должен дать, чтобы профессор мне поверил. Сам профессор не знал, для какой цели хранятся деньги. Когда были арестованы все другие и кружок оставался без денег, я решил внести 6000 из них

в кассу кружка «Земли и Воли». Это было поздней осенью 78 года, а остальные 8.000 я внес, когда образовалась «Народная Воля». Вера [Фигнер] могла знать от Натансона или Ольги об имеющихся планах и потому она могла теперь сказать, что в цели кружка входил «центральный удар».

Не нравится мне, что ты уже несколько раз останавливался в печати на погромной прокламации Романенко, как проявлении антисемитизма. Не был же Савелий Златопольский антисемитом? Это было уродливое увлечение идеей революции, к которой готовы были прийти каким угодно путем. Как золотая грамота не доказывала, что ты был монархистом, так эта прокламация Романенко не доказывает, что «Народная Воля» была антисемитична. Вера, быть может, мало помнит случай с этой прокламацией, так как она практических последствий не имела. Пока оставляю эту тему.

Твоя статья о «Нови» [Тургенева] остроумна, «но не совсем справедлива», как выражался покойный Батогов. Тургенев, написавший стихотворение в прозе о Перовской, находившийся в сношениях с Лавровым и др., не был врагом движения и его участников: он относился скептически к результатам движения и был склонен искать мотивов деятельности людей в личной психологии, но врагом он не был. О случае в кабаке он, может быть, слышал. Я слышал о таких случаях. Случай этот не больше нелеп, чем тот, который ты описывал в деятельности Фесенко, которого хлысты приняли за пророка. Вполне мог молодой человек, чтобы лучше и легче сойтись с крестьянами, предложить выпить по рюмке и, с непривычки, опьянеть. Не знаю, великое ли произведение «Новь», — оно дает картину не всего движения, — но роман все-таки замечательный и читается с наслаждением. Еще одно слово о «Народной Воле». Откуда ты взял, что Исполнительный Комитет самозародился? Его вполне правильно избрали петербургские члены кружка. Были избраны члены и кандидаты в члены на случай ареста членов. Помню, что третьим кандидатом был выбран я. Не знаю, был ли тогда вопрос о кооперации. Кажется, нет. Далее, вопрос о терроре и вопрос о 1 марта — разные вопросы. Ведь террор же дал меликовские проекты. Быть

может, лучше было бы, при выяснившихся впоследствии обстоятельствах, остановиться тогда и не произвести 1 марта. Но где же те мудрецы, которые могут такие вещи предвидеть [1])?..

В моем отсутствии здесь делали доклады Кускова и Прокопович: они подкупили публику своим красноречием, особенно Кускова. Они предлагают образовать какую-то республиканско-радикальную партию и устраивают в Париже какое-то совещание по этому вопросу. Из рассказов я не мог составить себе понятий о том, чего они хотят? Кажется, что у них ничего нового, хотя говорят все о какой-то новой «идеологии». Они проектируют новую газету, которая была бы лучше существующих [за границей], хотя не знаю, в чем. Они отчасти на точке зрения Морозова, который усматривает в большевизме акт революционный; их очень интересует то, что теперь рабочие и крестьяне занимают высокие государственные посты. Как будто задача революции в том и состояла, чтобы заменить грамотных чиновников малограмотными? Но, быть может, газета им, т.-е. Прокоповичу и Кусковой, удастся. Будет, вероятно, нечто вроде покойного «Товарища». Знаком ли ты лично с ними?

[*А.*]

VII.

Лондон, 27/XI — 1922 г.

Дорогой Лев!.. Я не читал письма Веры [2]), в котором она говорит о Дмитре [3]). Я лишь бегло просмотрел некоторые из ее писем, — этого письма не заметил. Я не понимаю, в чем дело? Ведь никто никогда не возбуждал сомнений насчет поведения Дмитра. Я, по крайней мере, об этом разговоров не слыхал. Говорили только в упрек ему, что он присоединился к «Народной Воле» с тем, чтобы парализировать ее деятельность. Я этому не верил и разговорами на эту тему не интересовался, так как она была основана на предположениях. Ничего похожего на факт я в этом отношении не слышал. Я к Дмитру не только не относился враждебно, но в высшей степени дружески. По прибытии его на Кару, я с ним первые дни много беседовал, и отношения наши все годы оставались ровными и хорошими. Я не помню, было ли известно публике, что Дмитро писал записку об эмиграции, и не могу сказать, чтобы мне об этом было известно. Я думаю, что в полемику с Тютчевым ввязываться не стоит: на твою статью он ответит пять обвинениями. От этого, разумеется, может быть только один [результат]: больше неприятных разговоров для родственников Дмитра. Единственное, что было бы хорошо, — это, если бы ты написал брошюру, вроде биографии Дмитра, без полемики с его обвин[ителями]. В связи с предыдущей его жизнью и последующей, записка будет поставлена в надлежащие рамки, и читатель сам будет судить [1]).

[*А.*]

[1]) Хотя решительно все возражения и рассуждения, изложенные выше, а также и многие фактические данные абсолютно неверны, но здесь считаю неуместным опровергать их, что в сущности очень легко было бы сделать: со временем, быть может, коснусь этой темы. *Л. Д.*

[2]) В. И. Засулич. *Л. Д.*

[3]) Я. В. Стефанович.

VIII.

Лондон, 15/I — 1923 г.

Дорогой Лев!.. О Григ. Гольденберге знаю тоже мало: так как я вел раз'ездной образ жизни, то я встречал весьма многих людей, но близко знал немногих. Я полагаю, что в статье о Гр. Гольденберге надо, в интересах полноты картины, подчеркнуть, что он не пользовался полным доверием членов «Народной Воли». По крайней мере, так было до моего ареста. Недоверие основывалось не на том, что предвидели, что он будет выдавать, а на том, что он казался боязливым и недостаточно конспиративным. Мы знали, что он рассказывал о совершенном им убийстве харьковского губернатора Кропоткина и показывал револьвер, которым он его застрелил, лицам, которым, по конспиративным правилам, он этого сообщать не должен был. Поэтому,

[1]) Полагаю, изложенное здесь идеально чистым, благородным Зунделевичем о Стефановиче может от части также служить подтверждением правильности моего и Веры Засулич утверждения, что Тютчев подло оклеветал Стефановича. *Л. Д.*

когда осенью 79 года в Петербурге образовался кружок «Народной Воли», то Гольденберг в члены никем предложен не был и он оставался только на положении агента кружка. Этого названия не надо смешивать с названием «агента Исполнительного Комитета», которое должны были себе присвоить все члены кружка при допросах и при сношениях с публикой. Тем, что Гольденберг не был принят в члены «Народной Воли», об'ясняется то, что он ничего не знал о петербургских осенних собраниях и об образовании тогда партии «Народной Воли». Так как он ничего не знал об этом, то он и не включил этого в свои показания. Он считал липецкий с'езд, созывавшийся только с целью образования подгруппы «Земли и Воли», началом организации «Народной Воли», и с его легкой, хотя и печально легкой, руки, ошибочное представление о времени образования «Народной Воли» вкоренилось и в умах охранки и в умах публики. Не знаю, захочешь ли внести эту поправку в обычное изложение истории того периода.

Твоя книга «Евреи в русском революционном движении» обязательно должна была бы быть пополнена очерком о Михаиле Гоце, — Абрам Гоц относится к новому времени, но Михаил Гоц — человек нашего времени. Конечно, нелегко достать материал, но, может быть, ты многое знаешь.

Твое письмо о Геде [1]) написано хорошо: для меня это новые факты — резолюция и протесты против встречи Плеханова. Ужасно неприятно. Я думаю, что и Павел теперь об этом жалеет. Я согласен, что твое отношение к Ст. Ив-чу не должно было бы быть мотивом к отказу в напечатании письма, — это просто безобразие. Но вопрос об Аксельроде не так абсурден: в исторической монографии об Аксельроде факта его протеста против Плеханова обойти молчанием нельзя будет, но журналу, к которому Аксельрод относится не враждебно, неудобно напоминать ему об ошибочном шаге через много лет после того, когда он имел место, при коренным образом изменившихся обстоятельствах. Теперь на первом плане вопрос о большевизме, и прежние спорные пункты потеряли свою остроту... В свой очерк об Аксельроде в «Евреи в революционном движении», мне кажется, ты мог бы включить и эти факты: это страшно интересно.

[А.]

[1]) Это место требует обстоятельного об'яснения, которое помещаю в конце настоящего письма. *Л. Д.*

РАЗ'ЯСНЕНИЕ.

Летом 1922 года в № 16 (38) «Соц. Вестн.» был напечатан очень сочувственно написанный некролог Жюля Геда. Об этом же выдающемся французском социалисте Ю. Мартов во время нашей Февральской революции отозвался, как о ренегате, изменнике. При этом, очевидно, забыв о столь диаметрально противоположных своих оценках одного и того же лица, редакция «Соц. Вестн.» в некрологе же разразилась против тех лиц, которые обзывали Геда «ренегатом, социал-шовинистом».

Находясь в это время за границей, я послал в редакцию письмо, в котором указал на эти противоречия, а также на то, что Мартов сообща с Аксельродом не лучше в свое время отнеслись к другу и единомышленнику Геда, Г. В. Плеханову: я напомнил им об опубликованном ими протесте против чествования петроградским пролетариатом возвратившегося на родину после 40-летнего изгнания Г. В.; кроме того, я привел публично сделанное П. Аксельродом на меньшевистской конференции предложение об об'явлении Плеханова человеком, стоящим «вне демократии».

Письмо это редакция отказалась напечатать, понятно почему: «правда глаза колет».

Вот это мое письмо о Геде и неблаговидное отношение П. Аксельрода имеет в виду А. Зунделевич в своем письме. Я уже последовал его совету, напечатал в очерках о «Роли евреев» все относящееся к инциденту Аксельрода по поводу сделанных им сообща с Мартовым и в одиночку недостойных выпадов на Плеханова.

Л. Дейч.

IX.

Лондон, 25/I — 1923 г.

Дорогой Лев! Посылаю тебе заметку о Софье Гинцбург: она оказалась в бумагах Гольденберга и написана по-английски не рукой Гольденберга. Я ее перевел с сокращениями, — похоже, что она писана Гольденбергом, но сейчас получил от его жены письмо, в котором она пишет, что не знает, кто автор заметки. Но так как уже перевел ее, то решил

послать ее тебе: в каком-нибудь отношении она тебе пригодится при скудости материалов о С. Гинцбург. По крайней мере, составишь себе понятие о ее наружности.

Твой А.

X.

Лондон, 22/II — 1923 г.

Дорогой Лев!.. Теперь о «Вольной типографии». Станок этой типографии для газеты не годился: формат его длинный и узкий. Ширина его равнялась длине страницы отчета по процессу 193-х, а в длину умещались четыре таких страницы. Для «Черного Передела» этот формат не годился. Мы нашли бы тогда какую-нибудь комбинацию, чтобы удовлетворить и вашу и нашу потребность в типографии, но вы с первых же слов заявили, что у вас типография будет, что вы можете купить ее без хлопот в России, и нам нечего было больше делать вам предложения. Конечно, мы не знали, как и вы не знали, что дело у вас кончится арестом отца большого семейства. «Вольная типография» хранилась вообще не у Мартыновского, которому она была передана на хранение за несколько дней до его ареста. Заведывал этим делом «дворник»: он, должно быть, счел небезопасным прежнее место хранения и передал ее Мартыновскому. Впрочем, это уже было после моего ареста, и подробностей я не знаю.

В очерке о Григ. Гольденберге у тебя [1]), я помню, не совсем правильно рассказано о моем свидании с ним: оно не было вполне неожиданным для меня. Еще месяца за два до свидания Добржинский или Плеве — не помню кто — сказал мне, что Гольденберг настаивает на том, чтобы ему дали свиданье со мною или с Квятковским; что в принципе начальство против этого ничего не имеет, но еще не решено, с кем дать это свиданье, а потому мне предлагают вопрос, соглашусь ли я на свиданье, если будет решено дать его со мною? Я сказал, что согласен на свиданье: мне казалось, что это будет целесообразно в смысле вне-

[1]) Был помещен в выходившем в Нью-Иорке на еврейском языке социалистическом журнале «Zukunft» (Будущее). *Л. Д.*

сения поправок в показания Гольденберга. Но так как месяца два [затем] больше ничего не слыхал об этом вопросе, то я решил, что он снят с очереди, и когда меня привели в комнату для допросов и я там увидел Гольденберга, то это было для меня неожиданно. Комната эта была очень большая, и когда мы были в одном углу, то мы могли говорить так, что присутствовавший в комнате Добржинский или Плеве, или оба вместе, и расхаживавшие по комнате могли не слышать нашего разговора, когда находились в другом конце [ее]. Гольденберг говорил мне, что погубил его Добржинский и что он решил кончить самоубийством, что он уже для этого выработал определенный план. Я ему советовал во всяком случае до суда ничего не предпринимать, так как на суде, смотря по ходу дела, он будет в состоянии изменить ту или другую часть своих показаний или взять обратно некоторые части. Он, казалось, соглашался со мною, и я был удивлен, когда увидел в обвинительном акте, что Гольденберг за смертью не вызывается.

Твой А.

XI.

Лондон, 12/III — 1923 г.

Дорогой Лев!.. В одном из прежних писем я тебе сообщил, что Кропоткин в 79 г. помогал добывать динамит. Теперь могу тебе сказать, что и Сергей [Кравчинский] содействовал нам в испытаниях действий некоторых взрывчатых веществ. Желябов передал мне в мае или июне 79 г. какие-то рецепты — один, сколько помню, был для смеси желтой соли с сахаром, — и просил меня найти способ испытать это и определить ее действие. Я попросил Сергея сделать это; он охотно согласился и в горах, в пустынных местах, сделал несколько пробных взрывов, в результате которых он просил меня передать его совет не употреблять этой смеси, так как динамит больше соответствует тем целям, которые ставят себе при террористических актах. Я думаю, что в биографии Сергея этот маленький факт должен найти место, как и то, что я тебе сообщил о Кропоткине.

Твой А.

XII.

Лондон, 8/IV — 1923 г.

...Мне припомнилось еще одно характерное изречение Сергея: он любил в период пропаганды поговаривать: «Наполеон говорил, что для того, чтобы сделать из солдата хорошего стрелка, надо на него затратить равное ему по весу количество пороха, а я думаю, что для того, чтобы сделать из рабочего хорошего социалиста, надо затратить на него равное ему по весу количество литературы». Не знаю, откуда он взял это изречение Наполеона. Еще несколько слов о Иохельсоне. После эмигрирования из Вильны, он жил с полгода в Берлине, а потом вернулся нелегально в Россию, где жил некоторое время в Кременчуге, давая частные уроки. Затем [он] достал какой-то паспорт на имя Голдовского и переехал в Киев, где поступил на таксаторские курсы. Предпринял он это в связи с планом будущей пропаганды в народе. В Киеве я его застал живущим на квартире у нелегального Кожанова (Белого). Туда заходили многие нелегальные. Помню, что на этой квартире мы прожили бурную ночь ареста бр. Ивичевичей на конспиративной квартире и вооруженного сопротивления на Жилянской улице. Среди ночи Никита Левченко стуком в окно разбудил нас и сообщил об этом событии. Мы жили недалеко от этой конспиративной квартиры, и я раза по два в день бывал на ней. Мы удивились, как это судейкинские шпионы не проследили нас. Пребывание в Киеве и на курсах становилось все менее безопасным, и вскоре Иохельсону пришлось покинуть [эти] курсы и совсем уехать из Киева. Он переехал тогда в Петербург, где, если не ошибаюсь, находился во время раскола «Земли и Воли». Не помню в точности, присоединился ли он тогда к «Народной Воле?» В члены основного кружка он во всяком случае не поступил, но участвовал в одной из подгрупп.

Я тебе никогда не писал, что Рязанов уплатил за расписку, хранившуюся у Фельса. Я высказал предположение, что он повлиял на большевиков, чтобы они ассигновали деньги на это. Уплачены за расписку деньги здешней торговой делегацией. Даты не знаю. Я узнал об этом приблизительно через год после того, как Рязанов был в Лондоне. Уплатили сполна — тысячи две фунтов. Слышал я, что делегация предлагала и проценты, но представитель фирмы от них отказался. Это было только мое предположение, что Рязанов был инициатором выкупа документа.

Нечего и говорить, что смерть Мартова произвела болезненное впечатление на меня и других, знавших его. Английская социал-демократия тоже понесла тяжелую утрату: неожиданно скончалась вдова Гайндмана. Ей было всего 56 лет. Она была очень талантливая женщина. В «Justice» она каждую неделю давала по одной или по две статьи. Была необычайно предана памяти мужа и очень много работала в организации социал-демократической федерации. Она... очень отзывчиво относилась, когда я к ней обращался с просьбами по русским делам. Беседовал я с нею последний раз недели четыре назад. Она была так бодра, что и в голову не приходило, что дни ее сочтены.

Твой А.

XIII.

Лондон, 3/V — 1923 г.

Дорогой Лев! Получил твое письмо из Берлина и открытку из Риги. Теперь, надеюсь, ты уже водворился на квартире и отдохнул от дорожных треволнений. Теперь все жалуются на неприятности путешествий. Даже отсюда во Францию едущие жалуются на надоедливые осмотры па границах. Когда еще вернемся к доброму старому времени, когда переезжали из страны в страну, не замечая границ? При нас едва ли установится такая свобода. Менее пожилые могут еще надеяться увидеть такие дни. Ты уже, наверное, принялся за свою литературную работу. Напиши, как дела и что теперь пишешь.

[*А.*]

XIV.

Лондон, 17/V — 1923 г.

Дорогой Лев! Получил твое письмо от 2/V и был рад узнать, что ты с Эсфирью Марковной без затруднений устроились по приезде в Москву. Понятно, что для твоей работы

общежитие, не вполне подходящая обстановка, и надеюсь, что ты уже устроился на [отдельной] квартире...

У меня ничего нового, также ничего нового у Ильи Исааковича [1]), — стало быть, дела весьма незавидны. Я, вероятно, месяца через два переберусь в Берлин, а Илья поедет в Америку или Канаду. Под Америкой разумею Нью-Иорк. Он написал Ляховскому и ждет от него указаний. Не решено еще, ехать ли ему одному или с семьей. Я за то, чтобы поехал пока один. У Берты [2]) здесь уроки в вечерних классах, которые на худой конец могут прокормить ее и дочку. Но сама она склонна бросить эти уроки и уехать вместе с Ильей.

Не думаю, чтобы Фанни собралась писать о жизни Сергея: ей, повидимому, больно касаться этих воспоминаний. Она говорит, что жилось им плохо, что всегда нуждались, так как Сергей широко раздавал деньги нуждавшимся, когда ему случалось недурно заработать. Деталей она никогда не рассказывает, кроме случайных мелочей. Разве ты думаешь издать сочинения Сергея? — у тебя в письме есть фраза в этом смысле.

Привет Эсфирь Марковне и спасибо за ее приписку к твоему письму. Точно так же, как ей не хочется думать о поездке опять за границу, так и мне не хочется думать о поездке в Москву, хотя ее поездка за границу больше осуществима. Очень рад привету Чернявского и Фроленко. Посылаю им и свой привет. Также Бибергалю, которого ты не упомянул в числе посылающих мне привет.

[*А.*]

XV.

Лондон, 8/VI — 1923 г.

Дорогой Лев!

Конечно, в Москве была бы более родная атмосфера, но за нее пришлось бы слишком много заплатить в нравственном отношении... Большое спасибо тебе за твою готовность хлопотать, но лучше подождать с этим. Авось будет еще

---

[1]) Брат А. Зунделевича, семейный, в течение долгого времени не имевший заработка и терпевший поэтому нужду. *Л. Д.*

[2]) Жена И. И. Зунделевича. *Л. Д.*

такое время, когда можно будет передвигаться без хлопот, как это было недавно во многих странах. Мне везет на приглашения: недавно получил приглашение от родственников поселиться с ними в Антверпене. Жизнь с ними была бы наименее для меня стеснительна. Я их хорошо знаю, и они меня, но их дела не так хороши, чтобы им легко было брать на себя мои расходы. Я отказался. Теперь меня приглашает к себе брат из Америки, которого я почти совсем не знаю. Посмотрю, удастся ли ужиться в Берлине [1]). Если нет, то придется обдумывать другие предложения. Пока тут ничего нового.

Было бы хорошо, если бы ты сообщил нам, кто и какие сочинения Сергея издает? Ведь справки собрать об этом нетрудно. Также собери справки — ставятся ли и ставились ли в кинематографе фильмы из сочинений Сергея и можно ли получить за них плату? Есть, кажется, центральное кинематографическое бюро, откуда все эти сведения можно получить. Кажется, оно называется «кинематотдел». Пожалуйста, выясни все эти вопросы. Потом сообщи свои соображения относительно продажи издательских прав с 25 года: Фаннины средства к тому времени будут на исходе, и вопрос об извлечении кое-каких доходов от изданий будет для нее жизненным вопросом. Ты, на месте, можешь лучше сообразить, что можно делать с издательскими правами, когда срок теперешнего контракта кончится. Твоя помощь будет Фанни крайне нужна.

Получили мы «За полвека» от «Граней». Спасибо. Я слышал, что издания частных фирм за границей теперь в Россию не допускаются. Таким образом, «Грани» едва ли будут в состоянии продать твои книги, а потому и не будут в состоянии платить тебе. Что ты думаешь предпринять? Здесь в русских книжных магазинах продается «За полвека» по 2 шиллинга и 9 пенсов. Бойко торговля не идет, так как мало покупателей здесь на русские книги. В «За полвека» имеется об'явление, что печатается «Роль евреев» и проч.

А.

---

[1]) Туда также приглашал к себе брат. *Л. Д.*

XVI.

Лондон, 13/VI — 1923 г.

Дорогой Лев! Книгу [1]) я уже прочитал с большим удовольствием: таких подробных сведений об этом периоде едва ли кто-нибудь может в настоящее время дать, а период любопытный, и было бы жаль, если бы в литературе не осталось изображения его. Для меня все в твоем изложении совсем почти ново, так как я в [то] время стоял вне описываемых тобой событий и вне круга лиц, в нем участвовавших. Для полноты ты, мне кажется, должен был, в конце заметки о Каблице, прибавить то, что я тебе сообщил о 14.000 р., отложенных Лизогубом, в согласии с некоторыми другими членами кружка троглодитов, на осуществление динамитных проектов Каблица. Я почему-то был уверен, что Габель принадлежал к набатовцам. Неужели это ошибка памяти у меня? С памятью бывают забавные проказы. Недавно я посылал Грише [2]) для прочтения твою брошюру о Плеханове, и в замечаниях своих, он, между прочим, утверждает, что Гедель стрелял не в Вильгельма, а в Бисмарка! Как тебе нравится такая ошибка памяти? Ведь Гриша тогда был в гуще событий, и так забыл!..

А.

XVII.

...О Штернберге [3]) знаю, что он первый открыл нефть на Сахалине: во время прогулок наткнулся на воду с запахом нефти; набрал бутылку и отправил для исследования. Может быть, эта подробность тебе пригодится. О нем материал, я думаю, легко получить от него же самого.

Иохельсон был сын виленского меховщика, довольно зажиточного. Учился в раввинском училище в Вильне. Был первые годы из хороших учеников, но на четвертом году увлекся чем-то другим, забросил ученье и не выдержал переходного экзамена. Товарищи его любили за ровный характер и искренность. Он был членом нашего первого революционного кружка, в котором участвовали Либерман, я, Роммы и др. Летом 75 г. он вместе со мною жил за городом на даче, [там] мы устроили сапожную мастерскую, где учились ремеслу. Задержанные с нелегальными книжками ученики Учительского Института показали, что книжки им даны мною. Мне предстоял обыск и арест. Обыск повлек [бы] за собою и арест Иохельсона, а потому мы оба решили покинуть Вильну и поехали в Кенигсберг, где нас приютил Финкельштейн. Я остался в Кенигсберге, а Иохельсон вместе с приехавшим через несколько дней из Вильны Либерманом, которому тоже предстоял в Вильне арест, вследствие обнаруженных его сношений со мною, уехал в Берлин. После моего ареста в 79 г. Иохельсон некоторое время занимался пограничными делами, использовав мои связи, которые ему были известны. Затем он жил в Швейцарии. Из бумаг, которые имеются у Фанни, я видел, что у тебя был в Швейцарии какой-то суд с Иохельсоном. Нужны ли тебе эти бумаги? Дальнейшего не знаю. Он попал в административную ссылку на 10 лет, был сослан в Колымск. В крепости он хлопотал о разрешении венчаться с [Ольгой] Павелко, дочерью исправника, которую лично знал Дурново. Последний не давал разрешения на брак, желая противодействовать выходу замуж своей знакомой за еврея и государственного преступника. После года или двух ходатайства брак был разрешен, и он в тюрьме обвенчался. Но в ссылку за ним жена не поехала, и через несколько лет им удалось получить развод. Павелко вышла замуж за Караваева, который был потом членом трудовой группы в Государственной Думе и был убит в Екатеринославе черной сотней. В Колымске Иохельсон был приглашен Клеменцом к участию в сибиряковской экспедиции. С тех пор занялся этнографией, совершил несколько экспедиций на северо-восток Сибири и на Алеутские острова. Последняя экспедиция была организована на средства Рябушинского. Война застала Иохельсона в Гамбурге. Курьез: чтобы получить развод, Иохельсону нужны были лжесвидетели. Он обратился к брату Богораза, врачу, с просьбой быть свидетелем по его делу. Тот ответил шуточным письмом, что он очень любит такие процессы и охотно выступит

[1]) «За полвека», 2-й вып. *Л. Д.*

[2]) Григорий Гуревич, старый друг Зунделев., Аксельрода и др. *Л. Д.*

[3]) Народоволец конца 80-х г.г., был административно сослан на остров Сахалин. *Л. Д.*

свидетелем. Ночью у Иохельсона был обыск и жандармы взяли это письмо. Никаких последствий это для Богораза не имело: он свидетелем все-таки выступал, и Иохельсон был разведен.

Твой А.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО.

Лондон, 19/VIII — 1923 г.

Дорогой Лев, я получил твое письмо от 7/VIII.

Между письмами Гольденберга [1]) я нашел два коротких письма Короленко. У Дионео всего 3 письма Короленко, относящиеся к 1905 году. Одно имеет общественный интерес. Фанни еще не розыскала письма Короленко: у нее, кажется, всего одно. Я получил письмо от Истпарта, присланное через здешнюю торговую делегацию: просят меня прислать материал о Курнатовском [2]). Я о нем ничего не знаю и никаких материалов о нем не имел. Не знаю, кто посоветовал им обратиться ко мне, — не ты ли? Я немедленно написал Берзину (здешнему представителю торговой делегации), что прошу уведомить Истпарт, что у меня материалов о Курнатовском нет. Послал я свое письмо по почте, — не знаю, получил ли его Берзин и написал ли он в Истпарт? Если встретишь кого-нибудь из Истпарта, то скажи, что я ответил Берзину, что у меня нет материалов. Письмо Истпарта было от 25/VII, за № 582.

Как видишь, я все еще здесь. Я тебе уже писал, что брат [берлинский] обещает мне дать достаточно для жизни. Я, поэтому, от службы отказался: она была мне не по силам. Собирался было с'ездить к брату в Германию, но там дела запутаны; жизнь вздорожала необычайно, деньги трудно разменять, и я не знаю еще, стоит ли ездить туда. Брат в Германии не остается и едет назад в Ревель, — увижу, может быть, с'езжу туда к нему. Еще не решил.

---

[1]) Лазарь Гольденберг, довольно известный в свое время эмигрант, умер в 1916 г. *Л. Д.*

[2]) Один из старых со.-дем., примыкавш. к группе «Освобождение Труда».

Не знаю, что Розалия Марковна [1]) решила насчет архива? Я согласен, что теперь издавать за границей нет никакого смысла: положение заграничных издательств отчаянное.

О болезни Розалии Марковны, я думаю, известие у тебя запоздалое: теперь она здорова. Я тоже не понимаю, о какой уступчивости говорит [П. А.] Берлин, но спешить тебе с печатанием в Москве, без согласия Розалии Марковны, я бы не советовал. В Цукумфт'е [2]) было продолжение воспоминаний Павла [3]). В этой главе довольно интересные подробности о «Черном Переделе» и его деятельности в Петрограде. Сколько помню, он сообщает, что ему название «Черный Передел» не нравилось, и одно время решено было вернуться к названию «Земля и Воля», но Тихомиров ему указал на договор раздела, в котором говорилось, что ни одна из сторон не должна называться «Землей и Волей». Мне помнится, что тогда решено было, чтобы в течение 2-х лет ни одна из сторон не пользовалась названием «Земля и Воля». Я не помню, участвовал ли ты в комиссии для раздела. С нашей стороны были Тихомиров, Ал. Михайлов и я, а с вашей не помню кто.

Просмотрел я архив Гольденберга: хотя в нем масса писем технического характера, в виде просьб присылать книги, но так как это на протяжении 20 лет, то и они интересны. Для изучения истории «Free Russia», для «Фонда вольной русской прессы» и для ознакомления с историей сборов за границей средств для помощи ссыльным, — архив представляется весьма ценным. Кроме того, в нем имеется масса писем таких интересных людей, как: Кеннан, Кропоткин, Чайковский, Куперник, Черкезов и т. д. В них перемешано техническое содержание с отдельными замечаниями о политических делах. По письмам можно подробно проследить агитацию против договора американцев с русскими о выдаче преступников и массу других эпизодов. Письмам этим место в хорошо устроенном архиве, где имеются люди для сортировки их и классификации. Мне кажется, что вдова Гольденберга могла бы просить за этот архив фунтов 100. Как

---

[1]) Розалия Марковна Плеханова.

[2]) Социалистический ежемес. журнал, издающийся в Нью-Иорке.

[3]) Павел Борисович Аксельрод.

думаешь, — не купил ли бы Истпарт? Есть еще письма Лаврова, которые не вошли в посланную мною тебе пачку.

Между письмами Лаврова у тебя есть какая-то записка о предполагавшемся органе. Не есть ли это тот предполагавшийся «Народник», о котором Николаевский меня запрашивал?

Не знаю, на чем основаны одобрительные отзывы Ашенбреннера? Я рад, что он так хорошо сохранился. Паша[1]) пишет, что и Сажин необычайно хорошо сохранился. А ведь и ему, пожалуй, столько же лет. Черкезов тоже еще бодр. Я недоволен состоянием своих легких. Не хотелось бы зимовать в Лондоне, но не знаю, лучше ли было бы в Берлине? А в Ревеле тоже сыро и холодно вдобавок.

Твой А.

СМЕРТЬ А. И. ЗУНДЕЛЕВИЧА.

Несколько дней спустя на имя живущей в Москве общей знакомой получена была из Лондона от брата А. Зунделевича — Ильи Исааковича следующая телеграмма, от 1/IX — 1923 года:

«Осторожно передайте Дейчу о смерти Аарона Зунделевича в четверг 30 августа».

А спустя еще некоторое время, И. И. Зунделевич прислал подробное описание скоропостижной смерти его брата, происшедшей от воспаления легких при ожирении сердца, на его квартире, ночью, в его отсутствие, когда он поспешил за врачом, что описано в № 2-м «Сборника».

Л. Д.

---

[1]) Прасковья Семеновна Ивановская - Волошенко, известный член «Народной Воли».

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ПИСЬМА К В. И. ЗАСУЛИЧ

(от 1888 по 1893 г.г.)

До указанного здесь года Георгию Валентиновичу, вообще крайне не любившему лично вести переписку, редко приходилось писать Вере Ивановне, потому что большею частью они жили вблизи. Но весной 1886 года он сильно заболел туберкулезом (острой формы), так что женевские знаменитости предсказывали быструю его кончину. Близкие его — Розалия Марковна, Вера Ивановна и др., — крайне этим встревоженные, употребили все усилия для его спасения: на добытые ими с неимоверными трудностями небольшие средства удалось отправить опасно больного Г. В. в разные швейцарские курорты для легочных больных, начиная от Лейзена, Давоса и кончая Клараном и Морнэ.

В тех случаях, когда материальные средства позволяли, Вера Ивановна сопровождала Г. В., так как Розалия Марковна была занята двумя маленькими дочерьми, а также подготовкой к окончательным медицинским экзаменам. Вера Ивановна ухаживала за Г. В. как самая заботливая, любящая сестра, проявляла безграничное самопожертвование. Она же хлопотала о добывании средств для лечения Г. В. В этом отношении заслуги ее чрезвычайно велики, и семья Плеханова была ей всегда бесконечно признательна.

Как видно из нижеследующих писем, они относятся к периоду уже выздоровления Г. В., а затем — ко времени издания сборника «Социал-Демократа», средства на который пожертвовал Ник. Ив. Кулябко-Корецкий, за что должны быть глубоко благодарны ему все лица, понимающие значение для нашего марксистского направления факта появления этого сборника в то глухое время.

Из этих же писем мы узнаем, каким образом маленькая группа «Освоб. Труда» попала на первый интернациональный конгресс, собравшийся в Париже в 1889 году, на котором, как известно, Плеханов сразу выдвинулся вперед.

Едва ли поэтому нужно говорить о большом интересе, представляемом этими письмами, освещающими до сих пор почти совершенно неизвестный период жизни и деятельности двух наших друзей — Г. В. и В. И.

К сожалению, ни более ранних его писем к ней, ни за следующие годы не оказалось ни в архиве Веры Ивановны, ни Плеханова, что, вероятно, об'ясняется ее частыми переездами с одного места на другое.

Все выноски сделаны мною.

Л. Д.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

[Открытка, почт. шт.: 16/II — 88 г. Leys'in, 1887 г.

Дорогая Вера, здоровье мое ничего, лихорадок нет. Представьте себе, что хозяйка здешнего пансиона решила закрыть его и потому никого не принимает. Приходится устраиваться у крестьян. Я пока остановился у одного крестьянина, который меня и кормит. Посмотрю, попробую, что за еда, если будет плохо, придется спуститься в Кларан. Если же пойдет хорошо, приезжайте и вы сюда. Тогда я вам напишу. — Без вас жить тут я совсем не согласен. Адрес свой вышлю, как только устроюсь.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

[Открытка, почт. шт.: Кларан 28/II — 88 г.]

Дорогая Вера Ивановна! Завтра вышлю воззвание по поводу основания социал-демократического союза. Написано оно не бог знает как хорошо, ну да поправлять не наше дело. Нужно только, чтобы кто-нибудь под ним подписался, хоть Григорьев [1]) что ли, а то безыменные воззвания как-то нехороши. Пишу статью, уже половину написал и, право, не заметил, как прошло время. Когда вы написали мне, что я молчу уже целую неделю, то это несказанно меня удивило: мне казалось, что я только что устроился в пансионе, только что отправил вам карту. Теперь чувствую даже некоторую усталость, но вообще здоров.

---

[1]) Григорьев — псевдоним Говорухина, привлекавшегося по делу 1-го марта 1887 г.: он стал наборщиком в нашей типографии, что, конечно, произошло после моего ареста.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

[Без даты, — вероятно, весной 1888 г., пятница, 1 час пополудни. Повидимому, из Морнэ.]

Дорогая Верочка, только что получил вашу карту и спешу в немногих словах ответить, так как Роза сейчас едет в Женеву, а отправленное оттуда письмо дойдет до вас скорее.

К великому моему стыду и огорчению, я не мог управиться здесь без денег; нужно платить за бумагу, о чем я уже писал; нужно платить Яблонскому [1]), который набрал уже много (моя статья о народниках [2]) почти-почти окончена) и просит денег. Поэтому... заключение вы сделаете сами. Дайте мне немного вздохнуть, честное слово, я вас выручу [3]) так или иначе.

Деньги лучше всего послать на адрес Рольника [4]), так как адреса Григорьева я не знаю, на имя Häyler'а посылать неудобно, а Яблонский просит денег как можно скорее. Рольник человек верный. Адрес его: Rue Candolle, 4.

Крепко жму руку. *Плех.*

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

[Без даты, летом 1888 г., из Анемаса.]

Дорогая Вера Ивановна, вчера получил ваше письмо, сегодня утром отвечаю на него, но когда вы получите мой ответ, не знаю; вероятно, не раньше понедельника. При-

---

[1]) Тов. поляк, заведывавший типогр. польских социалистов; для скорости ему члены гр. «Осв. Тр.» сдавали часть рукописей, которые он набирал в находившейся в его распоряжении наборной или он приходил помогать наборщикам типографии гр. «Осв. Труда».

[2]) Г. В. имеет здесь в виду известную статью его «Народники-беллетристы».

[3]) По настоянию друзей В. Ив. отправилась в Божи над Клараном, чтобы полечиться, так как вследствие переутомления тоже заболела легкими; она задолжала там, почему Г. В. и старался «выручить ее».

[4]) Рольник—псевдоним Левкова, товарища-марксиста, привлеченного мною. Это о нем сообщает Гецов в своих воспоминаниях. (См. Сборник № 1.) Эмигрировав в Швейцарию, он работал в типогр. гр. «Осв. Тр.».

езжал сюда Ингерман [1]), и я надеюсь у него достать некую сумму для вашего выкупа, но только надеюсь, уверенности у меня нет. Проклятый сборник поглощает массу денег. Мне с ним немало возни, как вы можете себе представить. То корректуры, то библиография, то хлопоты с Павловской статьей [2]). *Она не дурна*, но была бы еще лучше, если бы у нас в руках было *уже окончание*. К сожалению, у нас только *начало*. Почти уверен, что он опоздает с концом, но что прикажете делать. Без летописи рабочего движения выпустить сборник обидно. Кажется, ведь было у Павла время написать свою статейку, ведь сколько тянулся набор, нет, он все-таки ухитрился опоздать! Ну, да зато недурно написал теперь. Чем меньше он сидит за статьями, тем лучше они у него выходят. Это странно, но выгодно для него.

Гегеля вышлю вам через три дня, его долго не меняли по некоторым причинам, которые долго было бы излагать здесь, поэтому я еще не успел дочитать его.

Насчет письма моего в Цюрих Бринштейну скажу вам вот что. Я написал это письмо в ответ на его просьбу как-нибудь уладить ссоры, вечно продолжающиеся в фонде [3]), клянусь вам Гегелем и Марксом, что в этом письме *ничего не было кроме вежливых фраз*, обязательных во всяком письме к незнакомому человеку. Что касается самого дела, то я сказал Бринштейну, чтобы он шел к Павлу: на чем вы с ним согласитесь, на том и стану, писал я. И все-таки Павел увидел в моем письме нарушение «дисциплины» и порчу «дела». Я принужден был оправдываться и извиняться перед ним.

Ваш Интернационал [4]) должен быть напечатан во что бы то ни стало. Единственный ваш довод насчет Лассаля (моего) не выдерживает критики, потому что Лассаль еще

---

[1]) Ингерман — молодой последователь гр. «Осв. Тр.», тогда студ. мед. в Берне; ныне небезызвестный врач в Нью-Иорке, куда он эмигрировал лет 30 тому назад. (О нем см. в моей кн. «16 лет в Сибири»).

[2]) Г. В. имеет в виду статью Павла Борисовича Аксельрода о рабочем движении в Зап. Евр.

[3]) Фонд был основан русск. студент. в Цюрихе для издания под ред. Лаврова и Плеханова беспартийной социалистич. литературы.

[4]) То-есть статья Веры Ивановны о I Интернационале.

не готов; а между тем народовольцы истратят деньги на затеваемый ими *Календарь Народной Воли*.

Интернационал написан хорошо, если не по внешности, то *по содержанию*: такой работы еще нет в социалистической литературе. Итак, смиритесь в этом отношении и готовьте его к печати.

Если за это время я вам не писал, то по поводу вашего детища (Интернационала) написал несколько писем, а вчера лично убеждал Полозова на этот счет. Он согласен, и уверяет, что и другие народовольцы согласятся. Григорьев набирает крайне лениво, по его словам, у него болят глаза, но это в сущности предлог. Кажется мне также, что его молодая супруга боится очень за его здоровье. Когда я был в Женеве и упросил Григорьева взяться за работу, она прибежала сама и, сказавши: «он устал, я его сменю», стала работать за него и проработала несколько часов (а он перед этим успел набрать не более десяти строк). Теперь, после моего пребывания в Женеве, его рвение, может быть, оживится на день, на два. К счастью, работы уже немного. Ходил также к Турскому [1]) и настоятельно требовал денег за квартиру и типографию.

Он обещался ко вторнику наверное. Я сказал, что иначе возьмем типографию в свое исключительное пользование. Надеюсь, что он сдержит слово, и тогда можно будет, пожалуй, вас выкупить. С типографией все благополучно, за квартиру мы заплатили из своих. За бумагу частью заплачено, частью — кредит. Словом, будьте спокойны. Крепко жму вашу руку.

Ваш Ж.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Открытка, почт. шт.: Женева, 23/VII — 1888 г.

Вера Ивановна! Сборник будет кончен, может быть, на этой неделе. Но вот в чем дело, необходимо поместить некролог Мечникова. Обязательно. Идите сейчас же к Кончев-

---

[1]) Турский — небезызвестный старый эмигрант, соредактор Ткачева в якобинском их журнале «Набат». Он взял квартиру и типографию гр. «Осв. Тр.», когда у нее не было работы, во временное пользование, но был неаккуратен во взносах следовавшей с него платы. *Л. Д.*

ской [1]) и попросите ее ответить на мое письмо. В письме я просил ее сообщить данные для некролога. *Идите сейчас же.* Медлить нельзя. Сборник остановится. Вы видите, что я в Женеве. Спешу. Целую вас.

Ваш Жорж.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Без даты, летом 1888 г. из Морнэ.

Дорогая Вера! Вы, может быть, и правы, ругая меня, но ей богу у меня есть смягчающие обстоятельства. Несколько последних дней я провел в возне с корректурами. Вчера и третьего дня был в городе, где не выходил из типографии, делая разные вставки и поправки к корректуре своей статьи. Приходилось стоять над душой у наборщиков, чтобы они не перепутали примечаний, не водворили вставок на неподходящих местах и т. под. Моя статья уже окончена набором. Два с половиной листа уже окончательно сверстаны и частью отпечатаны, а частью печатаются. Остальные два листа верстаются. (В скобках.) Вы вероятно скажете, что на поправки и вставки не нужно много времени, но мне приходилось бегать собирать книги, нужные для выписок, у одного Элпидина должен был выслушать длиннейшую историю о шпионах [2]). До сих пор Яблонский сравнительно мало работал у нас, потому что занят был «Свободой» [3]), теперь он набирает мою статью о грехопадении Тихомирова и набирает быстро.

Насчет Интернационала из Цюриха мне ничего не пишут. Ради всего святого, напишите вы Павлу, чтобы он тормошил народовольцев и хотя бы силой взял у них деньги на издание, это необходимо [4]). Пора напечатать Интернационал, а то вы не возьметесь за другое раньше его выхода.

[1]) Кончевская — падчерица Льва Ильича Мечникова, впоследствии вышедшая замуж за Л. Шишко.

[2]) Эльпидин — старый эмигрант, бывш. студент Казанского унив., привлекавшийся в начале 60-х г.г. В Женеве у него была библиотека и книжный магазин. У него была своего рода мания заподозривать в каждом вновь приезжем русском шпиона. В конце концов, Плеханов пришел к заключению, что сам Эльпидин состоит полицейским агентом.

[3]) Выходила под ред. Бурцева и Дебогория-Мокриевича.

[4]) Группа народовольцев обещала доставить средства для выпуска этой брошюры.

Насчет своего выкупа не беспокойтесь, дайте только мне немножко оправиться, покончить со сборником, который, вопреки моей воле и моему ожиданию, поглощает теперь все мои помыслы. Сколько раз я из-за него пешком бегал в Женеву, не имея денег на конку из Анемасса [1]) и утомляет он меня, и время отнимает, ну да зато выйдет, я надеюсь, «приятная скотинка» [2]). Впрочем, скотинка эта подвергнется многим нареканиям. Это уже наша судьба. Некролог Мечникова [3]) получил.

Ваш *Ж.*

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

(Дата на поч. штем. 14/VIII — 1888 г. Женева, но писано оно в Анемассе, адресовано в Божи над Клараном).

Дорогая Вера Ивановна, как вам уже, вероятно, сообщил Николай Николаевич [4]), я непременно напишу прибавление к статейке «Неизбежный поворот» [5]). Ко мне теперь некоторые народовольцы пристают, чтобы я разделал его под орех. Из Берна, может быть, даже денег пришлют для издания брошюры, в которой я должен был бы высадить Тихомирову днище (см. Успенского). Как вы думаете, браться ли? Вообще будьте покойны. Ну, чернила не пишут и уже час ночи. Весь вечер правил корректуру Павловской статьи (он, шельма, ужасно невнимателен к опечаткам, даже самым грубым). Пишу, чтобы завтра утром Роза могла взять письмо

[1]) Анемасс — небольшой городок, в получасе езды в трамвае от Женевы, находившийся уже во Франции, вблизи которого, в Морнэ, в то время жил Г. В.

[2]) Это похвальное, ласкательное выражение принадлежало В. Ив., которая вообще любила и людям и вещам давать клички из животного царства.

[3]) Г. В. имеет в виду известного публициста и ученого Льва Ильича Мечникова, умершего в июне 1888 г.

[4]) Ник. Ник. Лопатин — эмигрант, участник револ. движ. 70-х г.г., вместе с Плехановым и другими землевольцами агитировал во время происходивших в Петербурге стачек на Новой Бумагопрядильне и др. Он был выслан в Верхоленск, откуда бежал в 1881 г. в Женеву. После возникновения гр. «Осв. Тр.» он взялся перевести брош. Маркса о «Нищете Философии».

[5]) «Неизбежный поворот» — статья Г. В. против Тихомирова в сборнике «Соц.-Дем.».

с собой в Женеву. Это скорее. В четверг или пятницу кончаем набор и корректуру. Покойной ночи, милая Верочка, страшно устал. Крепко целую вас.

Г. Плеханов.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

(Без даты, того же периода.)

Дорогая Вера Ивановна! В субботу вечером у нас окончились работы в типографии по печатанию Сборника. В воскресенье утром я вернулся в Морнэ, усталый, как собака. В понедельник должны были притти за шрифтом [1]) от Сагеу'я. Я уже угостил наборщиков «article» [2]). Сборник вышел в 16 листов. Статья Павла страшно растянулась. Само собою разумеется, что сообразно с этим растянулись и расходы. Чистая беда, ей-богу. Сколько раз за это время я вспоминал Евгения [3]), у которого мы жили, как у Христа за пазухой. Павел понятия не имеет о том, что значит издание при наших средствах [4]). (Дети перепортили у меня решительно все перья, так что писать письмо для меня чистая пытка. Возвращаюсь к делу.) Павел ни корректуры своей статьи не правил, ни даже слога не исправил: «это уже Жорж сделает»,—рассуждает он, и мне приходилось немало возиться с его статьей. Кое-какие шероховатости и повторения все-таки остались. Это было неизбежно, так как он высылал свою статью клочками.

Поправивши сегодня один клочок и отправивши его в типографию, через неделю должен был править другой. Мог ли я помнить, в каких именно выражениях писал он в первом клочке? Что касается до высаживания днища [5])

---

[1]) «Притти за шрифтом» означало, что русские произведения только набирались в имевшихся в Швейцарии наших типографиях; затем их отправляли для отпечатывания в большие французские типографии.

[2]) Техническое выражение для обозначения устраиваемого угощения рабочим предпринимателем по окончании ими какой-нибудь определенной работы, — вроде нашего могарыча.

[3]) Моя революционная кличка. *Л. Д.*

[4]) Дальнейшее до конца написано карандашом.

[5]) Это выражение из известного рассказа Гл. Ив. Успенского Плеханов употреблял в смысле — разнести вконец противника. Упомянутый выше «фонд», состоявший преимущественно из лиц, склонных к «Нар.

Тихомирову, то об этом меня просят и из Цюриха. Деньги будут, и потому я скоро (как будут деньги) засяду опять за писание. Материал есть, так как Тихомиров дает богатый повод для всевозможных рассуждений о русских общественных вопросах. Думаю хорошенько заняться этой брошюрой. Надеюсь, что выйдет недурно. В библиографии я уже пробрал Тихомирова. Крепко жму руку.

Г. Плеханов.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Откр. почт. шт.: Жен., 31/XII — 1888 г. в Кларан.

Дорогая Вера Ивановна, мне очень жаль, что вы не поехали со мною. Я издавна привык встречать Новый год в семье, а без вас наша семья будет неполна. Во всяком случае поздравляю вас с Новым годом. Это письмо вы должны получить завтра утром, значит будет не слишком рано и не слишком поздно.

Крепко жму вашу руку *Г. Плеханов.*

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Открытка, почт. шт.: Кларан, 29/II — 1889 г.

Вера Ивановна, воззвание, посланное мне для просмотра, из рук вон плохо написано. В таком виде его печатать безусловно нельзя. Значит нужно поправить. Попробуйте это сделать вы или попросите Григорьева. Пусть содержание останется то же самое, но пусть кто-нибудь из вас изложит его своими, не такими надутыми и не такими вовсе нерусскими словами. Я и сам написал бы, но меня порядочно-таки утомила статья. Скажите Григорьеву, что я прошу его послать в Берн Ингерману (Zähringerstrasse, 53) новую брошюру и вообще экземпл[яров] по 5 наших изданий, это нужно сделать как можно скорее; я и без того удивляюсь его долготерпению.

Г. Плеханов.

Воле», предложил Г. В. написать брошюру о Тихомирове, после того как последний выступил с известной своей «исповедью», озаглавленной «Почему я перестал быть революционером».

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Открытка, почт. шт.: Женева, 2/III — 89 г., в Кларан.

Дорогая Вера Ивановна, ваше письмо пришло или вернее, получил (я дома не был) его я в то время, когда выдача книг в русской библиотеке уже прекратилась. В этом отношении придется ждать до субботы. Взять из здешней французской библиотеки на Route de Carouge, ей богу, нет денег (но из этого не следует, чтобы вы присылали из полученных вами, *не* надо). Лучше попросите Хмельницкого переменить Дон-Кихота в кларанской библиотеке или купить вам *Ариосто*. Постараюсь как можно скорее приехать.

Пишите о вашем здоровье. Может быть, после завтра выеду.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ.

Откр. почт. шт.: Женева, 29/III — 1889 г., в Кларан.

Дорогая Вера Ивановна. Я думал было, что вы решились последовать моему совету и воспользовались кларанской библиотекой. Я думал так, потому что вы в прошлом письме ничего о книгах мне не писали. Но так [как] вы кларанской библиотекой воспользоваться не можете или не хотите, то я записался в Женеве. Книги сейчас будут посланы. Завтра думаю выехать, но ручаться, конечно, не могу. Крепко жму вашу руку.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

(На конверте: 8 апреля 1889 г. Женева, но писано в Морнэ, адресовано в Божи над Клар.)

Дорогая Вера Ивановна, вполне сочувствую вашему положению в Божи, потому что нечто подобное случилось и со мной в Морнэ: наехало пока еще немного, но кандидатов множество. Не особенно отрадно то, что эти кандидаты наведываются ко мне прежде чем итти искать себе комнаты, так что хозяйка справедливо называет меня regisseur'ом Морнэ [1]). В нашем доме есть другая квартира. Хозяйка было соглашалась оставить ее за Ингерманом с товарищем. Но Ингерман определенного ответа относительно согласия своего взять квартиру не давал, а тем часом явился Турский и предложил ей хорошую цену. Хозяйка растаяла и отдала ему квартиру. Теперь он наш сосед. И нужно отдать ему справедливость, сосед он очень деликатный и вежливый. Даже и не думает мешать. Все сидит с своей больной дочерью. Для Ингермана я присмотрел другую квартиру, жду его со дня на день. Из Женевы от наших не имели известий с самого понедельника. Каждый день жду их с корректурами, но их пока нет. Роза пойдет в Женеву, узнает. Надеюсь, что они уже все набрали.

[1]) Т.-е. агентом по приисканию квартир.

Пора бы уже и покончить. Что касается Ингермана, то я не понимаю, чем он может быть огорчен. Во-первых, ожидая его со дня на день (и в течение 2-х недель) в Морнэ, я очень естественно не посылал ему листов в Берн. А во-вторых, я ведь ему писал самым ласковым образом, пришлю вам непременно листы, как только будет отпечатан конец моей статьи об Успенском, мне хотелось бы, чтобы вы получили от нее цельное впечатление. Итак, обижаться ему решительно не за что. Но что он в Берне мог видеть «разговор» это, конечно, возможно: Павел раздает эти листы направо и налево, чего я очень не одобряю. Вы видите, что, по крайней мере, один из этих листов не уехал из Швейцарии, а послужил для удовлетворения праздного любопытства русско-швейцарской публики. Если будете писать ему, напишите об этом. У меня лично теперь какой-то писательский раж, я охотно настрочил бы теперь массу статей. Недавно прочел я начало биографии Каткова в «Русском Вестнике». Очень хочется мне написать о нем. Представьте, ведь он был гегельянец, *правый*, конечно, и еще дополненный философией Шеллинга. Ведь на почве гегельянства его и бить-то следовало бы. А у нас «Русская Мысль» начинает пищать в том смысле, что, дескать, у Каткова был ум, да души не было. Ведь вот ослы, у них как раз наоборот: есть душонка, да ума нету. Ну прощайте, пишите, скоро отвечу. Раньше приезда Ингермана о выкупе ничего не знаю.

Плеханов.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Июнь 1889 г.

Дорогая Вера Ивановна, Павел еще раньше вашего письма привез мне известие о том, что у вас легкие не в порядке. По правде сказать, это меня не удивило, потому что я и раньше подозревал, что у вас дело неладно. Вам приходится последовать моему примеру, т.-е. примириться с фактом и стараться только бороться с болезнью (помните пыль, покрывающую всю вашу комнату: об'явите ей войну), не ходите «на пятках» [1]), потому что это не спасает от промачивания ног и пр. и пр. и пр. Скучная это материя, а делать нечего. Говорю вам, последуйте моему примеру, я веду себя более или менее философом.

Насчет своей судьбы еще ничего не знаю, не мог добиться даже свидания с президентом полиции. Написал ему письмо, жду ответа. Во всяком случае, в Кларан я еще приеду, да лучше сказать вернусь. Павлу хочется послать меня на конгресс [2]). Если достанет денег, придется поехать. У меня есть некоторые финансовые расчеты для себя и для вас (расчеты, которые могут оправдаться в Париже).

Ваш Ж.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Июль 1889 г.

Дорогая Вера, на конгресс я еду во всяком случае, хотя мне это и будет стоить очень дорого: Роза больна, денег нет и в заключение заболела прислуга, которая была приглашена на время болезни Розы. Можете себе представить, какая масса хлопот у меня теперь. Книгу вам по истории Англии вышлю, Ранке — Geschichte Englands, в ней речь идет как раз о той эпохе, которая вас интересует. Насчет естественных наук можете говорить в статье смело,

[1]) Это выражение В. Ив-ны, означавшее ходить та́к, чтобы не промочить ступни, так как подошвы были у нее дырявые, а дать башмаки в починку не было возможности за отсутствием денег.

[2]) Г. В. имеет здесь в виду 1-й конгресс 2-го Интернационала, состоявшийся в июле 1889 г. в Париже.

хотя я и не помню, кто именно говорит так, как вы думаете, но все натуралисты говорят и думают так, поэтому бояться преувеличения нельзя. За деньги большое спасибо, но еще не присылайте, потому что нужно же и вам что-нибудь оставить. Письмо, которое вы мне переслали вчера — от Лафарга. Он настаивает на том, чтобы я приехал на конгресс: ce sera une réponse à la trahison de Tikhomiroff [1]), — пишет он. Если, говорит он, у вас нехватит денег на обратный проезд, мы достанем, приезжайте только. Поэтому вот что. Получивши мое письмо, сейчас же возьмите лист хорошей бумаги и напишите на нем хорошим почерком, чтобы рука ваша не ходила на пятках: Union des democrates socialistes russes autorise citoyen Georges Plekhanoff à les representer au congrès international socialiste de Paris.

Secrétaire de l'union
Véra Zassoulitch [2]).

Поставьте число. Пожалуйста, не забудьте этого сделать, иначе меня лишат голоса на конгрессе. Из Парижа я заеду на минутку в Женеву и потом к вам. Берегите свое здоровье и, начиная с 1-го числа, пишите мне в Париж на адрес Коневой. Я даю вам торжественную клятву писать вам из Парижа au fur et à mesure [3]) накопления впечатлений. Крепко жму руку. Ранке, история Англии, не замедлит.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Лето 1889 г.

Дорогая Вера Ивановна, приехать теперь в Кларан мне еще нельзя, потому что здесь у меня масса хлопот. Я получил отсрочку до 25 августа [4]), но вот уже это число на

[1]) «Это будет ответом на предательство Тихомирова».

[2]) «Союз русских социал-демократов уполномачивает гражданина Георгия Плеханова быть его представителем на интернациональном конгрессе в Париже. Секретарь союза Вера Засулич».

[3]) «По мере».

[4]) Плеханов был изгнан из Швейцарии: то было в период предпринятых тамошним правительством, под давлением русского царя, гонений на нашу эмиграцию, ближайшим поводом к которым послужили производимые проживавшими в Цюрихе террористами опыты с бомбами.

носу, и я не знаю, что со мною будет дальше. Вообще, по правде вам сказать, положение мое незавидное: без средств, без определенного пристанища, с детьми на руках, право, есть от чего с ума сойти. Вот от чего мне и писать вам не хотелось, на уме главным образом эта история, так что письма состояли бы только из жалоб, а я жаловаться не люблю. Если позволят Розе остаться в Женеве, то я перееду в Кларан, поселюсь в пансионе Божи и, так как в пансионе бумаг не спрашивают, преблагополучно буду жить эту зиму, как прошлую. Но если нет? Тогда, ей богу, не знаю, куда деться, просто хоть суму надевай, да веди за собой детей по большой дороге. Но довольно. Раппопорту [1]) статьи не давайте ни в коем случае.

Они что-то уж очень стали нос задирать, по крайней мере, задирали, когда я был в Париже. Перед от'ездом моим, Павла и Раппопорта в Париж было условлено, что у нас там будет нечто вроде с'езда, на котором социал-демократы и «социалисты» постараются сойтись окончательно. С'езд этот был, на нем присутствовал *даже Бурцев*, а нас они и не подумали приглашать. Когда я напомнил Рап[попорту] о необходимости столковаться, то он ответил: «да, да, непременно, я об этом с вами еще переговорю», и затем не переговорил ни слова. Одному знакомому он даже прямо сказал, что соединяться с нами «вредно для партии». И после этого имеет наглость просить статью! Ради бога, ответьте ему посуше и поязвительнее: дескать жаль, что упустили случай столковаться с Жоржем и Павлом в Париже, а без этого писать было бы затруднительно и проч. и проч. В том же смысле я напишу и Павлу. Не скучайте пока, мне не скучно, потому что страшно затруднительно и скверно.

Ваш Ж.

Жертвами одного из таких опытов в окрестностях Цюриха были Дембо (Бринштейн), поплатившийся жизнью и Дембский (Ясинский) — тяжело раненый.

Этим тяжелым происшествием швейцарское правительство воспользовалось, чтобы изгнать не только опасных террористов, но и лиц, явившихся противниками метания бомб. Главной жертвой гнева этого правительства явился Г. В. Плеханов, влияния которого на молодое рабочее движение в Швейцарии оно особенно боялось. Никакие хлопоты — ни местных друзей-швейцарцев, ни личные Плеханова — не помогли, и он был изгнан. С огромными усилиями удалось добиться, чтобы Розалия Марковна, только что получившая докторский диплом, а, следовательно, и право заняться медицинской практикой, с тремя малолетними девочками (старшей было 7 л.), была оставлена в Женеве. Только спустя шесть почти лет, благодаря вновь предпринятым хлопотам Розалии Марковны и большого друга Плеханова — основателя социал-демократической партии в романской Швейцарии, Люи Эритье, Плеханову было разрешено вернуться в Женеву.

[1]) Раппопорт, повидимому, — небезызвестный беллетрист Ан-ский, недавно умерший. Из дальнейшего видно, что он желал получить от Веры Ивановны статью для какого-то общего сборника.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ.

Открытка, почт. шт.: Цюрих, 17/III — 1892 г., в Морнэ.

Милая Вера Ивановна, будьте покойны. В то время, когда вы получите эту карту, типографщик, вероятно, уже будет восхвалять нас за аккуратность, выдавши нам расписку. Деньги ему посланы. Всего послано, на имя Розы, четыреста двадцать франков. Волянский или Левашов [1]) отнесут деньги типографщику. Остальные Роза передаст вам. Попрошу вас, если можно, уделить ей немного *из остатков*. Переплетчику деньги *еще* будут. Думаю, что следовало бы дать *Рольнику* [1]). Сегодня вечером или завтра утром напишу вам еще, теперь спешу. Ну и человек же этот Г. [2]). Кряжист!

Ваш Г. Плеханов.

[1]) Волянский, Левашов и Рольник—эмигранты, работавшие в типографии гр. «Осв. Тр.».

[2]) Г. — это некий Гурьев, о котором необходимо сообщить здесь, так как благодаря его материальной поддержке, появились в 90-х г.г. номера журнала «Соц.-Дем.».

Врач по профессии, он в студенческие годы несколько либеральничал. Затем, получив огромное наследство, вместе с женой и детьми отправился путешествовать. Приехав в Женеву, он розыскал Вер. Ив., к которой, если память мне не изменяет, пред'явил рекоменд. письмо, кажется, от ее сестры, Алек. Ив. Успенской.

Это было после выхода сборника «Соц.-Дем.», средства на который дал Кулябко-Корецкий. Плеханову и его друзьям очень хотелось продолжать это издание. Узнав об этом, Гурьев согласился дать средства. Но в то время, когда он швырял деньгами, прокучивая огромные суммы на шампанское и т. п., он только после бесконечных волокит и торгуясь буквально из-за каждого франка, выдавал на С. Д. По расска-

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Без даты, но, несомненно, летом 1893 г.

Дорогая В. И.! Я ничего предпринимать пока не думаю, и никаких событий у нас в Женеве нет. Требую у Жука протокол [1]), и он обещает, да не дает. Так каждый день! А вообще чувствую себя скверно и морально и физически. Пишите, как ваше здоровье. Я еще останусь здесь на неопределенное время. Будьте здоровы. Крепко жму руку.

Ваш Г. П.

зам Г. В. и В. Ив., было настоящим мучением и неимоверным унижением вытянуть у него минимальные суммы, необходимые для оплаты наборщиков, за бумагу и пр. Затем после выпуска 3-й или 4-й книжки он окончательно отказался от исполнения своего обещания. Кончил этот «меценат» очень скверно, — стал горьким пьяницей, которого обобрала какая-то метресса.

[1]) Здесь упоминается о протоколе по делу суда чести, состоявшегося летом 1893 года под председательством старого эмигранта, друга Бакунина, Н. И. Жуковского. К суду была привлечена Розалией Марковной Плехановой жена журналиста Гр. Лившица за клевету: об этом подробно сообщается в печатающейся в настоящее время переписке между Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом.

В. ЗАСУЛИЧ

ПИСЬМО К СЕРГЕЮ КРАВЧИНСКОМУ-СТЕПНЯКУ [1])

[Морнэ, весной 1894 г.].

Милый Сергей, мне уж даже и самой захотелось в Лондон. Люблю я уединение, но в Морнэ оно уж слишком велико,—абсолютно одна по целым зимам. Но уехать, пока не выгонят, совесть не позволит. Я тут фр[анков] 500 должна. В первый раз в жизни задолжала и ведь потому именно, что чуть не в первый раз в жизни б[ыла] у меня некоторое время получка: надеялась уплатить. А гонят меня нерешительно, т.-е. жандармы желали бы прогнать, а штатская власть говорит, что нельзя доказать, что я нел[егальна], там что бог даст. А насчет груди и кашля я хуже Жоржа теперь, но тоже думаю, что дело не в климатах. Л[авров] (?) пишет, что едет в Лондон. Поэтому должна я вам сообщить одну вещь, чтобы не вышло недоразумения, хотя будем иметь официальное право сообщить ее лишь в конце марта. Немножко позднее американского предложения у нас завелись переговоры с одним русским, на наш взгляд по нынешним временам очень солидным, народов[ольческим] кружком: они тоже хотят издавать журнал, в котором [согласны] дать возможность высказаться всем направлениям, — русским, главн. обр., но уже кстати и заграничным. Редакция поручается нам. Мы им сами подсказали очень строгую себе конспирацию. Но все же, думаю, здешние народ[овольцы] не воспротивятся, а от вас я им заранее обещала повесть.

[1]) Среди бумаг Г. В. оказалось еще настоящее письмо В. Засулич (см. Сборник № 1-й). *Л. Д.*

Уж выберите самую хорошую. Мы тронуты их доверием и желали бы его оправдать. Пока это все секрет от публики. Но Л[авро]ву в видах на [не?] растраты американских денег я написала, что имеется другое предприятие, к которому они, вероятно, захотят присоединиться, а потому пусть берегут деньги. В том же письме я ему писала, что ни малейшей «личной вражды» у нас с Лондоном нету, а с Сергеем большая дружба. Из его ответа я вижу, что он, кажется, понял, что и вы участвуете в том предприятии, а потому могло бы выйти недоразумение, если бы при свидании узнал, что вы о нем ничего не знаете.

Крепко вас целую.

Ваша Вера.

У бедных Жоржа с Розой еще на Рождестве умерла дочка 5 лет. Прелестная была девочка, очень они этим расстроены.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ПЕРЕПИСКА С ИНОСТРАННЫМИ ТОВАРИЩАМИ [1])

I.

Нордрах, 13 июля, 1891 г.

Дорогой гражданин Плеханов!

Несмотря на то, что я признаю себя очень перед вами виноватой, все же решаюсь горячо рекомендовать вам вашего соотечественника, одного из моих лучших друзей г-на Загнельмана [?], как и мы, социал-демократа. Он едет на каникулы в Женеву и был бы счастлив найти там товарища в качестве спутника в экскурсиях. Так как я не знаю, кто из моих русских друзей в настоящее время в Женеве, я направляю его к вам, надеясь, что при вашем содействии он найдет желательного товарища. Будет ли представлена ваша партия на Брюссельском конгрессе? Я больших надежд на него не возлагаю, что же касается до вопроса о рабочем законодательстве, то Брюссельский конгресс явится лишь повторением Парижского конгресса.

Относительно же весьма важного вопроса — о майских манифестациях — я считаю, что его решения не могут быть обязательны для немцев и англичан. Либо конгресс должен предоставить отдельным национальностям свободу манифестировать в намеченный ими самими день, либо найдутся такие, которые не станут считаться с его постановлениями. Что вы думаете о статьях о России в Vorwärts'е?

---

[1]) Все нижеследующие письма: с Кларой Цеткин, Гедом, В. Либкнехтом, Бернштейном и Элеонорой Маркс представляют перевод с франц. яз. *Ред.*

Я ими была совершенно удручена и считаю безусловно необходимым, чтобы вы на них возразили; это необходимо столько же в интересах русских социал-демократов, сколько и их немецких единомышленников, которые раз навсегда должны быть правильно осведомлены о русских социалистах.

Прошу вас передать мой дружеский привет гражданке Вере Засулич и верить в чувства моей искренней преданности.

Ваша *Клара Цеткин.*

II.

11/II 1891 г.

Дорогой Гед!

Наш доклад, представленный Интернациональному конгрессу в Брюсселе, был перепечатан в «Социалисте». Мы надеемся, что вы не откажетесь поместить касающихся его несколько дополнительных замечаний.

Повидимому, он был неправильно истолкован некоторыми нашими русскими читателями. Нас упрекали в неверной оценке деятельности партии «Нар. Воли», очень популярной в последние годы прошлого царствования и в первые — Александра III.

Обвинительные пункты сводятся к следующему:

1) говорят, что наш доклад может внушить иностранным читателям ошибочное представление, будто бы приверженцы названной партии были анархистами,

2) говорят, что мы не достаточно оценили сделанные этой партией усилия, чтобы пробудить политическое сознание русских рабочих.

Мы отвечаем:

1) Никоим образом нельзя подозревать членов партии «Нар. Воли» в принадлежности к анархистам. Именно эта партия искоренила — будем надеяться навсегда — всевозможные анархические поползновения в нашем движении. Сопоставляя идеи Бакунина с воззрениями публицистов «Нар. Воли», мы хотели только указать, что последние рассматривали нашу экономическую действительность с точки зрения Бакунина. Отец воинствующей анархии рассчитывал найти в устарелых формах, следы которых еще сохранились в экономическом строе России, гарантию близкого торжества *«русского социализма»*.

Надо, однако, прибавить, что в этом случае, как и вообще, Бакунин пороха не выдумал. Подобную оценку нашей действительности мы встречали у Герцена и, отчасти, у Чернышевского. Но именно Бакунин систематизировал эти взгляды и положил их в основу своей революционной программы.

Ко времени возникновения «Народной Воли» почти все наши революционеры, а также значительная и самая передовая часть нашей «легальной» прессы принимали взгляды Бакунина об экономическом положении России, как математические аксиомы. Итак, не «Народная Воля» впервые выставила этот взгляд: она нашла его в совершенно готовом виде. Ее ошибка состояла лишь в том, что она не подвергла критике и не отвергла этого взгляда, подобно тому, как она поступила с воззрениями Бакунина относительно государства и анархических приемов в революционной борьбе. Вот в чем мы упрекали эту партию, и делали мы это не в разгар борьбы, но по ее окончании, во время политического застоя, когда открылась полная возможность и даже необходимость подвергнуть критике наши устарелые теории. Нанеся своей практической деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества (т.-е. бакунизму), оказав такие крупные услуги русскому революционному движению, «Народная Воля» может опереться только на теорию современного научного социализма.

Вот, что мы говорили с самого начала нашей марксистской деятельности.

2) Тактика «Народной Воли» по отношению к рабочему классу основывалась на экономических теориях ее приверженцев. Так как торжество социализма она связывала не с развитием русского пролетариата, но с раскрепощением сельской общины, то рабочему движению она отводила второстепенную роль. Она кое-что сделала для политического пробуждения русских рабочих, но могла бы сделать гораздо больше, если бы стала на точку зрения классовой борьбы и поняла бы роль пролетариата в социальной и политической истории современного общества. Тогда она обрати-

лась бы к рабочим, как к наиболее революционной силе в России. Старые деятели «Народной Воли» были прежде всего революционерами, и, как таковые, их современные единомышленники не могут остаться глухими к голосу социальной жизни своей страны. Вот почему мы думаем, что недалеко то время, когда мы будем иметь удовольствие и честь бороться рядом с ними, под одним знаменем, под красным знаменем революционного пролетариата — *знаменем социалистической демократии.*

Георгий Плеханов.

III.

Дорогой Гед!

Женевская рабочая партия просит вас приехать в Женеву для произнесения речи Первого Мая. Не знаю, сможете ли вы это сделать ввиду состояния во Франции, но если это возможно, приезжайте, не упустите случая оказать большую услугу молодой женевской партии, которая с каждым месяцем, — если не с каждым днем, — делает значительные успехи. Ручаюсь вам, что никто не прервет вашу речь, как это случилось в ваш первый приезд в Женеву. Отвечайте скорее и доставьте нам удовольствие слышать вас в Женеве. Мой привет г-же Гед; моя жена и Вера Засулич шлют сердечный привет.

Весь ваш *Г. Плеханов.*

Женева, 10 апреля 1893 г.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Как сообщается ниже (см. набросок «Встреча с знатными путешественниками»), Гед, приняв это предложение, на этот раз имел огромный успех. Упоминаемый здесь Г. В. перерыв был сделан анархистами на собрании, состоявшемся в одном из зал Гандверка, в 1892 году, когда Гед впервые выступил перед пролетариатом и интеллигенцией Женевы. Зал был переполнен. Присутствовало много русской студенческой молодежи и все молодые социал-демократы — русские, болгарские и сербские, примыкавшие к груп. «Освоб. Труда». Собрание было бурное.

У выхода залы стояла группа молодых людей, по виду скорей интеллигентов, которые держали себя вызывающе, с громким смехом и криком грубо расталкивали толпу. В начале они дали Геду говорить. Он развивал социал-демократическую программу, говорил о борьбе классов, призывал женевский пролетариат к организации своих сил. Как всегда, он говорил прекрасно, с большой энергией, с ясностью и точностью подчеркивая главные положения борьбы пролетариата с буржуазией. Но не успел Гед дойти до середины своей речи, как группа стоявшей у дверей молодежи подняла шум, крик и возгласы: «Vas-t'en! Ferme ta boîte! A bas l'étatiste» и т. п. [1]).

Сначала прибегли к уговорам, вежливо прося крикунов успокоиться, но это ни к чему не привело. Шум, крик, свист все усиливались. Оратор не мог продолжать речь. В публике начались крики возмущения и требования освободить залу от кучки бесцеремонных нарушителей спокойствия. Тогда несколько рабочих, крепких, энергичных парней, подошедши к кучке анархистов, потребовали, чтоб они замолчали и дали возможность оратору продолжать свою речь. Один из анархистов ответил: «Nous anarchistes, nous faisons ce que nous voulons!» [2]). «Если так, — ответили рабочие, — то и мы сделаем, что хотим». С этими словами, они при общем смехе и одобрении вытолкали крикунов из залы, после чего Гед мог докончить свою программную речь, которая сыграла большую роль в основании марксистской партии в Романской Швейцарии.

Ред.

IV.

Женева, 23 апреля 1893 г.

Дорогой Гед!

Вера Засулич нездорова и не может в данный момент писать. Что касается меня, то посылаю вам несколько строк о буржуазии в прошлом [3]). Может быть, это представит некоторый интерес для ваших читателей; я не хотел писать в буквальном смысле о восьмичасовом рабочем дне, так как по этому поводу уже сказано все, что можно было сказать. Сознаю, что стиль моей статьи заставляет желать многого, но вы знаете, что «самая красивая девушка не может дать больше того, что имеет».

---

[1]) Вон отсюда! Закрой свою пасть! Долой государственника!

[2]) Мы — анархисты, делаем, что хотим.

[3]) Статья, о которой говорит здесь Георгий Валентинович, была напечатана в майском № «Socialiste'a», под заглавием: «Les bourgeois d'autrefois».

Прошу вас, исправьте мой французский язык, если это возможно.

Привет г-же Гед.

С наилучшими пожеланиями преданный вам

Г. Плеханов.

V.

Начало 90-х годов.

Дорогой Гед!

Рекомендую вам одного из наших почитателей — Раковского, молодого болгарина, действительно замечательного своим талантом и своей преданностью делу социализма.

Мои приветствия г-же Гед и тысяча рукопожатий.

Весь ваш *Плеханов.*

P. S. Так как Раковский не знает Парижа, а он хотел бы составить себе определенное представление о положении французской рабочей партии, то, надеюсь, вы не откажетесь дать ему все необходимые сведения.

P. P. S. Моя жена и Вера Засулич шлют вам привет.

Ваш Плеханов.

VI.

Дорогой Гед!

Благодарю вас за вашу превосходную статью о рабочем движении во Франции со времени Коммуны. Я хотел получить конец ее как можно скорее, но в то же время она так интересна и так полезна для русских читателей, что чем длиннее будет конец, тем более я буду доволен. Итак, если вы располагаете необходимым временем, чтобы придать вашей статье, вернее — ее концу, более обширный размер, пожалуйста, сделайте это. Особенно интересно знать, какую позицию займет ваша партия по отношению к буржуазным. Также чрезвычайно интересно знать количество голосов, полученных при каждой избирательной кампании. Не забудьте также изобразить поссибилистов в их истинном свете: их плохо знают в России, хотя на последнем интернациональном конгрессе этой партии была даже русская делегация. Надо показать русским революционерам, из каких негодных людей состоит эта партия, по крайней мере, ее вожаки. Резюмируя сказанное, обращаюсь к вам с просьбой, которая, если хотите, сама себе противоречит: 1) нам нужна ваша помощь, как можно скорее и 2) в то же время, чем статья будет подробнее, тем более удовольствия она нам доставит.

Что касается меня, я предпочитаю подождать 2—3 лишних дня, чем заставить вас сократить вашу прекрасную статью.

Как только статья[1]) будет напечатана, мы вышлем вам ваш гонорар.

Примите уверения в моем искреннем расположении.

Привет г-же Гед.

Г. Плеханов.

P. S. Вы мне не указали вашего адреса, вот почему я принужден передать это письмо через одного из моих друзей.

VII.

Воскресенье, 22 апреля, 1894 г.

Дорогой Бернштейн!

Только что получил ваше письмо и спешу вам ответить, чтобы не задержать перевода моей рукописи *об анархистах*.

Я думаю, что, если необходимо сокращение, вы сделаете это лучше всех; что касается меня, я был бы не достаточно *об'ективен* для этой работы. Я знаю, что это отнимет у вас время, и мое предложение вас не обрадует, но прошу вас сделать это, если вы хотите оказать мне услугу. Зная, что именно вы будете производить эту операцию, я буду уверен, что она не извратит содержания работы; кстати, Фишер считает вас высшим судьей в этом деле; он говорит о со-

[1]) Речь идет здесь о статье для сборника «Социал-Дем.» по поводу французского рабочего движения. Но появилась ли она и в каком № — не знаю. *Л. Д.*

кращениях только в том случае, *если вы разделяете его мнение* (прилагаю вам его письмо ко мне, где он об этом говорит). Итак, проделайте эту операцию, но знайте, что она для меня будет мучительна, я работал с увлечением и жалею лишь о том, что не написал об анархистах более, чем написал. Когда вы рассчитываете окончить перевод? Фишер мне неоднократно писал, что он очень спешит с печатаньем. Что касается Гюго, если это редактор «Handbuch des Socialismus»'а и если он живет в Цюрихе, дайте мне к нему рекомендательное письмо: в начале месяца я еду в Цюрих на столетний юбилей Польской Революции 1794 г., тогда я побываю у Гюго, и мы лично сговоримся.

Привет вам, г-же Бернштейн, генералу и всей марксистской колонии в Лондоне. На-днях я напишу вам еще по вопросу о введении в историю социализма.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

VIII.

Женева, 13 апреля 1894 г.

Дорогой Бернштейн!

Простите, что я не ответил вам тотчас же по получении вашего письма: я был занят *«анархистами»*, которые теперь, как мне пишет Фишер, появились у вас. Впрочем, в одном из моих писем, к Каутскому, я говорил, что охотно принимаю ваше предложение. Вам выскажусь более подробно и начну с того, что ваше предложение меня буквально *очаровало*. Работа, которую вы мне предлагаете, не только приятна, она просто необходима, так как до настоящего времени у нас нет ничего, что можно было бы назвать историей социализма. Излишне прибавлять, что для меня истинное удовольствие работать с вами и с Каутским.

Но вот первое замечание, которое я позволяю себе вам сделать. Вы говорите — каждый самостоятелен в своем отделе. Это прекрасно, но это может иметь последствия, не скажу печальные, так как в вопросе об истории социализма мы все grosso modo [в общем] будем солидарны, все же последствия могут быть не совсем желательные: работа в целом не будет иметь того единства, которое она может и должна иметь. По-моему, предпочтительно написать введение, нечто вроде предпосланного д'Аламбером к «Энциклодии» вступительного слова. В этом введении могли бы быть изложены наши общие точки зрения на историю социализма, на его «Entwicklung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft» [развитие социализма от утопии до науки], и этот общий взгляд служил бы основанием для каждой отдельной работы. Таким образом, каждая специальная работа являлась как бы дальнейшим развитием и иллюстрацией основной идеи, заключенной в введении; следовательно, единство не пострадало бы от нашей самостоятельности. Что вы об этом думаете? Написать такое введение — значит написать философскую основу марксизма и указать его место в развитии социальной науки. Такую работу стоит сделать. Что касается моего отдела, скажу, что пока я принимаю тот, который вы мне предлагаете, с правом внести некоторые видоизменения, если в процессе работы я найду это нужным.

В область вашей работы я не буду вторгаться и не буду говорить ни о Бабефе, ни о бабувизме, но вот что я считаю долгом отметить в ведении к моей работе: надо указать, с каким умственным багажом XIX век начал работу изучения социальных явлений, что он унаследовал от XVIII века, что знали философы и историки о законах человеческого развития. Только выяснив это, я смогу сообщить о роли утопического социализма в развитии социальных наук нашего века. И роль эту нельзя игнорировать: достаточно назвать Сен-Симона, взгляды которого на общественную жизнь были более широки, чем у всех его французских современников. Выяснить заслуги Сен-Симона — это значит написать одну из интереснейших глав истории человеческой мысли. Одно смущает меня в моей работе, что часть теоретическая будет преобладать над практической.

Очень ли вы против такого недостатка?

О каждом из утопистов, разумеется из главных, сообщу; 1) как он представлял себе историческое развитие человечества, т.-е. насколько он был далек от материалистического взгляда на историю, 2) каковы были их экономические понятия и в особенности — о прибавочной стоимости (Mehrwert). По этому вопросу имеются, например, очень интересные замечания у Сен-Симона и Анфантена.

Хотя моя работа, в части, касающейся школы Сен-Симона и Прудона, значительно подвинулась вперед, мне все же остается еще много сделать, и я не уверен, найду ли в Женеве весь необходимый материал. Придется, пожалуй, отправиться в Париж. Наша работа должна быть хорошо исполнена, иначе не стоит ее начинать.

Шлю привет вам и г-же Бернштейн. Передайте мой привет нашему генералу и Эвелингам.

Жду вашего письма относительно моих анархистов.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

ПРИМЕЧАНИЕ.

Речь идет здесь о задуманной коллективной истории социализма. Г. В. Плеханов взялся написать историю французского социализма. С этой целью он опять принялся за изучение французских утопистов, которым посвятил уже много времени в 80-х годах. Работа была прервана изгнанием из Франции после удаления его из Швейцарии. Плеханов вынужден был уехать в Лондон. Там он был отвлечен работой над своей книгой «К вопросу о монист. взгляде на историю», в которую и вошла часть уже сделанной работы, предназначавшейся для «истории социализма во Франции». *Ред.*

IX.

Дорогой Бернштейн!

Прежде чем отправиться в Цюрих, где я надеюсь найти ваш ответ на мое предыдущее письмо, отвечаю на вашу открытку. Признаюсь, что ваш план исключить две, так сказать, вступительные главы моей брошюры об анархистах, кажется мне нелегко осуществимым, потому что это нарушило бы логический ход моего изложения. Но, так как приходится уступить фатальной необходимости ради требуемой Фишером экономии, то вот что я вам предлагаю: в каждой главе есть много цитат разных авторов, — можно некоторые из них исключить, а другие сократить. Назову на память две цитаты, которые, ввиду необходимости, можно принести в жертву экономическим требованиям: 1) цитату, заимствованную из книги Спенсера против государства, находящуюся, если не ошибаюсь, в конце второй главы; 2) декларацию бельгийцев по поводу голосования за коллективную земельную собственность; если не ошибаюсь, цитата эта помещена в главе «Бакунин». Вы, может быть, найдете и другие подобные же? Таким образом нам удастся, не нарушая моей аргументации, сократить мою работу, и в результате будет выполнено требование Фишера, который мне пишет, что брошюра должна содержать четыре печатных листа, а моя рукопись заключает не более четырех с половиной. В главе о Прудоне имеются также цитаты, которые можно сократить или заменить кратким изложением их содержания. Таким образом, по русской пословице — «и волки будут сыты, и овцы целы». Это — наилучший выход. Если вы со мной не согласны, напишите мне в Цюрих по адресу Аксельрода, напишите мне во всяком случае.

Вы, может быть, скажете, что подобные сокращения лучше сделать мне самому, но я другого мнения. Это похоже на то, если бы я должен был бы исправить черты собственного лица, в этом случае я обратился бы к человеку, обладающему вкусом с просьбой сделать такое исправление по впечатлению, которое мое лицо на него производит. Так и с брошюрой, а человек со вкусом — это вы, мой дорогой Бернштейн. Вас я прошу немного заняться моей литературной физиономией. Я верю в ваш вкус, равно как и в вашу снисходительность: вы не будете излишне придирчивы. Так как брошюру переводит госпожа Бернштейн, я хотел бы знать, находит ли она мой почерк достаточно разборчивым. Во избежание недоразумений, прошу ее снестись со мной в сомнительных случаях, если таковые встретятся.

Привет вам и вашей жене. Мои самые искренние приветствия г-же Каутской и, само собой разумеется, нашему генералу [Энгельсу].

Не передумали ли вы прислать мне корректуру статьи доктора Гюго? Когда вы увидите генерала, скажите ему, что некий Михайловский, имя которого ему не безызвестно, занимается в данное время в одном из петербургских журналов опровержением Гегеля, Маркса, его, — генерала — и, вероятно, также Каутского (последний пока пощажен, но и он уже попал в список неисправимых марксистов).

Я намерен ответить Михайловскому.

Очень жаль, что генерал не имеет времени прочесть статьи этого господина: любопытно было бы знать, какое впечатление они произвели бы на него, впрочем, статьи эти плоски до невозможности.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Женева, 4 мая 1894 г.

X.

Дорогой друг!

Я вижу, что вы интересуетесь нашей внутренней борьбой, которая, впрочем, не столь серьезна, как это можно предположить со стороны. Вы приписываете Бернштейну значение и влияние, которых он никогда не имел, и если бы не добродушие Каутского, не пожелавшего расстаться со своим старым товарищем, то вопроса о Бернштейне не существовало бы.

На месте Каутского я эти глупости бросил бы в огонь, и никто об этом не говорил бы. Фольмары, Адлеры и т. д. нисколько не реакционнее и не опаснее теперь, чем они были раньше, а *массы* настолько революционны, что Фольмары и К° не осмелятся вызвать разрыв, который оставил бы их без армии. Но продолжайте твердо и хорошо.

Не имеете ли вы намерения прислать мне для «Vorwärts'a» какие-нибудь статьи по современным политическим вопросам, только не о наших внутренних делах? Например, статья об отношениях русских и польских социалистов была бы очень полезна: вы знаете, как этот вопрос был запутан этой злосчастной Розой Люксембург! Также статья о России и т. д., и т. д.

Мы все здоровы. Мой старший сын на-днях устраивается в качестве адвоката.

Как вы поживаете? Поправилось ли ваше здоровье?

Жена и я приветствуем вас и госпожу Плеханову от всего сердца.

Весь ваш *В. Либкнехт.*

31, 10, 98.

XI.

Берлин, 22 декабря 1899 года.

Дорогой друг!

Так как вы теперь в Женеве, то, надеюсь, мое письмо вас застанет. Мне очень хотелось бы знать ваше мнение о *внутреннем кризисе* — политическом, финансовом и экономическом в России. Сведениям, сообщаемым нам русскими, живущими в Германии, нельзя доверять, так как они почти всегда преувеличены. Ваша статья по этому вопросу имела бы для нас большую ценность.

Как вы поживаете?

Жена моя и я шлем вам и госпоже Плехановой наши сердечные приветствия и наилучшие пожелания к Рождеству и Новому Году.

Весь ваш *В. Либкнехт.*

XII.

Берлин, 1/I — 1900 г.

Дорогой друг!

Вот и Новый год, но не новый век, как декретировал наш император.

Шлем приветствия вам и всей вашей семье. Что касается статьи — как можете вы сомневаться? Я хочу *правды* и знаю, что вы единственный русский, который мне ее говорит. Теперь об одном личном деле.

Может быть, вы меня увидите через несколько месяцев: мой четвертый сын — Вильгельм, студент факультета политических и общественных наук, молодой человек, сильно занимавшийся, в последнее время немного расстроил себе нервы, почему нуждается в перемене места и климата.

Я намерен послать его в Женевский университет на один семестр: рассчитываю на вас, — вы мне не откажете и согласитесь быть в некотором роде его *ментором*, а пока прошу вас высказать ваше мнение об этом университете и прислать мне новейшую программу занятий. Если это дело устроится, я, вероятно, приеду вместе с сыном в конце марта.

Жена и я шлем вам и госпоже Плехановой наши сердечные приветствия и еще раз самые лучшие пожелания на Новый год.

Весь ваш *В. Либкнехт.*

XIII.

Дорогой друг!

Мой сын, который в настоящее время еще в Ницце, полагает, что его здоровье не позволяет ему сделать такой большой переезд, как до Женевы; следовательно, он не сможет приехать к началу академических занятий.

Уведомляя вас об этом, прошу извинить меня за причиненное беспокойство.

Другой мой сын [Карл] собирается жениться. 8 мая он будет иметь удовольствие повидать вас в Женеве, куда заедет во время своего свадебного путешествия.

Моя жена и я шлем вам самые сердечные приветствия.

Весь ваш *В. Либкнехт.*

25/IV — 1900.

Присоединяем здесь к переписке Г. В. с иностранными товарищами записку самой выдающейся дочери К. Маркса, трагически умершей вследствие самоубийства — Элеоноры.

Ред.

XIV.

Лондон, 4/IV — 1893 г.

Дорогой друг!

7 мая у нас будет в Гайд-Парке демонстрация по поводу 8-часового рабочего дня. Мы хотели бы придать этой манифестации *интернациональный* характер и желали бы получить несколько слов от вас.

Не пришлете ли вы их нам?

Всей душой ваша

Элеонора Маркс-Эвелинг.

ПРИМЕЧАНИЕ.

В архиве Плеханова имеется еще одно письмо Элеоноры Эвелинг-Маркс, которое было в руках Розалии Марковны много лет тому назад; перед от'ездом из Франции она не могла его найти, все же надеется разыскать его среди массы еще неразобранных писем.

Считаем небезынтересным пока привести содержание этого неотысканного письмеца со слов Розалии Марковны.

Элеонора Маркс поздравляла в нем Плеханова с появлением его брошюры: «Анархизм и социализм». Она писала, что с захватывающим интересом прочла эту работу, составившую, по ее словам, эпоху в социал-демократической литературе. Чтение этой книжки, — прибавляла она, — доставило ей огромное удовольствие еще тем, что напомнило ей «la ferule de mon père» (силу моего отца).

Ред.

Л. ДЕЙЧ

ОСНОВАТЕЛЬНО ЛИ НАПАДЕНИЕ?

(ПО ПОВОДУ ПРОТЕСТА НАРОДОВОЛЬЦЕВ.)

Своей статьей «О сближении и разрыве с народовольцами» («Прол. Рев.», № 8/20) я вызвал крайнее возмущение со стороны старых народовольцев: А. Корбы, В. Фигнер, А. Прибылева и Чернявской-Бохановской, поместивших в № 25 «Былого» чрезвычайно резкие на меня нападки при письме в редакцию, наполненном такими «безобидными» по моему адресу выражениями, как «инсинуации на «Народную Волю», «клеветы по отношению к деятелям ее», «беззастенчивые извращения фактов». Между тем, как ниже мы увидим, они не привели, в сущности, ни единого сколько-нибудь основательного довода, который подтверждал бы правильность их недовольства мною: все эти лица ограничиваются лишь выражением возмущения против будто бы выдуманных мною сообщений.

Прежде всего замечу, что за исключением приведенных мною в инкримируемой статье выдержек из писем Степняка и Тихомирова, писем, в подлинности которых нетрудно убедиться каждому желающему, и некоторых подробностей, не имеющих большого значения, — почти все остальное содержание моего очерка, конечно, в иных выражениях, уже более 20-ти лет тому назад было опубликовано Г. В. Плехановым («Искра» за 1903 г., № 54) в фельетоне, озаглавленном «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли», что и было упомянуто в моей статье. Таким образом лица, недовольные моей статьей, обнаруживают лишь незнакомство с литературой по затронутому вопросу или слабость их памяти. Я мог бы, поэтому, оставить без ответа пред'явленные ими мне неосновательные претензии, но, так как эти лица обвиняют меня в очень тяжких прегрешениях, я вынужден остановиться на их «опровержениях».

Начну с самой ярой обвинительницы — А. П. Корбы-Прибылевой.

Открывает она свои опровержения рассказом о том, как после 1 марта 1881 года, т.-е. убийства Александра II, Стефанович в письме, написанном «в безусловно искреннем тоне, граничившем с нескрываемым энтузиазмом», сообщал, что его «сильно потрясло 1 марта», что он и друзья его после этого «почувствовали себя крайне плохо, сознавая, что они прожили за границей без всякого серьезного дела в то время, как в России подготовлялись события первостепенной важности, что пока он один отдается всецело в распоряжение «И. К.», но со временем Дейч тоже не преминет соединиться с «Народной Волей». «В конце письма, — заявляет А. Корба, — Стефанович предлагал по первому зову «Исполн. Ком.» выехать в Россию» (стр. 283).

Выше, в очерке «Стефанович среди народовольцев», я уже изложил, каким образом возникла у него с ними переписка, в которой и я участвовал. Я, поэтому, категорически утверждаю, что изложенное А. Корбой содержание будто бы первого письма его совершенно не соответствует написанному им, повторяю, с моего ведома и согласия. Надо совершенно не знать Стефановича, чтобы приписать его тону «нескрываемый энтузиазм» и утверждать, что он «отдавался всецело в распоряжение «И. К.» и пр. Для меня, да и для каждого старого революционера, вне всякого сомнения, что А. Корба от начала до конца сочинила письмо Стефановича к «И. К.»: оно является плодом ее воображения, фантазии.

Столь же правдивы и все решительно дальнейшие сообщения этой повествовательницы, будто в ответ на это вымышленное ею теперь письмо «Исп. Ком.» «с приездом просил несколько обождать», будто «эмигранты не знали, что после 1 марта звезда «Народной Воли»... уже клонилась к закату» и т. д. Затем идет у А. Корбы шиворот на выворот переданный инцидент с будто бы прочитанным Тихомировым и Ошаниной забытым Стефановичем на столе в чужой квартире письмом его ко мне, в котором он, мол, писал, что «его соединение с «Народной Волей» *мнимое*, силы ее *ослаблены*; следовательно, не стоит *подлаживаться* к ней».

Стефанович не только никогда не писал, а, следовательно, и не забывал на чужом столе такого нелепого письма, но и *не мог* этого сделать по той причине, что он диаметрально противоположным образом смотрел *в то время* на народовольцев, как это будет видно из мною помещаемых в настоящих Сборниках писем его от той эпохи.

С момента своего вступления в «Нар. Волю» до ареста он неизменно писал нам, заграничным своим товарищам, что «Исп. Ком.», несмотря на понесенные им, вследствие вызванных делом 1 марта репрессий, тяжелые потери, не только не «слабеет», но, наоборот, крепнет, и настоятельно

доказывал нам, что и мы должны присоединиться к «Нар. Воле». Подтверждением этому могут служить помещенные мною в «Прол. Рев.», № 4/12, 1922 г. «Материалы для истории группы «Освобождение Труда», где приведены копии писем некоторых членов «Исп. Ком.»—Богдановича, Ошаниной к Засулич и ко мне. Если бы Стефанович действительно находил силы «Нар. Воли» «ослабевшими» и свое соединение с ними «мнимым», он не стал бы втягивать нас, лучших своих друзей, в разные общие предприятия с «Нар. Волей». Ну для чего, в таком случае, он продолжал бы оставаться членом «Исп. Ком.»? А. Корба дает на этот естественный вопрос изумительный ответ: «Его старания, — заявляет она далее, — направлены были на то, чтобы в России вызвать сочувствие к марксистским воззрениям и подорвать значение террористических актов». Выходит, следовательно, будто Стефанович по приезде в Россию в 1881 году был марксистом! Между тем, всем знакомым с историей нашего социал-демократического движения известно, что не только он, но, за исключением одного Плеханова, мы, все остальные эмигранты - чернопередельцы: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов и я, вошедшие потом в группу «Освобождение Труда», а также Хотинский и др., во время от'езда Стефановича в Россию *еще не были марксистами*. Это, кроме многих других несомненных исторических документов, подтверждается, между прочим, и сделанным мною более 20 лет тому назад сообщением о воззрениях Стефановича при нашей с ним встрече зимой 1885 года в Карийской каторжной тюрьме. Там написано:

«Ему, как и другим моим знакомым и приятелям, моя приверженность к социал-демократизму казалась совершенно непонятной и вызывала в нем крайнее недоумение. Когда мы расстались четыре с половиной года перед тем, между нами не было почти никаких разногласий. Все последующие годы он провел в тюрьме, и в его воззрениях едва ли произошла какая-либо перемена: он продолжал быть полународникомполутеррористом, какими мы оба были при последнем свидании. Я же в истекшие с того времени годы сделался последователем взглядов Маркса и, как уже известно, вместе с другими старыми членами бывшей организации «Черный Передел», участвовал в основании социал-демократической группы «Освобождение Труда». Обо всем этом Стефанович впервые только теперь узнал от меня» [1]).

Из этого, мне кажется, ясно для всякого беспристрастного человека, что Стефанович не мог, присоединившись к «Нар. Воле», «строить козни» против нее, и он не стремился «вызвать сочувствие к марксистским воззрениям», о существовании которых он тогда еще не имел никакого понятия.

И такими пустяками, вздорность которых очевидна всякому мало-мальски образованному социалисту, заполнена

[1]) См. «16 лет в Сибири», англ. изд. 1903 г., стр. 214 — 215.

вся заметка А. Корбы: решительно все в ее заявлениях не соответствует действительности. Но я должен оговориться, что промахи, ошибки и пр. у А. Корбы проистекают не из присущей ей склонности к неправде, к беллетристике, как, например, у Морозова, а из чрезмерной ее самоуверенности и апломба при крайне слабой памяти и знаниях. Поэтому почти во всех опубликованных ею воспоминаниях имеется много грубых ошибок, противоречий и пр.

Совершеннейший вздор, будто бы народовольцы, как сообщает в дальнейшем эта обвинительница, стали замечать «двойственность поведения Стефановича», будто «он держал себя особняком от других членов комитета, имел своих знакомых, о которых никому не говорил, строил свои планы и работал над их исполнением, а комитетскими делами мало интересовался» (стр. 283—284).

В помещенном выше очерке «Стефанович среди народовольцев» я уже сообщил о всех тех многочисленных и разнообразных предприятиях, преследовавших исключительно интересы «Исп. Ком.», которыми Стефанович целиком был занят. По поводу этих предприятий, начатых им с ведома, согласия и одобрения «Комитета», ему, конечно, приходилось встречаться со «своими знакомыми», но в вину эти встречи ему никто не ставил. Все это также подтверждается его письмами к нам от того времени.

Когда Стефанович убедился, что его письмо ко мне было прочитано, — рассказывает точная в передачах прошлого А. Корба, — то, будто бы, «последовала более или менее *бурная сцена* со стороны Стефановича. Ему в ответ на выражение *негодования и гнева* предложили на выбор: или немедленно возвратиться за границу, или уничтожить письмо и изменить свой образ действия относительно «Нар. Воли». Он выбрал второе».

Здесь, как и во всех других ее сообщениях, *ни единое слово не соответствует истине*, что видно из моего очерка «Стефанович среди народовольцев». Не говоря уже про то, что он решительно никогда в жизни не подавал повода к «бурной сцене», не выражал «негодования и гнева», — он по складу характера не мог ни в каком случае согласиться сыграть приписанную ему этой, очевидно, вовсе не знавшей его повествовательницей роль раскаявшегося после проказ школьника. Все это представляет такую грубую, топорную характеристику этого выдающегося человека, обладавшего огромным умом и очень сложным внутренним миром, что лицам, знавшим Стефановича, будет, я уверен, тошно и противно читать это. Но я вынужден не только читать, а еще шаг за шагом следовать за всеми измышлениями этой рассказчицы, чтобы опровергнуть ее. Буду, поэтому, преодолевая жестокую скуку, продолжать.

Став после полученной взбучки «корректным» в своих действиях, Стефанович, по словам этой достоверной свидетельницы, к декабрю 1881 года начал «участвовать в комитетских собраниях, принимая участие в текущих делах, брал на себя исполнение некоторых поручений «Комитета» и пр.».

Мы же знаем и можем подтвердить это несомненными свидетельствами, что Стефанович *все время* — с сентября по февраль — принимал деятельное участие, брал на себя поручения и пр. Что же касается сообщения А. Корбы, будто «по его инициативе поднят был вопрос о попытке завязать сношения с старообрядческим миром», то, как я уже сообщил в посвященном мною ему очерке, «инициатива» этого предприятия принадлежала не ему, а здравствующему Трегубову, который может рассказать, как оно возникло.

Не более правильно сообщение А. Корбы о состоявшемся в конце того же декабря собрании «Комитета» для обсуждения покушения на Стрельникова: «Стефанович, — рассказывает она, — не выдержал роли корректного члена партии «Нар. Воли» и ее «Комитета». Предвидя «по общему настроению» поражение, «Стефанович покинул сдержанный тон, и плохое настроение духа... вылилось в довольно грубых и резких выражениях». Затем лишь «один он подал голос за сохранение жизни Стрельникову».

Оказывается, недолго Стефанович оставался послушным, благонравным мальчиком, паинькой: уже в том же месяце он сорвался, да как! Набросился на всех остальных «в довольно грубых и резких выражениях». И такую чушь по отношению Стефановича, который, как я уже сообщил, *во всю свою жизнь не повышал голоса*, преподносит неправдивая или совершенно потерявшая память старая народоволка читателям «Былого», а редактор последнего, отказавшийся поместить опровержение на напечатанную в его же журнале гнусную клевету, охотно предоставил место для незаслуженных на меня нападок, к тому же, вызванных статьей, напечатанной не у него! После этого можно ли сомневаться в том, что этот литературный предприниматель руководствуется одной только истиной, справедливостью?

Но чем дальше повествует А. Корба, тем в больший раж она входит, и уже не только «врет за двух», но и просто ругается. Вот образчик деликатности выражений этого старого почтенного члена «Нар. Воли» по адресу давнего ее товарища, с которым она пробыла несколько лет в вольной команде на Каре и на поселении в Благовещенске.

«На стр. 14 своей статьи, — пишет А. Корба, — Л. Г. Дейч повествует нам о том, что в письме к нему Стефанович выдал ему тайну Комитета о захвате власти. Так как у Комитета подобной цели в то время и при подорванных силах не было и не могло быть, то из рассказа Дейча получается *клубок лжи*: Стефанович выдает якобы доверенную ему тайну, Дейч приписывает своему другу преступление, которого тот, может быть, и не совершал. На стр. 15 клубок еще больше увеличивается. Теперь уже сам Комитет сообщает Дейчу о своей великой тайне и поручает ему написать о ней Лаврову, Кравчинскому и Кропоткину, что Дейч и выполняет» (стр. 284).

Мое сообщение о намерении «Исп. Ком.» захватить власть А. Корба называет «клубком лжи», потому что, живя в Петербурге, но «находясь в постоянном общении с Москвой»..., она не слыхала «ни одного слова о том, чтобы Комитетом предполагалось произвести захват власти».

***

Оставим на время эту строгую, все перепутавшую повествовательницу и перейдем к более сдержанной В. Н. Фигнер.

«*Мертвые не говорят* — приходится сказать по прочтении статьи Л. Дейча в журнале «Прол. Рев.», № 8/20, 1923 г. «О сближении и разрыве с народовольцами», — так начинает В. Фигнер свои опровержения. Так как почти все активные народовольцы сошли с арены жизни, и свидетелей нет, участники умерли, а мертвые не говорят, то оказывается и по ее деликатной формулировке, — хотя она не уподобляется А. Корбе, прибегающей к грубым выражениям, — что я возвел небылицы на «Исп. Комитет».

«Выходит странная история, — пишет она далее, — в феврале 1882 года, задумав захват власти, Исп. Ком. не обратился с этим предложением, решением или планом ни к одной из подчиненных ему народовольческих групп..., но направил извещение об этом Плеханову, Дейчу и Засулич, которые не входили ни в какую народовольческую организацию.

Больше того. В первой половине февраля 1881 года, т.-е. за год до времени, которое указывает Дейч, Исп. К-т созвал в Петербурге, как это описано в моей книге «Запечатл. Труд», ч. I, совещание, на котором в порядок дня был поставлен вопрос о возможности или невозможности вооруженного выступления. Присутствовал весь состав «Комитета» (далее идет перечисление 17 членов. *Л. Д.*). Обсудив вопрос, мы сделали подсчет нашим силам (включая и Саратов) *и единодушно признали, что для вооруженного выступления эти силы недостаточны*. Да! В феврале 1881 года силы были признаны недостаточными. Как же, год спустя, когда из перечисленных членов Комитета на свободе оставалось всего лишь шесть человек, Комитет мог задумать — не вооруженное выступление, а ни больше ни меньше, как, по словам Дейча, захват власти!»

Выходит будто неопровержимо убедительно: «Исп. Комитет» не мог задаваться такой целью, а потому не прислал за границу упомянутого мною в статье письма; я, следовательно, все сочинил и валю на «мертвых», которые, как известно, «не говорят». Права, следовательно, А. Корба, открыто бросающая мне обвинение в «клевете», в создании «клубка лжи» и пр.

Принимая во внимание авторитет, которым пользуется Вера Фигнер, и окружающий ее имя ореол, многие, вероятно, готовы подумать, что я сражен, повержен в прах приведенными ею доводами. Но это совершенно напрасно.

Замечу предварительно, что недостаточно быть одержимым всевозможными пороками, приписанными мне А. Корбой и ее товарищами: нужно к тому же еще отличаться изумительной наивностью и легкомыслием, чтобы решиться печатно приписать «Исп. Комитету «Нар. Воли» намерение захватить власть и для этого сочинить от его имени письмо, затем разослать копии его Кравчинскому, Лаврову, Аксельроду и др., — говоря иначе, — создать ряд апокрифов. С другой стороны, нужно совершенно не знать или вполне забыть довольно обширную литературу, чтобы иметь смелость бросить старому революционеру грубую ругань только за то, что, будучи знаком с прошлым, помня его, он делится этим с новым поколением.

Что в инкриминируемой названными старыми народовольцами статье я сообщил действительные факты, в подтверждение этого имеется довольно обширная литература. Поэтому неправа В. Фигнер, заявляющая, что «так как мертвые не говорят», то и «свидетелей нет». Замечу, во-первых, что не все, читавшие упомянутое мною письмо «Исп. Комитета», мертвы, так как П. Б. Аксельрод и Р. М. Плеханова здравствуют; во-вторых, после умерших остались *документы: письма, брошюры, статьи*, которые, как известно, служат «свидетелями» минувшего. Обратимся же к печатным источникам.

Доказательством тому, что в указанное мною в статье время, т.-е. в начале 1882 года, «Исп. Ком.» писал о своем намерении произвести путем заговора захват власти, прежде всего служит следующий несомненный документ, особенно в глазах В. Фигнер и ее товарищей по старой организации, а именно *газета* «Нар. Воля»: в № 8/9 ее от 5/17 февраля 1882 г., т.-е. через несколько дней после нами полученного от «Исп. К-та» письма, мы прочитали:

«Совершение переворота путем заговора — вот цель партии «Нар. Воли», определяемая программой «Исп. К-та»... «Теперь наша *непосредственная* (курсив подлинника. *Л. Д.*) задача — *организация заговора с целью ниспровержения существующего государственного строя* (курсив мой. *Л. Д.*). Предшествовавшая деятельность партии приблизила эту задачу»... «Успешное выполнение этой задачи возможно при концентрации боевых сил лишь в тех пунктах, где каждый шаг приближал бы нас к цели, каждое действие имело бы значение в ближайшем, а не отдаленном будущем. Поэтому-то мы и группируем активные сознательно-революционные силы в правительственных центрах и т. д.»

То же почти содержание, только менее связно изложенное, заключалось в присланном незадолго до того «Исп. Комитетом» нам письме. Почему последний еще недавно «тайное» свое намерение счел возможным сделать «явным»,

я теперь не помню, а, может быть, и тогда не знал. Не берусь также об'яснить, почему признанное, — как сообщает В. Фигнер, — неосуществимым в феврале 1881 г. при наличии «почти всех членов «Исп. К-та», т.-е. 17 человек, оставшиеся в следующем году всего шесть человек сочли нужным опубликовать, как ближайшую цель, в феврале 1882 г. Но неопровержимый факт налицо: в № 8/9 *черным по белому подробнейшим образом изложен план подготовки инсуррекции с целью захвата власти*. Или это тоже апокриф? Тогда напомню этим, все свои прошлые заявления забывшим, народовольцам речь на суде их единомышленника П. Якубовича.

«Еще в № 8/9 своего органа, — сказал он, — партия заявила, что цель ее — захват власти. И что же? В настоящее время иного народовольца такая задача заставляет улыбаться» [1]).

Более того: уже когда была арестована последняя представительница «Исп. К-та» В. Фигнер, и от старой «грозной» террористической организации осталось только два члена — Тихомиров и Ошанина, находившиеся к тому же за границей, первый из этих двух от имени уже совершенно не существовавшего старого «Исп. К-та» продолжал расписывать об инсуррекции и захвате власти. Что? Может быть, и это мною придумано, так как «мертвые не говорят»? Тогда советую старым народовольцам, наделяющим меня возмутительнейшими эпитетами только за мое сообщение давным-давно опубликованных фактов, заглянуть в их журнал «Вестник Народной Воли»: там они могут прочитать в свое время (в 1884 году) нашумевшую статью Тихомирова «Чего нам ждать от революции?», вызвавшую появление знаменитой книги Плеханова «Наши разногласия».

Горячие споры, жаркие схватки, ссоры и расхождения в течение *ряда лет* в 80-х годах происходили затем у нас в России, в эмиграции, в местах политической ссылки: по поводу вопроса о захвате власти существует целая литература «за» и «против» возможности и допустимости этого намерения кучки террористов; как может убедиться читатель из печатаемого в настоящем Сборнике письма, по этому вопросу тогда же высказался и Ф. Энгельс. И вот, несмотря на все эти неоспоримые факты, спустя 40 лет, видные члены «Исп. К-та» «Народной Воли», забывшие или и раньше не знавшие этого, позволяют себе обвинять в «инсинуациях», в «клевете», во «лжи» человека, упомянувшего к слову об общеизвестном факте! Возможно ли представить себе что-либо печальнее и вместе возмутительнее этого? Аналогичного «курьеза» не могу припомнить ни в нашей ни во всемирной литературе.

---

[1]) См. «Процесс 21-го», стр. 21 — 23. Женева, 1888 г.

«Но если названные в начале этой заметки почтенные и заслуженные члены «Исп. К-та»—В. Н. Фигнер и А. Корба— за старостью или по другой причине все перезабыли, то чего же смотрел редактор «Былого?» — быть может, спросит читатель: «ведь он-то должен знать о существовании этой литературы? Как же он не указал на нее несведущим лицам?»

Мне уже не раз приходилось в печати отвечать на подобные вопросы: помещая ту или иную статью или выпуская брошюру под своей редакцией, П. Е. Щеголев руководствуется не интересами истины, не знакомством с этим вопросом, а фамусовскими правилами и соображениями: «Ну как не порадеть родному человечку».

Когда я писал свой очерк «О сближении и разрыве с народовольцами», у меня не было присланного в начале 1882 г. «Исп. Комитетом» нам, заграничникам, письма о его намерении пустыми руками захватить власть. Об этом я, между прочим, там упомянул, заметив, что, быть может, среди бумаг Лаврова или Кропоткина со временем окажется посланная мною и В. И. Засулич точная копия. Обидевшись на меня за эту будто бы «переполненную инсинуациями» на «Нар. Волю» и «клеветами» статью, — в действительности же, как мне кажется, являющуюся об'ективным изложением обстоятельств, приведших к возникновению группы «Освобождение Труда», — старые почтенные народовольцы с апломбом заявляют в своем изумительном произведении, помещенном в № 25 «Былого», что такого письма, о котором я упомянул, «Исп. К-т» нам «не посылал и не мог послать». И это они позволили себе заявить, несмотря на вышеуказанные мои сообщения о разосланных нами копиях нескольким лицам, из которых П. Б. Аксельрод, Р. М. Плеханова и Ф. М. Степняк здравствуют; несмотря также на напечатанное мною письмо Сергея Кравчинского, давшего подробную, строгую, но справедливую оценку письму «Исп. К-та». Хотя, в виду этого, названные старые народоволки вполне заслужили, чтобы по их адресу я написал несколько соответственных деликатных эпитетов, крепких слов, но, уважая их прошлое, не стану подражать их грубым литературным приемам. Ограничусь лишь указанием, что копия будто бы выдуманного мною письма «Исп. К-та» нашлась в архиве Степняка и помещена в настоящем Сборнике. Теперь уважаемым бывшим членам этого Комитета остается только утверждать, что Фанни Степняк, находясь со мной в заговоре, сочинила эту «будто бы копию», или что-нибудь в этом роде.

В. Фигнер в заключение своей заметки выражает возмущение по поводу тона, которым написана моя статья: она находит его «недозволительным для революционера».

В чем же состоит «недозволительный» тон мой? «Слова *всемогущий и неуловимый*, по отношению к «Исп. К-ту» «Нар. Воли» поставленные в кавычки, совершенно неуместны»,— заявляет она. Таким образом, «кавычки» являются *единственным* доводом, подтверждающим «недозволительный» тон моей статьи! В этих ковычках В. Фигнер усмотрела, что я будто бы «издеваюсь над тем, что правительство самодержцев, в конце концов, сломило Комитет». Нужно ли доказывать, что «кавычки» вовсе не имели столь преступного смысла, какой приписала им В. Фигнер? Они означали только, что не я, а *другие* считали «Исп. К-т» всемогущим и неуловимым. В качестве революционера я, наоборот, и прежде считал и продолжаю теперь считать «Исп. К-т» очень *далеким от того и другого*. Поставленные им себе цели я признавал химеричными, а потому принесшими нашему революционному движению *неисчислимый* вред, так как они *привели* — и не могли не привести — *к продолжительной и мрачной реакции*. В признании правильности подчеркнутых мною здесь слов моей союзницей является не кто иной, как *сама В. Фигнер*, которая в своем «Запечатленном труде» заявила, что «после краткого периода неопределенности и колебаний... стало ясно, что от нового царя ждать перемен нечего» и что «на 25 лет воцарится злейшая реакция» (стр. 249). Кроме этого, полагаю, мало утешительного результата самоотверженной деятельности «Исп. К-та», В. Фигнер указывает еще и на другие не более отрадные последствия тактики «Нар. Воли».

«Необходимо сказать несколько слов о той деморализации, которая вносилась в общество приемами борьбы правительства и революционной партии. Правительство и партия, — признает В. Фигнер, — *конкурировали в развращении окружающей среды... Партия провозгласила, что все средства хороши... что цель оправдывает средства»* и т. п. (курсив мой. *Л. Д.*) [1].

Вероятно, этими иезуитскими принципами следует об'яснить тот бесспорный факт, что, будучи уже окончательно разбиты в России, очутившиеся за границей остатки «Исп. К-та», тем не менее, продолжали всех мистифицировать, будто бы последний все еще остается «всемогущим», «неуловимым» и т. д. Мои «кавычки», таким образом, являлись *горькой иронией* по адресу «революционеров», прибегавших

[1]) Кстати. В. Фигнер пишет в «Былом»: «быть может, если бы Дейч вчитался в эти воспоминания (т.-е. в «Запечатленный Труд») и т. д...» Из этого, полагаю, можно сделать тот вывод, что сама-то она не только не «вчиталась», но и *не заглянула* в помещенную мною довольно обширную рецензию на эту книгу еще в 1922 г. в выходившем здесь журнале «Творчество»; в противном случае она убедилась бы, что, не «вчитавшись» в ее воспоминания, я не мог бы найти в них очень большого числа крупных и мелких промахов, ошибок, противоречий. Советую ей сделать это теперь.

к «непозволительным» приемам дурачения русской передовой молодежи и общества, чем, по моему глубокому убеждению, наносился огромный вред нашему революционному движению. Между тем В. Фигнер почему-то «в языке и тоне» моем вычитала «издевательство над тем, что правительство самодержцев, в конце концов, сломило Комитет».

Нужно обладать всеоб'емлющим умом, обширным развитием, большим чутьем и многочисленными другими достоинствами, чтобы в «кавычках» усмотреть столь тяжкое преступление и рядом с этим дозволять себе по адресу этого ужасного преступника куда более тяжкие и ни на чем не основанные обвинения.

* *
*

Вернемся к А. Корбе.

«С полнейшим недоумением, — сообщает она далее, — я прочла письмо Кравчинского на стр. 19. Для того, чтобы он заговорил таким тоном... нужны были причины, которые трудно себе представить. Надо было, чтобы груды клевет и лжи дошли до Кравчинского, чтобы он стал членов ком. считать глупее «ослов» и, пожалуй, столь же развращенными в политическом отношении, как были главы царского правительства».

Итак, Кравчинский, изложивший в приведенном мною письме его к В. Засулич свое крайне отрицательное отношение к знаменитому письму «Исп. К-та», сделал это не вследствие собственного убеждения и впечатления о последнем, а потому, — заметьте это, — что до него дошли «груды клевет и лжи». Оставляя в стороне изумительную логичность этого замечательного силлогизма, нельзя обойти молчанием сказывающееся в этом лестное мнение деликатной и проницательной А. Корбы о Кравчинском: если ей поверить, он, оказывается, был бесхарактерным, ограниченным человеком, составлявшим свои мнения, — подобно провинциальным кумушкам, — на основании наветов, «груд клевет и лжи».

По чьему образу и подобию эта, как видим, достоверная свидетельница старины составила себе представление о замечательно благородном, справедливом революционере Кравчинском — мне неизвестно. Думаю, что у нее это вышло не умышленно, — написала так вследствие присущих ей редких свойств как уже указанных мною выше, так и не упомянутых еще.

Этими ее свойствами следует также об'яснить и дальнейшие ее заявления, а именно: так как программа «Нар. Воли» начиналась со слов: «По основным своим убеждениям мы социалисты и народники», то «Исп. К-т» не мог, как я это сообщил в своей статье, писать нам: «мы не социалисты, не народники, а просто — народовольцы». «Значит, — заявляет эта глубокомысленная всезнающая народоволка, — фраза, три раза употребленная Дейчем, есть «фальшивая монета», пущенная в обращение кем-то во вред «Исп-му К-ту».

Без обвинений в «инсинуациях», в «клеветах», во «лжи», в «выпуске фальшивых монет» возвышенная душа А. Корбы, как видим, не может никак обойтись.

Но из помещенного в этом же Сборнике письма «Исп. К-та» к нам видно, что фраза, признанная старой, всеведущей народоволкой «фальшивой монетой», была «пущена во вред «Исп. К-та» никем иным, как этим же Комитетом.

Путем каких «логических» доводов и соображений эта деликатная защитница интересов «Исп. К-та» выйдет из созданного ею самой комического положения, нам, одержимым одними лишь пороками, трудно себе представить.

Не хуже всего изложенного заключительные строки этой изящно и логично построенной заметки А. Корбы.

«На многих страницах, — читаем мы там, — Дейч силится доискаться причины озлобления или ненависти к нему Тихомирова. Это напрасно. Никакой злобы в «Комитете» никто не питал против него».

Позволю себе на это заметить, что в своей статье я вовсе не «силился доискаться» и т. д., а *прямо привел выписки из несомненных писем* Тихомирова к Лаврову, из которых неопровержимо явствует его ко мне враждебное отношение. Что же касается заявления А. Корбы, что «никакой злобы в «Комитете» никто не питал» ко мне, то опять же я принужден указать на то, что в своей статье *я отношений ко мне «К-та» совсем не касался*; отношений же ко мне *Тихомирова, находившегося вместе со мною в Швейцарии*, она, мне кажется, не может знать, так как в то время находилась в тюрьме за тридевять земель.

Охотно признаю, что так неправильно, нелогично рассуждать, как это я здесь делаю, могут лишь лица, распространяющие «инсинуации», «груды клевет», «лжи», «пускающие фальшивые монеты» и пр. Наоборот же, такие правдивые и логичные особы, как наша безупречная обвинительница, рассуждают и поступают совсем иначе: они беспощадно наказывают порочных людей и энергично заступаются за слабых. Поэтому-то А. Корба и берет под свою защиту невинно обиженного мною бедного Льва Тихомирова, наравне с С. Дегаевым верой и правдой до конца дней своих служившего, как известно, лишь правде-истине и правде-справедливости.

В этой своей защите великодушная А. Корба проявляет изумительное, прямо завидное сочетание беспристрастия с логичностью.

Чтобы обелить обиженного мною Тихомирова, А. Корба чуть-чуть, слегка, изменяет текст моей статьи.

«Тихомиров, — пишет она, — негодовал на Дейча, конечно, не потому, что он был адресатом Стефановича, как предполагает Дейч». Такого предположения я *нигде* не вы-

сказывал, — это, конечно, свидетельствует только о присущих защитнице Тихомирова точности, беспристрастьи и т. п. качествах. Затем, все с тою же великодушной целью доказать невинность бывшего лидера «Народной Воли», ставшего потом чуточку только ренегатом и мракобесом, проницательная А. Корба делает замечательное открытие, мало чем уступающее колумбовскому, а именно, что из перехваченного письма моего друга для Тихомирова «явствовала неразрывная дружба Стефановича и Дейча»: в течение многих предшествовавших тому лет наша дружба, видите ли, оставалась для него глубокой, непроницаемой тайной.

Но далее следуют еще крупные открытия, одно другого поразительнее, благодаря которым репутация Тихомирова и добрая о нем память вполне восстановляются, и он совершенно реабилитируется, а Стефановичу и мне, как его другу, наоборот, достается по заслугам: Тихомиров, видите ли, негодовал на меня за то, что из письма ко мне Стефановича «явствовала неразрывная дружба Стефановича и Дейча, *настолько прочная*, что Стефанович откровенно сознавался своему другу в деяниях, которых *никто* не назовет иначе, как *низкими*, даже *преступными* (курсив мой. *Л. Д.*).

Правдивая восстановительница чести скромного ренегата-изувера пишет это всего шесть лет спустя после появившегося в том же журнале «Былое» письма В. И. Засулич! Там эта, очевидно, совсем неизвестная женщина, с заявлением которой поэтому такая выдающаяся личность, как А. Корба, может вовсе не считаться, старалась восстановить честь умершего нашего друга, обвиненного не менее беспристрастным человеком, чем защитница Тихомирова, в «низких и даже преступных деяниях». В своем письме в редакцию «Былого» В. Засулич, к слову, назвала нескольких товарищей — Плеханова, Кравчинского, Аксельрода, Хотинскую, которые наравне с нею и мною читали перехваченное Тихомировым письмо к нам Стефановича. Из этого ее сообщения, мне кажется, явствует, что заявление А. Корбы, будто «никто» иначе, чем она указывает, не отнесется к поведению Стефановича, не совсем соответствует действительности, если не игнорировать таких незначительных лиц, как В. Засулич, Плеханов, Кравчинский, Аксельрод и др.

Но далее: из перехваченного письма Стефановича явствовало, что содержания его он не скрывал и от перечисленных товарищей; следовательно, выходит, что Стефанович «откровенно сознался» не одному мне, а всем своим друзьям и товарищам, «в безнравственных поступках», будучи уверенным, что эти друзья простят и прикроют его.

Но что толковать! Гуманная, справедливая, изумительно логичная защитница обиженного мною ренегата Тихомирова вполне естественно игнорирует заявления и свидетельства разных таких ничтожеств, как В. Засулич, Плеханов и им подобные, находя более для себя подходящей компанию столь же, как и она, наделенного всеми достоинствами и бывшего совершенно свободным от каких-либо недостатков покойного Н. Тютчева. Но о вкусах, известно, не спорят...

* * *

Перейдем к заметке А. В. Прибылева.

После нескольких помещенных в настоящем Сборнике статей, касающихся Стефановича, в которых приведено много доказательств тому, что ни он ни я решительно не имели намерения «дезорганизовать, разложить «Народную Волю», я с полным правом мог бы назвать делаемое А. В. Прибылевым сравнение роли Стефановича с «дегаевщиной» теми лестными эпитетами, какие, мы видели, А. Корба щедро расточает по моему адресу, но предпочитаю эту манеру опровержения предоставить ей и А. В. Прибылеву в их исключительное пользование. По существу же немного оригинального по сравнению с тем, что мы уже вычитали у В. Фигнер и А. Корбы, дает его заметка. Зато в этом немногом достаточно неправильностей.

Прежде всего А. Прибылев заявляет, будто в раз'яснившемся, начиная с процесса и затем в пути, «подозрении в неискренности вступления Стефановича в ряды «Нар. Воли», заключалась причина его обособленного положения на Каре».

Это совершенно неверно: ни о каких, будто бы, тяготевших на нем обвинениях ни он, ни я на Каре не подозревали, в противном случае мы постарались бы их рассеять; «обособленным» же положение Стефановича могло казаться некоторым товарищам ввиду замкнутого его характера, туго сходившегося с другими. И все же на Каре у него было немало добрых товарищей, с которыми он довольно близко сошелся.

Второй неправдой является утверждение Прибылева, будто «Юр. Богданович был отдан в руки жандармов, благодаря ему, Стефановичу».

Судейкин, специально приехавший в Москву в начале февраля 1882 года, чтобы по стопам Влад. Дегаева [1]) выследить уже намеченных им членов «Исп. К-та», конечно, знал, что под фамилией «Прозоровского» жил на такой-то квартире Богданович. Подтверждение или отрицание кем бы то ни было этого полученного им сведения ровно ничего

[1]) См. мое первое письмо к Стефановичу в наст. Сборнике.

не изменило бы в уже принятых столь ловким жандармом мерах к уловлению всех выслеженных им лиц. Это соображение, конечно, не ослабляет чрезвычайного огорчения по поводу того, что у Стефановича невольно сорвалось подтверждение догадки Судейкина. Но нужно стать человеконенавистником, чтобы на основании собственного признания данного лица в случившемся с ним несчастьи начать обвинять его, к тому же *после его смерти*, в тягчайшем преступлении — в сознательной выдаче товарища «в руки жандармов»!

Далее А. Прибылев столь же правдив, когда обвиняет Стефановича и меня в том, что мы будто бы с ним составили «как бы настоящий заговор» против «Нар. Воли», при чем он «работал внутри самой организации», а я—«вдали от нее, за границей». Подтверждением этого великого «открытия», аналогичного сделанным А. Корбою, служит для него, — что бы вы думали? — мое собственное признание! Вам кажется это неправдоподобным? А вот, почитайте.

Вслед за выдержкой из моей статьи, в которой я сообщал о питаемых мною в конце 1881 года надеждах, что народовольцы, под влиянием заграничного своего журнала, начнут постепенно поддаваться проповедям марксистских взглядов и таким образом их «расплывчатая, утопическая и эклектическая программа заменится другой, научно-социалистической», А. Прибылев восклицает: «Не ясно ли из всего вышесказанного, что это был как бы настоящий заговор против «Нар. Воли»,—заговор лиц, предлагавших свои силы для подкрепления уже сильно пострадавшей организации, при чем один из таких союзников работал в России и внутри самой организации, а другой вдали от нее, за границей и за пределами досягаемости».

Не правда ли, я и Стефанович действовали как настоящие иезуиты, последователи Макиавелли? В действительности же этот наш «заговор» усмотрен А. Прибылевым только вследствие полного его игнорирования многочисленной и давней литературы, в которой сообщалось, что мы, марксисты (будущие члены группы «Освобождение Труда», но не Стефанович, не принадлежавший к таковым), не только не скрывали, а, наоборот, *прямо настаивали в своих устных и письменных переговорах с «Исп. Ком. Нар Воли»* на замене «расплывчатой, утопической и эклектической программы «Нар. Воли» другой, основанной на научном социализме. В этом пункте тогдашний лидер «Нар. Воли» Тихомиров не только не видел «настоящего заговора», но вполне соглашался с ним и только просил, чтобы марксистские взгляды проводились нами постепенно, без резкой критики народовольческих взглядов. Вот, между прочим, что более двадцати лет тому назад писал Плеханов по поводу отношения Тихомирова к нашим стремлениям.

«Он советовал нам сначала *подготовить* русского читателя к усвоению социал-демократических взглядов и только потом, когда это будет сделано, выставлять перед ним социал-демократическую программу»... «Мы с Тихомировым решили, что наш будущий журнал («Вестник Народной Воли». *Л. Д.*) об'явит себя социал-демократическим, но сделает это после того, как ему удастся рассеять анархические предрассудки нашей читающей публики» [1]).

В дальнейшей части своего фельетона Плеханов, — как известно лицам, знакомым с нашей литературой, — сообщает, что помещенная статья его о Щапове в № 1 «Вестника Нар. Воли» была им написана именно с указанной целью — «подготовки русского читателя» вполне в марксистском духе, и она не только не встретила ни малейших возражений ни со стороны редакции ни со стороны заграничных членов партии «Нар. Воли», но, наоборот, заслужила с их стороны большие похвалы.

Вполне возможно, что в виду, очевидно, полного незнакомства с нашей литературой, при чрезмерной уверенности в несокрушимости народовольческих «основных положений», не поддающихся влиянию ни времени, ни логики, ни фактов, — А. Прибылев, а, вероятно, также и А. Корба, скажут, что и Плеханов совершил «апокриф», «подделку», пустил в ход «клубок лжи», «фальшивую монету» и т. д., и т. п. Но существуют письма Тихомирова к Лаврову, приведенные целиком в № 1 Сборника группы «Освобождение Труда»: в них он признает, что ничего не имел против постепенной замены «основных положений» «Народной Воли» марксистскими взглядами. Однако, при свойствах А. Корбы, А. Прибылева и В. Фигнер отрицать то, что им не нравится, они, пожалуй, заявят, что и напечатанные мною письма Тихомирова апокрифичны. Увы!—Подлинники их хранятся в Академии Наук [2]).

---

[1]) См. «Почему и как мы разошлись с ред. «Вестн. Н. В.». «Искра» № 54, от 1/XII — 1903 года.

[2]) Вот что он писал Лаврову (3 авг. 1883 г.) по поводу статьи Г. Плеханова «Социализм и политическая борьба»:

«...Я не нахожу, чтобы автор, как обещает, вывел свою политическую деятельность именно из «научного социализма», т.-е. из марксовой теории; тем не менее, статья интересна и полезна... была бы, если бы не историческая ее часть. Прав автор в своих оценках или нет, это дело спорное, но «Вестнику Нар. Воли», да еще первому его номеру, довольно странно помещать такие исторические оценки, которые гласят, что народовольчество было «наиболее беспринципным направлением». *Рекомендовать изменение программы, в смысле отказа от захвата власти партией*, я бы тоже не решился, по крайней мере в № 1. (Сборн. гр. «Осв. Тр.», стр. 245). Обращаю внимание на мой курсив. *Л. Д.*

В следующем письме (от 4 авг.) он вновь коснулся этого же:

«...ведь вопрос о политике в социализме можно было разбирать чисто теоретически, не крича о перемене программы. А ведь я просил

Долго А. Прибылев останавливается затем на сделанном мною в статье сообщении, что «Исп. К-т», совершенно неосновательно обидевшись на П. Б. Аксельрода за произнесенную им на интернациональном конгрессе в г. Хуре речь в защиту народовольцев, несправедливо на него накинулся. Плохо понятыми выдержками из № 7 «Нар. Воли» А. Прибылев старается доказать, что ничего обидного для П. Б. Аксельрода не было в этой статье и что все сказанное редакцией по этому поводу правильно. Слишком много места потребовалось бы, если бы я задался целью опровергнуть все его оригинальные доводы, между тем мой ответ и без того чересчур растянулся. Ограничусь поэтому ссылкой на собственное заявление «Исп. К-та» по поводу речи П. Б. Аксельрода в печатаемом здесь письме его к нам, а также на начало ответного письма Кравчинского по этому же вопросу. Уже из этих отрывков, полагаю, очевидно для каждого образованного читателя, что А. Прибылев плохо разобрался в этом, как, впрочем, и во всех остальных пунктах, затронутых моей статьей: оно и понятно, потому что он всегда несколько прихрамывал насчет революционных вопросов.

Наконец, в заключительных строках своей заметки он утверждает, что «странной фразы» «мы не социалисты и не политики, просто народовольцы»... не могло быть не только в какой бы то ни было статье «Нар. Воли», но, как подлинный nonsens, и ни в каком писании какого бы то ни было писателя, как бы он ни был слаб...»

Теперь, после напечатанного здесь письма «Исп. К-та», каждый может убедиться, что такая именно фраза, являющаяся «подлинным nonsens'ом» по *единственно правильному* во всей заметке заявлению А. Прибылева, действительно, была написана и, следовательно, ни я ни Степняк, высмеивавшие эту фразу, не сочинили ее. Но в какое же положение попали он и А. Корба, утверждающие, что я ее выдумал?

* * *

Четвертая обвинительница — А. Чернявская-Бохановская еще менее содержательна и оригинальна, чем даже А. Прибылев: она только повторяет до тошноты надоевшие неправдивые фразы о неискренности присоединения Стефановича, о выдаче им Богдановича, о его вступлении в переговоры с Плеве и т. п. вздор клеветнического характера. Единственно «оригинальное» во всей ее заметке это — опровержение моего сообщения, что Ошанина и Тихомиров возвратили мне письмо Стефановича, после самовольного ими вскрытия

не говорить именно о *перемене*, а просто развивать свою программу» (ibid., стр. 247).

его, не вследствие боязни скандала, ввиду моих угроз привлечь их к третейскому суду, как я сообщил в своей статье, а — чтобы не стало известным посторонним, что в «Исп. Ком.» «попало такое лицо, как Як. Стефанович».

Это заявление — чистейшая неправда, которую нетрудно, в случае надобности, доказать путем опроса Р. М. Плехановой и П. Б. Аксельрода, присутствовавших при приходе в качестве уполномоченных на квартиру Плеханова Тихомирова и Полина, которые *настаивали на выдаче* им всеми нами *расписки* не только в получении от них письма Стефановича, но также и *в неимении претензий* за его вскрытие и удержание. На это, как я уже сообщил в своей статье, Георгий Валентинович не согласился и демонстративно ушел из комнаты, мы же, остальные, уступили, лишь скрепя сердце, желая получить письма Стефановича, которых иначе они не отдавали. Если бы, действительно, было так, как очевидно теперь придумала Чернявская-Бохановская, то не они, народовольцы, *а мы, друзья Стефановича, должны были бояться третейского суда*. Это явно вздорная выдумка.

* * *

После всего изложенного каждый беспристрастный читатель, полагаю, согласится, что я инкриминируемой статьей не подал старым народовольцам никакого повода обрушиться на меня с тяжкими обвинениями, тем более с грубою руганью, а также, что возведенные ими против меня обвинения об'ясняются, главным образом, полным их игнорированием давно существующей литературы как марксистской, так и их собственной. При этих свойствах они к тому же отличаются неимоверной чувствительностью и обидчивостью: как мы видели, В. Фигнер возмущена тем, что мною два слова были взяты в ковычки по вполне уважительной причине, в то же время она, очевидно, считает совершенно безобидным, дозволительным без всякой причины недвусмысленно высказать подозрение, что я взвалил небывальщину на «мертвых», которые «не говорят»; А. Корба же и А. Прибылев признают за собою даже право, без малейших к тому оснований, обвинять меня и Стефановича в самых тяжких политических и этических преступлениях только потому, что не знают даже своей собственной литературы.

Таковы моральные правила лиц, гордящихся тем, что они в течение 40 с чем-то лет не сделали ни единого шага вперед, а лишь все топтались на одном месте; они ничему за истекшее время не научились и продолжают повторять удержавшиеся в их памяти обрывки того нелепого вздора, который несколько десятилетий тому назад распространял давно от всего отрекшийся и ставший злобным мракобесом, бывший некогда «властителем их дум», ренегат Тихомиров.

Я. В. СТЕФАНОВИЧ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Эта записка была опубликована Ф. Покровским с его предисловием, а также и с «дополнениями» и письмом в редакцию Н. Тютчева, при заявлении последней о заключающейся в этом письме «заслуженной оценке поведения Я. В. Стефановича» [1]). Прежде чем покажу, насколько правильны эти «дополнения» и заявления, напомню, чем вызвана была записка об эмигрантах Стефановича и какую цель он преследовал, согласившись ее написать.

Известно, что Александр III долго не решался короноваться, опасаясь подвергнуться участи своего отца во время этого акта. Поэтому создалось крайне затруднительное для него и правительства положение. Чтобы выйти из него, разные «сферы» хватались за всевозможные средства и планы: создавали «добровольные охраны» и «священные дружины», вступали в России и за границей в переговоры с представителями «Исп. Ком.» о прекращении террора на известных условиях и пр. [2]).

Такую же роль, по мнению Плеве, должна была сыграть и «Записка об эмигрантах», так как у нового царя было твердое убеждение, что главный очаг террора находится за границей: известно, что одно из упомянутых тайных «добровольческих обществ» решило даже прибегнуть к террору по отношению некоторых видных эмигрантов, наметив в числе первых жертв — Кропоткина, Гартмана, Кравчинского, Лаврова и меня.

С другой стороны напомню, что в первые годы нового царствования многие революционеры и представители обще-

[1]) См. «Былое» № 16, 1921 г., стр. 75 — 86 и 201 — 208. — Выше я уже об'яснил, почему лишь теперь могу приступить к реабилитации моего покойного друга и как благородно обошелся ред. П. Е. Щеголев с моей статьей. *Л. Д.*

[2]) См. мой очерк «Переговоры с придворными сферами» в № 2 нашего Сборника. *Л. Д.*

ства питали надежду повлиять на Александра III «словом убеждения». Этим об'ясняется известное письмо к нему «Исп. Ком.», а также чрезвычайно миролюбивые речи некоторых подсудимых во время целого ряда террористических процессов 80-х г.г. В этих своих выступлениях они стремились уверить царя, что, с дарованием хотя бы примитивных реформ, — террор прекратится. Укажу на речи А. П. Корбы, С. Златопольского, П. Якубовича и др. [1]).

Такие же надежды питал и Стефанович и высказывал те же взгляды. Поэтому, узнав из разговоров с Плеве и Игнатьевым, что царь и правительство считают нашу эмиграцию главным очагом революции, он, как недавно прибывший из-за границы, стал опровергать это совершенно ошибочное представление. Тогда Плеве начал уговаривать его изложить все свои возражения на бумаге, дав ему понять, что это его сообщение будет представлено царю, которого такая записка может успокоить, а в конечном результате этого получатся, мол, всякие реформы.

Несмотря на то, что Стефанович, вообще, не был склонен к увлечениям радужными надеждами, тем не менее, благодаря общему настроению, он также поверил, что можно некоторыми раз'яснениями успокоить Александра III насчет угрожавшей его жизни опасности, дав этим ему возможность короноваться, в награду за что будут дарованы всякие реформы, облегчения и свобода. Конечно, в этих надеждах было много оптимизма и легковерия, но необходимо перенестись в ту эпоху, и тогда никто из здравомыслящих людей не станет осуждать тех из тогдашних революционеров, которые готовы были хвататься за всякий план, вскоре оказывавшийся химерическим, — мыльным пузырем.

По этим же соображениям Стефанович согласился написать записку об эмигрантах. Заранее зная, что она будет прочитана новым, напуганным царем, он усиленно старался

[1]) Вот что, между прочим, заявила первая на суде: «В подтверждение того, что цели партии совершенно миролюбивые, я прошу прочесть письмо к императору Александру III от Исп. Ком., написанное вскоре после 1 марта. Из него вы увидите, что партия *желает реформ сверху, но реформ искренних, полных, жизненных*». («Былое», загр. изд. В. Бурцева, № 3, стр. 172 — 173. Курсив мой. *Л. Д.*). — Кто же после этого заявления посмеет усомниться в том, что А. П. Корба всегда и всюду выступала как революционерка, а не как мирная культурница-консерваторша, ждавшая «реформ сверху»!

В этом же духе сделал на суде заявление и Якубович: «Еще в № 8 — 9 своего органа она [парт. «Нар. В.»] заявляла, что цель ее — захват власти. И что же? В настоящее время иного народовольца такая задача заставляет улыбаться. Наша формула стала иная: *призыв народа с высоты трона*, поколебленного ударами революционеров». (См. брош. «Процесс 21-го, Женева, 1888 г., стр. 21 — 23. — Курсив мой. *Л. Д.*) По справедливому замечанию Плеханова: «эту «веру» не откажутся разделить самые умеренные либералы». *Л. Д.*

представить эту среду чрезвычайно мирной, безобидной, думающей, главным образом, о добывании средств к существованию и очень далекой от каких-либо террористических предприятий. Конечно, местами он в сильной степени сгущал краски, брал совсем неподходящий тон, но вреда этой запиской, как правильно заметил Зунделевич в одном из своих писем, Стефанович решительно никому не мог принести и не принес, так как Деп. гос. пол. от заграничных своих агентов знал о жизни и деятельности наших эмигрантов значительно больше того, что он сообщил. Прямо смешны, поэтому, для нас, лиц, живших в ту пору за границей, утверждения неосведомленных и злобных обвинителей Стефановича, будто теми или иными своими фразами он повредил тому или другому, и даже своим лучшим друзьям, — мне, Аксельроду, Плеханову, Засулич. Удивительно, как забыли они, что и себя самого Стефанович не обошел молчанием: он, следовательно, виновен также в том, что и себя выдавал.

Все это было бы только смешно, если бы наши читатели могли перенестись в ту эпоху: тогда они, конечно, легко убедились бы, что поднятая вокруг этой записки шумиха была вызвана незнанием одних и *бессовестностью других*.

Л. Д.

[Лето 1882 г.]

В настоящее время эмиграция совершенно не представляет того компактного целого, каким она являлась в период времени, начиная с 1873 г. и кончая 1878 г. В то время ей принадлежала инициатива русск. рев. движения и в продолжение нескольких лет, до известной степени, роль руководителя в нем. Она жила тесною связью с этим движением, и все метаморфозы, какие оно претерпевало, происходили далеко не без ее влияния. Эмиграция представляла тогда несколько групп, рознившихся друг от друга политическими тенденциями. Взаимные отношения этих групп, — были ли они враждебные или союзнические,—всецело отражались на отношениях друг к другу соответствующих им по программе кружков в России. Таким значением пользовались группы: «Вперед», «Работника», «Громады», «Набата» (значение последнего, впрочем, всегда было крайне ничтожно).

В первую группу входили: Лавров, Смирнов, Таксис, Гинзбург [1]), Линев, Клячко и др. В свое время она пользовалась огромным влиянием в России и поддерживала живые сношения с так называемым кружком чайковцев. Но, когда этот кружок разрушился, частью вследствие арестов, частью вследствие перехода его членов к более крайнему направлению, — группа «Вперед» потеряла поддержку в России, и издание журнала и газеты должно было прекратиться в 1876 г. Возникшие затем разнообразные направления в русских кружках не согласовались с тенденциями «Вперед» и частью были даже враждебны им. Поэтому группа эмигрантов «Вперед» оказалась раньше других оторванной от русской почвы и еще до начала террористического течения подверглась полному разложению. Лица, ее составляшие, потеряли всякую связь между собою, и большинство из них давно уже не имеет ничего общего ни с русской, ни с какой бы то ни было другой революцией. Лавров и Таксис живут в Париже (последний работает в каком-то заведении чертежников), Смирнов и Гинзбург [1]) — в Берне, оба исключительно заняты наукой. Клячко в Вене корреспондирует газеты [2]). Линев—в Лондоне занят какими-то коммерческими предприятиями. Тут же и Чайковский с семьей, живет литературой.

Группа «Работника» имела непосредственные отношения к московскому кружку (процесс 50-ти), при поддержке которого издавалась ею газета «Работник», а также большая часть рабочих брошюр, перевозившихся и распространявшихся в России, главным образом, этим кружком. С прекращением существования московского кружка, группа «Работника» вошла в тесные сношения с Петербургской компанией Натансона и предприняла издание «Общины». Но в 1878 г. эта газета оказалась уже неудовлетворяющей направлению до сих пор поддерживавшего ее кружка, которым и была основана в пределах России «Земля и Воля». Народнические тенденции новой газеты встретили крайнее несочувствие со стороны редакции «Общины», не допускавшей какого-то иного социализма для России отличного от западно-европейского. Однакоже, благодаря тому обстоятельству, что некоторые, бывшие сотрудниками «Общины» (Кравчинский, Клеменц), отправившись в Россию, примкнули к «З. и В.», связи этой группы с петербургским кружком не порвались, хотя отношения не имели уже характера прежней близости. В 1879 г., когда организация «З. и В.» распалась на «Народ. Волю» и «Черный Передел», группа «Работника» очутилась в совершенно изолированном положении от России. Она не разделяла ни террористического направления первой, с лозунгом политической свободы, ни народничества последнего. С этих пор группа перестает существовать как таковая,

---

[1]) Это неверно: Стефанович, вероятно, имел в виду Лаз. Гольденберга. *Л. Д.*

[1]) Гинзбурга вовсе не было за границей, — в Петербурге был тогда быв. лаврист, врач Гинзбург; а Лаз. Гольденберг жил не в Берне, а — в Болгарии, затем в Париже и Лондоне, но «науками» не занимался. *Л. Д.*

[2]) Также не совсем верно: главным средством к существованию его с семьей была служба в учреждении по выдачам патентов на изобретения. *Л. Д.*

и ее члены частью успели уже обуржуазиться, частью сохранили лишь идейный интерес к революции, другие же умели приспособиться к заграничному движению. К разряду первых относятся Гольдштейн и Эльсниц; ко вторым—Жуковский, Жеманов и Аксельрод [1]), а к третьим — Черкезов и Ралли. Первый из этих двух вошел в состав рабочей социалистич. секции в Париже, а, по изгнании оттуда, примкнул к женевской секции «Revolté»). Второй еще с 1878 г. перенес свою деятельность в Румынию, где успел приобрести право гражданства и сотрудничает в местных газетах.

Группа Украинского Сборника «Громада» имеет своей задачей создать социально-украинофильскую партию в пределах этнографической Малороссии. До 1879 г. эта задача, до известной степени, казалась осуществимой. В ту пору Драгоманов поддерживал живую связь с украинофилами Киева, Харькова и Одессы. Отсюда шли материальные средства на поддержку его изданий, рукописей, корреспонденции. Всякие планы, касались ли они внутренних дел, или отношений к русским или польским социалистам, — предпринимались с ведома заграничной группы. Программа этой группы, как известно, определяется политическим федерализмом. Поэтому, когда русские революционеры выставили на своем знамени политическую свободу, Драгоманов с радостью приветствовал такой поворот движения, хотя и не выразил полного сочувствия красному террору, как средству достижения такой цели. «Черный Передел» был встречен здесь крайне резкой критикой, народничество которого, по мнению Драгоманова, не может быть принципом прогрессивным. Когда в господство Тотлебена и Черткова юг был очищен от всех сил украинофильства, заграничная группа лишилась как материальной, так и нравственной поддержки из России, и в настоящее время она находится вне всяких связей с русской Украиной. Значение ее стало совершенно ничтожным: однако издание «Громады» не прекратилось, благодаря средствам богатого помещика Подолинского, постоянно живущего за границей и входящего в состав группы. Но эти издания очень слабо расходятся даже в Австрийской Украине (Восточ. Галиция), в Россию же попадают случайно в количестве 2—3 экземпляров. В Галиции они не имеют большого распространения по той причине, что Драгоманов слишком радикален для партии так называемых русинских народовцев; социалистов же национальной окраски — всего несколько человек, группирующихся около редакции газеты «Світ», издающейся во Львове. Народные книжки на украинском

[1]) Аксельрод эмигрировал в 1874 г. В 1878 г. он возвратился в Россию, примкнул к «Чер. Переделу», к которому считал себя относительно ближе, нежели к «Нар. Воле», а в 1880 г. опять уехал за границу. *Л. Д.*

языке рассылаются по почте в несколько деревень, известных Павлику, третьему редактору «Громады», родом из галицийских крестьян (теперь эмигрант в Женеве). С русскими революционерами эта группа более или менее правильных сношений не имеет; хотя Драгоманов неоднократно пытался завести таковые с частными деятелями. Так, например, когда у некоторых лиц явилось намерение издавать конституционную газету, он предложил свое сотрудничество, вошел в переписку с этими лицами; но предприятие почему-то не осуществилось. Были попытки сойтись также с кружками «Черн. Передела» позднейшей формации, но и они ни к чему реальному не привели. Что касается «Нар. Воли», то хотя Драгоманов и предлагал [1]) ей свои литературные услуги, но вследствие его неблагоприятных отзывов о русской партии в иностранной печати, эти предложения отклонялись. Вообще Драгоманов, более чем кто-либо за границей, ищет путей своему влиянию на ход и направление русского движения. С этой целью он пишет брошюры на русском языке, сотрудничает в русских заграничных известиях, никогда не упустит случая познакомиться с временно приезжающими из России; ведет деятельную пропаганду федералистических идей среди эмиграции и, главным образом, среди учащейся молодежи, а эти идеи для настоящего времени сводятся, по его мнению, к группировке оппозиционных элементов по национальностям и к пропаганде на языках тех национальностей, среди которых данные группы действуют. Были с его стороны попытки основать литературные кружки из эмигрантов. Так, под его влиянием образовался еврейский кружок с целью литературной пропаганды на этом именно языке. Но все дело ограничилось тем, что было написано самим же Драгомановым, и разумеется по-русски, воззвание к евреям с просьбой содействия целям возникшего кружка. Воззвание не проникло в Россию, и кружок распался: два из его членов с разрешения гр. Лорис-Меликова возвратились в Россию, а третий (не эмигрант) поступил в Женевский университет. Затем Драгоманову удалось найти из эмигрантов одного белоруссa и образовать с ним белорусский литературный кружок. Была переведена на этот язык брошюра «Про богатство та бідность» (которой в России нет ни одного экземпляра), а других проявлений существования этого кружка затем не воспоследовало. Как ни ничтожны все подобные попытки, Драгоманов всегда оповещает о них в иностранных газетах как о фактах, свидетельствующих, что его тенденции находят для себя почву и приобретают право гражданства среди «всероссийских социалистов». Кроме трех названных лиц, к группе

[1]) Неверно: наоборот, Желябов предложил Драгоманову принять участие, но последний отклонил его предложение. *Л. Д.*

«Громада», относится Ляхоцкий, главный наборщик ее типографии, которая помещается совместно с типографией «Работника». Со стороны последнего главным наборщиком служит Жилка, старый эмигрант, работавший еще при «Колоколе». Кроме них в типографии работают — Гутерман, Василевский и др.

Группа «Набата» никогда не имела влияния на направление революционного движения в России, несмотря на огромные претензии в этом смысле. С самого начала своего существования эта газета не пользовалась большим распространением среди кружков, которым очень хорошо было известно, что никакой организации ее поддерживающей не существует, кроме нескольких женщин (Южакова, Ошанина). Между тем, «Набат» всегда фигурировал как орган какой-то сильной партии, с санкции и на средства которой он, будто бы, и издается. Иностранцы этому верили, но в России эта мистификация совершенно не достигала цели. В сущности же «Набат» основан по инициативе эмигрантов Ткачева, Дементьевой [1]) и Турского. Выдавая себя за уполномоченных какой-то централистической организации, этим лицам удалось привлечь к своему делу еще некоторых и, между прочим, богатого человека Френка, на средства которого, главным образом, и существовало издание. Как известно, «Набат» всегда проповедывал крайне решительный образ действий, с пренебрежением относился к пропаганде социализма, а к пропаганде знаний вообще — в особенности; он старался всеми способами дискредитировать Лаврова и его «Вперед» в глазах молодежи и являлся сторонником преимущественно кровавых действий. Когда революционное движение в России действительно вступило на этот путь, «Набат» поспешил приписать такой поворот в тактике революционеров, главным образом, своему влиянию. Он об'явил, что образовалось тайное общество «Народного Освобождения» на самых строгих организационных началах и хотя не прямо, но давал ясно понять, что все политические убийства в России — результат приговоров этого общества, официальным органом которого он, «Набат», уполномочен быть. Это показалось слишком нахальным посягательством на, так сказать, чужую собственность, и вот в № 8—9 «Общины» появилось заявление за подписью Засулич, Кравчинского, Стефановича и др., заявление, которым опровергалось как влияние «Набата» на революционное движение в России, так и существование общества «Народного Освобождения». Вследствие такого заявления, исходившего от лиц, пользовавшихся авторитетом, некоторые

[1]) Насколько помню, Дементьева, бывшая фиктивной женой Ткачева, никогда в группу «Набата» не входила, но зато туда входил довольно зажиточный сын помещика-генерала Мих. Ник. Шредер (Френк). *Л. Д.*

эмигранты, группировавшиеся около Ткачева и Турского, порвали с ними всякие отношения (в числе таковых был Френк [1]), Григорьева и др.), и «Набат» с этого времени прекращает свое существование. Хотя тенденции «Набата» вполне аналогичны с тем направлением, какое стало господствующим в России за последнее время, группа его не может считаться повинной ни в нравственном, ни в каком бы то ни было другом влиянии на обращение этого направления, несмотря на то, что претензии на такое влияние у него были велики. Личности и кружки, явившиеся пионерами террористического движения, были искренними противниками «Набата», а к его группе относились как к компании, слишком нечистоплотной. Когда револьвер уступил место динамиту, то и в этот период не было случая обращения к набатчикам со стороны русских революционеров за каким-нибудь содействием или с каким-нибудь предложением. Уже долго спустя после распадения этой группы, когда в 1880 г. за границу эмигрировали Морозов и Любатович, Турскому, Лакиеру и еще кому-то из набатчиков удалось сойтись с этими лицами на плане восстановления «Набата» в России. Чтобы напомнить о нем, выпустили один номер его за границей (после 1 марта), затем часть шрифта успели даже перевезти в Россию, но тут он был захвачен полицией, а арест Морозова лишил Турского всякой связи с Россией, и предприятие не осуществилось.

К группе «Набата», теперь не существующего, не столько по тенденциям, сколько по личным отношениям, близко примыкает группа «Общего Дела». Это не есть, собственно, группа революционная по существу, по целям, какие тем или иным путем могут преследоваться. Это коммерческая компания [2]) 3-х или 4-х лиц, во главе которых стоит Эльпидин, собственник книжного магазина, библиотеки и содержатель пансиона для русских путешественников. Группа издает газету «Общ. Дело», не имеющую определенного направления [3]). В ней пишут: Зайцев, Алисов, Драгоманов, Морозов и др. Корреспонденции о России пишутся или проезжающими русскими путешественниками или на основании

[1]) Ярый набатист, давно разыскиваемый в России по Большому процессу, он, однако, сумел легализироваться, вернулся в Россию, где отстранился от всякой политической деятельности; окончил медиц. фак. под своей наст. фамилией — Шредер, занялся практикой в Царском Селе, приобрел большую популярность, примкнул к кадетам и умер там в 1920 г. *Л. Д.*

[2]) Вновь неточность: один лишь Эльпидин, ее издатель, относился к этой газете с коммерческим расчетом, а вся остальная компания, группировавшаяся вокруг ее, состояла из идейных лиц; в ее состав, как известно, входили — д-р Белоголовый, быв. сотр. знаменитого «Рус. Слова» — Зайцев, Христофоров, Жеманов, д-р Якоби. *Л. Д.*

[3]) Направление «Общ. Дела» было определенно либеральным. *Л. Д.*

сведений от них полученных. Газета эта доставляет некоторую выгоду ее издателям, раскупаясь русскими путешественниками по всей Европе. Кроме того, компания берет на комиссию все издания, выходящие на русском языке из-под заграничных станков. Ее отношения к остальной эмиграции чисто коммерческие, эксплоататорские. Здесь могут иногда занять денег под проценты или оказать какую-либо другую услугу, но не иначе, как за плату. Кроме Эльпидина сюда входят Смирнов, Трусов [1]) (владетель небольшой типографии) и еще кто-то. Прошлое этих личностей никому неизвестно, некоторые из них, повидимому, поляки. О какихнибудь отношениях этой компании к русским революционным организациям, разумеется, не может быть и речи.

Что касается участия русской эмиграции в иностранных революционных движениях, то это участие очень слабо. Можно указать лишь на одного Кропоткина как на человека вполне акклиматизировавшегося и с успехом вмешивающегося в дела иностранцев. Он пользуется большою популярностью среди социалистов романских народностей, хотя в Швейцарии его почти 4-летние усилия увенчались очень ничтожными результатами. Женевская секция анархистов из 10—15 рабочих, вошедшая в состав юрской федерации, и газета «Revolté» обязаны своим существованием, главным образом, средствам самого Кропоткина. Это об'ясняется тем, что в Швейцарии местного пролетариата в полном смысле этого слова нет, и рабочее движение носит легально-социалистический характер, мало укладывающийся в революционно-анархические тенденции «Revolté».

Гораздо большим влиянием пользуется Кропоткин в Италии и даже в Испании через посредство сношений с тамошними агитаторами, чем в Швейцарии, при своем постоянном здесь пребывании. К русским делам он не имеет никакого отношения. Были с его стороны попытки вызвать в Швейцарии сочувственную агитацию к русским революционерам, как, например, по поводу Геси Гельфман [2]). Но к этому даже большинство эмигрантов отнеслось несочувственно, не желая злоупотреблять гостеприимством страны, доставляющей им убежище.

Другой более или менее сроднившийся с заграницей русский эмигрант — это Черкезов. В Париже он был довольно деятельным членом анархических секций, органом которых служила «La Révolution Sociale». После своего изгнания из Франции, он отчасти заменил роль Кропоткина в женевской секции того же направления. Еще более офранцузившимся русским в Париже является Николай Жебунов. Он открыл красильную мастерскую в одном из рабочих кварталов, живет совершенно изолированно от русских эмигрантов, но никакой агитацией среди французов не занимается. Во время существования Интернационала, одним из деятельных членов его был Жуковский, эмигрировавший еще в 1862 г. Но с распадением этой организации после Парижской Коммуны мало-по-малу стал удаляться от вмешательства в иностранные движения, примкнул к группе издателей «Работника», затем «Общины» и, с прекращением этой последней, совершенно отстранился от всяких политических дел. Из онемечившихся русских известен Чернышев (Иван), с 1874 г. живущий в Лейпциге, где он, впрочем, никакого участия в социал-демократических Verein'ах не принимает. В Лондоне более или менее ассимилировались Линев и Гольденберг. В Италии — Анна Макаревич (Розенштейн), которая принимала весьма деятельное участие в местных делах, два раза сидела в Флорентийской тюрьме, но в настоящее время совершенно оставила поприще деятеля, вышла замуж за итальянского социалиста-легалиста Коста и живет семьей [1]).

С тех пор, как внутренние революционные кружки вышли из-под влияния эмиграции и создали новые формы борьбы, сущности которых не отводила эмиграции почти никакого места в этой борьбе; когда пропаганде социалистических идей перестали придавать прежнее значение, и в революционных действиях стали преобладать террористические приемы, — эмиграция, как таковая, была совсем забыта. Мало того, ее третировали, относились к ней свысока, и эмигрировать за границу — стало считаться преступным бегством с поля сражения. Под влиянием в этом направлении сложившегося общественного мнения революционной среды, эмиграция за границу за последние годы была чрезвычайно редким явлением. Уезжали разве личности или из кружков мало деятельных, или совсем не принадлежащие ни к каким кружкам. Более чувствительный приток эмиграции давали в последние 3 года южные кружки, менее — чернопередельческие, а «Нар. Воля» не выделила из своей среды ни одного эмигранта [2]). При этом эмигрировавшие не удерживали за собой никакой связи с Россией, являлись за границу, в большинстве случаев, без всяких средств, в надежде приискать здесь какое-нибудь занятие, а пока кое-как перебиваться на счет эмигрантской кассы. Эта касса некогда попол-

[1]) О таких лицах, как о причастных к «Общ. Делу», я никогда не слыхал, думаю, что Стефанович спутал. *Л. Д.*

[2]) Стефанович имел в виду протест против ее казни, вследствие ее беременности. *Л. Д.*

[1]) Также неверно: см. мой помещенный в наст. Сбор. отрывок о ней из Карийских тетрадей. *Л. Д.*

[2]) Неверно: были и народовольцы — Герасим Романенко, Лев Гартман, Вл. Иохельсон (Голдовский), Н. Морозов, О. Любатович, Арончик, не говоря уже о таких, как Н. Русанов, Рубанович и др. *Л. Д.*

нялась взносами из России и действительно служила солидной поддержкой для эмигрантов. Но, понятно, когда о них забыли, забыли и об эмигрантской кассе. Полная разрозненность, наступившее вскоре распадение прежде сплоченных групп, вследствие утери связывавших их живых интересов, а отсюда развившийся в значительной степени индивидуализм среди русских за границей низвели эту кассу в учреждение, которое стало существовать лишь номинально. Только в последнее время взносы возобновлялись, благодаря личным усилиям некоторых, но и то лишь среди очень ограниченного круга эмигрантов.

Все, что делается в России, эмиграция узнает из газет; даже подпольные издания попадают к ней не всегда и то благодаря личным связям, оставленным каким-нибудь эмигрантом в России. Были примеры, когда один номер «Нар. Воли» циркулировал чуть не по всей Европе. Однажды депутаты французской палаты обратились к Лаврову за раз'яснением, действительно ли антиеврейские беспорядки дело революционного воздействия. Лавров ответил, что не думает, чтобы это было так, хотя положительно утверждать не может, так как он, де, совершенно оторван от России. Столь же определенный ответ депутаты получили бы и от всякого другого эмигранта. Потеряв тесную связь с Россией, отчасти по несочувствию теперешнему направлению движения, а при сочувствии, — вследствие невозможности быть ему полезным иначе, как в пределах самой России, эмигранты утеряли и всякую связь между собою. Каждый стал искать себе пристанище, побуждаемый не деловыми интересами, а прежде всего хлебным вопросом. В Женеве — и вообще в Швейцарии, где чрезвычайно трудно приискать работу иностранцу, остались лишь те из эмигрантов, которым удалось пристроиться в качестве сотрудников русских журналов, газет или найти уроки в семьях русских путешественников. Другая часть эмиграции здесь—это учащиеся в университете, обеспеченные средствами родных или приятелей. Того, что можно было бы назвать пролетариатом эмиграции, в Швейцарии нет, исключая трех-четырех человек. Из них один—Попов[1]), больной, живет в Женеве на общественный счет, другой — Гуревич — в Берне. А двое возвратились уже на родину с разрешения графа Л.-Меликова. Все, что не получает средств из России, не может в то же время жить трудом интеллигентным, и должно искать труда физического, все это направляется в Париж, Лондон, Марсель, Лион, Румынию. И нигде эмиграция так не бедствует, как в Париже. Перспектива большей возможности найти работу в таком огромном центре гонит ее, главным образом, сюда. Многим действительно

[1]) Леонид Попов — бывший чайковец. *Л. Д.*

удается пристроиться, то на завод (Аркадакский, Орлов, Преферанский и др.), в типографиях или в качестве чертежников (Аитов, Таксис), или просто чернорабочих, разносчиков и т. д. Но немало таких, которым или незнание языка мешает найти хоть временно работу, или просто почему-нибудь ее не удается им найти. Живут они кое-как, на счет других, часто без квартир, проводя ночи то у того, то у другого, а случается — и на бульваре. Привилегированную часть эмиграции и здесь составляют литераторы или корреспонденты газет (Лавров, Ткачев, Соколов, Цакни, Павловский, Подолинский, Ашкинази, Дениккер, Бух и др.). Но собственно один Лавров всегда выказывает участие в материальной поддержке бедствующих. Другие же или обременены семьями и поэтому не имеют возможности о других заботиться, или же слишком обуржуазились для этого. Вообще, можно сказать, что социальные инстинкты парижской эмиграции значительно ниже швейцарской. Тут все-таки есть эмигрантская касса (в Женеве и Берне), как они ни бедны — есть библиотека, о которой заботятся и содержат на общественный счет. Там никакой кассы не существует, и нередко за помощью кому-нибудь заболевшему обращаются в Женеву. Парижская библиотека находится в самом жалком виде и служит больше пристанищем бездомным, чем читальней. Живут здесь гораздо разрозненнее, чем в других пунктах, часто совершенно не знают друг друга. Только вокруг Лаврова сгруппировался небольшой кружок его поклонников, которые собираются раз в неделю у него на квартире и проводят время в «политических и литературных беседах».

Румынскую колонию эмигрантов можно назвать по преимуществу экономической, потому что образование ее обязано, главным образом, стимулу — найти средства к существованию. В Румынии русские эмигранты сосредоточивались в двух пунктах — в Яссах и Добрудже (Тульче). Сношения отсюда с Россией настолько были ничтожны, что сведения о ней и подпольные издания доходили к румынским эмигрантам через Женеву и Париж. Существенная попытка завести сношения с родиной была сделана Аксельродом (1880 г.), выписавшим через Женеву в Яссы одного из одесских чернопередельцев, который на обратном пути в Россию на границе был арестован. После 1 марта румынское правительство изгнало всю ясскую колонию из пределов своей территории, и она должна была переселиться частью в Женеву (Аксельрод)[1]), частью в Париж (Судзиловский), а частью в Лондон (Гольденберг).

[1]) В Женеву и то на очень короткое время приехал Л. Гольденберг, а Аксельрод поселился в Цюрихе. *Л. Д.*

Если эта колония и имела сколько-нибудь вредное значение для правительства, то скорее для румынского, чем для русского. По крайней мере, Судзиловский, живший несколько лет в Яссах в качестве врача, вел пропаганду среди учащейся молодежи и даже написал социалистическую брошюру на румынском языке. Аксельрод жил здесь единственно потому, что не имел средств переехать с своей многочисленной семьей в Швейцарию. Гольденберг занимался торговлей, другие, кажется, тем же. Эмигранты в Добрудже имеют весьма слабые сношения с Западом, а с Россией разве, быть может, личные. Здесь живет Ивановский (доктор) с сестрой, Об'едовы — муж и жена (имеют собственную ферму), Кац [1]) (содержит буфет на каком-то вокзале), Дическуло и другие, занимающиеся или извозом или какимнибудь мастерством.

Такова общая физиономия русской эмиграции за границей.

В 1880 году некоторая часть чернопередельческого кружка, уехавшая за границу, внесла в эмиграцию оживление. В это время эмигрировали—Стефанович, Дейч, Засулич, Плеханов и др. — Морозов, Любатович (из «Нар. Воли»). Старая эмиграция могла узнать таким образом о причинах разделения «Земли и Воли» и о программах обеих фракций из первых рук. Рассуждения и споры по этим вопросам настолько заинтересовали публику, что сначала случайные собрания сделались еженедельными в продолжение нескольких месяцев. Популярность этих собраний возросла до того, что ко дню их в Женеву с'езжались эмигранты из разных городов (Цюрих, Берн, Базель, Кларан). Здесь-то взгляды на настоящее положение в России и симпатии эмигрантов к той или другой фракции сложились более определенно. Можно было ясно различать два течения — за «Нар. Волю» и за «Черный Передел». На стороне первой оказались Кропоткин, набатчики и многие из позднейших эмиграционных наслоений (Зелинский, Туманова, Голдовский, Ромм, Ефрон [2]) и пр.). Все они, если не абсолютно разделяли программу «Нар. Воли», то вполне оправдывали ее тактику как вынужденную правительством. На стороне «Черного Передела» оказались: часть «вперодовцев», часть группы «Работника» и др. Но когда был поставлен вопрос о реальном выражении со стороны эмиграции своего сочувствия тому или другому направлению, то «Черный Передел» нашел гораздо больше готовности, чем «Нар. Воля». Постановка последней была слишком резка. Единственная форма, в ка-

[1]) Приобрел очень большую известность в Румынии в качестве публициста и критика под псевдонимом Доброжанта. *Л. Д.*

[2]) Ромм и Ефрон, наоборот, примыкали к чернопередельцам. *Л. Д.*

кой требовалось выразить солидарность с ней, — это возвратиться в Россию и стать в ряды борющихся. Но на это могли решиться 3—4 человека, не более. Единственное, что сколько-нибудь представлялось полезным в интересах «Нар. Воли» за границей — агитация в пользу программы этой партии и против русского правительства. На такую роль мог быть способен один Кропоткин как по своей популярности, так и по образованности и таланту. С его стороны и были (ничтожные, впрочем) попытки в Швейцарии. Более же широкая агитация, какая, несомненно, могла бы иметь место в Англии или Америке, требует гораздо больше средств, чем стоимость всего потребленного в России динамита. Что касается «Черного Передела», то его требования по отношению к эмиграции были гораздо более удобовыполнимы и по своему характеру были ей симпатичны. Это был призыв помочь развитию социалистической литературы, которой «Черный Передел» придавал важное значение. И, действительно, образовался кружок под именем «Соц.-рев. Библиотеки», куда вошли Лавров, Плеханов и др. того же лагеря, а также были приняты Морозов и Гартман (номинально) [1]), так как решено было, чтобы этот литературный кружок не носил строго партийного характера. Им изданы: брошюра Плеханова «От соц.-рев. Библ.» (кажется, так), «Коммуна 1871 г.» Лаврова, Шефле «Квинтэссенция социализма» [2]). Рядом с этим, женевские чернопередельцы издали 1-й и 2-й №№ «Черн. Перед.», «Начало Конца» (брошюра) и перепечатали «Хитрую Механику». Все эти издания доставлялись в Россию совместными усилиями заграничных и русских чернопередельческих кружков. Со стороны же «Нар. Воли» до последнего времени требования на эти издания не пред'являлись, так же как и материальный поддержки таковым не оказывалось [3]).

Были еще два момента, когда в эмиграции обнаруживалось сильное движение, когда она, забыв будничные интересы, со всех концов спешила выказать свою солидарность как с русскими революционерами, так и между собою. Такими моментами были: вопрос, возбужденный русским правительством о выдаче Гартмана и событие 1 марта. Гартмановское дело слишком близко касалось интересов всей эмиграции, чтобы не вызвать к себе с ее стороны самого

[1]) Вновь неверно: Морозов действительно входил в «Соц. Рев. Биб.» а Гартман, насколько помню, и номинально не числился.

[2]) Плеханов написал «Об'явление об издании Рус. Соц. Рев. Биб.» В нее вошли еще: «Ман. Ком. пар.» с пред. Плеханова, «Наемн. труд и кап.» Маркса с моим пред., и «Прогр. Работн.» Лассаля. *Л. Д.*

[3]) Стихи Морозова и его брошюра «Террористическое движение» (неверно — «Террористич. борьба». *Л. Д.*) изданы на средства набатистов. *Л. Д.*

живого отношения. Всем было ясно, что решение выдать Гартмана внесет шаткость и в положение всей эмиграции не только в Париже, но и в Швейцарии. В случае давления на эту страну русского правительства, решимость ее строго охранять неприкосновенность права убежища могла поколебаться под влиянием примера Франции. И тогда перспектива быть изгнанным из территории Швейцарии представлялась весьма возможной каждому эмигранту. Вот почему были употреблены все меры, чтобы возбудить общественное мнение французов в пользу Гартмана и тем не допустить правительство к его выдаче. Отправлена была депутация к Гамбетте, обращались к Виктору Гюго, к членам палаты, а главное, старались поддерживать агитацию прессы, доставляя газетам подходящий материал, сведения, статьи и, вообще, находились в это время в самом живом общении с редакциями. Были собраны нужные деньги, и ведение всего дела поручено комитету, специально для этого избранному.

Катастрофа 1 марта была такой же неожиданностью для всех без исключения эмигрантов, как и для всякого иностранца. Она вызвала самые радужные надежды в этой среде. Одни были убеждены, что 1 марта послужит сигналом к революции если не всеобщей, народной, то петербургской, что-нибудь вроде государственного переворота. Другие, более скептичные, во всяком случае, считали неизбежным серьезное движение земских сил, которому новое правительство должно будет сделать уступки. Наконец, и помимо всех этих обстоятельств хотелось верить, что так или иначе, а близость иных времен не за горами. Перспектива скорого возвращения на родину многим представлялась столь возможной, что поднимались голоса о необходимости заранее позаботиться организовать фонд, который бы облегчил это возвращение беднейшим эмигрантам. Даже казнь пятерых не охладила надежд, соединявшихся с переменою царствования. Этой казни готовы были находить оправдывающие ее обстоятельства. Иностранные газеты, известившие вскоре затем, что гр. Лорис-Меликов вносит в совет министров проект чего-то вроде конституции, еще более поддержали радужные упования.

И только удаление Лорис-Меликова и манифест 29 марта произвел полное разочарование и заставил эмиграцию войти в прежнюю колею пассивно-выжидательного положения.

Однако с 1 марта отношение эмигрантов к действующей организации («Н. В.») значительно изменилось в пользу последней. Если и немного прибавилось разделяющих ее программу, то очень многие стали поклоняться ее успеху.

ПОКАЗАНИЯ «ЗНАТНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ»

Из нижеследующего читатели увидят, как возмутительно вели себя на допросах некоторые представители молодых социал-демократов начала 90-х г.г., приезжавшие за границу для завязывания сношений с группой «Освоб. Труда». Студент Классон в свое время играл некоторую роль среди петербургских социал-демократов; Я. П. Коробко, также ездивший вместе с ним за границу, был мало известен. *Л. Д.*

ПЕРВОЕ ПОКАЗАНИЕ КЛАССОНА [1].

...«Познакомился я с эмигрантом Аксельродом в г. Цюрихе при следующих обстоятельствах. В августе 1892 года я взял отпуск... Я знал, что в Цюрихе живет эмигрант Аксельрод и что всякий почти русский, проезжая Цюрих, заходит, чтобы на него посмотреть. Мне, конечно, захотелось увидеть и поговорить с человеком, о котором приходилось иногда слышать в разговорах студентов, тем более, что я не видел ничего преступного в подобном посещении... Аксельрод жил тогда на даче около Цюриха в Аффольтерне, куда мы и без того собирались заехать посмотреть красивую природу. Аксельрод жил, видно, в крайней бедности. Наше посещение его не удивило, так как к нему часто заезжали русские. Он расспрашивал нас обо всем, что делается в России, но не остался доволен нашими ответами, так как мы говорили, что в России всякая нелегальная деятельность прекратилась и что о ней мечтают только студенты младших курсов. Теоретические разговоры наши, преимущественно на тему, в каком направлении пойдет развитие России и Западной Европы, ни к чему не привели — каждый остался при своем мнении, так как его революционная точка зрения существенно отличалась от нашей эволюционной, по которой роль личности ничтожна

---

[1]) Из протокола допроса обвиняемого Роберта Эдуардовича Классона по делу о рассылке из С.-Петербурга прокламаций, озаглавленных «15 апреля 1891 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Шелгунова.

Допрашивал в С.-Петербурге 18 ноября 1893 года полковник Шмаков.

пред естественным прогрессом общества. Так как он произвел впечатление человека умного, то мы оживленно спорили, и разошлись, не убедив друг друга. Никаких практических разговоров у нас не могло быть, и он не мог с нами говорить иначе, как с любопытными туристами. Другая встреча произошла тогда же в окрестностях Женевы».

ВТОРОЕ ПОКАЗАНИЕ.

«...На следующий день по прибытии в Женеву поехали в Морнэ посмотреть Плеханова и Засулич, живших там. О месте пребывания Засулич я узнал от Водена, бывшего студента С.-Петербургского университета, живущего то в Женеве, то в Лозанне и посещавшего Мотовилову. Цель посещения Плеханова и Засулич было исключительно любопытство. Плеханов нашему посещению не удивился, так как привык к посещениям. Пробыли мы у Плеханова часа три-четыре, при чем кроме нас было там несколько русских студентов, в том числе один дрезденский студент. Из них я узнал фамилию лишь одного дрезденского — Лебедев. Плеханов нас расспрашивал о положении революционной деятельности в России. Мы с Коробкой объяснили, что, насколько мы знаем, нелегальная деятельность прекратилась и высказали, что, по нашему мнению, она невозможна за отсутствием реальной почвы. Из слов Плеханова мы могли заключить, что положение России ему совершенно неизвестно, и разговор касался личной его жизни, и мы расспрашивали его о его взглядах на экономическое и политическое положение не только России, но и Европы, при чем выяснилось, что и он очень не оптимистически смотрит на экономическое развитие России. Посещение Плеханова и Засулич ограничилось одним вышеописанным случаем... Аксельрод, так же, как и Плеханов, не удивился, а даже обрадовался нашему посещению, так как ему, видно, давно надоели цюрихские русские, и он рад был свежим людям, особенно Коробке, как недавно приехавшему из России. Вопросы он предлагал те же, т.-е. как обстоит революционное дело в России, не верил, когда мы говорили, что таковой деятельности у нас почти нет, и что она не имеет никаких видов на успех, так как у нее нет реальной почвы под собою, при неразвитости народа. Он не разделял наших взглядов, не придавал такой большой цены экономическому развитию страны. Разговор наш вращался как около чисто теоретических вопросов, так и о более практических, именно о том, при каких условиях деятельность интеллигентного человека будет полезна стране. Как видно из моего письма о втором посещении Аксельрода, мы не сошлись во мнениях, так как мы выставляли на первый план газеты, школы и вообще поднятие народного образования, а он — пропаганду. Это выяснилось только к концу разговора на другой день, а сначала он поддакивал, когда я говорил об открытии через несколько лет журнала или газеты, которые должны были раз'яснять нашему обществу значение общественных явлений и освещать ход исторического развития с точки зрения экономического материализма. Об этом намерении я почти ни с кем не говорил, ввиду того, что это должно было произойти только через несколько лет после того, как я достаточно ознакомлюсь с историческими фактами, так как Коробко считал себя неспособным к литературе».

Дальше Классон рассказывает, что хотел пригласить к себе Аксельрода в сотрудники, что Коробко одобрил этот план и сказал, что с Аксельродом это лучше устроить, чем с Плехановым, так как Аксельрод состоятельнее, имеет кое-какие книги и вообще «жид практичный»...

«Разговоры об этом предложении вести не пришлось, так как Аксельрод на второй день уже не поддакивал, а говорил о необходимости пропаганды, и мы не сошлись во взглядах. Мы все-таки разошлись довольно дружелюбно, так как он произвел впечатление человека умного и даже искреннего. На противоречие между его поддакиванием нам в первый день и выставлением своих собственных взглядов во второй день я тогда не обратил внимания, думая, что он просто из вежливости соглашался с нами».

О своем знакомстве с Плехановым и В. Засулич Классон показал следующее:

«... В Морнэ, около Женевы, жили Вера Засулич и Плеханов и на них ездят смотреть толпами как русские, так и иностранцы. Это так близко (на конке) от Женевы, что мы тоже поехали смотреть. Впечатление получилось совершенно неожиданное, так как с именем Засулич соединялось понятие о молодой, экзальтированной девушке, а встретили очень некрасивую старуху, живущую в такой грязи и нищете, что ничего подобного мы не видали раньше. Там же жил и Плеханов. Тут разговор сразу принял иронический характер, нас коробила обстановка, а Плеханову, видно, не понравились наши взгляды и то, что мы не знакомы были с его сочинениями, а потому просили его высказать свою программу. Разговор сошел на их действительно нищенское житье, и Плеханов заявил, что русская интеллигенция должна бы высылать деньги из России на их содержание. От нас лично он не просил денег и, конечно, не получил бы их даже в случае просьбы, потому что у нас деньги были в обрез на возвращение. Вообще, мы на вопрос о деньгах, как крайне щекотливый, больше отмалчивались.

Потом я с удивлением услышал от Водена, русского студента, лечившегося в Женеве, который от нечего делать посещал Плеханова, что тот будто принял наше отмалчиванье за согласие передать интеллигенции, что он нуждается в деньгах; я думаю, что тут перепутал Воден, который на это, по своей болезненности и нервности, вполне способен. Больше ни я ни Коробко Плеханова не видели, так что этот вопрос так и остался невыясненным».

Затем он говорит о своей новой встрече с Аксельродом и в конце прибавляет:

«Еще могу прибавить, что посещение Плеханова было раньше посещения Аксельрода».

«Под впечатлением первого дня я написал жене, что с Тепловым никаких практических разговоров вести не буду, а лучше переговорю об этом с Аксельродом... Теплов сообщил мне, что Аксельрод говорил ему, что у него есть какой-то интересный знакомый в России, с которым, по мнению Теплова, хорошо бы мне познакомиться и познакомить знакомую Тепловой — Григорьеву. Теплов советывал мне спросить Аксельрода адрес...».

Дальше Классон рассказывает, что Аксельрод всячески отнекивался и уклончиво говорил: «Вот познакомитесь, узнаете». Адреса он не дал.

ПОКАЗАНИЕ Я. П. КОРОБКО [1]).

«... Из Лозанны мы ездили в Женеву и оттуда в место, где живут Плеханов и Вера Засулич. О пребывании этих двух эмигрантов около Женевы мы узнали, если не ошибаюсь, у Водена, который в это время также был в Швейцарии. Посещение эмигрантов мы предприняли с той же готовностью, как и другие развлечения туристов, как любопытство ко всякой редкости, которую возможно увидеть только за границей. Приехав к Плеханову, мы с ним вели разговоры о темах, что он думает относительно прогресса России. Я, не будучи знаком с его литературой, в разговоре с ним попадал несколько впросак, так что не думаю, чтобы впечатление, произведенное на него мною, было благоприятное; кроме того, ввиду несогласия наших взглядов на вещи и ввиду того, что это несогласие было крайнее, я впал в критический тон. Этот тон ему не понравился. Особенно критически я отнесся на предложение Плеханова достать денег для издания нового журнала «Социал-Демократ», который он нам показывал. В разговоре с ним меня удивило то, что он обращается ко мне с вопросом о деньгах, но потом выяснилось, что с такими вопросами он обращается и к другим. Повторяю, что свидание с Плехановым и Верой Засулич носило только характер интереса к тому, как живут русские эмигранты за границей; поэтому и разговор, исходивший из нашей инициативы, направлялся больше на расспросы о их жизненной обстановке... Теплова не оказалось; мы начали осмотр Цюриха самостоятельно, но так как к числу достопримечательностей относится и Аксельрод, то мы не преминули возможности посмотреть на него. Зная, что Аксельрод содержит кумысное [1]) заведение, где разыскали его, где нам сказали, что он живет не в Цюрихе, а в водолечебном заведении, на расстоянии часа езды от Цюриха. Мы поехали туда и, найдя его, рекомендовались так, что мы интересовались бы с ним познакомиться, ввиду его такой якобы известности. Приняты им мы были очень любезно, а, главное, он нисколько не был удивлен, что два русские приехали к нему познакомиться. Оказалось потом, что подобные визиты он получал довольно часто и со всяким свежим человеком не прочь потолковать. Разговор с Аксельродом был в том же духе, как и с Плехановым, хотя Аксельрод гораздо приветливее и потому от него приходилось больше выслушивать, чем сообщать. Хотя он нас расспрашивал о петербургской жизни, о студенчестве, о голоде, но ни о каких практических вопросах, касающихся какой бы то ни было деятельности в России, не говорил, подразумеваю, конечно, здесь деятельность нелегальную...»

...«Литературные занятия этих эмигрантов распадались резко на две части. Они работали, прежде всего, для насущного хлеба, печатали свои произведения на немецком, французском, итальянском и английском языках, преимущественно несоциалистического содержания, а затем уже, благодаря этому заработку, они получали возможность печатать свои мысли на излюбленные темы оппозиционного направления. До моего приезда Драгоманов издавал «Вольное Слово», при мне же ряд брошюр. Издание «Социал-Демократа» они начали позже. Кто из эмигрантов, в какой степени участвовал в издании «Самоуправления», я не знаю, так как из разговоров с эмигрантами я узнал, что этой газетой они недовольны. Я лично ничего не печатал за границей. Разговоры об издании печатного органа вообще велись в моем присутствии всеми поименованными эмигрантами, за исключением Филипео и Дылевой; обсуждалось множество проектов; в числе редакторов намечались Драгоманов и Плеханов. О Дебогорие-Мокриевиче речи не было. Беседы эти, однако, ни в какую конкретную форму не вылились...»

[1]) Из протокола допроса Коробко по делу о распространении прокламаций «15 апреля 1891 г.». Допрашивал 17 ноября 1893 года полк. Шмаков.

[1]) Кефирное. Л. Д.

Р. М. ПЛЕХАНОВА

НАШИ ВСТРЕЧИ СО «ЗНАТНЫМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ»

Было бы оскорблением для наших радикальных кругов 90-х годов прошлого столетия думать, что Классоны и Коробки были частыми явлениями. К счастью и к чести нашей родины эти явления были единичны. Перефразируя слова Гейне, можно сказать: «Каждый подданный русского царя имел право быть трусом, но г.г. Классон и Коробко злоупотребили этим правом».

Чтобы понравиться царской охранке, г.г. Классон и Коробко отозвались о В. И. Засулич как о «грязной и некрасивой старухе», обозвали П. Б. Аксельрода «практичным жидом» и солгали, будто Плеханов говорил с ними о своих стесненных материальных делах.

* * *

Это было в пору, когда под влиянием основоположником марксизма в России, т.-е. группы «Освобождение Труда», идеи исторического материализма начали широко проникать в радикальные круги русского общества и студенчества. Члены этой группы — В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и Г. В. Плеханов (Л. Г. Дейч отбывал еще каторгу в Забайкалье, а В. Н. Игнатова уже не было в живых) привлекали к себе общее внимание этих кругов. Послушать их, поговорить с ними или даже только повидать их стало мечтой многих. Это был период паломничества в места, где жили члены группы: в Цюрих, Женеву, Морнэ.

Либералы, передовые дамы, радикально настроенные члены русского общества, русская студенческая молодежь, учившаяся на родине и в университетах Запада, — все без различия считали для себя честью и счастьем познакомиться, поговорить, посоветоваться о том, что читать, по какому пути направить свои молодые силы и пр. Плеханова, Аксельрода и Засулич забрасывали письмами, наполненными вопросами теоретического и практического характера.

Ко мне ежедневно обращались с просьбами устроить свидание с Георгием Валентиновичем, хотя бы на самое короткое время, «хотя бы только дать возможность посмотреть на него».

Все это было глубоко трогательно. Но я часто вынуждена бывала отказывать посетителям: Плеханов был завален работой, своими литературными трудами, раз'ездами с целью пропаганды марксизма по городам Швейцарии, Бельгии и Франции. К этому надо прибавить, что Георгий Валентинович часто прихварывал, но, к сожалению, этого не всегда понимала молодежь, и на нас с Плехановым сыпались несправедливые нарекания, вроде: «недоступны», «мы слишком маленькие для них люди» и т. п.

Г. Классон, предприимчивый, способный, пользовавшийся влиянием в радикальных кругах молодежи человек, явился в Морнэ к Плеханову и Засулич в начале мая 1892 г. Он был снабжен рекомендациями от А. Н. Потресова и П. Б. Струве. Своей внешностью и интеллигентным лицом он произвел выгодное впечатление на морнэйских изгнанников. Его свободная, слегка светская манера держать себя понравилась Вере Ивановне и Георгию Валентиновичу. Всеми нами ему оказан был очень радушный прием. Между двумя основоположниками марксизма в России и молодым их последователем сразу завязался простой, откровенный, полный глубокого интереса разговор.

В подобных случаях радушие и готовность поделиться самыми сокровенными теоретическими взглядами у В. И. Засулич и Г. В. Плеханова были беспредельны. На них очень тяжело действовали неотесанность, грубость и самонадеянность разных провинциальных — одесских, черниговских, елизаветградских, николаевских и т. д. «Лассалей», которые являлись к Вере Ивановне и Георгию Валентиновичу, чтобы, как говорил последний, «померяться с ними плечами». В этих случаях на Плеханова находила суровость, а Вера Ивановна теряла способность речи.

Гость уходил недовольным.

Теперь появляются в литературе со своими воспоминаниями, полными обид на Плеханова, зрелые, иногда очень крупные люди, которые в молодости считали себя «непризнанными Лассалями». Но если самолюбие не настолько затемняет их ум, чтобы отнестись критически к их первым шагам на революционном пути, то они должны понять, что в суровом приеме со стороны Плеханова и Засулич они были сами виноваты. Но об этих «Лассалях» в другой раз,— вернемся к Классону.

В Морнэ он рассказывал об успехе марксистских идей среди русской интеллигенции и рабочих, говорил о выдвинутых проповедью марксизма борющихся силах. Георгий

Валентинович и Вера Ивановна с интересом слушали, расспрашивали его и в свою очередь высказывали собственные взгляды на задачи социал-демократической партии в России.

Помню, как Вера Ивановна с непереставвшей дымиться папиросой, с блестящими от радости глазами, слушая его сообщения, отпускала меткие характеристики людей и положений. Она, можно сказать, искрилась. В такие моменты Вера Ивановна бывала прекрасна своим одухотворенным лицом и умными выразительными глазами: тогда совершенно забывались и неаккуратность ее прически, и юбка, одетая задом наперед, и кофта, выбивавшаяся из кушака. В свою очередь, Георгий Валентинович отдавался своей натуре: он блистал знаниями, остроумием и свойственной ему ясностью мысли. Это настроение проявлялось у него далеко не при всяком посетителе.

Классон, видимо, был тронут, восхищен этими людьми и оказанным ими ему приемом. Его восторженным отзывам о них не было границ: «Наш Олимп»; «морнэйские философы», «наши учители...».

Помню, на совет ему Георгия Валентиновича быть осторожным во время приездов в Морнэ, так как за ними — за Г. В. и В. И. — следит французская полиция, поддерживающая более, чем дружественные отношения с русской охранкой, Классон заявил: «Кто же не посещает морнэйских философов? Их так же посещают все русские, бывающие за границей, как в свое время вся Европа добивалась свидания с Вольтером — фернэйским философом. Для этого нет надобности быть к ним политически близким». Словом, Классон имел вид человека, совершенно равнодушного к проискам царской полиции.

Первая с ним встреча состоялась в столовой маленькой квартирки, которую занимали Вера Ивановна Засулич и Георгий Валентинович Плеханов в деревенской гостинице-корчме. Комната была большая, светлая, довольно чистая, но очень бедно обставленная, — только в одном углу ее царствовал живописный беспорядок: у окна под столом, служившим Вере Ивановне буфетом, в разных тарелочках и кастрюльках стояла кофейная гуща, над которой она опускалась и, точно заклинательница над зельями, священнодействовала. Было не особенно аппетитно глядеть на этот процесс приготовления, но кофе получался превосходный, и гости оставались очень довольными.

Верно, что на упомянутом столе-буфете дружно стояли рядом варенье в банке с пачкой табаку, почему Плеханов замечал, что варенье имеет слегка пикантный вкус табака, а последний, наоборот, пропитан сладким привкусом варенья, но все это всеми прощалось Вере Ивановне; во всей духовной ее натуре было столько изящества и красоты, что

ее неаккуратность совершенно игнорировалась. Каждый посетитель в ее обществе, покидая землю, поднимался на высоту умственных и моральных интересов. Это чувство духовного под'ема испытывали самые простые, мало развитые люди, вроде квартирных хозяек разнообразных национальностей — торговки, булочницы, молочницы и т. п. Когда теснимая полицией Вера Ивановна вынуждена была покинуть Женеву, то ее квартирная хозяйка m-me Martin, у которой она прожила ряд лет в 80-х годах, присылала ко мне свою дочь, останавливала меня на улице и все расспрашивала, когда же, наконец, вернется «la charmante madame Beldinsky» [1]). Она мне призналась, что в первое время ей трудно было привыкнуть к странным порядкам в образе жизни Веры Ивановны, но вскоре поняла, что «г-жа Бельдинская не от мира сего, что она слишком поглощена высокими духовными интересами, чтобы думать о своей внешности». Много лет спустя, в 1905 году, я была приглашена к больной г-же Martin, — первый вопрос которой был: «Как поживает г-жа Бельдинская, неужели она в России, как она уживется с царским правительством? Лучше бы ей вернуться!».

Еще большую привязанность, можно сказать, более нежную любовь питала к Вере Ивановне простая, непосредственная душа, хозяйка гостиницы в Морнэ, m-me Favre. Долго она без слез не могла говорить об изгнаннице и перед морнэйскими жандармами произносила революционные речи против французского правительства, которое изгнало из пределов Франции такую замечательную женщину, как m-me Beldinsky, а также m-r Plekhanoff, которого она тоже полюбила, как сына. Не материальный интерес говорил в этой простой женщине. Нисколько! Вера Ивановна и Георгий Валентинович были плохими, бедными клиентами: они брали только один обед в день и притом самый дешевый, самый невзыскательный, не брал вина, что делал самый бедный рабочий, и всегда был у нее в долгу, — неважные клиенты! Но простая душа старухи Favre чувствовала духовную красоту этих своих жильцов и буквально гордилась ими.

Не стояли ли эта простая крестьянка, а также и дочь женевского мелкого буржуа по своим духовным запросам неизмеримо выше г.г. Классона, Коробко и им подобных?

* * *

Классон вскоре вторично приехал в Морнэ и был свидетелем большой радости Георгия Валентиновича, Веры Ивановны и всей нашей семьи.

---

[1]) «Прелестная м-м Бельдинская», — под этой фамилией проживала В. И. за границей в течение многих лет.

Помню, это было 3 мая 1892 года. По просьбе швейцарской социалистической партии, Георгий Валентинович обратился к Гэду с приглашением приехать в Женеву на празднование первого мая и произнести речь перед местными рабочими [1]). Задержанный в Париже 1 мая, Гэд не мог поспеть к этому дню, но приехал 3-го. Плеханов, встретив его утром на вокзале, привез в Морнэ, где он с нами провел весь день. Семья наша была в полном сборе. Приехали также наши друзья: Х. Г. Раковский с женой Рябовой, А. Н. Потресов; был также и Классон.

Стоял чудесный солнечный день. С террасы гостиницы м-м Фавр, где мы завтракали, открывался волшебный вид на сады и долину реки Арвы, которая серебрилась и извивалась вдали, а на горизонте вырисовывались Савойские горы.

Шла шумная, веселая беседа. Гэд был в ударе: он много говорил, острил, декламировал стихотворения Андрэ Шенье, которого очень любил и читал с неподражаемым мастерством и чувством. Мы все превратились в слух и внимание и долго потом находились под чарующим влиянием декламатора и поэта.

Вечером мы всей компанией отправились пешком к подножию малого Салева, чтобы взять трамвай до ближайшего городка Анемасса, а оттуда в Женеву в вагоне, который мы заняли почти целиком. В пути продолжался шумный говор, остроты, шутки; Плеханов и Гэд были молоды, интересны. Наши молодые друзья были в восторге. Они с Плехановым проводили Гэда в Palais Electoral, где перед многочисленной аудиторией, состоявшей из рабочих, интеллигенции и пасторов города Женевы, он произнес одну из наиболее замечательных своих речей: Гэд говорил, между прочим, о страданиях детей пролетариев. Разнообразные слушатели его были потрясены до глубины души, а пасторы подносили платки к глазам. Речь его, действительно, была прекрасна, вдохновенна. Плеханов был глубоко взволнован ею и очень счастлив успехом нашего друга.

Прошло без малого сорок лет с тех пор, но этот незабвенный вечер не выходит из памяти.

И Классон был среди слушателей Гэда, был свидетелем глубоких переживаний Веры Ивановны, Плеханова и других. Но это, очевидно, не тронуло его души. Будь это иначе, он, вернувшись на несчастную свою родину, не забыл бы того дня и, в особенности, вечера и не унизился бы до клеветы и лжи, даже перед жандармами. Излишне, полагаю, прибавлять, что Георгий Валентинович никогда не говорил с этим господином, как он не говорил ни с кем, кроме очень близких людей, — а таких у него было немного, — о своих материальных нуждах.

[1]) См. это письмо, помещенное выше. *Ред.*

Что касается П. Аксельрода, которого другой «знатный путешественник», господин Коробко, выставил перед жандармами как «практичного жида», то лицам, не знающим Павла Борисовича, советую вспомнить прекрасный рассказ талантливой польской писательницы Элизы Оржешко «Могучий Самсон». К этому чудному типу еврея-идеалиста, целиком поглощенного духовными интересами, для которого материальные блага имеют ничтожную ценность по сравнению с духовными, принадлежит и Павел Борисович: он так же похож на «практичного жида», как и герой рассказа «Могучий Самсон».

Г. В. ПЛЕХАНОВ

НОВАЯ ДРАМА В СИБИРИ [1])

От редакции [«Листка»].

В первой книге «Социал-Демократа» мы напечатали известие об избиении политических ссыльных в Якутске. Почти тотчас же, по выходе этой книжки, иностранные газеты известили читающую публику о новом подвиге царской опричины, об истязании Сигиды, которое повело за собой ряд самоубийств между ссыльно-каторжными в женской и мужской политических тюрьмах на Каре. На русском языке об этом ужасном событии до сих пор ничего не напечатано. Поэтому мы решились издать полученное описание его в виде первого № «Листка Социал-Демократа». Следующие №№ нашего «Листка» будут появляться не периодически, а по мере накопления подходящего материала.

За достоверность сведений, сообщаемых в напечатанном ниже письме, редакция вполне ручается. Автор его — «мирный обыватель, как называет он себя, судьбою заброшенный в Сибирь» — по положению и по симпатиям своим нимало не склонен к тому, чтобы искажать факты в ту или другую сторону. Берясь за перо, он имел в виду только одну цель: «обратить внимание русского общества на некоторые случаи из жизни политических ссыльных в Сибири». Мы печатаем его письмо решительно без всяких изменений, опуская лишь то, что относится к известной уже читателям расправе с ссыльными в Якутске.

Что сказать о факте, сообщаемом нашим автором? К величайшему нашему сожалению, мы убеждены, что факт этот не последний в своем роде. По всему видно, что русское правительство твердо решилось притеснять и унижать политических ссыльных и заключенных всеми теми средствами, какие находятся в его распоряжении. А средств к этому у него, как известно, более чем достаточно. С другой стороны, русские революционеры вовсе не такие люди, чтобы безропотно сносить жестокие придирки и гнусные издевательства своих палачей. Поэтому столкновения неизбежны — те страшные кровавые столкновения, в которых погибнут еще многие и многие из наших товарищей.

[1]) Из совсем мало известного № 1 «Листка Соц.-Демократа», изданного группой «Осв. Тр.» в апреле 1890 г. *Ред.*

Распоряжение о применении телесного наказания к политическим ссыльно-каторжным осуществимо лишь в виде периодических избиений наших «каторжан» обоего пола.

Чем кончится эта неравная борьба? Будет ли она способствовать пробуждению нашего «общества» от его политической спячки? Вызовет ли она в его среде чувство негодования и протеста? Восстанет ли против административной опричины то, что в цивилизованных странах называется общественным мнением? Поживем — увидим. Мы не хотим с уверенностью говорить о том, в чем нельзя быть уверенным. Мы знаем пока только одно: неотомщенными страдания наших товарищей, во всяком случае, не останутся. Каждый из нас, революционеров, находящихся «на воле», будет с удвоенной энергией трудиться над разрушением современной русской политической системы, соединившей в себе все черные стороны блаженной памяти западно-европейского абсолютизма с гнусным лицемерием византийского императорства и с зверской жестокостью древних ассирийских деспотов.

Но как разрушать существующий политический порядок в такой стране, где всякие расчеты на поддержку общества оказываются в высшей степени сомнительными? «Без нас вы бессильны, без нас — вы ничто», говорят нам люди умеренности и аккуратности. Не беспокойтесь, господа, кроме вас, кроме так называемого общества, в России есть в настоящее время другая, несравненно более надежная сила. Эта сила есть сила пролетариата, сила рабочего класса, того класса, от поддержки которого всегда и везде в новейших государствах зависела сила «общества».

Нимало не преувеличивая дела, можно сказать, что между тем, как буржуазия в первый период своего развития везде содействовала усилению абсолютизма, — пролетариат ознаменовал свои первые шаги на исторической сцене победоносной борьбой за политическую свободу.

Итак, русский рабочий класс — вот наша опора. Обратиться к нему наши революционеры вынуждаются всем ходом общественного развития. И чем скорее они к нему обратятся, тем скорее будут отомщены их погибшие товарищи, так как тем скорее падет русский царизм.

Подпись: *Н. Алексеев (Г. Плеханов).*

Лондон, 9 апреля 1890 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. После разыгравшихся на Каре трагедий вследствие примененного к Надежде Сигиде телесного наказания (см. «16 лет в Сибири»), мною отправлено было на адрес Элизе Реклю Вере Ивановне подробное описание карийской и якутской историй, имевших место зимой 1889 г. Это описание составлено было коллективно. Как явствует из статьи Г. В. Плеханова «Новая драма в Сибири», группа «Осв. Тр.» отозвалась на наш призыв. Описание этой трагедии было получено моими заграничными друзьями вместе с следующей моей припиской.

«Прошу передать эту рукопись à M-lle Vera [В. И. Засулич] или ее друзьям. Сообщаемые выше факты безусловно все верны. Прошу вас сколь возможно более распространять это сообщение в больших иностранных газетах и журналах. Пусть Сергей [Степняк] воспользуется им — для английских, Аня [А. Кулешева]—итальянских, Павел [П. Б. Аксельрод]—немецких. Само собою разумеется, можете, если найдете нужным, изменить форму изложения, сократить и пр., но для нас очень важно, чтобы факты, особенно о якутской и карийской историях, приобрели наибольшее распространение. Перешлите также эту рукопись Кеннану [сотруднику американского журнала Century], постарайтесь через Мишку [В. Дебогория-Мокриевича] и Росселя [Судзиловского], чтобы факты эти опубликованы были также в странах Балканского полуострова. *Л. Д.*

АГЕНТУРНЫЕ СООБЩЕНИЯ О РОЗАЛИИ БОГРАД

(Из дела III отделения соб. е. и. в. канцелярии, экспедиции 3.)

ОБ УЧАСТИИ В ПРЕСТУПНОЙ ПРОПАГАНДЕ ДОЧЕРИ КУПЦА ДЕВИЦЫ РОЗАЛИИ БОГРАД

№ 66.
1879 г. 5 янв.

В доме № 7, по 8-й улице Песков Богpад проживала вместе с известными по политическим делам Товбичевою и Рюминой; здесь же проживал доктор Строгонов, у которого наперед сего замечались собрания молодежи, с политическою, как говорят, целью. У Боград никаких сборищ не происходило, сама же она очень часто посещала проживающую по Кирочной улице в д. № 37, кв. № 7, слушательницу женских врачебных курсов — Чудновскую, через которую, будто бы, получала все адресованные ей письма, а равно курсистку Анну Вишневскую и других, живущих в доме № 54 по Сергиевской улице, кв. № 27.

Квартира Боград, окруженная со всех сторон другими квартирами учащейся молодежи, представляется крайне неудобною для наблюдения.

Слушательница женских курсов, дочь херсонского купца, девица Розалия Марковна Боград, в минувшем году обратила на себя внимание полиции тем, что устраивала в своей квартире, преимущественно по субботам и праздничным дням, собрания рабочих, беседуя с ними и читая им какие-то книги, но определить характер этих собраний не представлялось возможности, так как они происходили с большою осторожностью. Затем в конце года было получено агентурным путем сведение, что 31 декабря предположена у Боград большая сходка рабочих, вследствие чего за нею было усилено наблюдение, но никакого сборища в ее квартире не было.

О слушательнице женских врачебных курсов, девице Боград, сообщается, что после происходившего у нее обыска она переменила две квартиры и переехала по Кирочной улице, в дом № 44, кв. № 4, где остается и до настоящего времени.

Эта квартира содержится студентом Медико-Хирургической Академии Сиротининым.

К Боград довольно часто приходит какой-то молодой человек, повидимому, студент, среднего роста, брюнет, с окладистою бородой.

Имеется сведение, что Боград, пропагандируя между рабочими, в то же время состоит в числе деятелей по сбору денег в пользу высланных государственных преступников.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. ОТДЕЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И СПОКОЙСТВИЯ.

6 мая 1880 г.

Господину управляющему III Отделением Соб. Е. И. В. Канцелярии.

Вследствие сообщенных в записке 24 марта № 514 сведений, указывающих на политическую неблагонадежность слушательниц врачебных курсов Розалии Боград и Теофилии Полляк, и в виду возможности появления у них розыскиваемого бывшего студента Горного Института Георгия Плеханова, было учреждено за названными курсистками наблюдение и прослеживание; при чем, однакоже, не обнаруживалось никаких данных для обвинения Боград и Полляк в чем-либо предосудительном и присутствия у них Плеханова, а равно сношений с ним не замечено. Полляк выбыла из Петербурга, как ныне дознано, в город Бахмут, Екатеринославской губернии, вместе с ребенком и нянькою Екатериною Богдановой. После этого Розалия Боград перешла на жительство в дом № 7, по 8-й улице Песков, а 3-го текущего мая выбыла по Варшавской железной дороге, взяв билет до станции Ландверово. Уезжая, Боград рассказывала, что приглашена на должность врача Черниговским земством, между тем, как известно, она вызывалась взять от знакомых различные комиссии на Киев и проговорилась, что побывает в Херсоне у дяди и в Одессе у отца своего, а затем направится в Цюрих для окончания медицинского образования.

Свиты его величества

Генерал-майор (подпись).

Р. М. ПЛЕХАНОВА

ОХОТА ЗА Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ

(по поводу агентурных сообщений.)

К сведениям, сообщаемым генерал-майором свиты его величества, могу прибавить следующее.

В доме № 7, по восьмой улице Песков, имелась студенческая квартира, переполненная жильцами мужского и женского пола. Это было зимою 1879 года. Я лично на этой квартире не жила, но бывала там очень часто и столовалась. Хозяйкой была студентка Строгонова, жена доктора медицины. Квартира была центром пропаганды. Там устраивались сходки, на которые приходили студенты и рабочие. Бывали и чисто рабочие собрания. Там же был склад революционной литературы и одежды — простой, рабочей, в которую облачались мы, студенты и студентки, прежде чем отправлялись на конспиративные рабочие квартиры [1]).

С Плехановым мы в этот период были очень дружны. Сильно разыскиваемый полицией, он по временам находил там, благодаря моим стараниям, приют и ночлег. Помню такой случай.

Среди живших на этой квартире студентов был некто О..., который не только не считался революционером, но даже относился иронически к нашим увлечениям. Мы, революционная молодежь, чувствуя такое его отношение, слегка сторонились его, не знакомили с приходившими на квартиру нелегальными людьми, скрывали от него их имена и т. д. И вот к нему врывается однажды неизвестный человек с револьвером в руке и с криком: «Где Плеханов? Скажите, иначе я вас убью!» К счастью, студент О... не знал, где находится Плеханов, в противном случае свободе последнего наступил бы конец.

Этот факт сам же О... довел до моего сведения через одну из моих подруг-единомышленниц.

---

[1]) Подробнее об этом я сообщаю в своих воспоминаниях об одном периферическом кружке организации «Земля и Воля» — [появится в № 4 Сборника.]

К СООБЩЕНИЮ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ ОТ 5 ЯНВАРЯ 1879 г.

Это сообщение относится ко времени, предшествовавшему основанию кружка для пропаганды и организации среди рабочих, о котором я подробнее рассказываю в упомянутых вопоминаниях. В это время я занималась с отдельными рабочими, с которыми знакомилась на сходках: они приходили ко мне на квартиру, и я занималась с ними по предметам общего образования и вели с ними беседы на политические и социальные темы. Таких учеников бывало человек пять-шесть.

Занятия эти продолжались бы, вероятно, долго, если бы мой квартирный хозяин, еврей - ремесленник, не решил извлечь выгоду из этого факта: он донес полиции, что у меня в квартире бывают часто молодые люди и приходят рабочие, с которыми я веду беседы.

После обыска и допроса меня в III Отделении я была освобождена, Плеханова же, которого полиция усердно разыскивала, и на этот раз ей не удалось у меня захватить.

Несмотря на предсказания товарищей, меня не высылали: несомненно, я нужна была полиции, чтобы по моим следам она могла захватить Плеханова, что ей никак не удавалось, хотя нельзя сказать, чтобы мы с ним были очень осторожны.

В донесении за № 66 говорится, что после обыска, произведенного у меня, я два раза меняла квартиру, но на эти квартиры Г. В. приходил ко мне почти ежедневно. Мы с ним читали, беседовали часто до глубокой ночи. Мы видели несомненные указания на то, что за моей квартирой (напр., в Фонарном пер.) следят, но нам нравилось бравировать опасностью. Мы много смеялись по поводу недогадливости полиции, словом, — мы вели себя легкомысленно, за что получали часто нагоняй от нашего друга Александра Михайлова. Спасал нас ангел-хранитель революционной партии — Клеточников, служивший в III Отделении. Однажды он сообщил, что ко мне снова собираются с обыском, и что лучше бросить квартиру на Фонарном. На помощь мне пришла моя большая приятельница и любимица, молоденькая студентка первого курса Екатерина Николаевна Сабинина, невеста студента Сиротинина, выдающегося ученика и будущего ассистента знаменитого клинициста, лейб-медика Боткина. Сабинина предоставила мне в своей квартире комнату, заявив, что ничего не имеет против того, чтобы ко мне приходил Плеханов, которого она сможет от времени до времени укрывать от преследовавшей его полиции; между тем последняя неистовствовала.

Это было в феврале 1879 года, за два месяца до выстрела Соловьева. Известно, что в этот период нашего революционного движения энергично выполнялось правило — не отдаваться в руки полиции без вооруженного сопротивления. У Георгия Валентиновича было твердое намерение следовать этому требованию, для чего у него под подушкой всегда был спрятан целый подбор оружия — револьвер, кастет и кинжал. Упражнения этими предметами производились правильно на одной из конспиративных квартир, организованных мною.

Топография квартиры Е. Н. Сабининой нами была хорошо изучена, благодаря нашей милой хозяйке, указавшей нам на крышу сарайчика, находившегося под окном кухни: Плеханов мог при малейшей тревоге через кухонное окно спрыгнуть на крышу сарайчика, а оттуда в большой двор и исчезнуть в одни из ворот.

В начале апреля 1879 года, дня за два до выстрела Соловьева в царя, на эту квартиру явился от незабвенного Клеточникова Никандр Мощенко, член общества «Земля и Воля», и заявил, что мы должны немедленно покинуть Петербург, так как полиция решила нагрянуть к нам в одну из ближайших ночей. Таким образом «молодой человек, повидимому, студент, среднего роста, брюнет с окладистой бородой», т.-е. Георгий Валентинович Плеханов опять ушел от неминуемого ареста.

К ДОНЕСЕНИЮ ОТ 6 МАЯ.

Плеханов уже в течение четырех месяцев находился за границей, а III Отделение продолжало усиленно разыскивать его в Петербурге. За квартирой моего друга Теофилии В. Полляк, которая жила с моим четырех-месячным ребенком и кормилицей и у которой я тоже устроилась по возвращении из Петергофа, был установлен усиленнейший надзор, а в последних числах апреля 1880 г. к нам нагрянула полиция с обыском, который был произведен с особенной тщательностью: специальная женщина была прислана для личного осмотра; снимали с нас башмаки, чулки... одного только не смотрели — детской кроватки, в которой безмятежно спал ребенок. Такова была деликатность царских слуг; между тем под матрасиком лежала революционная литература и только что полученное письмо от Плеханова из Женевы. Над лицами, совершавшими обыск, очень потешалась кормилица ребенка, Екатерина Богданова, упоминаемая в донесении.

Вскоре после обыска я выпроводила Т. В. Полляк с кормилицей и ребенком в Киев. На вокзал сопровождал нас полицейский агент, который любезно попросил нас показать ему билеты, чтобы узнать место их назначения. Он, видимо, успокоился, когда я заявила, что остаюсь в Петербурге. В тот же день я перехала на квартиру к одной надежной хозяйке, сочувствовавшей революционерам. Здесь я прожила несколько дней. Мне дали знать, что меня придут арестовать; за арестом несомненно последовало бы длительное тюремное заключение, а затем ссылка в более или менее отдаленные края. Но я предпочла, после многих перипетий, эмигрировать за границу, где меня давно уже ждал Георгий Валентинович и откуда, вместе с ним же, я вернулась только 37 лет спустя, после февральской революции.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

НЕДОУМЕНИЕ ПО ПОВОДУ П. П. С.

В пачке писем Георгия Валентиновича к Вере Ивановне находилась нижеследующая заметка Плеханова, относящаяся, вероятно, к 1896 году, без всякого обращения: она, очевидно, была им послана Вере Ивановне на просмотр и почему-нибудь у нее осталась. Насколько нам известно, эта заметка не была напечатана; между тем она небезынтересна, как иллюстрация отношений «П. П. С.» к русским марксистам.

Заметка эта относится ко времени интернационального конгресса в Лондоне. «Рабочий Листок» со сведениями о небывалой раньше стачке рабочих, происшедшей, как известно, в Петербурге, дошел до русской делегации. Об этом Плеханов, если не ошибаюсь, сделал сообщение всему конгрессу. Известие это вызвало огромный энтузиазм среди делегатов. Тут же состоялись сборы между ними в пользу русских стачечников. И в это же время в номере польского социалистического органа — «Przedswit» [рассвет], циркулировавшем на конгрессе, появилась нетоварищеская бестактная статья, в которой выражалось сомнение в действительности этой стачки. Заметка Г. В. явилась ответом на эту возмутительную статью. *Ред.*

«ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ».

«Я получил от товарища Плохоцкого следующее сообщение на счет празднования 1 мая в Польше».

Следует сообщение. [К сожалению, его не оказалось в архиве Г. В. *Л. Д.*]

Печатая это отрадное известие, я не могу удержаться от следующего безобидного размышления: русские товарищи наверное не заподозрят нашего польского корреспондента ни в каком преувеличении. А вот польские товарищи относятся к нашим сообщениям с полным недоверием. Достаточно вспомнить то, что писал «Przedswit» по поводу напечатанных в номере нашего «Листка Работника» сведений о стачке. Откуда эта разница? Повидимому, дело об'ясняется тем, что нам хочется верить успехам польского рабочего

движения, а литер[атурным] пред[ставителям] П. П. С. не хочется верить в успехи рабочего дела в России. Тут все дело *в психологическом настроении*. А разница в психологическом настроении, вероятно, находится в некоторой связи с программой рус[ских] соц[иалистов], с одной стороны, и П. П. С. — с другой».

МАТЕРИАЛ ИЗ АРХИВА ГОРНОГО ИНСТИТУТА О СТУДЕНТЕ Г. В. ПЛЕХАНОВЕ

Помещаемые ниже документы являются копиями хранящихся в архиве Горного Института, в Ленинграде, в деле под № 28. Первый из них — собственноручно написанное Г. В. прошение (51 г. тому назад) следующего содержания:

«Его Превосходительству
Г-ну директору Горного Института

ПРОШЕНИЕ.

Желая поступить в студенты вверенного Вашему Превосходительству Института, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство допустить меня к приемному испытанию.

Георгий Плеханов.

Прилагаю при сем следующие документы: а) свидетельство метрическое, за № 2861, б) медицинское свидетельство о привитии оспы за № 84, в) копию с протокола о дворянстве за № 81, г) копии на право жительства в г. С.-Петербурге с свидетельством об окончании курса наук в Михайловской воронежской военной гимназии.

С.-Петербург. 1874 г., август 22-го дня».

«Перечисленные здесь документы получил и обязуюсь представить при поступлении в Институт 7-го октября 1876 г. *Плеханов.* Свидетельство за № 6822 на свободное проживание в Петербурге получил. *Г. Плеханов*».

«27 мая 1875 г.
С.-Петербург.

Его Превосходительству директору Горн. Института
Студента I-го курса *Плеханова.*

ПРОШЕНИЕ.

Сбоку пометки: В СОВЕТ». НАЗНАЧИТЬ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ СТИПЕНДИЮ».

Имея отметки, позволяющие мне надеяться на получение стипендии, имею честь просить ходатайства Вашего Превосходительства перед Советом Ин-та о выдаче мне просимой стипендии; что касается до необходимого свидетельства о бедности, то прошу, как снисхождения, позволить мне представить его в самое непродолжительное время от Липецкого предводителя дворянства; в противном случае Совет всегда имеет возможность лишить меня назначенной стипендии.

Студент *Георгий Плеханов*».

«Советом 3 июня постановлено назначить с июля Екатерининскую стипендию. Секретарь Совета (подпись)».

«СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Дано сие Тамбовской губернии Липецким уездным предводителем дворянства вдове штабс-капитана Валентина Петровича Плеханова Марье Федоровне Плехановой в том, что после смерти означенного мужа ее осталось имение, заключающееся не более как в 50-ти десятинах земли, которая должна поступить в раздел между 13 наличных наследников, а затем она, г. Плеханова, дать своекоштное образование сыну своему Георгию Валентиновичу Плеханову, находящемуся ныне в Горном Ин-те, не имеет никакой возможности. В чем подписью и приложением герба моего печати удостоверяю.

Предвод. дворянства Липец. у. (подпись)».

Мая 28 дня 1875 г.

Затем следует достойный особенного внимания документ:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Дано сие из Горного Института Георгию Плеханову в том, что он состоял в Институте студентом II курса в течение 1874—75—1876—77 учебных годов и уволен из оного по мало успешности. Поведения был очень хорошего.

С.-Петербург, июня 27 дня 1877 г.

Директор Института генерал-майор *Кокшаров*».

Плеханов, как известно, своими знаниями и успехами в Горном Институте вызывал общее изумление профессоров и студентов; не прекрати он сам посещений этого учебного заведения после своего выступления с речью на Казанской площади 6/18 декабря 1876 г., он, несомненно, блестяще окончил бы этот Институт. Но, вероятно, чтобы оправдаться пред страшным тогда III отделением в том, что студент вверенного ему Института оказался опасным революционером, агитатором, ген. Кокшаров решился на заведомую ложь, об'яснив его увольнение «малоуспешностью».

Эта мотивировка, пожалуй, еще достопримечательнее, чем последовавшее со стороны воронежской военной гимназии в 1881 г. распоряжение — стереть его имя с золотой доски, на которой оно красовалось в течение уже восьми лет, как одного из наилучше окончивших это училище.

Отмечу здесь, что летом 1918 г. Зам. директ. Горн. Инст. проф. К. Богданов в ответ на просьбу б. секретаря Г. В. о позволении пользоваться архивными материалами, относящимися к Плеханову, привел это замечательное свидетельство, сделав в нем такую поправку: зачеркнув слово «малоуспешности», собственноручно написал сверху «непосещение лекций». Это вполне верно, так как став, вследствие поднявшихся усиленных розысков полиции, нелегальным, Г. В., конечно, более уже не посещал Института. *Л. Д.*

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОСВЕЩЕНИИ ЖАНДАРМОВ

Давно известно, что для получения сколько-нибудь правильного представления о каком-нибудь крупном общественном факте, происшествии, а тем более движении, недостаточно ознакомиться с изображениями его непосредственных участников. Как бы последние ни были беспристрастны, все же, по одним уже свойствам человеческой памяти, невольно в их рассказах должна отразиться значительная доля суб'ективизма. Поэтому только после ознакомления с разными свидетельскими показаниями возможно узнать истину, да и то далеко неполную, так как даже наиболее художественно точное воспроизведение обстановки, в которой произошло то или иное событие, все же не в состоянии перенести нас целиком в действительно бывшие в прошлом условия.

Ко всем этим затруднениям для всестороннего ознакомления с нашим революционным прошлым, до недавнего времени присоединялось еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно: полная невозможность пользоваться правительственными, агентурными сообщениями, находившимися в архивах Третьего отделения, Департамента полиции, охранок и т. п. Правда, иногда появлялись в печати основанные на официальных документах тайные доклады, например: Записка гр. Палена, шефа жандармов Шебеко, деп. чин. Мальчинского, но, во-первых, эти «произведения» не были первоисточниками, а являлись «с заранее обдуманным намерением» составленными сводками и, во-вторых, печатаясь в крайне ограниченном числе экземпляров лишь для высокопоставленных особ, они были совершенно недоступны для простых смертных.

После октябрьской забастовки 1905 г. впервые, как известно, стали в сравнительно большом числе появляться на страницах вновь возникавших исторических журналов и в раньше существовавших, а также в разных сборниках

и отдельными изданиями, воспоминания, очерки и монографии, осветившие с некоторых новых сторон наше освободительное движение. Все же богатый материал, крайне важный для ознакомления с нашим прошлым, хранившийся в перечисленных выше архивах, продолжал лежать неприкосновенным вплоть до февральской революции. Лишь последняя дала возможность познакомиться с запретными до того документами.

Разработка этих материалов, начавшаяся в последние 5—6 лет, уже дала некоторые результаты, но главная работа еще впереди. Не подлежит сомнению, что она принесет обильную жатву, если, конечно, будет вестись с соблюдением выработанных наукой приемов, т.-е. не тенденциозно, без предвзятой мысли, без заранее поставленных себе исследователями задач — на основании этих материалов доказать то или другое положение. Во всяком случае, теперь впервые явилась об'ективная возможность узнать наше прошлое по правительственным источникам.

Среди последних, кроме многого другого, довольно видное место занимают так называемые «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи».

Мне подвернулись из них некоторые, кажущиеся мне небезынтересными, так как в них сообщается о «Народной Воле», «Черном Переделе» и группе «Освобождение Труда», а также — о деятельности в восьмидесятых годах наших эмигрантов, в частности Плеханова, Аксельрода, Засулич и моей.

Несмотря на мое знакомство с этой эпохой, все же я из этих обзоров узнал кое-что бывшее мне раньше неизвестным и об'яснившее некоторые, сильно волновавшие нас в свое время, происшествия. Такими новыми материалами, между прочим, явились для меня приводимые ниже выдержки из письма некоего Константина Маслова, о котором, ввиду важности его разоблачений, скажу здесь несколько слов.

* * *

Бывший студент какого-то южного университета, этот господин в начале 1880 года приехал почти одновременно со мною в Женеву, где мы с ним и познакомились. На меня, как и на моих товарищей, — Плеханова, Засулич, Стефановича, Кравчинского, — он, помню, произвел далеко не благоприятное впечатление как своей внешностью, так, в особенности, своими манерами, разговорами, отзывами о других и пр.

Рыжеватый, худощавый с бесцветными глазами, Маслов казался невзрачным, плюгавым, которому кто-то дал кличку

«мокрой курицы». С этой жалкой внешностью он соединял претензию на большой, к тому же едкий, критический ум, которому ничто не нравилось. Ко всему революционному этот господин относился со злобной иронией и сарказмом. При этих достаточно уже отрицательных свойствах, чтобы не внушать к себе большого расположения, Маслов любил намекать, что он имеет успех у такой-то и такой-то выдающейся дарованиями или красотой известной среди нас революционерки.

Мы, перечисленные выше эмигранты, принимали эти его сообщения за пустое хвастовство, хлестаковщину, так как не представляли себе, чтобы не только называемые им, действительно, достойные революционерки, но и вообще какие-нибудь порядочные женщины могли увлечься этой пошленькой, гаденькой «мокрой курицей».

Каково же было наше изумление, когда, года полтора спустя, до нас дошло известие, что не все в его сообщениях было пустым хвастовством, что, действительно, одна видная деятельница была очень дружна, близка с ним. Затем, много лет спустя, в архиве департамента полиции оказалась перехваченная его с этой революционеркой переписка, не оставляющая сомнений насчет их близости, что и до сих пор является для меня психологической загадкой.

Находясь в эмиграции, этот отвратительный суб'ект подошел как раз под стать хулителю и ненавистнику всего русского революционного движения,—небезызвестному украинофилу и либералу, проф. Драгоманову: для него «критика» пошляка Маслова являлась настоящим бальзамом. Но, по счастью, эта «мокрая курица» немногое могла сообщить любознательному профессору из «скандальной нашей хроники», хотя Маслов, живя на юге, знал кое-кого из видных деятелей, все же он вращался преимущественно лишь в низших кружках, в периферии.

Прожив некоторое время в Швейцарии, Маслов исчез: носились слухи, что, вернувшись в Одессу, он попал в число членов местного народовольческого кружка, сблизился с В. Н. Фигнер и другими видными деятелями, затем, будучи арестованным, давал чересчур «откровенные показания».

Из печатаемых ниже выдержек нетрудно убедиться, что эти слухи были вполне верны. Но, мало того: упоминаемое в них письмо дает ключ для уразумения нашей «тяжбы» с Драгомановым по поводу в свое время нашумевшей его статьи, помещенной в «Вольном Слове» под заглавием, если не ошибаюсь, «Побольше энергии». Хотя мне уже не раз приходилось в печати касаться этой статьи, тем не менее, ввиду важности письма Маслова, я вновь должен в общих чертах о ней напомнить.

Весной 1882 г. Драгоманов опубликовал статью, в которой, не приведши ни малейших ссылок, примеров и доказательств, вылил целый поток самых тяжких обвинений против русских революционеров вообще и народовольцев — в частности.

Мы, бывшие чернопередельцы — Плеханов, Аксельрод, Засулич и я, выпустили составленное Георгием Валентиновичем «Открытое письмо к Драгоманову», в котором, приведя одно за другим все напечатанные последним в его статье тяжелые обвинения, возведенные им на действовавших в России при страшных условиях революционеров, — просили его указать, откуда он почерпнул эти свои сведения [1]).

Как известно, это наше обращение «честный, добросовестный» профессор оставил без ответа. До ознакомления с печатаемым ниже «произведением» Маслова я, как и все мои друзья, предполагал, что Драгоманов свой обвинительный акт составил по частным слухам; теперь оказывается, что он списал его с клеветнического письма Константина Маслова.

* * *

Хотя, как говорится, «из другой оперы», но также новым, не попадавшимся до сих пор в литературе, является сообщение о захваченных в дер. Шебелино, Новоторжск. у. Тверской губ. у крестьянина-сектанта прокламациях, озаглавленных «Соборное Послание Христианского братства» и «Соборное уложение Христианского братства». Эти прокламации были составлены Я. Стефановичем сообща с некоторыми интеллигентными сектантами, примкнувшими к «Народной Воле». Стефанович, вместе с этими лицами, намеревался привлечь широкие массы сектантов на сторону народовольцев, ввиду распространившегося известия, что после 1 марта 1881 года они заинтересовались революционным движением. Об этом я вскользь упомянул впервые в очерке, посвященном В. Н. Игнатову, сообщив, что Стефанович поручил мне привлечь последнего к этой своей затее [2]); подробнее я сообщил выше в статье «Стефанович среди народовольцев».

Далее мне кажутся небезынтересными также приведенные ниже выдержки из перехваченных заграничной русской агентурой моих писем из Женевы к И. Н. Присецкому, жившему в *Белграде;* только из этого «Обзора» я узнал, как уже в то отдаленное время, — более 40 лет тому назад, — искусно поставлена была русская тайная полиция в Западной Европе: конечно, путем подкупа почтовых служащих и домашней прислуги, она следила за нашей, эмигрантов, перепиской и, оставляя у себя копии писем, подлинники

[1]) Подробнее об этом см. в моей статье «О сближении и т. д.» в «Пролет. Революции», № 8 (20), 1923 г.

[2]) См. «Пролет. Рев.», № 9 (21), 1923 г.

вручала адресатам. Таким образом, оказывается, департамент полиции был осведомлен о каждом нашем плане и шаге, а мы, наивные люди, предполагали, что, живя в конституционных странах, где перлюстрация строго карается, можем обо всем свободно переписываться.

Затем новым является еще сообщение о создавшемся во второй половине 80-х г.г. в Швейцарии «Общестуденческом Союзе», поставившем себе целью образовать фонд для печатания переводной и самостоятельной марксистской литературы. Вообще, чрезвычайно интересны все приведенные агентурные сообщения о жизни нашей эмиграции в указанном десятилетии.

Чтобы мало осведомленные о нашем революционном прошлом читатели получили более или менее цельное представление о той отдаленной эпохе по этим официальным источникам, я расположил их в хронологическом порядке происходивших событий, начав с «Обзора за время с 1 января по 1-е мая 1882 г.», дающего краткую характеристику нашего революционного движения с самого его начала, — с периода «хождения в народ». Затем, где это необходимо, я сделал поправки и раз'яснения, приведенные в примечаниях; не подписанные же выноски под текстом принадлежат авторам «Обзоров».

Само собою разумеется, что я оставил без изменения не всегда гладкий и ясный стиль авторов этих документов.

Лев Дейч.

ИЗЛОЖЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ, ОБ ОТНОШЕНИЯХ К ЭТОМУ СООБЩЕСТВУ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И ОБЗОР ДОЗНАНИЯ О ЛИЦАХ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К РУКОВОДЯЩЕМУ КРУЖКУ СЕГО СООБЩЕСТВА.

I.

Производившееся в 1874 — 1876 годах общее дознание о социал-революционной пропаганде в империи обнаружило существование ряда отдельных кружков, занимавшихся распространением в народе и среди учащейся молодежи книг и брошюр преступного содержания. Кружки эти, как оказывается, не входили в состав какой-либо правильной организации и не имели общей программы действий [1]): связи приобретались, вследствие необходимости укрываться от преследования, помогать неимущим единомышленникам и получать революционные книги, фальшивые

паспорта и т. п. Ввиду энергического преследования и задержания большинства агитаторов, уцелевшие должны убедиться в совершенной непригодности практиковавшихся приемов противоправительственной агитации, почему, начиная с 1876 г., дознания указывают на новые способы преступной деятельности: кружки группируются только в больших центрах как для пропаганды между фабричными рабочими, так равно и для установления связи между единомышленниками, не вошедшими в состав кружков, а рассеявшимися по империи, — эти последние стремятся на должности фельдшеров, волостных писарей и т. п. или же устраивают промышленные общежития, вроде артельных кузниц, сельско-хозяйственных хуторов [2]). Но и новая система не оправдала надежд революционных деятелей: то, чего от нее больше всего ожидали, — которая могла бы обеспечить приведение в исполнение замышляемого экономического переворота, система эта дать не могла, рабочие кружки были рассеяны, кузницы и хутора прекратили работы, вследствие задержания учредителей, и лица, занимавшие должности волостных писарей, подверглись той же участи. Тогда, с наступлением 1878 года, начинает формироваться в больших промышленных и административных центрах группа успевших скрыться от преследования, энергичных злоумышленников, которые вносят иное направление в образ действий революционного сообщества, заявившее о своем существовании несколькими вооруженными сопротивлениями власти и рядом посягательств на жизнь правительственных лиц, завершившимся злодейским преступлением 2 апреля 1879 г. [3]). Смелость и энергия лиц, составлявших этот кружок, доставили им значительное влияние в революционной среде и, когда в июне месяце 1879 г. на с'езде в Липецке рассматривался вопрос о программе дальнейшей деятельности социально-революционного сообщества, то сторонников решительной борьбы с правительством для осуществления политического переворота, ради достижения в будущем изменений в экономических отношениях народа, оказалось вполне достаточно для образования отдельной группы, присвоившей себе название «народовольцев» и поставившей задачей достижение политической свободы, путем создания, взамен существующего государственного строя, новых форм упра-

вления с широким участием в оном народных масс [4]). Столь решительная программа, провозглашенная руководящим кружком новой революционной группы: «Исполнительным Комитетом», увлекла за собой большинство лиц, принадлежащих к преступному сообществу того времени, известному по бывшим политическим процессам под именем «народников» [5]). Между тем народники, не изменившие прежней программы действий и проповедовавщие экономический переворот, как преддверие иного политического строя, а не наоборот, встретили программу «Народной Воли» не сочувственно: по их мнению, западно-европейский парламентаризм, пересаженный на русскую почву, повлечет за собою еще большее угнетение народа, ибо власть неминуемо должна будет перейти в руки людей, не заинтересованных в благосостоянии низших классов.

Представителями этого направления во 2-й половине 1879 года в России были: Яков Стефанович, Лев Дейч, Иннокентий Пьянков, Осип Аптекман, Георгий Преображенский, Тесленко-Приходько, Мария Крылова, Пинкус Аксельрод *) и за границей: Вера Засулич [6]) и Егор Плеханов **). Рядом с «Народной Волей», органом террористической фракции был основан «Черный Передел», проводивший идеи «народников» [8]).

В январе 1880 года в Петербурге была арестована типография «Черного Передела» и с ней задержаны лучшие силы «народников»; Стефанович и Дейч успели уехать за границу, а молодые, неопытные силы чернопередельцев, оставшись без руководителей, не могли действовать успешно; в Петербурге, благодаря усилиям Аксельрода, образовался из остатков старого новый кружок, просуществовавший недолго, в провинции же это дело шло без всякой системы, и попытки вроде «южно-русского рабочего союза» не удавались [9]).

*) Аксельрод, Пинкус-Борух, бывший студент университета св. Владимира по делу о преступной пропаганде в империи, был выслан в 1878 г. (?) в отдаленные губ., бежал тогда же за границу, в 1879 г. вернулся в Россию, но в конце 1880 г. снова выехал в Швейцарию. Сотрудник всёх революционных изданий, в том числе и издаваемого в Женеве «Вольного Слова» [7]).

**) Плеханов, Егор, дворянин, принимал деятельное участие в устройстве демонстрации 6 декабря 1876 г. на Казанской площади.

Хотя Стефанович и прочие эмигранты чернопередельческого кружка и оказывали своим единомышленникам посильное содействие напечатанием № 2-го «Черного передела», новым изданием брошюры «Хитрая механика» [10]) и других революционных книг, но серьезная партийная борьба с «Народной Волей» для народнического направления была немыслима, так как народовольцы, в течение 1880 г., успели приобрести еще больше сторонников, увлекаемых надеждой на быстрый, по их понятиям, исход борьбы, стоявшей в зависимости от удачного выстрела или во-время разорвавшегося метательного снаряда.

Между тем совершилось злодеяние 1 марта 1881 г., и «народовольцы» издали свое письмо к ныне царствующему государю императору от 10 марта. На основаниях, указанных в этом письме, возникли между обеими фракциями преступного сообщества переговоры о возможности соединить силы «Черного Передела» с силами «Народной Воли», для общей деятельности, и Яков Стефанович, в сентябре 1881 года, прибыл в Москву, где виделся с представителем «Народной Воли» Львом Тихомировым. Узнав от него о намерениях «народовольцев», Стефанович решился примкнуть к этой фракции и с целью способствовать полному слиянию «Черного Передела» с «Народной Волей», отправился в Петербург для совещания с отставным мичманом Анатолием Булановым и другими лицами чернопередельческого лагеря. Не все они, однакоже, разделяли убеждения Стефановича; за исключением Буланова, присоединившегося без всяких оговорок, прочие «народники» решили оставить принципиальный вопрос программы открытым и, вступив временно в союз с народовольцами, надеялись, работая в рядах «Народной Воли», повлиять на организацию в смысле возможного приближения программы оной к программе «Черного Передела» [11]). При этом слиянии, однако, и народовольцы приняли кое-что из программы народников: последние всегда придавали большое значение революционной литературе, основанию серьезного печатного органа за границей, а также и пропаганде среди народа; слияние фракций отмечается, с одной стороны, усиленной заботливостью сообщества о создании революционной газеты и печатании новых брошюр преступного содержания, а с другой — попыткой воспольз-

зоваться для борьбы с существующим государственным строем, рационалистическими религиозными кружками, возникающими за последнее время в среде крестьян [12]).

С осени 1881 года, таким образом, «Черный Передел» окончил свое самостоятельное существование, а между тем происходившие в Петербурге совещания между наиболее видными деятелями преступного сообщества привели к некоторым усовершенствованиям в его организации и созданию правильного подчинения провинциальных кружков центру, сохранившему наименование «Исполнительного Комитета».

В настоящее время сообщество, как видно из отобранных у разных лиц документов, должно состоять из сети тайных кружков в более значительных городах империи с задачами общереволюционными и управляется на началах централизации групп младшего порядка вокруг группы, и вся организация стягивается к единому центру — Исполнительному Комитету. Сношения между группами ведутся через агентов высшей группы, входящих в состав группы младшей, и для разрешения вопросов программных, а равно и для отчетности, центр созывает с'езд представителей подчиненных ему групп и затем обязывается следить за точным исполнением предначертанного с'ездом плана действий.

II.

...Планы народников об основании революционной газеты, благодаря средствам «Народной Воли», могли быть приведены в исполнение, и ближайший сотрудник Стефановича, Дейч, судя по письмам его к первому, усердно хлопотал в Женеве о приискании подходящего человека, способного вести типографию и администрацию газеты, и таким человеком намечался Плеханов [13]). Здесь представляется уместным изложить краткие сведения о положении за границей русских выходцев последних лет, их связях с революционным движением в России и вероятности содействия с их стороны современным формам этого движения.

Необходимые для предположенного издания газеты и напечатания брошюр денежные средства черпались из разных источников — частью за границей, частью в России; в письмах своих к Стефановичу от января месяца Дейч, сообщая о покупке книг, уведомляет, что получил от какого-то юноши 1.000 р., из коих около 600 р. послал в Россию Стефановичу, а 400 употребил на печатание брошюр. Имеются основания полагать, что этим юношей был проживавший в течение 3 месяцев текущего года в Белграде дворянин Иван Присецкий *), так как в письмах к нему Дейча говорится, что партия рассчитывает на состояние Присецкого, получавшего значительные суммы денег от отца из России: с декабря 1881 года по март 1882 г. Присецкий получил 9.600 франков, часть которых, судя по одному из писем Дейча, была употреблена на нужды революционной агитации. Наоборот, письмом от 16/28 февраля, обращенным к членам партии, Дейч, из'являя свое сожаление по поводу ареста Стефановича, извещал о получении в Кларане высланных Стефановичем из России 1.500 р., и, отдавая в них отчет, упомянул, что книги посланы с нарочным. В конце этого письма Дейч убедительно просит руководящих членов сообщества доставлять статьи для напечатания в предположенном периодическом издании, «ибо партия может путем печати расположить в свою пользу общественное мнение Европы».

...В декабре минувшего года [т.-е. в 1881 г. *Л. Д.*] последовало учреждение общества «Красного Креста Народной Воли», иначе именуемого «Обществом освобождения» и «Обществом креста мучеников», действующего хотя независимо от Исполнительного Комитета, но поставившего себя в общую организацию «Народной Воли». Деятельность его в России составляет предмет особого дознания, возложенного на генерал-майора Федорова. За границей же главное руководство сбором пожертвований приняли на себя: Вера Засулич — в Швейцарии, Лавров — в Париже (за что и был изгнан оттуда), Чайковский — в Лондоне. Письмо Дейча свидетельствует, что дела Красного Креста идут, будто бы, особенно хорошо в Италии и Германии...

*) Присецкий, Иван, брат Софьи Богомолец и Марии Присецкой, сосланных в Сибирь по приговору Киевского Военно-Окружного суда, состоял в близких отношениях к лицам, осужденным в июле 1879 г. в Киеве и считался руководителем жел.-дор. кружка. Успел скрыться от преследования и эмигрировал за границу.

...Возвращаясь, за сим, к изложению общей деятельности социально-революционного сообщества, следует заметить, что влияние «Черного Передела» в общей организации сообщества сказалось с конца 1881 года, кроме описанных попыток основать за границей революционную газету, изданием брошюр преступного содержания, озаглавленных «Соборное послание христианского братства» и «Соборное Уложение».

...4 января [1882 г., *Л. Д.*] в дер. Шевелино, Новоторжского уезда Тверской губернии, к крестьянину-сектанту Василию Сютаеву прибыли два неизвестных человека, назвавшиеся Александром Егоровым и Василием Семеновым, которые, передав Сютаеву несколько брошюр преступного содержания, озаглавленных: «Соборное послание Христианского братства ко всем чтущим святое учение Христа» и «Соборное Уложение христианского братства», уехали в Москву. 9 января именующий себя Александром Егоровым вновь появился в Новоторжском уезде и, остановившись на ночлег в дер. Запалье, начал рассказывать крестьянам о «Христианском братстве», учрежденном для разделения земель между всеми поровну, и порицать правительство. Крестьяне, выслушав рассказ, доставили рассказчика в становую квартиру, где он предъявил паспорт на имя мещанина Орлова и откуда, в ту же ночь, бежал.

Дознанием, произведенным по поводу этого происшествия, личности Семенова и Егорова остались не выясненными, и сами они не розысканы.

Попытка эта получает особое значение в связи с фактом отобрания 6 февраля, в Москве, у арестованного Якова Стефановича большого количества революционных брошюр одинакового содержания с брошюрами, взятыми у крестьянина Сютаева. Тождество брошюр доказывает непосредственные сношения Семенова и Егорова со Стефановичем и другими деятелями «Народной Воли» [14])...

Есть основания думать, что «Исполнительного Комитета», в смысле правильно избранного членами сообщества учреждения, не существует, и что этим именем определяется группа наиболее решительных и смелых агитаторов, присвоившая себе это наименование. Означенная группа, сосредоточивая в себе главные активные силы движения, естественно получила преобладающее влияние на общий ход

революционного дела. В упомянутом выше письме к Ивану Присецкому в Белград Лев Дейч, между прочим, сообщает следующие, полученные в январе текущего года, от Стефановича из России, сведения о составе этой группы: «на вопрос ваш, как велики силы Исполнительного Комитета, отвечу, что из стариков человек 10, а то все молодежь, талантов нет, но организационная выработка есть. Литературных сил мало, только из присоединившихся чернопередельцев два годных к этому делу; народ хороший, и наши отношения не оставляют желать ничего лучшего». Другой новой организации, по словам Стефановича, теперь в России создать нельзя, потому он и мирится с недостатками стариков. Деньги есть, но сравнительно с потребностями, — мало. Ход дел нельзя назвать удовлетворительным, и удовлетворительность положения может быть достигнута лишь крупной суммой. При наличном контингенте сил, с большими деньгами, положительно можно сделать переворот. Со всех сторон обращаются в Исполнительный Комитет с предложениями, просьбами указаний. Сила партии не в количестве и личном составе, а в занятом ею выгодном положении в России. При индиферентизме общества, партия может с деньгами совершить многое [15]).

III.

ИЗ ОБЗОРА ВАЖНЕЙШИХ ДОЗНАНИЙ, ПРОИЗВОДИВШИХСЯ В ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЯХ, ЗА ВРЕМЯ С 1 ИЮЛЯ 1883 ГОДА ПО 1 ЯНВАРЯ 1884 Г., ПО ДЕЛАМ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.

ЭМИГРАЦИЯ.

Второе полугодие 1883 года ознаменовалось раздором и несогласиями между представителями различных оттенков русской революционной эмиграции.

В июле получено было в Женеве письмо, написанное к Драгоманову государственным преступником Константином Масловым, во время содержания его в Одесском тюремном замке (см. о Маслове Обзор IV, стр. 54 и след.). Оно помечено 25 ноября 1882 г. и было передано из тюрьмы в переплете книги, принесенной Маслову для прочтения,

и прежде, чем дошло по назначению, долго ходило по рукам в Одессе и Киеве.

Письмо это, весьма пространное, излагает взгляд Маслова на настоящее положение революционного дела в России и в частности на деятельность сообщества, присвоившего себе название «Народной Воли».

Маслов начинает с передачи взглядов генерала Стрельникова, — с которым ему неоднократно приходилось беседовать и к которому относится он с уважением, — на самодержавие и на преимущества наследственной монархической власти над избирательною и переходит затем к критическому разбору образа действия так называемого «Исполнительного Комитета». Он упрекает его прежде всего в том, что Исполнительный Комитет силится изобразить из себя «начальство» всей социально-революционной партии, что централистические стремления его проявляются в гораздо более резкой и деспотической форме, чем действия самого правительства, что он раздает приказания сторонникам своим, не посвящая их в свои планы и требуя от них безусловного повиновения. Все это, по словам Маслова, возмущает революционную молодежь, которая начинает сознавать, что Исполнительный Комитет ее дурачит и употребляет только, как «пушечное мясо».

Яркими красками рисует Маслов вражду, господствующую между различными фракциями социально-революционного сообщества и выражающуюся во взаимном заподозревании и изветах и даже доносах друг на друга. В доказательство он приводит примеры Петрова, Кравцова и Горовица, раз'ясняя откровенные показания последнего и оговор им многих народовольцев местью Исполнительному Комитету за пренебрежительное отношение к молодежи.

Другую причину замеченного им нерасположения последней к деятельности народовольческой организации, заменившего собою прежнее сочувствие, служит, по мнению Маслова, крайняя неразборчивость этой последней в средствах для достижения своих целей. Средства эти, заключающиеся в систематическом обмане, он называет «нечистоплотными» и утверждает, что никто уже не верит, что Исполнительный Комитет, если бы ему когда-либо удалось захватить правительственную власть в свои руки, бескорыстно расстался бы с нею и передал ее в руки народа. Впрочем, прибавляет он, «венцом» деятельности Исполнительного Комитета было событие 1 марта, и обстоятельства показали, что большего он ничего не в состоянии сделать, а общество ясно увидело, что цареубийство может лишь ухудшить его положение.

Маслов приходит к заключению, что народовольческий кружок никогда не разовьется в сильную революционную партию и что Исполнительный Комитет не имеет перед собою никакого будущего. Он «изолгался кругом», и ему остается лишь обманывать и правительство и общество, выдавая себя за силу, которой у него нет, или же упразднить себя добровольно, если бы только у него хватило на то честности. Письмо свое Маслов просил Драгоманова напечатать, но тот не решился исполнить это требование, ввиду подавляющего впечатления, произведенного письмом на немногих эмигрантов, которым оно было сообщено и которые убедительно просили Драгоманова «не дискредитировать и без того обессиленной партии» [16]).

Вторым поводом к несогласиям между проживающими в Швейцарии русскими выходцами послужил вышедший в сентябре 1883 г. первый выпуск нового революционного журнала «Вестник Народной Воли». В программе этого издания редакторы его Лев Тихомиров и Петр Лавров провозгласили его органом, долженствовавшим об'единить все группы и оттенки социально-революционного сообщества. А между тем первая книга его составлена была исключительно в народовольческом духе. Тихомиров, главный представитель этого последнего направления в среде эмиграции, отказался даже поместить в Вестнике статью Плеханова: «О задачах социализма», отговариваясь тем, что для первого выпуска уже была набрана статья Лаврова по тому же вопросу, но с совершенно иными выводами. Оскорбленный отказом, Плеханов решился прервать всякие сношения с редакционным кружком «Вестника Народной Воли» и отвлечь от него старых товарищей своих, социалистов-народников—Аксельрода, Дейча и Веру Засулич. Все вышеназванные выходцы решили образовать из себя самостоятельную социалистическую группу под названием «Освобождение Труда».

Группа эта уже обнародовала свою программу. В основание ее положены несколько видоизмененные начала бывшего «Черного Передела», а целью группы провозглашена мирная пропаганда среди рабочих, а также критика «революционных кружков, увлекавшихся политикой до забвенья насущных задач социализма».

Под этими кружками, очевидно, разумеются «народовольческие».

Группа «Освобождение Труда» завела свою типографию и основала орган, названный ею «Современною социальною Библиотекой». В конце октября уже вышла первая брошюра, заключающая в себе вышеупомянутую статью Плеханова, предназначавшуюся для «Вестника Народной Воли» и озаглавленную «Социализм и политическая борьба». За этой брошюрой последовала вторая, сделанный Верою Засулич перевод книжки Энгельса «Развитие научного социализма». Готовится к печати еще несколько выпусков, предназначенных для чтения рабочих — Плеханова «Социальный вопрос и антисемитическое движение» и «Что такое социализм», и Аксельрода — «Чего хотят социал-демократы?».

Тихомиров и сторонники его крайне недовольны этим отпадением от них столь значительной группы и всеми силами стараются очернить ее, прежде, чем она заберет силу [17]). Тихомиров, проживающий в Женеве под именем Долинского, решился даже оставить этот город и переехать на постоянное жительство в Париж. Там, при деятельном участии Петра Лаврова, он занимался составлением второго выпуска «Вестника Народной Воли». Отдельно от прочих эмигрантов проживает в Женеве Сергей Кравчинский с сожительницей своею Фанни Личкус. Главное занятие его состоит в писании статей для разных иностранных журналов. Вскоре после священного коронования появились в высшей степени тенденциозные статьи его по поводу этого торжества, подписанные псевдонимом «Степняк», в немецких газетах «Frankf. Zeitung», «Berliner Tageblatt», «Baseler Nachrichten», а в последнее время он начал работать и для английских журналов и даже имел намерение отправиться в Англию, чтобы прочесть там несколько публичных лекций о социализме. Поездка эта вызвана приглашением социалистического союза в Леймоpe, предложившего Кравчинскому

денежное вознаграждение и право воспользоваться выручкою за входные билеты. Чтения должны по необходимости происходить на французском языке, так как Кравчинский незнаком с английским и лишь теперь принялся за изучение его. При этом следует заметить, что он сохраняет добрые отношения ко всем оттенкам эмиграции, сносится с Лавровым и Тихомировым, ведет знакомство с Плехановым и даже посещает Драгоманова.

Вообще русские выходцы в Женеве часто собираются на сходки по разным случаям. Местом сбора служит то пивная [неразб.], то café [неразб.], где в последнее время собираются также и анархисты других национальностей. В последнем помещении 22 декабря (5 января) в присутствии почти всех представителей женевской эмиграции и нескольких русских студентов, нарочно прибывших из Цюриха, Плеханов читал свой реферат о социальном движении в России и продолжает его на следующий день. Целью его было об'яснить переход социально-революционного сообщества от мирного социализма к политическому терроризму. На обоих собраниях Драгоманов лично возражал референту, указывая на несообразность и беззастенчивость действий русских революционеров. На третьем собрании, происходившем 25 декабря — 6 января, секретарь Об-ва взаимного вспомоществования русских выходцев, Жуковский, остановил Драгоманова просьбой воздержаться от «провокационных» вопросов. Эти слова Жуковского вызвали всеобщее смятение. Одни выражали шумное одобрение, другие требовали немедленного удаления председателя, который, смутившись, поспешил закрыть собрание...

...Высланный из пределов Франции Алисов поселился в Генуе и попрежнему занимается сочинением возмутительных брошюр, печатание и продажа которых в Женеве поручена им Дейчу [18]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Это неверно, так как в самом начале движения все революционные наши кружки, как известно, делились на лавристские и бакунистские, которых, конечно, об'единяли имевшиеся у этих фракций определенные задачи, стремления, приемы и т. д., следовательно, общая программа. К тому же надо заметить, что здесь признается отсутствие общей организации, между тем по процессу 193 правительство об'еди-

нило разрозненные группки и отдельных лиц в единую тайную организацию, почему в течение трех и более лет оно томило около 1.000 человек в тюрьмах и в Петропавловской крепости. Из этого явствует, что к началу 80-х г.г.. кое-чему научилась тайная царская полиция.

2. В этом месте «Обзор», повидимому, стремится изложить сменивший так называемую «летучую пропаганду» оседлый, поселенческий период, но делает это довольно сбивчиво: трудно понять, что разумел «Обзор» под «промышленными общежитиями» и «сельско-хозяйственными хуторами».

3. Здесь, очевидно, имеется в виду начавшаяся после произведенного В. И. Засулич покушения на генерала Трепова, так называемая «террористическая борьба», но обозреватель, повидимому, не имеет представления о существовавшем в то время обществе «Земля и Воля», о котором он совершенно не упоминает.

4. Вновь совершенная неясность у автора и путаница в изложении: «ни о какой «группе народовольцев» после липецкого с'езда не было еще речи, — как известно, эта организация возникла в Петербурге значительно позже, в средине августа, после распадения об-ва «Земля и Воля».

5. Никакого сообщества под именем «народников» не было и ни по какому процессу под этим названием не фигурировало: как я уже выше сказал, здесь, повидимому, имеется в виду неизвестное автору «Обзора» об-во «Земля и Воля».

6. Неверно, будто бы Плеханов и Вера Засулич были в то время за границей: как известно, они входили в «Черный Передел» и уехали за границу в январе 1880 г. вместе со мною и Стефановичем.

7. П. Б. Аксельрод никогда не был выслан ни административно, ни по суду и, вообще, в России не был арестован. В 1878 г. он был за границей и возвращался в Россию в 1875 и 1879 г.г. «Вольное Слово» облыжно зачислено в революционные издания: оно создано было «Добровольной Охраной» с провокаторскими целями, для вовлечения эмигрантов, что ей отчасти удалось, — известно, что в ней сотрудничал П. Б. Аксельрод.

8. Совершенно неясно, почему и как возник «Черный Передел» — происходит это все по той же причине, что для автора не существовало об-ва «Земля и Воля».

9. Не из одних лишь «старых» образовался новый: старых, кроме Аксельрода, вошло в новый всего лишь двое: Евгения Рубанчик и Е. Козлов; вновь же привлеченных было двадцать с чем-то членов в одном Петербурге, не считая Москвы.

Едва ли, далее, верно, что «попытка», «вроде южно-русского рабочего союза не удалась»: это зависит от того, что считать удачей. Для той эпохи существование нелегальной организации определялось не годами, а лишь месяцами. Так, основанный в 1875 г. известным Заславским «Южно-русский раб. союз», а также Обнорским и Халтуриным — «Сев.-русск. раб. Союз» продержались не дольше, чем организация, созданная Е. Н. Ковальской и Н. П. Щедриным. Образованный же П. Б. Аксельродом новый чернопередельческий кружок просуществовал 20 м-цев, что уже являлось тогда относительно большим периодом, к тому же он не был разгромлен полициею, а сам распался (см. Воспом. О. К. Булановой).

10. Брошюры «Хитрая механика» мы не переиздавали: нами были изданы две: «Начало конца» Борисова (И. И. Добровольского) и «Дружеское послание» Я. Стефановича.

11. Главным образом, не между «народниками» и «народовольцами», а между нами, превратившимися в марксистов, эмигрантами и Исполнительным Комитетом «Народной Воли» возникли переговоры и не на «основаниях, указанных в письме к Александру III», а на основах научного социализма. (Подробно это было мною изложено в статье «О сближении и разрыве» в «Пролет. Рев.» № 8—20, 1923 г.)

Неверно, далее, будто А. П. Буланов «присоединился без всяких условий»; его вдова, Ольга Константиновна, сообщает в своих записках, что он поставил некоторые условия. «Прочие же», наоборот, вовсе отказались присоединиться.

12. Повидимому, автор имеет в виду нас, заграничников: Плеханова, Засулич, Аксельрода, Игнатова и меня, которые, как я уже подробно сообщил в «Пролет. Рев.», надеялись приблизить программу «Народной Воли» к нашей, т.-е. к марксизму, а не к чернопередельческой. Зная, что мы были членами «Черного Передела», но не имея представления о происшедшей за время нашего пребывания в течение 1880 и 1881 г.г. радикальной перемене в наших воззрениях, автор «Обзора» продолжает считать нас «народниками» тогда, когда мы оказались значительно дальше от них, чем от народовольцев. Но никакого «слияния», как известно, не произошло у нас, так как, после длившейся два года с чем-то совместной деятельности, мы вынуждены были разойтись с «Народн. Вол.» и выступить отдельной марксистской группой «Освобождение Труда».

Правильно, что «народники», — из них, в особенности, «чернопередельцы», — придавали бо́льшее, чем народовольцы, значение пропаганде в народе и изданиям газет, брошюр и пр. Но намерение «воспользоваться рационалистическими сектами» проявил только Я. Стефанович и не в качестве народника, а уже после присоединения к «Нар. Воле». Эта его попытка, однако, не имела никакого отношения к группе «Освобождение Труда», которую в предшествующем изложении, повидимому, имел в виду автор «Обзора».

Затем не могу сообразить, о какого рода «усовершенствовании организации и пр.» он пишет: насколько помню, только после ставшего известным зимой 1880 г. разоблачения Гр. Гольденберга сделаны были народовольцами изменения в организации «Исполнительного Комитета Нар. Воли», но об «усовершенствованиях», произведенных после 1 марта 1881 г., никто и нигде не упоминал. Это сообщение является, очевидно, результатом неосведомленности автора «Обзора» или смешения им периодов.

Насколько мне известно, указанная здесь организация «Народной Воли», в общем изложена близко к действительной: более обстоятельно и точно она была давно опубликована В. Бурцевым в «За 100 лет» и В. Богучарским в «Партии «Нар. Воли».

13. Конечно, я не «привлекал» Г. В. Плеханова «как способного вести типографию администратора», а сам был им. Как известно, я передал ему предложение «Исполнительного Комитета» вступить в число редакторов предпринятого за границей журнала (а не газеты) «Вестник Народной Воли». (Подробно об этом см. «Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову», а также мои очерки в «Прол. Рев.» за 1922 и 1923 г.г.)

14. Неверно, будто прокламации (а не брошюры) «Соборное послание» и «Соборное уложение» были напечатаны за границей: они вышли в России, вероятно, в типографии «Народной Воли».

В очерке, посвященном мною В. Н. Игнатову, я упомянул о затее Стефановича — создать революционную организацию среди сектантов. (См. «Пролет. Рев.», № 9/21, 1923 г.)

15. Конечно, неверно, будто «Исполнительный Комитет», в смысле правильно избранного членами сообщества учреждения, не существовал: он, несомненно, существовал вплоть до ареста Германа Лопатина и его товарищей, т.-е. до конца 1884 г.

Далее мое письмо к Присецкому приведено вначале в такой формулировке, будто я от себя даю характеристику членов «Исполн. К-та», в действительности же я излагал лишь содержание письма ко мне Стефановича.

16. Достаточно для характеристики К. Маслова одно то уже, что он «с уважением относился к Стрельникову», к тому самому военному прокурору, который не только требовал от военных судов смертных казней для самых невинных молодых людей, но всячески глумился, издевался и оскорблял как всех сколько-нибудь причастных к революционным делам, так и совершенно посторонних лиц, — их родственников и знакомых. Когда Желваков с Халтуриным, наконец, убили эту омерзительную гадину, то решительно все сколько-нибудь добропорядочные обыватели не только в Одессе, но и всего юга ликовали, посылая по его адресу проклятья.

Излишне, полагаю, опровергать характеристику членов «Исполн. К-та», которую дает Маслов, так как от человека, относившегося «с уважением» к всем известному тогда палачу ген. Стрельникову, нельзя ожидать ничего другого, кроме клевет и всевозможных злопыхательств по адресу революционеров, не останавливавшихся ни пред какими жертвами в борьбе за свои убеждения.

Замечу, что не только решительно все его обвинения Драгоманов поместил в упомянутой выше статье своей, направленной против русских революционеров, но еще от себя дополнил их. Поэтому неверно, будто бы Драгоманов под давлением «эмигрантов» не опубликовал сообщения Маслова; он сделал из его письма статью, не указав в ней только источника, откуда он заимствовал приведенный в ней обвинительный акт против народовольцев.

17. Само собой разумеется, что совершенно неправильно изложена причина нашего разрыва с народовольцами: как известно, никакой статьи под заглавием: «О задачах социализма» Плеханов не предлагал «Вестн. Нар. Воли», а следовательно, редакции незачем было и отговариваться тем, что «уже набрана статья Лаврова по тому же вопросу» и т. д. Почему мы разошлись с народовольцами, я подробно изложил в статье, помещенной в «Прол. Рев.» № 8/20, 1923 г.

Столь же неверны сообщения автора «Обзора» о группе «Осв. Тр.» «в основание программы» которой будто бы положены были «несколько видоизмененные начала бывшего «Черного Передела». Известно также, что мы основали не орган, названный «Современной Социальной Библиотекой», а «Библиотеку современного социализма».

Не могу понять, откуда, далее, автор взял, что Тихомиров и сторонники его... всеми силами стараются очернить ее (т.-е. нашу группу), прежде чем она заберет силу. Насколько мне известно, этого не было, и, как я уже сообщил в упомянутой выше статье, из только недавно попавших мне в руки «писем Тихомирова к Лаврову» я узнал о стремлении Тихомирова очернить, главным образом, одного меня в глазах Петра Лавровича, но не больше.

18. Сведения, сообщенные о С. Кравчинском, в общем близки к истине. Верно также, что зимой 1883—1884 г. Плеханов прочел три реферата, но не «о социальном движении в России», а об Обществе «Земля и Воля», привлекшие небывало большое в Женеве число слушателей.

Инцидент Жуковского в общем изложен правильно, хотя значительно сгущены краски: Драгоманов не указывал на «беззастенчивость» действий русских революционеров, а лишь на их непоследовательность и прибегание к принципу «цель оправдывает средства».

Алисов никогда не поручал мне «печатать и продавать свои брошюры», да я за это не взялся бы, так как эти произведения были ниже всякой критики.

В заключение считаю нужным, в интересах справедливости, повторить, что, несмотря на многочисленные ошибки, неясности и смешения, все же приведенные «Обзоры» не вызывают во мне своими неправильными описаниями фактов и обстоятельств ни возмущения, ни негодования, так как, в общем, все изложено в них нисколько не хуже, чем в большинстве случаев делают это наши же товарищи, социалисты-революционеры. Во многих мемуарах, очерках и монографиях, посвященных нашему прошлому, нетрудно указать не только аналогичные отмеченным мною выше, ошибки и неправильности, но и значительно большие.

Несомненно, эти «Обзоры» составляли лица необразованные, неразвитые, к тому же, как мы видели, не имевшие ни малейшего понятия о нашем революционном движении, о внутренних отношениях между существовавшими тогда организациями, об их программах, задачах и пр.

Тем не менее, какие бы чувства мы ни питали к департаментским и им подобным «произведениям», небесполезно знакомить лиц, интересующихся прошлым нашего русского революционного движения, с всякими официальными источниками, но необходимо сопровождать их комментариями. *Л. Д.*

АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ 80-х г.г.

(из обзоров важнейших дознаний за 1882 г.)

В 1882 году деятельность русской эмиграции ограничивалась, повидимому, сбором пожертвований в пользу так называемого «Красного Креста Народной Воли» и изданием разного рода книг и брошюр.

После высылки своей из Парижа и переселения в Англию Лавров, по неудовлетворительному [?] знанию языка этой страны и неимению в ней знакомств [?] перестал [?] принимать деятельное участие в агитации в пользу заграничного отдела «Красного Креста», и только имя его попрежнему выставлялось на воззваниях и сборных листах [1]). Тем с большим усердием занималась этим делом Вера Засулич. Ее стараниями подписные листы разосланы по всей Европе целыми сотнями, но подписка шла туго, и более половины собранных денег пожертвовано русскими эмигрантами [2]). Подписку между иностранцами помогали устраивать лишь социалисты, и только в Италии оказали в этом случае содействие политические радикалы-мадзинисты. Во Франции до марта совсем не поступало сборов, и потому Вера Засулич поручила заняться этим делом возвращавшемуся из Женевы в Париж известному участнику Парижской Коммуны 1871 г. Лефрансэ [3]). В Англии с самого начала агитацию постигла еще бо́льшая неудача. В тот самый день, когда английские газеты напечатали воззвания Лаврова и Засулич, произведено было покушение на жизнь королевы Виктории, и «выстрел этот, как писали Чайковский и Засулич, — наповал убил «Красный Крест Народной Воли» в Англии». Тем не менее, Чайковский успел убедить члена палаты общин Коуэна стать во главе комитета по сбору пожертвований, а сам, вместе с Кропоткиным, предпринял ряд чтений,

[1]) Сообщение это сплошь неверно: П. Л. Лавров во время участия в «Красн. Кр.» был уже возвращен в Париж и принимал деятельное участие в этом предприятии; неверно, что у него не было знакомств в Англии и что он не знал достаточно англ. яз. *Л. Д.*

[2]) Также неверно: преобладающим контингентом жертвователей были европейские рабочие, в особенности немецкие. *Л. Д.*

[3]) Мадзинисты не приняли почти никакого участия, а Лефрансэ не получил поручения. *Л. Д.*

в которых знакомил английских слушателей, преимущественно из рабочих, с деятельностью русского социально-революционного сообщества, начиная с эпохи «хождения в народ». В письмах своих к Вере Засулич Чайковский утверждает, что он и Кропоткин имели большой успех между рабочими, но что радикальная буржуазия выказала им полное равнодушие и даже враждебность. «Денег пока мало, — писал он, — но будут».

Вера Засулич вела постоянную переписку с центральным террористическим кружком, получала от него материал для заграничных изданий и отдавала ему отчет в собранных суммах.

В течение первых трех месяцев 1882 г. ею было собрано 3.636 франков и 37 сант. Из них 1.300 франков было израсходовано на типографию, 436 фр. на агитацию, а 200 фр. выдано двум эмигрантам — по 100 фр. каждому. Кроме того, в Англии было собрано 600—700 фр., но деньги эти должны были быть употреблены на агитацию. Засулич просила центральный кружок напечатать отчет ее в ближайшем выпуске «Народной Воли», но просьба эта не могла быть исполнена, так как с тех пор означенный листок более не выходил.

В письмах своих к московским товарищам Засулич горько жалуется на недостаток сочувствия к русскому социально-революционному движению [1]) общественного мнения Европы, которая, как замечает она, только любопытствует, а любопытство это, по мнению ее, следует подстрекать своевременным сообщением свежих и достоверных сведений о деятельности сообщества в России. «Теперь вся деятельность здешнего «Красного Креста», — писала она из Женевы в Москву в марте 1882 г., — должна почти исключительно свестись на печатание и распродажу брошюр».

Содержимая на счет денег, собираемых Верой Засулич, типография «Заграничного Отдела» так называемого «Красного Креста Народной Воли», в Лондоне [2]), издала три брошюры, заключающие в себе жизнеописания государственных преступников: Желябова, Перовской и Кибальчича, рукописи которых были присланы из России. Книжки эти Засулич предполагала также издать в переводах на языки: французский, немецкий и английский.

В той же типографии напечатаны сборники «На родине». В двух первых выпусках помещено несколько статей из последних номеров «Народной Воли», биография Гриневицкого, стихи Саблина «Новь», а также разные сведения о ссыльных и заключенных государственных преступниках. Третий выпуск этого сборника готовится к печати. Программа его имеет быть расширена, и в него должен войти новый отдел — о современном положении дел в России, а также присланная из России автобиография Александра Михайлова.

[1]) Совершенно неверно: Вера Ивановна писала, что сочувствие громадное, но что необходимо знакомить европейскую публику с положением русских борцов, для чего следует издавать на трех главных иностранных языках — немецком, английском и французском — нечто вроде бюллетеней, для чего просила Исп. Ком. присылать достоверные сведения (см. подробно об этом в моем письме к Стефановичу). *Л. Д.*

[2]) Не в Лондоне, а в Женеве. *Л. Д.*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КУЛЯБКО-КОРЕЦКОГО

(22/XI — 1895 г. Д. З. 563/92 9620 bis.)

Полагаем, небезынтересно привести документ, извлеченный из бывшего архива Деп. гос. полиции, касающийся знакомства Ник. Ив. Кулябко-Корецкого с членами группы «Осв. Тр.»: из него очевидно, что он не побоялся перед жандармами признать свое знакомство с эмигрантами и не наделил их разными неблаговидными качествами, как это из трусости сделали, например, «знатные вояжеры»—Классон и Коробко. *Ред.*

За границей я был всего четыре раза: два раза в 1887 г., в 1893 и 1894 г.г. В первый раз я отправился за границу летом в июле 1887 г., имея в виду заняться там литературным трудом и попытаться устроиться в качестве адвоката. К этой последней деятельности с юности моей я имею влечение. К сожалению, с 1881 г. в России занятие это мне было воспрещено. Поехал я в Швейцарию вместе с знакомой моей Елизаветой Степановной Шелпановцевой и большую часть времени пребывания тогда за границей провел в Цюрихе, где сначала жил в Hôtel Belle-vue, а затем на Vogelsangstrasse № 2. Тут вскоре я познакомился со многими интересными политическими деятелями, благодаря Аксельроду, к которому я явился как близкий друг его родственника Якова Кальмансона, с которым я прожил несколько лет в Гомеле. Так, Аксельрод познакомил с бывшими тогда в Цюрихе представителями социал-демократического движения в Германии: депутатом фон Фольмар, редактором «Социал-демократа» Бернштейном (имени его я не знаю) и их женами и депутатом Фишером. Благодаря рекомендации Аксельрода, лица эти пригласили меня на интимный вечер, так назыв. Bierabend, где происходили беседы, лишенные, впрочем, крупного интереса. Фольмар, отпущенный тогда из мюнхенской тюрьмы на честное слово, рассказывал о подробностях своего заключения, об успехах его партии на последних выборах и т. п. Затем, ввиду близости от Цюриха Женевы, я был два раза в этом городе. Отправляясь туда в первый раз, я получил от того же Аксельрода рекомендательное письмо к Плеханову и вследствие этого познакомился в Женеве со всеми вы-

дающимися эмигрантами, живо интересуясь в то время местными политическими условиями Швейцарии и русскими эмигрантами. Я познакомился с Михаилом Драгомановым, Георгием Плехановым, Верою Засулич, Иваном Добровольским, Владимиром Дебогорий-Мокриевичем, Эспером Серебряковым, Дылевой, Филипео, имени двух последних не помню. Вскоре преувеличенные слухи о моем состоянии, мой возраст (мне было тогда около 33 лет), достаточное количество сведений об общественной жизни современной России и рекомендация Аксельрода сделали меня тогда модным человеком. Я часто ужинал и ночевал у Драгоманова, бывал у Плеханова. Из бесед с этими, а также другими названными эмигрантами, я заметил, что они, преследуя одни и те же цели, находятся в самых невозможных личных отношениях между собой и эту вражду переносят в журнальную полемику. Некоторые мои старания примирить их ни к чему не привели. Однажды, в шутку я попросил одного из эмигрантов изложить его profession de foi на бумаге и когда ту же шутку я повторил с прочими, то оказалось, что они преследуют не только одни цели, но говорят даже одними и теми же словами. Означенные документы были напечатаны впоследствии в революционном органе «Самоуправление» № 1, за 1888 г., а подлинники хранятся у меня до сих пор. Все желания названных эмигрантов сводились к тому времени к завоеванию политической свободы в России, т.-е. свободы печати, науки, вероисповедания, ассоциации, театральных представлений и к всеобщему избирательному праву. Ни в одной программе не упоминалось о терроре, как о средстве или цели.

Л. ДЕЙЧ

ВМЕСТО БИБЛИОГРАФИИ

ОРИГИНАЛЬНОЕ ЮБИЛЕЙНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.

(«Ист.-Револ. Сбор.», под ред. В. Невского, т. II «Груп. Осв. Тр.»).

Нашей группе «Освобождение Труда», по случаю минувшего осенью 1923 г. сорокалетия, В. И. Невский посвятил второй том редактируемого им «Историко-Революционного Сборника». Мы, находящиеся еще в живых немногие лица, прикосновенные к этой группе, могли бы только почувствовать к нему за это предприятие глубокую признательность. Но В. И. Невский в таком странном виде составил это юбилейное произведение, что оно не только у нас, но и в каждом сколько-нибудь беспристрастном человеке должно вызвать лишь крайнее изумление, а то и возмущение.

Центральное место этого обширного тома, заключающего 420 стр. большого формата, занимает статья Н. Сергиевского — «Группа «Освобождение Труда» и марксистские кружки», вместе с обильным количеством, напечатанных к тому же мелким шрифтом, приложений, — в ней около 180 страниц. Ей предшествует также обширного размера статья самого редактора Сборника, усиленно отсылающего читателя к «исследованию» Н. Сергиевского, следовательно, вполне солидаризирующегося с ним. Какое же в общем впечатление производит это исследование о нашей группе? С первых же строк от него несет недружелюбием, стремлением умалить, принизить эту группу, доказать, что установившийся, господствующий взгляд на ее роль неверен, преувеличен. Но и против такого стремления, — хотя и несколько оригинального для юбилейного произведения, — нельзя было бы возмущаться, будь оно написано об'ективно, составлено неодносторонне. Этого решительно нельзя сказать об обширной статье названного исследователя: она, наоборот, написана в высшей степени тенденциозно, придирчиво, несправедливо. Каждый сколько-нибудь разбирающийся в литературе человек, даже по прочтении лишь первых нескольких страниц, увидит, что автор заранее задался определенной целью — доказать, обставив quasi - об'ективными, неопровержимыми документами, такое-то положение, тезис, и на недостаточно хорошо разбирающегося читателя его произведение может произвести впечатление серьезного об'ективного труда; примером такого читателя может служить сам редактор этого

Сборника В. И. Невский, не лишенный, как казалось, знакомства с историей нашего революционного прошлого.

Этим своим произведением, — никакие другие мне не попадались — Н. Сергиевский производит впечатление «новатора», открывающего уже другими открытую Америку, — человека того типа, который обращает на себя, правда, на мгновение, общее внимание доказательством, с будто бы обширным литературным материалом в руках, какого-нибудь мнения, суждения, идущего совершенно вразрез с установившимся взглядом. Таковым «новатором», как известно, явился В. Черкезов, «ниспровергший» Маркса и Энгельса, таким же непризнанным Колумбом оказался Волынский, разнесший вдрызг «бедного» Белинского и других «ничтожных по сравнению с ним» наших критиков-публицистов.

В то время, когда в статье, предшествующей «ученому исследованию» Н. Сергиевского, редактор Сборника заявляет, что с образованием группы «Освобождение Труда» начинается «новая эра в истории русского революционного движения» (стр. 29), когда он признает «Социализм и политическую борьбу» и «Наши разногласия» произведениями «капитальными, огромного теоретического и практического значения для русского рабочего движения» (стр. 31) — Н. Сергиевский крайне сдержан в своем отзыве, и как о роли нашей группы, так и о выпущенных ею первых произведениях, отзывается очень прохладно, сводит это к минимуму. Вот его подлинные слова:

«Заслуги перед революционным движением группы «Освобождение Труда» и, главным образом, его теоретика Г. В. Плеханова по части разработки марксизма и приложения его к российской действительности, наконец, в технической помощи русским социал-демократам путем перевода, комментирования и выпуска брошюрочной марксистской литературы в период, когда в России во время террора Александра III никак нельзя было сорганизовать на более или менее продолжительный срок типографий, — не подлежит спору и никогда не вызывали никакого сомнения. Но не следует извращать исторической перспективы, нельзя отрицать наличия к моменту образования группы «Освобождение Труда» марксистской идеологии в революционных сферах России и практических попыток утверждения ее и образования марксистской партии» (стр. 91).

Этот отзыв о нашей группе более чем прохладен: от него несет холодом. Наш об'ективный исследователь не может, конечно, отрицать «технической помощи путем перевода, комментирования и выпуска брошюрочной [1]) марксистской литературы», но уже из приведенной цитаты ясно, что никакой «новой эры», никаких «капитальных работ огромного теоретического и практического значения» он не признает за нашей группой. При столь резко различной оценке одних и тех же лиц и фактов, юбилею которых посвящен Сборник, естественно выразить удивление, каким образом редактор не только безоговорочно поместил такую «прохладную» статью, но и усиленно рекомендует ее? Для меня, знающего теперь особенности литературных взглядов и при-

[1]) Только «брошюрочной?» — «Наши разногласия» лишь брошюра?

емов В. И. Невского, в этом нет ничего неожиданного: как мы ниже увидим, этот усердный подбиратель всякой веревочки на манер гоголевского Осипа, очень плохо разбирается в доставляемом ему другими, да и им самим добываемом материале, когда же вы ему на это укажете, он, вместо прямого признания совершенного им промаха, начинает выворачиваться не совсем правдивым образом; но об этом подробнее ниже.

Как мы видели, Н. Сергиевский счел нужным преподать совет, что «не следует извращать историческую перспективу». Тут вполне уместно сказать: «врачу, исцелися сам», — не мешало бы прежде всего ему проникнуться этой истиной; между тем, как мы сейчас увидим, он очень далек от этого.

Обвинение в «извращении исторической перспективы», судя по предшествующим его сообщениям и рассуждениям, направлено по моему адресу. В самом начале он заявляет: «одновременно с возникновением за границей группы «Освобождение Труда» в Питере из среды тех же чернопередельцев выделяется группа, известная под названием «группы Благоева», тоже социал-демократическая, но, в противоположность заграничной группе с ее преобладающим уклоном к марксизму, вторая имела уклон к лассальянству» (стр. 86).

До сих пор, в течение 40 с чем-то лет, я и другие находящиеся в живых члены и приверженцы группы «Освобождение Труда» были уверены, что с самого ее возникновения мы целиком разделяли взгляды основателей научного социализма. Но вот является Н. Сергиевский, который без дальних слов декретирует, что мы имели только «преобладающий *уклон* к марксизму». Разве это не крупное открытие, аналогичное сделанному небезызвестным анархистом В. Черкезовым? Мне сугубо огорчительно, что мои друзья — Плеханов и Засулич — рано сошли в могилу: они, поэтому, лишились, кроме многого другого, возможности узнать, что в течение преобладающей части жизни они находились в заблуждении насчет своих марксистских воззрений. Доживи они до появления на свет открытия этого исследователя, они, конечно, немедленно поверили бы ему на слово и сознали бы свою на этот счет ошибку.

Ограничившись декретированием вышеприведенного открытия, Н. Сергиевский продолжает:

«Повидимому, возникновение в Питере социал-демократической группы было не единичным фактом». Из чего это «повидимому» вытекает? А вот послушайте: «По крайней мере, — пишет он далее, — один из историков (!), Акимов-Маховец, утверждает (!), что социал-демократическое движение в России возникло как естественный продукт общественной жизни».

Правилен ли этот прием? Сперва «группа Благоева», имевшая, по собственному признанию Сергиевского, «уклон к лассальянству», а по признанию самого основателя ее Благоева также еще к лавризму и к народовольчеству, возводится в «социал-демократическую», затем из этого, будто бы, логически вытекает, что «повидимому» она не была единственной, а в подкрепление этого вывода следует выражение: «по крайней мере» и ссылка на такого видного «историка», как Махновец, *не доказавшего*, а только «утверждающего», — к тому же без малейших оснований. Эта аргументация, как видим, противоречит элементарной логике. Но особенно оригинально, что в дальнейшем наш автор, очевидно, совершенно забыл *условность* сделанных им же первоначально заявлений — «повидимому», «по крайней мере» — и он исходит уже как из будто бы неопровержимо *доказанного* им факта, что кроме «социал-демократической «группы Благоева» было еще немало других, и, как мы уже знаем, *единственным* доводом его является ссылка на столь неоспоримый «авторитет», как «историк» Акимов-Махновец. Последний, видите ли, на протяжении всего двух лет дал два противоположных, при этом вполне голословных, утверждения насчет *времени появления* в России социал-демократических кружков: в первый раз (в 1906 г.) он отнес их появление к *концу* 80-х годов и дал один список городов, а в 1908 г., по его же «*утверждению*», они уже имелись в *середине* того десятилетия, при чем перечень городов не вполне совпадает с предыдущим. Но это нисколько не смущает Н. Сергиевского: он до того расположен к признаваемому им одним «историком» Махновцу, что без всякого повода со стороны последнего, — исключительно руководимый любовью к истине, — сам придумал об'яснение этого явного противоречия.

«Пополнив, — говорит Н. Сергиевский, — свои знания новыми рассказами современников, он (т.-е. «историк» Махновец. *Л. Д.*) отказывается от своих первоначальных утверждений» (88 стр.).

Из чего видно, что этот «историк» действительно пополнил свои «знания» и «отказался» от прежнего взгляда, это ничем не доказано, — мы принуждены верить голословному утверждению доброжелателя Махновца, т.-е. Н. Сергиевскому, строго внушающему мне «не искажать исторической перспективы».

Поскольку, как видим, Н. Сергиевский снисходителен и предупредителен к последнему, постольку же он требователен и строг к нам, членам группы «Освобождение Труда».

«Дейч, — заявляет он далее, — конечно, неправ, когда он утверждал, что Акимов будто бы относит момент образования заграничной группы ко времени «уже» после образования внутри России социал-демократических кружков» (та же стр.).

Прежде всего, я этого вовсе «*не утверждал*», а выразил лишь *изумление*, каким образом Акимов, «причислявший себя к социал-демократам», мог писать, что наша группа возникла *в середине* 80-х г.г.

Правда, он *прямо* этого не заявил, — на это явное извращение у него не хватило решимости, — но, будучи «тонким дипломатом», он прибег к увертливому обороту: перечислив длинный ряд городов, в которых, будто бы, в *средине* 80-х годов уже имелись социал-демократические группы, он вслед за этим написал: «*кроме того*, в Швейцарии образовалась русская соц.-дем. группа «Осв. Тр.», ставшая теоретическим выражением этого движения» (курсив мой. *Л. Д.*).

Меня в этом заявлении изумило исключительно отнесение времени появления нашей группы *к середине* 80-х г.г., когда, в действительности, она возникла в начале этого десятилетия, — иначе ни я, ни Пле-

ханов не могли его понять по конструкции его фразы: слова — «кроме того» и «ставшая выразителем» можно употребить только по отношению «уже» *возникшего* движения, а мы с Плехановым хорошо знали, что *этого не было*, когда сформировалась наша группа. Таким образом «неправ» не я, а Н. Сергиевский, преподносящий мне совершенно незаслуженный мною, неосновательный упрек, хотя, вероятно, вытекающий из похвального намерения заступиться за дорогого ему «историка».

Но все должно иметь границы: упрекнув меня за употребленное мною, — по всем правилам логики, синтаксиса и пр., — маленькое словечко «уже», этот защитник Маховца обошел полным молчанием явный выпад последнего против группы «Освоб. Труда».

Вслед за приведенной выше цитатой, этот «историк» написал: «так как она одна [группа наша. *Л. Д.*] могла говорить среди наступившей в самой России тишины, после поражения «Нар. Воли», то многие, и в том числе она сама, считали ее родоначальницей всего социал-демократического движения в России» («Мин. Годы», II, стр. 128—168).

Нетрудно, полагаю, догадаться, что столь близкий сердцу Н. Сергиевского «историк», пустив здесь искусно отравленную стрелу, сводил свои счеты с членами группы «Осв. Труда». Ввиду строгого требования Н. Сергиевского соблюдать историческую перспективу, можно было ожидать, что он, обнаруживший столько внимания к словечку «уже», хоть как-нибудь отзовется на только что приведенное ехидное замечание «историка» по поводу самообмана членов группы «Осв. Тр.». Он этого не сделал, потому что, как видим, у него одна мерка для дорогого его сердцу «историка», а другая — для нас, явно нелюбимых им; при всяком поводе и без такового он спешит на защиту достойного «историка» и, наоборот, по пустякам нападает на нас.

«Акимов, — пишет он на той же странице, — вовсе не оспаривает того, кто первый сказал «а». О первородстве он не спорит».

Итак, по мнению Н. Сергиевского, вопрос о времени возникновения в России марксизма такой же пустяковый, как известный спор Бобчинского с Добчинским: это, очевидно, тоже одно из его «открытий». Затем следует такое его раз'яснение:

«История, к сожалению, не записала, кто первый облек в словесную форму эту идеологию, ибо не только тогда, но даже теперь не имеется такого аппарата, который уловлял бы и фиксировал любое словесное изложение новых идей».

Эти немногие строки ясно показывают, что они написаны глубоким мыслителем, прокладывающим новые пути. Уже в течение полустолетия я знаю не только по именам, но и лично почти всех наших первых марксистов, излагавших «новые» идеи.

Мне, поэтому, до сих пор казалось, что я знаю генезис марксизма в России. Но только что приведенное раз'яснение Н. Сергиевского убеждает меня в противном, так как «еще не изобрели такой аппарат, который фиксировал бы» и т. д.

Прочитав эти глубокие и совершенно для меня новые мысли, я уже было собрался признать свое круглое невежество, но дальнейшие его фразы изменили мой взгляд.

«А известно, — прочел я затем, — что не всякая новая идея поступает на типографский станок обязательно от автора идеи. И то обстоятельство, что Акимов во многом оказался действительно неправым, не является основанием отрицать все им сказанное без всяких доказательств».

Вникнув в эти две фразы, я нашел, что по заключающемуся в них смыслу и по связи их между собою, — не в обиду будет сказано нашему «новатору», — они очень напоминают известное двустишие: «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Иначе говоря: приведенное выше рассуждение Н. Сергиевского нескладно и по существу неверно, так как вообще, в течение вот уже нескольких веков можно проследить возникновение и дальнейшее развитие всякой сколько-нибудь крупной «новой идеологии», в особенности марксистской у нас. Поэтому, все рассуждение Н. Сергиевского об «аппарате» для «улавливания и фиксирования новых идей» является опять лишь подтверждением присущего ему таланта делать крупные открытия в различных областях, к тому же имея такую опору, какой для него служит «историк» Акимов. Ниже мы увидим, что Н. Сергиевский совершает «открытия» чуть не на каждом шагу.

Заметим далее, что фраза об Акимове, не находящаяся ни в какой логической связи с предшествующим ей рассуждением об «аппарате для фиксирования», — сама по себе достопримечательна, так как в ней впервые автор утверждает, что «Акимов во многом оказался действительно неправым». Очень приятно слышать это признание; жаль только, что столь строгий к другим Н. Сергиевский не подкрепил этого заявления никакими «доказательствами», даже не упомянул, в чем именно излюбленный его «историк» оказался неправым.

Затем, хотя, как мы видели, вопрос о времени возникновения в России социал-демократии, по мнению нашего ученого автора, имеет не больше значения, чем спор о том, кто первый сказал «а», однако, в дальнейшем он, очевидно, забыл это и на огромном числе страниц все же силится доказать заимствованный им у своего «историка» тезис, что не группа «Осв. Тр.» сказала первая «а», и лишь благодаря ее пребыванию в недосягаемой для русского правительства Швейцарии она могла свободно писать, почему и вообразила, что является родоначальницей нашего социал-демократического движения. Она, правда, имела влияние, но самое ничтожное, она применяла теорию Маркса к русским условиям, но делала это довольно плохо. Ниже мы приведем подлинные выражения автора диссертации на данный ему «историком» Акимовым тезис.

Н. Сергиевский ставит мне в вину, что я «не привел доказательств, что в перечисленных Акимовым городах действительно не было социал-демократических кружков». Не посвященный в подробности читатель может естественно сделать из этого вывод, будто я самостоятельно писал что-то на эту тему и не пожелал или не мог подкрепить своего заявления «доказательствами».

Наш ученый исследователь вообще не любит указывать, откуда он берет свои ссылки, но на этот раз он в выноске указывает, откуда позаимствовал это, но делает это так, что не посвященный читатель не поймет, в чем мое прегрешение.

В «Пролет. Рев.» (1923 г., № 3) я поместил *продиктованные* мне в 1908 г. Плехановым его заметки под данным им заглавием: «О былом и небылицах», в которых он отвечал на заданные мною ему вопросы по поводу воспоминаний нескольких лиц, писавших о встречах с ним. Коснувшись В. Махновца, также поделившегося в печати своими воспоминаниями, я, между прочим, выразил Плеханову свое недоумение: «Как социал-демократ, — сказал я, — он [Махновец] не мог не знать, что в действительности группа [«Осв. Тр.»] возникла в 1883 г. [а не в середине 80-х, как вытекало из его слов], и что тогда на родине не было еще ни *единого* кружка» (стр. 43 — 44).

Мог ли я при этом *«доказывать»* Плеханову, что вот, мол, такие-то и такие-то у меня основания это утверждать, тем более, что Г. В. не хуже меня знал, что при возникновении нашей группы в России еще не было *ни единого* истинно марксистского или, что то же — социал-демократического кружка. По мнению Н. Сергиевского, я, повидимому, все же был обязан сделать это, а, по-моему, это было бы там совершенно неуместно; но мне тогда не пришло на ум, что, много лет спустя, я подвергнусь за это строгому осуждению со стороны Н. Сергиевского, о существовании которого, признаюсь, я не знал. Забегая вперед, замечу здесь, что хотя он сам посвятил много листов защите выдуманного «историком» Акимовым «тезиса», тем не менее, как ниже увидим, он также не подкрепил утверждений последнего. Это обстоятельство может, между прочим, служить иллюстрацией справедливости Н. Сергиевского, требующего от другого, без всяких к тому оснований, того, чего, обязанный сам по положению, он не исполняет. В общежитии такой прием называется применением «двойной бухгалтерии».

Таким образом, в качестве исследователя Н. Сергиевский проявляет много крупных и оригинальных черт: он, как мы видим, прилагает совершенно новые логические приемы и правила. Этим, однако, не исчерпываются присущие этому новатору дарования — он также отличается способностью вычитывать то, чего нет в данном произведении и, наоборот, не замечать написанного в том или другом из них.

«И голословно отвергнув утверждение его [т.-е. Акимова. *Л. Д.*] — заявляет наш об'ективный исследователь, — в качестве ultima ratio ссылается [очевидно, это, будто бы сделал я. *Л. Д.*] лишь на крылатое словечко Плеханова о «свидетельстве не очевидца».

Смысл этой запутанной фразы таков: я, будто бы, совершил новый проступок, — не доказав, что утверждения Акимова неправильны, я к тому же удовольствовался только ссылкой на «крылатое словечко» Плеханова. В действительности же я ни на что не сослался, а лишь в точности *воспроизвел* ответ Г. В. на вышеуказанный мой вопрос по поводу «утверждения» Акимова о возникновении нашей группы в средине 80-х г.г.. Вот ответ Плеханова:

«Оставьте в покое этого человека, вспоминающего о тех моих поступках, очевидцем которых, по собственному его признанию, он не был. *Так* «вспоминают» только люди, в просторечии иногда из вежливости именуемые «беллетристами». Но вы ведь не собираетесь взять на себя роль художественного критика? Стало быть, не о чем толковать».

Мог ли я, воспроизводя продиктованный ответ в посмертных записках Плеханова, вставить в него еще и от себя какие-либо доводы в доказательство, что Акимов неправильно повествовал о будто бы существовавших многочисленных социал-демократических группах? С какой стороны ни подойдем к упреку, сделанному мне почтенным исследователем, он окажется совершенно мною не заслуженным, к тому же основанным на неполном, а то и вполне неверном, осведомлении им читателя, как обстояло дело. В дальнейшем мы увидим, что наш об'ективный исследователь поступает и рассуждает аналогичным же образом на огромном числе страниц своего обширного трактата. Вот следующая за преподнесенным мне упреком фраза:

«Слов нет, — пишет Н. Сергиевский, — словечко хорошее, ядовитое, но не всякий, произносящий его, прав».

Лица, не читавшие указанных посмертных заметок Плеханова, помещенных в «Пролет. Революции», совершенно не в состоянии понять, кого и за что в данном случае упрекает наш строгий исследователь. Между тем, оказывается, он здесь пускает стрелу в Плеханова, а под «словечком» имеет в виду употребленный, как мы видели, им по отношению «историка» Махновца эпитет «беллетриста», чего наш щепетильно относящийся к умершему Акимову беспристрастный Н. Сергиевский не желает даже повторить. Но почему Плеханов, произнесший это «хорошее, ядовитое словечко», все же неправ? — эта ничем не подкрепленная нашим исследователем сентенция так и остается нераз'ясненной, загадочной даже для лиц, прочитавших заметки Г. В.

Между тем, я уверен, что все беспристрастные и осведомленные лица относительно поведения «историка» Махновца во время его пребывания в эмиграции едва ли признают данный ему Плехановым эпитет неуместным или чересчур резким. Мне кажется поэтому нелишним сказать здесь несколько слов об упомянутом поведении Махновца, что может об'яснить сквозящую в его отзыве о группе «Осв. Тр.» враждебность, заимствованную у него, в качестве тезиса для своего трактата, Н. Сэргиевским, хотя, как мы знаем, он в то же время считает эту тему лишь спором о том, кто первый сказал «а».

Почти с самого своего появления в Швейцарии в 90-х г.г. В. Акимов-Махновец стал вести агитацию против членов группы «Осв. Тр.»: он для этого подхватывал всякий нелепый слух, неблагоприятную сплетню и, раз'езжая по русским колониям, распространял о них всевозможные побасенки; этим он вообще подрывал престиж социал-демократов, у которых среди эмигрантов народнического и народовольческого направления и без того было много врагов, радовавшихся ссорам и дрязгам, поднятым в марксистском лагере. Старые заслуженные члены группы «Осв. Тр.», выбивавшиеся из сил в борьбе

с окружавшими их невыносимо тяжкими условиями, терпевшие большие лишения, нужду, а также физические страдания — все они: Плеханов, Засулич и Аксельрод, известно, были болезненны, — не могли не возмущаться поведением Акимова, своими росказнями о них лившего воду на мельницы врагов. Узкий фанатик «экономизма», он не понимал более широких марксистских взглядов «стариков», почему, быть может, искренно считал их деятельность вредной и старался подвести под них мины, чтобы заместить их другими более «крупными величинами», какими в его глазах являлись молодые — Кричевский, Иваншин, Ольхин, Мартынов и др. Свое враждебное отношение к членам группы «Осв. Тр.» Акимов, как известно, распространил затем также и на соединившихся с ними тоже молодых, выдающих искровцев — на Ленина, Мартова, Потресова.

В результате столь плодотворной деятельности Акимова и К[о], вытекавшей из недостаточного понимания их политических задач и стремлений в том периоде, возникли, как известно, свары, раздоры, дрязги, приведшие к расколу среди марксистов, на радость эсерам. На-ряду с узостью взглядов, немалую роль во всех этих печальных происшествиях сыграли задетые самолюбия, мелочное тщеславие и т. п. добродетели. Далеко не блестящая роль Акимова внутри нашей партии хорошо известна многим здравствующим современникам.

Теперь, по прошествии значительного количества лет, осматриваясь назад и принимая во внимание все прошлое, можно отнестись к поведению Акимова и его товарищей вполне об'ективно, — можно понять и простить его промахи. Но *возвеличивать* его, возводить его в *«историки»*, из всех сил, путем всевозможных натяжек, умалчиваний одних обстоятельств, неверных передач других, стараться представить Акимова беспристрастным свидетелем минувшего, — для этого нужно обладать особенными свойствами, неуместными для исследователя.

В высшей степени странно, поэтому, отношение Н. Сергиевского к Акимову. Взявшись писать о группе «Осв. Труда» и «марксистских кружках», он, казалось бы, должен быть хорошо осведомлен относительно этой темы. Между тем, он, как увидим, на каждом шагу обнаруживает полное незнание этого, почему дает такое изображение прошлого, каким представляются предметы в кривом зеркале.

Даже когда дорогой его сердцу «историк» явно попадает впросак, наш исследователь все же старается его обелить, вытянуть сухим из воды.

«Да, Акимов неправ, но лишь отчасти. Минские вожди не были социал-демократами, но работа их, как ее описывает Гурвич, по существу не отличалась от работы позднейших марксистов и являлась фактически уже социал-демократической» (стр. 89).

Если бы это рассуждение было правильно, то не только народовольцев и чернопередельцев, бунтарей и лавристов, но также ишутинцев и почти всех революционеров начала 60-х г.г. надо было бы причислить к социал-демократам, потому что «по существу работа их не отличалась фактически от социал-демократической», которой, напомним, тогда еще не существовало нигде на Западе. До того наш ученый исследователь зарапортовывается, побуждаемый, как видим, похвальным стремлением черненького «историка» представить почти совсем беленьким, а в результате этого он открывает неведомый до того «новый взгляд» на прошлое нашего революционного движения.

Далее Н. Сергиевский заявляет: «значительно об'ективнее к этому вопросу относится другой основоположник группы — Г. В. Плеханов», после чего он приводит следующую выдержку из примечаний Г. В. к «Л. Фейербаху»:

«Маркс открыл внутренние причины исторического движения человечества; оставалось только взглянуть с его точки зрения на русские общественные отношения. Это и сделали социал-демократы, часто *совершенно независимо* один от другого приходившие к одним и тем же взглядам на русскую жизнь».

Выходит, что я будто бы писал противоположное этому: наш автор, по какому-то совершенно «новому» правилу, не указывает, *где* именно я *менее* «об'ективно» отнесся к вышеуказанному спорному вопросу. Для пояснения лицам непосвященным скажу, что Н. Сергиевский, очевидно, имеет в виду все те же заметки Плеханова «О былом и небылицах», в которых я, как уже выше сообщил, в заданном мною *вопросе* имел неосторожность упомянуть о неправильном утверждении Акимова, будто группа «Освобождение Труда» возникла только в средине 80-х г.г. Как видно из ответа Г. В., он не только выразил согласие со мною, но, сверх того, еще заклеймил Акимова за неверное его утверждение даже по определению его защитника «хорошим, ядовитым словечком». Но по этому же поводу наш автор счел нужным, как мы видели, декретировать совсем непонятную сентенцию, что «не всякий, произносящий это словечко («беллетрист»), прав». Казалось бы, Плеханов по этому вопросу был признан Н. Сергиевским, по крайней мере, столь же мало или недостаточно «об'ективным» как и я, но вот, всего через 15 строк того же Плеханова наш исследователь об'являет уже «значительно об'ективнее»! Кто же впал в противоречие, я и Г. В. или ученый исследователь?

Но, мы, конечно, а Н. Сергиевский: противоречие, в которое он попал, об'ясняется недостаточно серьезным, вдумчивым и, в особенности, крайне пристрастным его отношением к литературным источникам, вследствие чего он схватывает многое такое, чего нет в данном произведении, а этот способ его чтения, в свою очередь, повторяю, обусловливается заранее поставленной им себе целью — доказать, кто, по его остроумному определению, первый сказал «а», несмотря на то, что, как мы знаем, всего за несколько строк раньше он же иронизировал на счет спора «по поводу первородства».

Здесь, между прочим, замечу, что этот ученый исследователь вполне неосновательно ухватился за заявление Плеханова, что социал-демократы *«совершенно независимо»* [1]) один от другого приходили к одним и тем же взглядам на русскую жизнь, так как я под ним целиком подписываюсь и нигде в своих воспоминаниях не писал ничего про-

[1]) Для большего уязвления меня он даже подчеркнул эти слова.

тивного этому. Во избежание недоразумения напомню, что в некоторых своих давно напечатанных очерках, например, «Один из первых наших марксистов» (в «Вест. Европы» за 1910 г.) или о Дм. Ал. Клеменце («Гол. Мин.» 1913 г.) и др., я сообщил о «независимом друг от друга появлении» таких лиц еще *в начале* 70-х годов. Так почему же наш беспристрастный исследователь стремится опровергнуть меня будто бы опровергающими меня словами Плеханова? Только потому, что, задавшись целью доказать правильность выдумки любимого «историка», он ищет повсюду доказательств. Приняв эту выдумку — «беллетристику» тоже за тезис своей «диссертации», наш ученый исследователь находит подтверждения ее там, где их вовсе нет. Поэтому заявление Плеханова, что независимо друг от друга появлялись отдельные *лица*, у него превращается в *кружки*. Кроме того, в цитированном Н. Сергиевским примечании Плеханов ни единого слова не сказал о том, что лица, приходившие к одинаковым взглядам на русскую жизнь, создавали в России социал-демократические кружки в то именно время, когда появилась группа «Освоб. Тр.». Только такое его заявление можно было бы противопоставить моему в вопросительной форме утверждению, но тогда Плеханов впал бы в противоречие с самим собою, и данный им Акимову эпитет «беллетриста» являлся бы лишенным основания. Между тем, ученый исследователь выдвигает Плеханова, как «значительно более об'ективно относящегося», чем я, а, следовательно, и он же сам Плеханов! Вот до чего можно договориться или дописаться, поставив себе задачей доказать правильность утверждения беллетристического историка, утверждающего, что десятки марксистских кружков появились одновременно с группой «Осв. Тр.» в «середине 80-х г.г. и сказали тогда же, а то даже раньше ее — «а»!

Относительно Минска наш беспристрастный исследователь признает, что «Акимов не совсем прав», причисляя его к городам, в коих был будто бы социал-демократический кружок. Нельзя понять, каким образом в вопросе о том, был или не был там-то такой кружок, можно оказаться «*не совсем правым*», так как в подобных случаях возможно одно из двух: кружок или существовал, или в ту пору его там не было. Но мы уже знаем, что у этого ученого на все решительно своя особенная «стать».

Переходя затем к Петербургу, Н. Сергиевский ограничивается таким доводом: «да и нужно ли это доказывать, раз нам известно из свидетельства Благоева, что к социал-демократизму он и его товарищи пришли еще в 1883 г., т.-е. одновременно с группой «Освоб. Труда» (90 стр.).

На первой странице этого трактата наш исследователь, как мы видели, заявил, что группа Благоева «имела уклон к лассальянству», на 98-й мы читаем: «группа в Питере, известная под именем: «группа Благоева», а сама себя называвшая «партия русских социал-демократов», — никак не может быть названа марксистской» (разрядка моя). *Л. Д.*)

Затем наш ученый указывает, что программу этой группы выработали чернопередельцы П. А. Латышев и В. Е. Благославов (стр. 102), что характер программы был «немарксистский» (стр. 103), что она одновременно обратилась с переговорами о сближении к партии «Нар. Воли» и к группе «Осв. Труда» и т. д. Можно ли после всего этого еще сомневаться, что таким образом характеризуемая беспристрастным автором группа Благоева, одновременно являвшаяся марксистской и немарксистской, социал-демократической с уклоном к лассальянству, к лавризму и народовольчеству, все же была такой же, как группа «Осв. Тр.»?

Ввиду этих противоречивых сообщений, которых решительно не замечает этот исследователь, у него понятно должно было возникнуть недоумение: «как можно утверждать, что социал-демократических кружков на родине не было ни единого?» (стр. 90) — восклицает он, обращаясь ко мне.

Читатель, конечно, помнит, что это утверждение сделали мы с Плехановым в опубликованных мною его посмертных заметках. Это наше отрицание особенно изумляет Н. Сергиевского в виду того, что Плеханов в возникшей (в 1884 г.) газете группы Благоева поместил статью. Но участие в подпольной газете, предназначавшейся для рабочих, еще не означает признания ни этого органа, ни группы, его издававшей за марксистские, социал-демократические. Путем помещения статей в этом органе мои товарищи надеялись способствовать превращению группы Благоева из социал-демократическо-лассальянско-лавристско-народовольческой в действительно марксистскую. Этого, очевидно, не понимает Н. Сергиевский, несмотря на всю свою ученость, заставляющую его путаться в бесконечных противоречиях, и всему причиной его влюбленность в «историка» Махновца.

Но, «доказав» друг друга исключающими сообщениями, что группа Благоева была одновременно социал-демократической и не социал-демократической, наш глубокий исследователь не довольствуется одним этим замечательным доводом для опровержения меня: он сверх того приводит еще «доказательства», что в Москве также существовала марксистская группа; следовательно, я и Плеханов сугубо будто бы были неправы. Так как эти доказательства нашего ученого особенно убедительны, то рассмотрим их возможно подробнее.

«Но и кроме крупной организации группы Благоева, просуществовавшей, несмотря на ряд разгромов, с 1883 по 1888 г., была другая группа, может быть, менее долговечная, но не менее эффектная. Эта группа была в Москве — повествует наш исследователь. — С весны 1884 г. [она] была разгромлена и уничтожена властями»... «Стало быть, и вторая указанная Акимовым социал-демократическая группа существовала... Она была с корнем вырвана в течение 1884 г. и в числе нескольких десятков человек разослана по тундрам Сибири»... «Московская группа выступила ранее «благоевской» и... даже ранее группы «Освобождение Труда» приступила к популяризации марксистской лите-

ратуры»... «Повидимому, она была довольно солидна. За это говорят следующие факты. Группа энергично издавала марксистскую литературу, следовательно, она имела обширный круг читателей. Ее литература имела широкое распространение по России. Следовательно, она имела большую агентуру распространителей этой литературы. Группа установила непосредственную связь с заграницей, как видно из предисловия издателей, для провоза заграничной литературы группы «Осв. Тр.». Следовательно, это была солидная и сильная организация, обладавшая большими связями» (стр. 90—92).

Ради экономии места я не привожу всех остальных доводов нашего ученого исследователя в подтверждение того, что в Москве существовала «не менее эффектная», чем в Петербурге, «обширная», «солидная», «сильная», «широко распространявшая свою литературу» организация, «имевшая для этого большую агентуру», «большие связи» и т. д. Но я живо представляю себе изумление, а то и возмущение нашего глубокого и беспристрастного ученого, когда он прочитает следующее мое заявление: все приведенные им доводы в доказательство защищаемого им тезиса не более как *мыльный пузырь*, так как *никакой социал-демократической группы в Москве не было* и, следовательно, никакой марксистской литературы, к тому же будто бы раньше группы «Осв. Тр.», там не издавал социал-демократический кружок.

Все доводы в защиту вышеуказанного тезиса наш глубокомысленный исследователь, по его же признанию, почерпнул из двух документов, к которым я имел очень близкое отношение: мне известно их происхождение, их смысл и значение, а потому утверждаю, что своими толкованиями, выводами из них и пр. наш ученый, как сейчас увидим, попал в самое комическое положение, аналогичное которому по юмору я затрудняюсь указать во всей нашей литературе.

Первое «свидетельство, из которого», по мнению этого ученого, «можно сделать вывод о размерах группы», это «письмо, отобранное при аресте Дейча от питерских товарищей». Из этого письма наш ученый исследователь цитирует такое место: «Союз с московской группой более чем вероятен, есть масса знакомых среди студентов и студенток; некоторые из них и теперь занимаются с рабочими». Какой же вывод делает наш ученый из этой выдержки, неизвестных ему будто бы «питерских корреспондентов»? Вот послушайте!

«Из этого следует, что в Москве был «не кружок, а целая группа», в которой только у питерцев «масса знакомых студентов». Засим из этого следует, что «у членов этой группы есть связи с рабочими, с которыми члены «занимаются». Поэтому естественно, что «питерский единомышленник» женевской группы придает серьезное значение ожидаемому союзу с московской группой. Но и, кроме этого, редакция этой части такова, что можно сделать вывод, что московская группа в момент написания письма (т.-е. не позднее марта 1884 г.) являлась организацией самостоятельной, не связанной с женевцами (очевидно, письмо писано до установления непосредственной связи) и образовавшейся самопроизвольно» (стр. 92).

Прежде всего, цитированное Н. Сергиевским письмо *вовсе не было* от «питерских товарищей», а только от *делегированного* нами, членами группы «Освобождение Труда», Саула Гринфеста (псевд. Финстер), о чем я подробно сообщил в нашем Сборнике [1]). В приведенной Н. Сергиевским выдержке Гринфест вовсе не говорит, что у «питерцев» масса знакомых «среди студентов», а вообще у кого-то, — может быть у него самого или у кого-нибудь из его знакомых. Затем, из существования в Москве «массы знакомых среди студентов и студенток», можно ли сделать вывод, что там имелась «целая группа», «даже не кружок» (к слову, почему первое название важнее последнего, остается тайной нашего ученого). Решительно непонятно, из чего он умозаключил, будто наш «питерский единомышленник» придает «серьезное значение» союзу с московской группой, когда он об этом не заикнулся; также совершенно ошибочен вывод, что московская группа «образовалась самопроизвольно». Как легко убедится читатель, сравнив приведенные в выноске страницы Сборника с сделанными нашим об'ективным ученым «выводами» из забранного у меня при аресте письма, последние построены на песке, совершенно произвольны, нисколько не соответствуют действительности.

Но еще куда искуснее Н. Сергиевский использовал другой документ для доказательства правоты «историка» Акимова, что в Москве действительно существовала «обширная», «эффектная» и т. д. «группа».

Что несуществовавшая в Москве «группа» была марксистской, Н. Сергиевский доказывает еще следующим образом.

«Если выпуск группой марксистской литературы и не служит неопровержимым доказательством ее марксизма, то ее выступление с письмом «к товарищам»... не оставляет никакого сомнения в том, что это действительно была группа марксистская».

Далее, по утверждению нашего исследователя, во главе этой группы «были два марксиста — Людвиг Янович и В. Т. Распопин», но «ко времени выпуска «письма к товарищам» их уже в Москве не было», — «головка была уже срезана». Этим обстоятельством наш исследователь об'ясняет, что предпосланная издателями вводная статья к «Письму» была написана «не четко», «расплывчато», — словом, «сочувствовавшими», неспособными печатно формулировать и защитить свое миросозерцание» (стр. 92 — 93).

Обращаясь затем к содержанию этого «Письма к товарищам», Н. Сергиевский отмечает «критическое и даже скептическое отношение автора, — в отличие от группы «Освоб. Труда», — к роли «социалистической интеллигенции», а из отрицания последней делает такой вывод:

«Стало быть, еще тогда (письмо было написано в декабре 1883 г.) «социалистическая интеллигенция», как самостоятельная сила, некоторыми кружками, примыкающими к марксизму, уже отрицалась, т.-е.

---

[1]) «Группа Освоб. Тр.», № 1, стр. 41, 43, 196, 198 и др.

критика этого понятия началась раньше, чем за границей». Далее он заключает: «Следовательно, автор является сторонником организации партии, одухотворенной учением научного социализма, т.-е. партии социал-демократической» (стр. 94). Это, однако, не мешает ему на следующей странице в примечании заявить, что письмо «напоминает собою лавризм»... «представляет собою изложение идеологии того, что Плеханов называл «упадочным лавризмом» (стр. 95). Прошу читателя заметить все эти заявления Н. Сергиевского, — ниже он увидит, какой из этого получается уморительный курьез.

Несмотря на столь, казалось бы, вопиющие противоречия, заключающиеся в «Письме к товарищам», все же оно, по словам нашего исследователя, «является любопытным памятником для изучения истории революционных идей вообще и русского марксизма, в частности».

Признавая авторитет Н. Сергиевского по всем вопросам социализма, я не осмеливаюсь с ним спорить по поводу его оценки этого «любопытного памятника», который он считает «первым значительным документом московского кружка» (стр. 95).

«Нам неизвестно, кто является автором этого письма, — сообщает далее наш исследователь, — но из обстоятельств дела видно, что он находится поблизости от кружка, хотя и не может непосредственно наблюдать революционные сферы, одним словом, оторван от строя. С одной стороны—близок, с другой стороны—оторван. Да не в тюрьме ли он? Как раз в период написания письма в московской тюрьме сидел Распопин. Не является ли Распопин автором этого письма?».

Итак, мы видим, что главнейшим доказательством нашего исследователя того, что в Москве существовала соц.-дем. группа, является это «Письмо к товарищам», автором которого был, по его мнению, *член этой группы*, — может быть, глава ее, Распопин. Следовательно, если бы оказалось, что это письмо было написано посторонним человеком, то все построение нашего автора рушилось бы подобно карточному домику. Так вот: еще до выхода этого «ученого труда» нашего исследователя, мною было помещено в номере 2-м сборника группы «Освобождение Труда» «Письмо к товарищам», и там же заявлено, что автором его был не кто иной, как П. Б. Аксельрод, что мне доподлинно известно, так как я его читал в рукописи и переправил в Москву. Что П. Б. автор этого письма, не трудно убедиться, не только спросив его, но также сличив содержание письма с другими, несомненными его произведениями, хотя бы с цитируемым самим же Н. Сергиевским «Ответом» П. Б. Аксельрода, напечатанным в «Знамени» (New-York 1/VI, 1889, № 15) [1]). Я не говорю уже о статье П. Б. Аксельрода «Переходный момент», помещенной в «Общине», №№ 8—9 (1878 г.). Повидимому, вместо головоломной для Н. Сергиевского работы, сопряженной с сличением двух текстов, он предпочитает заниматься постройками карточных домиков.

Теперь, когда несомненно, что автором «Письма» был член редакции группы «Осв. Труда», получается прекурьезное положение, в котором

[1]) «Ист.-Рев. Сб.», II, стр. 115, 116.

очутился наш исследователь: оказывается, что его утверждение, будто «автор «Письма», *в отличие от группы «Освоб. Труда»*, слишком критически и *даже скептически относился* к роли «социалистической интеллигенции» (стр. 94), совершенно неосновательно: П. Б. Аксельрод, являвшийся соредактором группы «Осв. Труда», не мог, конечно, одновременно придерживаться двух противоположных взглядов на вопрос о роли «социалистической интеллигенции», — в этом, как и в других вопросах, он был вполне солидарен с нами, остальными членами нашей группы. Между тем, как мы видели, из непонятого места его письма Н. Сергиевским, по обыкновению, сделаны «новые открытия», а именно, что «тогда «социалистическая интеллигенция»... **некоторыми кружками**, примыкающими к марксизму, уже отрицалась, т.-е. критика этого понятия началась раньше, чем за границей» [1]). Ну, разве не богатое у нашего исследователя воображение: плохо понятые им слова одного *эмигранта* оказываются уже взглядами «некоторых кружков» в Москве, если не в России...

Наш ученый исследователь в данном случае запутался еще почище, чем, как мы видели выше, в вопросе о «значительно более об'ективном отношении Плеханова». Мало того: «Письмо к товарищам» П. Б. Аксельрода нашему ученому исследователю «напоминает собою лавризм», к тому же — «упадочный» (стр. 95). Таким образом, Павел Борисович одновременно являлся марксистом и «упадочным лавристом»! Новое доказательство, до чего можно дописаться, задавшись целью «научно» обосновать «тезис» «историка» Махновца!

Далее, в «Приложении» наш равно ко всем справедливый исследователь упрекает группу «Освобождение Труда» в том, что она «замолчала» появление «Письма к товарищам», т.-е. письма своего же сочлена Аксельрода. Ну, разве не уморительный курьез! Да, мы считали излишним упоминать в печати об отправленных нами «с оказиями» письмах наших «к товарищам», — неужели можно нас за это упрекать?

Кроме приведенных Н. Сергиевским в тексте предположений о том, кто мог быть автором «Письма к товарищам», в «Приложении» находится еще немало других его на этот счет глубокомысленных соображений; ради курьеза приведу здесь некоторые.

«Автор брошюры [2]), — заявляет он там, — несомненно не молодой социалист... Находится ли он за границей? Повидимому, нет; он здесь в России, близок к московск. революц. кругам... Возможно, что он в ссылке, но не далекой и т. д. (Затем следуют подробные доводы в подтверждение последнего.)

Не напоминают ли эти соображения глубокомыслие крыловского «механика», взявшегося открыть ларец?

Покончив с вопросом об авторе «Письма к товарищам», наш исследователь с тем же усердием разрешает вопрос, кто был издателем этой брошюры [т.-е. «Письма к товарищам»], после чего он устана-

[1]) Разрядка моя. *Л. Д.*

[2]) «Письмо к товарищам» П. Б. Аксельрода в виде литографированной брошюры появилось в Москве в январе 1884 года.

вливает место издания (литография Янковского), время (январь 1884 г.) и самого издателя (союз). «Что же это за организация, которая печатает такую брошюру, которая печатает Энгельса даже ранее группы «Освобождение Труда»? — задается вопросами наш исследователь и, после глубокомысленных соображений, он, однако, приходит к неопределенному, неясному выводу: то «брошюры эти печатались в литографии по заказу «Московского общестуденческого союза», сорганизовавшегося в декабре 1883 г. из целого ряда студенческих кружков и об'единений различных высших учебных заведений», то — «Обществом переводчиков и издателей, занявшимся систематическим изданием через эту литографию переводной литературы (стр. 169). Но, полагаю, всякий здравомыслящий человек согласится, что и в том, и другом случае, эти организации не являлись соц.-дем., да и сам почтенный Н. Сергиевский этого не утверждает. Таким образом, получается вопиющее противоречие между его заявлением в тексте статьи, где издание марксистских брошюр «исследователь» приписывает «Московской соц.-дем. группе» и «Приложением», в котором, как видим, издателем об'является то об'единение студенческих кружков, то общество переводчиков, — вновь — обычное у нашего автора самоопровержение. Но возвратимся к тексту статьи.

«Московский кружок, — сообщает он далее, — к моменту появления «извещения» группы «Освобождение Труда» выпустил целый ряд марксистских брошюр и занимался уже издательством рабочей библиотеки» (стр. 97).

Выходит, следовательно, что эта в действительности не существовавшая группа все же существовала еще до появления нашей группы — «Освобождение Труда». Получается изумительнейшая несообразность, происшедшая вследствие богатого воображения, присущего Н. Сергиевскому.

«Однако, — быть может, заметит читатель, — ведь вот же он приводит список изданных в Москве в те годы марксистских брошюр, кроме того, он называет Распопина и Яновича, в качестве «головки» московской группы, «марксистами»?

Начну с последнего. Яновича я лично знал и подробно сообщил о нем в № 1-м Сборника группы «Освобождение Труда» [1]). Отсылая туда читателя, я сообщу здесь лишь следующее.

Сношения с ним я завязал через студента моск. университета Светлицкого, приезжавшего в Швейцарию летом 1883 г. и причислявшего себя к народникам. Когда он в конце лета решил возвратиться, я и Плеханов, по принятому нами тогда правилу относительно лиц, возвращавшихся на родину, вручили ему большие письма «к товарищам», в которых каждый из нас, конечно, по своему, излагал причины нашего разрыва с народовольцами, а также наши марксистские взгляды и задачи. Сверх того я снабдил его небольшим количеством наших изданий и условился с ним о дальнейшей переписке и сношениях. Мы с Плехановым как в наших письмах к товарищам, так и устно через него и других уезжавших просили москвичей, а также вообще учащуюся

[1]) Сборн. № 1-й. Стр. 23 — 24 и 194.

молодежь и других городов, если они сочувствуют нашему решению заниматься печатной и устной пропагандой марксизма, вступать с нами в тесную связь и присылать к нам кого-нибудь для переговоров.

В начале января 1884 г. ко мне на квартиру в Женеве пришел молодой человек, заявивший, что он приехал из Москвы и сообщивший условленный мною с Светлицким пароль: это был Людвиг Янович.

Как я, спустя несколько дней, сообщил о нем в Цюрих П. Б. Аксельроду (в письме от 12/I 1884 г.), Янович причислял себя к народникам, но «с большой склонностью к народовольчеству, т.-е. — к терроризму», по тогдашней же моей характеристике его [1]). Он не только не был тогда «марксистом», как ошибочно сообщает наш правдивый «исследователь», но чистосердечно признался нам, что даже несколько предубежден против соц.-дем., хотя и незнаком с их задачами и стремлениями, а потому решил заняться изучением как теории, так и практики западно-европейского вообще, а германского — в частности, рабочего движения. Своей прямотой, искренностью и правдивостью этот молодой человек очень понравился всем нам, женевцам, о чем, повторяю, я тотчас же сообщил П. Б. Аксельроду в Цюрих. Мы все очень с ним сблизились, в значительной степени склонили его на нашу сторону; однако, войти в нашу группу он не мог как потому, что был мало подготовлен теоретически, так и потому, что, будучи литовцем (а не «поляком», как неправильно сообщает Н. Сергиевский), Янович тогда желал посвятить себя главным образом пропаганде социализма среди своих единоплеменников. Для этого он решил заняться переводами на родной язык некоторых социалистических брошюр, в том числе «Социализм и политическая борьба» Г. Плеханова, «Развитие научного социализма» Энгельса и др. Все же, спустя некоторое время, благодаря личному нашему влиянию, он обещал пожертвовать некоторую сумму и на нашу марксистскую литературу, что уже после моего ареста он действительно исполнил.

Что касается вопроса о происхождении появившихся в Москве в литографированном виде как изданий группы «Освоб. Труда», так и заграничной же «Социально-революционной библиотеки» — «Сущность социализма» Шефле, «Наемный труд и капитал» Маркса [2]), «Маниф. Ком. Партии» и др., то, помню, я же ими снабдил упомянутого выше студента Светлицкого. При этом «Развитие научного социализма» я дал ему еще в рукописи; этим следует об'яснить, что в Москве эта брошюра появилась, если это верно, в литографированном виде чуть ли не раньше, чем в Женеве, а не тем, понятно, что не существовавшая «московская соц.-дем. группа», как ошибочно заявляет Н. Сергиевский, раньше нас «приступила к изданию популярной литературы для рабочих». Если мне память не изменяет, я же посоветовал ему переиздать книжку Ланге «Рабочий вопрос», вышедшую сперва легально в России, а затем из'ятую из обращения.

[1]) Цит. Сборн., стр. 194.

[2]) Перевод и предисловие мои, о чем, к слову, об'ективный наш исследователь почему-то упорно избегает упомянуть.

Чтобы переиздать все эти брошюры в литографированном виде при существовании в Москве литографии, принимавшей от студентов с этой же целью разные их курсовые лекции, не требовалось никакого соц.-дем. общества», «союза» или даже «группы», а достаточна была наличность одного-двух «сочувствовавших» нам молодых людей, какими были Светлицкий и другие уезжавшие из Швейцарии русские учащиеся, которых, повторяю, я же снабжал необходимыми количествами экземпляров наших и других изданий, заделанными разными способами для провоза через границу, о чем подробнее я уже сообщил в своем очерке «Первые шаги группы «Освобождения Труда». Вот эти-то «сочувствовавшие», вероятно, и издали в литографированном виде также и письмо Аксельрода к товарищам.

Таким образом, *все построение* нашего исследователя об «эффектной», обширной, «мощной», и т. п. «соц.-дем. организации», будто бы возникшей независимо от нашей группы, основано, с одной стороны, на *полном его незнакомстве* с этой эпохой, которой он посвятил свое обширное исследование, а с другой, повторяю, на заранее поставленной им себе задаче подтвердить, будто бы, несомненным материалом, голословные утверждения «историка» Маховца, почему ему и приходится прибегать к разным натяжкам, вымыслам и пр.

Далее совершенно неверным является сообщение Н. Сергиевского, что «московская соц.-дем. организация» была «с корнем вырвана в течение 1884 г. и разослана по тундрам Сибири» (90 стр.).

С осени того года я, как известно, содержался при чрезвычайно свободном режиме в Московской Пересыльной тюрьме, где одновременно с нами, ссылаемыми в Сибирь, помещалось также много местной молодежи, с которой я встречался, а также и с большим числом лиц, приходивших с воли на свидания. Со многими из заключенных там студентов мы затем, с наступлением навигации, отправились вместе в Сибирь [1]): мы знали всякие подробности о всех предшествовавших нам партиях, но решительно *никто* не упоминал хотя бы о едином соц.-дем., отправленном в те времена «в сибирские тундры за марксистскую пропаганду 1884 г.».

Это *сплошная выдумка* со стороны Н. Сергиевского, который в качестве заведующего «ленинградским историко-революционным архивом» имел, казалось бы, полную возможность ссылками на находящиеся у него под руками официальные документы подтвердить правильность своих утверждений, чего, однако, он не сделал: он не привел *ни единого* документа из бывшего архива департамента госуд. полиции об аресте, высылке в Сибирь и полной гибели в «тундрах» всех «многочисленных», по его голословному утверждению, членов, будто бы существовавшей в Москве в 1883 — 1884 г.г. «солидной», «мощной» и т. д. соц.-дем. организации. Если верить сообщению этого правдивого исследователя, жандармы умудрились так расправиться с открытой им и «историком» Маховцем «могущественной» соц.-дем. организацией, что не только о ее существовании на воле в указанное этими двумя «исследователями», время, но и о ее пребывании под арестом, затем о ее путешествии в Сибирь, а также о ее жизни в «тундрах» не было известно ни единой более душе; ни одного из членов ее никому решительно не удалось не только видеть, но и услышать о нем. Более того: с этой «мощной», но никому неизвестной, «в корне», будто бы, истребленной организацией, случилось то, чего не произошло ни с какой другой хоть сколько-нибудь значительной группой, кружком, организацией. Начиная с декабристов, петрашевцев, членов общества «Земля и Воля» 60-х г.г., каракозовцев, нечаевцев и кончая группой «Освоб. Труда», — с течением времени кто-нибудь от этих и других отправленных в Сибирскую тайгу уцелевал, оставался в живых и затем так или иначе делился своими воспоминаниями об организации, к которой он когда-то принадлежал. Лишь с *единственной*, открытой нашим добросовестным исследователем, организацией, если ему верить, произошел небывалый в истории нашего, а также всемирного революционного движения, печальный случай: «стараниями известного в истории борьбы с революцией жанд. генерала Середы, — заявляет этот ученый, — она была с корнем вырвана в течение 1884 г. и в числе нескольких десятков человек разослана по тундрам Сибири» (стр. 90). Это *чистейшая выдумка* Н. Сергиевского, стоящего, повторяю, во главе ленинградского историко-революционного архива, а потому, полагаю, сугубо *обязанного* знакомить читателей с *действительным* нашим прошлым, а не со своими *фантазиями*.

[1]) См. «16 л. в Сибири».

Таким образом из перечисленного «историком» Маховцем большого количества городов, в которых, будто бы, в средине 80-х годов имелись соц.-дем. группы, Н. Сергиевский назвал лишь три: Минск, Петербург и Москву, при чем относительно первого, как мы видели, он сам согласился, что «историк» Маховец был «не совсем прав», относительно второго он признал существовавшую в нем группу Благоева, имевшую «уклон к лассальянству», сам же основатель считал ее склонною также к лавризму и народовольчеству, почему Н. Сергиевский признает, что она «никак не может быть названа «марксистской». Что касается Москвы, то, как видим из вышеизложенного, «обширная соц.-дем. группа» выдумана только «историком», а ее действительное существование доказано одной лишь фантазией Н. Сергиевского. Относительно всех остальных городов, перечисленных «историком» Маховцем, — «Дерпта, Риги, Вильно, Нижнего-Новгорода, Казани, Одессы, Харькова, Киева, Саратова, Уфы, Екатеринослава, Елизаветграда, Самары», наш осторожный исследователь довольствуется всего-навсего таким характерным и вместе лаконичным заявлением: «У нас нет пока доказательств, что во всем том списке городов, который указывает Акимов, действительно были к середине 80-х г.г. соц.-дем. кружки. *Возможно, что после изучения политических дел большинства судебных палат России это утверждение Акимова оправдается*» (стр. 90).

Обращаю внимание на подчеркнутые мною слова, — у каждого, сколько-нибудь знакомого с историей нашего революционного движения, читателя они должны вызвать изумление, а то и возмущение: кто же

из мало-мальски знакомых с последним не знает, что все дознания по политическим делам вели жандармские правления, которые о каждом своем действии сообщали в III Отделение, переименованное (в 1880 г.) в Департ. госуд. пол.; следовательно, раз Н. Сергиевский обнадеживает, что в судебных палатах могут оказаться документы о соц.-дем. группах в перечисленных «историком» Махновцем городах, то ясно, что сообщения о таких кружках должны иметься в бывшем архиве Департ. гос. пол., и Н. Сергиевский, являющийся, как я уже упомянул, заведующим Ленинградским отделением архива, обязан знать, имеются ли там сообщения о таких кружках. Ясно для всякого, что там *нет их!* В таком случае, на каком же основании гражданин заведующий этим отделением считает себя вправе посылать читателя за розысками доказательств по заведомо ложному адресу? Предоставляю другим судить, насколько дозволителен такой литературный прием...

Я оставил без возражений много выдумок, несуразностей и т. п., в обильном количестве имеющихся в этом замечательном труде «ученого исследователя», потому что за всем этим нет возможности угнаться, — потребовалось бы написать огромных размеров том, чтобы все неправильности опровергнуть. Но на некоторых еще образчиках справедливости, знания и понимания Н. Сергиевским нашего революционного прошлого, относящегося к периоду возникновения группы «Освоб. Труда», все же необходимо остановиться.

Мы уже видели, как этот ученый муж «Письмо к товарищам», автора которого осведомленному человеку нетрудно было отгадать, приписал члену не существовавшего в Москве соц.-дем. кружка и из этой своей выдумки понастраивал бесконечную сеть глубокомысленных выводов. То же самое случилось с найденной у Яновича при аресте рукописью. Из этого наш «механик-мудрец» умозаключает, будто народник-националист Л. Янович, имевший большой уклон к террору, «делал попытку написать соц.-дем. программу, к тому же раньше, чем сделала это группа «Освоб. Труда» (стр. 96).

А это, мол, явствует из того факта, что взятая у Яновича рукопись была написана его рукой, и он признал, что эта программа им, Яновичем, составлена и написана в 1883 г.; следовательно, еще до его поездки за границу, когда, повторяю, он, по собственному его признанию, не только не был марксистом, но и был в некоторых отношениях предубежден против этого направления, он все же составил марксистскую программу! Очевидно, что Янович при допросе, ввиду своих каких-то соображений, взял на себя, в сущности маловажное по обстоятельствам дела, преступление — составление и переписку чьей-то рукописи, текста которой Н. Сергиевский почему-то не приводит, что крайне досадно. Но, даже не видя последнего, я не сомневаюсь, что это не самостоятельное произведение Л. Яновича, а только *переписанное им чье-то чужое.*

Если бы мне удалось познакомиться с текстом этой, будто бы, «программы», «составленной Яновичем», я, по всей вероятности, мог бы

решить, кто ее автор. Но наш беспристрастный исследователь умудрился затуманить это дело.

Тем не менее он все же отчасти выдает происхождение документа, авторство которого Янович взял на себя: в числе найденных в уборной общежития Петровской академии разных документов «находились, — указывает Н. Сергиевский, — программы нескольких партий и в том числе *«программа социально-революционной группы «Освобождение Труда»* (курсив Н. Сергиевского) (стр. 95). Из этого факта наш находчивый «механик» немедленно делает свое столь же удачное, как и все предшествовавшие, умозаключение: «Группа «Освоб. Труда» в своем «извещении», — сообщает он, — призывает сочувствующие кружки к «совместной выработке более полной программы», и московский кружок, получивший это извещение непосредственно по его опубликовании, немедленно приступает в лице Яновича к составлению программы еще в ноябре-декабре 1883 г.» (стр. 95—97, разрядка моя. *Л. Д.*).

Само собой разумеется, что ни Янович и никто иной в Москве в ноябре-декабре не мог «немедленно приступить к составлению программы», к тому же, как сообщил выше Н. Сергиевский, имеющей заголовок: «Программа социально-революционной партии «Освобождение Труда».

Будь наш «механик» столь же остер по части истории русск. рев. движения, сколь быстр он в делании мудрых умозаключений, имей он такую пламенную любовь к открытию истины, подобную испытываемому им влечению ко всякого рода мистификациям, выдумкам и фантазиям, я уверен, что даже на основании им же указанных немногих данных относительно взятого у Яновича документа, он мог бы почти безошибочно сообразить, кто был действительным автором найденного у Яновича документа. Не видев лично последнего, я все же, полагаю, буду ближе к истине, когда скажу, что взятая Яновичем на себя «программа» вовсе не существовавшей «социально-революционной партии «Освоб. Труда» была, вероятно, не больше как переписанное им чье-либо из наших, — скорее всего плехановское, или аксельродовское (другое еще), — «Письмо к товарищам». По получении от студента Светлицкого наших писем Янович нашел в них многое правильным и симпатичным, но рядом с этим он кое-что, вероятно, признал неподходящим для распространения среди молодежи, например, указания на нашу приверженность к немецкой соц.-дем. Возможно, что поэтому он переписал полученное письмо и прибавил к нашему названию «Освобождение Труда», «социально-революционную группу или партию», а при допросе назвал себя автором, чтобы не показать связи с эмигрантами, не навести жандармов на Светлицкого, легально ездившего за границу и т. п.

Приведши выдержку из «Об'явления об издании «Библиотеки современного социализма», в которой мы, члены группы «Осв. Труда», обращались к сочувствующим с просьбой о поддержке, об обмене

услуг и т. д., наш знаток истории русск. рев. движения замечает: «Как будто из приведенного места вытекает, что группа знала о существовании в России и за границей кружков и лиц, сочувствующих ее взглядам; мало того, она даже предлагала совместно выработать программу. Так что же Дейч утверждает, что в сентябре 1883 г. он обращался с таким предложением не к реально существующему, а к пустому месту? Я пасую перед таким остроумием» (стр. 91).

Наш правдивый исследователь по обыкновению не указывает, *где* именно я это «утверждал». Но мне нетрудно вспомнить, что в действительности было мною сообщено и в карикатурном виде представлено здесь нашим мудрецом в приведенной выдержке.

«С такими же оказиями, — сказано мною в Сборнике группы «Осв. Труда» № 1 — мы посылали без определенных адресов, а вообще — революционной молодежи в России обширные письма, в которых, изложив наши задачи, просили об оказании материальной поддержки нашему предприятию, а также о присылке уполномоченных для более подробных переговоров с нами» (стр. 19).

Спрашивается, дал ли я этими фразами правдивому исследователю основание приписать мне «утверждение, что в сентябре 1883 г. я обращался *не к реально существующему, а к пустому месту?*» Имеется ли в моих словах хотя бы намек на подобное толкование? Ясно, что сей «пасующий перед моим остроумием» джентльмен приписал мне им же сочиненные «утверждения», после чего вздумал еще поломаться, пофиглярничать по поводу будто бы мною сказанных нелепостей. Напрасно стали бы мы доискиваться, при чем здесь мое «остроумие», так как нам уже известно, что этот ученый большею частью рассуждает по силлогизму двустишия — «в огороде бузина и т. д.».

Мне не за чем далее, полагаю, пространно об'яснять лицам, не придерживающимся этой логики, что посылать письма из эмиграции с оказиями «вообще революционной молодежи в Россию» не то же самое, что «к пустому месту», но и не то же самое, что в определенные марксистские группы. Своим пасованием перед таким будто бы моим «остроумием» Н. Сергиевский, кроме присущего ему беспристрастия, обнаруживает еще тонкое понимание изображенного мною в статье «Первые шаги группы «Осв. Труда» периода ее возникновения. Не в одном только этом случае он проявляет свои глубокие познания, — в его трактате аналогичных суждений не оберешься. Вот еще образчики.

«Факт появления и распространения идеологии «группы Благоева», — сообщает наш мыслитель, — не только представляет собою характерный пример блуждания соц.-дем. мысли, но и является доказательством н и ч т о ж н о с т и и д е й н о г о в л и я н и я г р у п п ы «О с в. Т р у д а» в тот период на туземные революционные сферы» (стр. 105, разрядка моя. *Л. Д.*). В скобках обращаю внимание, что у этой соц.-дем. группы автор отмечает шатание соц.-дем. мысли. А на следующей странице он же находит правильными сообщения моего петербургского корреспондента, уведомлявшего, что «даже самые ярые наши противники, т.-е. самые глупые народовольцы говорят о «новом направлении», как о чем-то получившем право гражданства». После этого Н. Сергиевский замечает:

«Из этого следует, что «новое направление» было небезызвестно в Питере революционной интеллигенции и наверное рабочим». А так как «корреспондентом» был наш делегат Гринфест, то ясно из только что приведенного, что «влияние нового направления», т.-е. группы «Освоб. Труда» вовсе не было «*ничтожным*», как было заявлено на предыдущей странице. И много раз еще в дальнейшем Н. Сергиевский продолжает заявлять, что «влияние группы «Осв. Труда» было ничтожно», «незначительно», после чего им же приводимые затем выдержки говорят решительно противоположное. Так, на 163-й стр. читаем: ...«слабо было идейное влияние группы на российскую интеллигенцию», а на следующей наш автор без возражений цитирует заявление М. Лядова о том, что «брошенные группой семена соц.-дем. далеко не погибли... Громадность ее заслуги обнаружилась уже в том, что она заставила мысль своих читателей работать в известном направлении» (стр. 164—165).

Говорить о ничтожном влиянии группы «Осв. Труда» можно только проникшись тем «расположением», какое к ней питали народовольцы, народники и лица типа беллетристического «историка»; все же остальные, более беспристрастные, современники констатируют огромное влияние, которое оказывали члены этой группы как своими литературными произведениями, так и устными беседами. Достаточно для этого сослаться на воспоминания разных лиц, печатающиеся в наших сборниках и в других изданиях. Огромные массы русской молодежи, учившейся в многочисленных высших учебных заведениях за границей, куда гнали ее господствовавшие на родине «порядки», с энтузиазмом слушали лекции, рефераты и беседы в особенности, конечно, Плеханова, но также Аксельрода и Засулич, и затем, по возвращении в Россию, разносили «новое направление» по всем концам обширной страны.

Если мы примем во внимание изложенные мною в статье «Первые шаги» и т. д., всевозможные и неимоверные трудности, усугубившиеся еще после моего ареста, то нужно быть бесчувственным человеконенавистником, чтобы отрицать колоссальную роль, какую в ту мертвую полосу русской истории сыграли Плеханов и его товарищи.

Между тем, наш глубокомысленный ученый относится к ним с высоты своего величия: он на каждом шагу «критикует» литературные произведения Георгия Валентиновича, сопровождает их умопомрачительными замечаниями, вроде: «Этот призыв никак не может быть назван блестящей марксистской и соц.-дем. страницей Плеханова» (стр. 147). Прямо, можно сказать, сразил бедного Георгия Валентиновича: воображаю, в какое уныние он впал бы, доживи он до настоящего момента и прочти эту сногсшибательную диссертацию Н. Сергиевского, являющегося достойным преемником столь же «ученого» беллетриста — историка Маховца. Вот еще образчик глубокого понимания и справедливой оценки одного из наилучших произведений Плеханова.

«Факты такого рода самозарождений идеологии являются новым доказательством, как слабо было идейное влияние группы на российскую интеллигенцию», — повествует наш знаток того периода, на стр. 163, и там же он поясняет: «Народнические предрассудки нужно было бить

не тощей по научному багажу брошюрой о разногласиях (слышите! *Л. Д.*), а серьезной экскурсией в область «российской действительности»... «Нужно было доказать, что народнические иллюзии о самобытном ходе российской истории... не имеют под собой никакой научной почвы... Одним словом, не было еще марксистской российской науки» и т. д. (стр. 164).

Да, рано умер Г. В.: он еще более бы навострился, когда бы у Н. Сергиевского немного поучился...

Думаю, могу на этом закончить, хотя далеко не исчерпал даже десятой части всех имеющихся в чудной диссертации нового ученого драгоценностей, красот, открытий глубоких истин и т. д. Но где же нам тягаться с титаном мысли и знатоком нашего революционного прошлого, имеющего такого протектора, как В. И. Невский: ведь они меня раздавят своей ученостью, в порошок сотрут. Все же, куда ни шло, — попробую сделать кое-какие замечания и по поводу литературных упражнений самого редактора «Ист.-Рев. Сборн.» № II.

Если Н. Сергиевский, как мы видели, является выдающимся специалистом по истории нашего революционного движения, то В. И. Невского, на-ряду с этим, надо еще причислить к философам ее, так как он имеет большую склонность к широким и глубоким обобщениям. Своим проникновенным взглядом он охватывает все обширное наше революционное прошлое, освещает его яркими лучами и затем делает изумительные по богатству мысли, выводы. Неудивительно, поэтому, что, витая в абстрактных сферах, он нередко проходит мимо многих неверных исторических сообщений и не только дает место в редактируемых им сборниках некоторым извращениям и измышлениям, но при этом еще усиленно их рекомендует, расхваливает. Об этом, однако, ниже,— остановимся сперва на философских взглядах В. И. Невского.

Уже в конце 70-х г.г. он констатирует среди действовавших тогда революционеров «две классовые прослойки» — «буржуазную и пролетарскую»; в первую он зачисляет: Желябова, Присецкого, Перовскую, Корбу, Якубовича, соц.-рев., кадетов, во вторую — Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча и всю русскую соц.-дем.» (стр. 24 — 25). Иначе говоря, лиц, действовавших на революционном поприще до возникновения группы «Освобождение Труда», наш философ причисляет к «буржуазно-демократической интеллигенции». Конечно, это неверно,—пришлось бы признать также Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Лаврова и многих других «буржуазными демократами», с чем никак нельзя согласиться. Названные мною, как и перечисленные В. И. Невским лица являлись сторонниками утопического социализма, что совсем не тождественно с буржуазным демократизмом. Бывало — и нередко, что утописты переходили в буржуазный лагерь, но, как известно, случалось аналогичное и с марксистами.

Далее, об'яснять, — как это делает В. И. Невский, — раскол в «Земле и Воле» «классовой дифференциацией», которую переживала страна, значит притягивать за волосы «материалистическое об'яснение», которое в данном случае не при чем.

Столь же прав этот «философ», когда возражает против моего сообщения о нашем разрыве с народовольцами, что таковой, как я утверждаю, произошел не на почве теоретических, принципиальных разногласий, а вследствие *личного нашего расхождения* с ними, вызванного историей с перехваченными Тихомировым и Ошаниной, при содействии Судейкина и Дегаева, писем ко мне Стефановича.

Ко всему подходящий с «материалистической точки зрения» В. И. Невский поучает меня заимствованными из моих же статей рассказами и сообщениями о существовавших у нас теоретических разногласиях с народовольцами; это называется моим добром мне же и бьет челом, за что я, конечно, не могу не быть ему чрезвычайно признательным. Тем не менее, осмеливаюсь повторить, что разрыв произошел не из-за теоретических разногласий, хотя я никогда не отрицал наличности последних. Если этот, так же как и Н. Сергиевский, большой знаток нашего революционного прошлого удосужится прочесть статью Плеханова «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестн. Нар. Воли» [1]), он быть может увидит, что и Г. В. об'ясняет наше расхождение совсем не принципиальными разногласиями. Для ознакомления лиц, не имеющих возможности прочитать этот ставший библиографической редкостью номер «Искры», приведу самые лаконичные сообщения из обширного фельетона Плеханова, посвященного этому вопросу.

Передав о выраженной Тихомировым готовности постепенно превратить «Вестн. Нар. Воли» в соц.-дем. орган, Г. В. об'ясняет эту его готовность «дипломатией, равнодушием к теории и его разочарованием в народовольческой программе, а также его желанием привлечь нас к своей партии». «Но что бы там ни повлияло, — замечает далее Г. В., — а договор был заключен, и в результате его явилась моя заметка о книге Аристова», в которой, замечу, Плеханов развил вполне марксистские взгляды. Затем Г. В. пишет: «еще яснее высказался я в статье «Социализм и политическая борьба», при чем Тихомиров решительно ничего не возражал против развитых в ней марксистских взглядов [2]), он «лишь морщился и усиленно зевал» по поводу резкой критики «Нар. Воли», названной хотя *«самой революционной, но зато и самой беспринципной из всех существовавших у нас революционных партий»*. Тем не менее, статья эта была принята. Как же Плеханов излагает происшедший вдруг разрыв?

«Но... человек предполагает, а тайная полиция располагает»,—так начинает Г. В. свой рассказ об этом, после чего сообщает о своей встрече на улице Женевы приехавшего вдруг туда Дегаева. А на следующий день состоялось у нас собрание, на котором, к крайнему нашему изумлению, Тихомиров заявил, что они, народовольцы, не могут согласиться на наше присоединение всей группой. Для нас было ясно,

---

[1]) См. «Искру», № 54, 1903 г. 1/I.

[2]) См. его письма к Лаврову, в Сборн. Группа «Осв. Тр.», № 1-й.

что вдруг в наши с ними отношения вмешался какой-то посторонний, третий элемент, но какой именно, мы, конечно, не могли отгадать [1]).

«Мне остается прибавить только два слова» — писал в конце своего фельетона Плеханов — «*Дегаев уже был тогда в сношениях с Судейкиным, чего не подозревали ни мы, ни Тихомиров.* Стало быть *дегаевская поездка за границу для передачи Тихомирову мнения «молодых товарищей» о сближении его с нами не обошлась без участия Судейкина.* Думайте об этом, что хотите, я же повторяю: человек предполагает, а тайная полиция располагает».

Я целиком подписываюсь под этим рассказом, но он неполон, что я и указал в названной своей статье, так как Г. В. тогда не знал содержания писем Тихомирова к Лаврову, попавших мне в руки уже после его смерти.

Как видит читатель, Плеханов также ни единым словом не упоминает о теоретических разногласиях, как о причине нашего расхождения. Естественно, поэтому, спросить, на каком основании В. И. Невский, знающий об этом обстоятельстве из наших же только рассказов, берет на себя смелость тоном ментора поучать нас: «нет, вы неправильно излагаете причину вашего разрыва», — таким образом выходит, что он это дело лучше нас знает, так как прочел о нем в наших же статьях, после чего, вкривь и вкось, приводит из них выдержки. Полагаю, каждый читатель, знакомый с элементарной логикой, согласится, что употребляемый В. И. Невским прием опровержения нас очень оригинален.

...«Право же, — утверждает этот выдающийся знаток нашего революционного движения, — не имеет никакого значения то обстоятельство, что Тихомиров не желал, чтобы Л. Г. Дейч участвовал в общем деле, или то обстоятельство, что тогдашний лидер «Нар. Воли» называл Дейча обидной кличкой («ехидное животное») (стр. 25 — 26).

Прежде всего, я нигде не упоминал о том, что Тихомиров «называл меня обидной кличкой»; я только поместил его письма к Лаврову, в одном из которых она приведена. Следовательно, В. Невский *уже от себя* прибавил, что «лидер «Нар. Воли» так меня называл»; затем, я никогда не писал, будто «это обстоятельство» играло какую-либо роль в нашем разрыве, как можно заключить из произвольного, крайне неверного, его изложения.

Что же касается нежелания Тихомирова, чтобы я участвовал в общем деле, то, говоря словами специалиста редактора. — «право же это обстоятельство имело значение», и я уверен, что это подтвердят здравствующие П. Б. Аксельрод и Р. М. Плеханова, несколько ближе, как известно, знакомые с историей нашего разрыва с народовольцами, чем В. Невский.

Я, конечно, не льщу себя надеждой убедить в этих промахах, как и в многочисленных других, делаемых сплошь и рядом В. И. Невским в его трактованиях нашего революционного движения. Убедить

[1]) См. подробно об этом в моей статье: «О сближении и разрыве с «Н. В.», «Прол. Рев.», 1923 г. 8/20.

можно лишь того, которому дорога истина, кто желает постичь ее: В. И. Невский не из этой категории писателей, в чем легко убедиться даже на основании одного лишь разбираемого мною здесь сборника, вышедшего под его редакцией. Дорожащий, любящий правду писатель не расхваливает, не рекомендует статей, полных вопиющих извращений, подтасовок и прямых глумлений над нашим революционным прошлым, каковыми являются воспоминания О. Аптекмана по поводу «Черного Передела» и «исследования» Н. Сергиевского о группе «Освоб. Труда». В. И. Невский имеет своеобразный взгляд на правду в исторических материалах, в воспоминаниях, исследованиях, — он прямо пишет, что не существенно, сколько бы ошибок ни было в статьях. «Историки в свое время исправят их» (стр. 268). В просторечьи это уже не означает «ври, но меру знай», а — ври, сколько влезет. Что и говорить, взгляд оригинальный!

Кроме обширной статьи, посвященной группе «Освоб. Труда», не представляющей, как мы уже видели, большого вклада в историю нашего революционного прошлого, В. И. Невский еще снабдил напечатанную в этом же сборнике мою статью о «Черном Переделе» замечательным предисловием, на котором для своего оправдания остановлюсь несколько подробнее. Замечу предварительно, что, рассчитывая, очевидно, на непонимание читателей, на их неспособность разобраться, В. Невский в своем предисловии далеко не точно передает мои сообщения, взгляды, делает из них неправильные заключения, уклоняется от прямого ответа и т. д. Начнем по порядку.

Как легко может убедиться читатель, я в своей статье о «Черном Переделе», указал на *огромное число* грубейших ошибок, несправедливых нападок на умерших и извращений, заключающихся в статье О. Аптекмана, которую В. Невский в предпосланном ей предисловии, тем не менее, назвал «*лучшим комментарием* к переходной эпохе». Вместо того, чтобы после сделанных мною на этот счет указаний признать свою ошибку и прямо заявить, что, мол, увлекся, зарапортовался, как обязан поступить правдивый писатель, В. Невский из оборонительного положения перешел в наступательное.

Признав, что в статье Аптекмана «без сомнения имеется много неверных утверждений», этот находчивый редактор опровергает меня:

«Такие же неверные утверждения имеются, конечно, и у Л. Г. Дейча. В виде примера можно привести утверждение Л. Г. Дейча, что «Короткевич, кажется, не входил в общество «Земля и Воля» (стр. 267; разрядка моя. *Л. Д.*).

Итак, если человек говорит: «кажется», то это означает, что он «утверждает», а не выражает только *предположение!* Но допустим, что это правильно в логическом отношении, — может ли такое «неверное, будто бы, утверждение» итти в какое-либо сравнение с буквально десятками грубейших искажений, на которые я указал в статье Аптекмана, хотя далеко не все привел. Далее, пусть указанное *единственное* мое, будто бы, тоже «неверное утверждение» компенсирует *все* сделанные Аптекманом извращения, — следует ли из этого, что В. Невский, признающий теперь наличность в статье Аптекмана «многих

неверных утверждений», может этим оправдать свой отзыв о его произведении, как о «лучшем комментарии к указанной эпохе»? Что получается из об'яснения В. Невского: так как и в статье Л. Дейча тоже имеются «неверные утверждения», значит я, В. Невский, вправе был признать статью Аптекмана лучшим комментарием». Удивительная, не правда ли, логика! В. Невский уподобляется здесь уличенному в неблаговидном поступке шкодливому школьнику, который вместо признания своей вины взводит на обвинителя не совершенный последним проступок.

Я показал далее, что О. Аптекман в совершенно ложном свете представил в своей статье дело В. Засулич, что его изображение противоречит многочисленнейшим рассказам и свидетельствам современников, в том числе его собственному, находящемуся в его книге «Земля и Воля» [1]). Тем не менее В. Невский вновь берет на себя роль ментора и приводит мне в поучение соображения, совершенно извращающие значение одного из крупнейших фактов нашего революционного прошлого.

«Л. Г. Дейч, — повествует затем этот защитник искажений в воспоминаниях, — указывает (и совершенно правильно), что нельзя сводить к личным качествам Плеханова и Тихомирова причины раскола «Земли и Воли». Да, правильно, это не научно и ничего не об'ясняет. Но ведь Л. Г. Дейч и сам в своей очень ценной во многих отношениях статье тоже ни слова не говорит о причинах раскола, так что и его самого можно упрекнуть в том же, в чем он упрекает своего бывшего товарища по организации» (стр. 268; разрядка моя, *Л. Д.*).

Прежде всего я не писал, что «нельзя сводить к личным качествам», но *доказывал*, что *вовсе не было личной причины*, а были исключительно *принципиальные разногласия*, как между членами редакции «З. и В.», так и между всеми остальными членами, поделившимися на «деревенщиков» и «террористов». Ясно, что ловкий школьник-редактор подсовывает мне свое толкование. Второе же его заявление, будто и я *«ни слова* не говорю о причине раскола», совершенно неверно, так как из 50 страниц, которые занимает моя статья, по крайней мере, 15 почти целиком заняты изложением причин раскола. Ну, разве этот редактор не напоминает своею смелостью шаловливого школьника?

Если бы заявление В. Невского, что в моей статье *«тоже нет ни слова* о причинах раскола» было верно, — как же в таком случае, может «редактор» находить ее очень «ценной во многих отношениях?» Она, наоборот, была бы никуда негодной, т.-е. такой же неправдивой, а, следовательно, вредной, какой является статья О. Аптекмана о «Черном Переделе». Этого, очевидно, наш бойкий школьник не может понять.

Возражая в своей статье О. Аптекману по поводу неверного его освещения чигиринского дела, я, между прочим, сослался на Плеханова как на последовательного, выдержанного марксиста, тем не менее не отнесшегося резко отрицательно к нам, участникам этого заговора. «Зная, — заявил я, — с одной стороны, насколько серьезно Плеханов относился ко всему, что революционно и, наоборот, к тому, что реакционно, помня о том, как беспощаден он был ко всякому оппортунизму, — читатель, полагаю, скорее согласится со взглядом на чигиринское дело Плеханова, чем Аптекмана, далеко не являющегося образчиком ортодоксального марксизма, иначе он не мог бы состоять членом общества «Народное Право», которое, как известно, проповедывало необходимость свернуть социалистическое знамя» (стр. 275).

[1]) См. мою рецензию о ней в «Каторге и ссылке, 1924 г., № 3/10.

Это мое об'яснение также не по плечу шаловливому редактору, корчащему из себя взрослого и потому начинающему вдруг басом читать другим нотации:

«К чему же такой тон, который допускает тов. Дейч по отношению к тов. Аптекману, упрекая его, напр., в том, что он вступил в свое время в «Народное Право»? Неужели Л. Г. не ясно, что так аргументировать нельзя ни в каком случае, и что такие доводы так же мало способны подорвать основательность суждений Аптекмана, как если бы кто-нибудь вздумал оспаривать правильность исторических выводов самого Дейча ссылкой на то, что он отдал предпочтение правому крылу соц.-дем. перед левым?» (стр. 268; разрядка моя. *Л. Д.*).

Здесь, не говоря уже про уморительный тон, что ни фраза, то в своем роде перл. Прежде всего, я вовсе не «упрекал» Аптекмана за вступление в «Народное Право», а лишь *сослался* на этот факт в доказательство его *неортодоксального* марксизма, что необходимо было сделать для опровержения претенциозного и несправедливого его отношения к чигиринскому делу. Очевидно, различия между «упреком», ни к селу ни к городу, будто бы, мною сделанным, и *подкреплением* своих доводов сравнением ортодоксальности Плеханова с оппортунизмом Аптекмана, смелый редактор не в состоянии уловить, почему он и наговорил вновь немало «оригинального», в том числе и о моем будто бы предпочтении правого крыла соц.-дем.

Но шедевром ловкой защиты Невским Аптекмана и заодно себя самого, признавшего никуда негодную статью «лучшим комментарием», является конец предисловия этого оригинального редактора, где он спрашивает:

«Помогает ли хоть на йоту выяснить вопрос о расколе «Земли и Воли» полемический прием тов. Дейча о вычурном слоге Аптекмана?».

Здесь вновь наш школяр обнаружил свою полную неподготовленность к редакторской функции, так как я не в качестве «полемического приема» упомянул про чересчур вычурный стиль статьи Аптекмана, а потому, что всякого читателя, обладающего малейшим литературным вкусом, не может не раздражать напыщенность, обилие деланных, искусственных фраз и словечек, которыми изобилует статья о «Черном Переделе». По поводу же того, что и о моем стиле этот высокий ценитель литературных произведений может, как он заявляет, сделать «немало весьма суровых критических замечаний», могу лишь выразить крайнее сожаление, что замечательный редактор ограничился только угрозой.

У каждого, мне кажется, здравомыслящего человека, по прочтении разбираемого мною здесь Сборника, должен возникнуть вопрос: каким образом попала в него моя статья? Я, поэтому, считаю необходимым сказать несколько слов в свое оправдание.

Когда В. И. Невский осенью 1923 г. стал усиленно просить меня написать статью о «Черном Переделе» для задуманного им юбилейного номера Сборника по поводу 40-летия группы «Освобождение Труда», — мне его литературная физиономия была мало знакома, а о Н. Сергиевском, повторяю, я совершенно ничего не знал. Только по прочтении указанных выше произведений этих двух достойных, но неизвестных мне писателей, я понял, в какой прекрасной компании я очутился. Само собой разумеется, я, поэтому, чрезвычайно благодарен В. Невскому за доставленное им своим приглашением мне счастье участвовать в таком превосходном Сборнике. Благодаря уделенному мне этими выдающимися писателями вниманию, я получил возможность приобрести от них чрезвычайно ценные сведения, поучения, указания и т. д. Я увидел, какие крупные в разных отраслях знаний сделали они открытия, к сожалению, мало известные вне России. Особенно, конечно, замечательны истины, развитые в прекрасном исследовании Н. Сергиевского. Но и у В. Невского, как мы видели, немало ценных открытий, кроме совета не смущаться извращениями без всякой меры нашего революционного прошлого.

Да, истинно верна поговорка: век живи, век учись! Не могу, поэтому, не повторить, что сугубо тяжело сознавать, что мои друзья, сошедшие в могилу, потеряли столь прекрасную возможность еще многому поучиться у авторов посвященного юбилею их деятельности Сборника.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ПАМЯТИ ДЕЛИНА

(РЕЧЬ НА МОГИЛЕ) [1].

Г.г. Достаточно было узнать Делина, чтобы полюбить его. Кто [его] знал, тот не мог не полюбить его. Для всех, имевших более или менее продолжительные личные отношения к нему, смерть его является большой потерей. Лично мне становится очень грустно при мысли о том, что я уже никогда-никогда, ни в Ницце, где я посещал его зимой, ни в Женеве, где он посещал меня летом, не увижу его улыбки, полной такой неподдельной доброты и такого беспредельного добродушия. Но его исчезновение не есть только потеря для его близких. Далеко нет. Правда, он не был воинствующим представителем какого-нибудь определенного соц[иально]-политич[еского] направл[ения]. Делин не был выдающимся работником в той области общ[ественной] деятельности, к[ото]рая назыв[ается] у нас *культурной работой*. Но в течение долгих лет он неутомимо трудился над ознакомлением Франции с лучшими созданиями русской литературы и русского искусства. В этой области его заслуги поистине очень велики, и за это ему должна сказать большое спасибо вся культурная Русь, и не только *Русь*. Смею думать, что его новое отечество, *Франция*, тоже кое-что выиграло, ознакомившись, благодаря ему, со многими произведениями русского литературного и художественного творчества.

Он горячо сочувствовал всякому прогрессивному движению в области науки, литературы, искусства и политики. Он был непримиримым врагом русского деспотизма, он горячо

---

[1]) Среди значительного количества привезенных Роз. Марковной Плехановой рукописей оказалось два черновика речи, посвященной Плехановым памяти старого русского эмигранта Михаила Ашкинази, натурализовавшегося во Франции и известного в литературе под фамилией Делина, в качестве переводчика лучших русских авторов на франц. яз. Скончался он в Ницце, если не ошибаюсь, в марте 1914 г.

Я соединил оба варианта, опустив повторения. *Л. Д.*

сочувствовал освободительному движению пролетариата: «Фердинанд Лассаль» (брошюра), «Праздник в честь Герцена» и «Жертвы царя» (1880 г.), когда французы еще так мало знали о русском «нигилизме».

О нем с полным правом можно сказать, что он много содействовал *франко-русскому* союзу. Но тот союз, для которого он трудился, не имел ничего общего с шовинизмом: это был союз двух культурных народов на почве идейного и художественного творчества.

Симпатия к *Франции* не предполагала у него неприязни к Германии. Хотя он и не был исключительно сторонником одного какого-нибудь политич[еского] направления, но это не мешало ему быть убежденным *интернационалистом*.

Вы все помните праздник в честь Г[ерце]на; вы все помните, какое горячее участие принимал в нем Делин. У Делина не было таланта Г[ерце]на. Да и никто из нас не имеет его. Но это горячее сочув[ствие] одного выходца из России другому выходцу, представителю более раннего времени, свидетельствует о том, что, вообще говоря, они принадлежали к одному разряду общественных деятелей.

Во времена Г[ерце]на таких деятелей было очень мало, теперь их гораздо больше. Но их все-таки еще меньше, нежели нужно. Тем теснее должны они сомкнуться.

Пусть об этом напомнит наш нынешний день, когда мы провожаем Делина в его [последний путь[?] — неразборчиво].

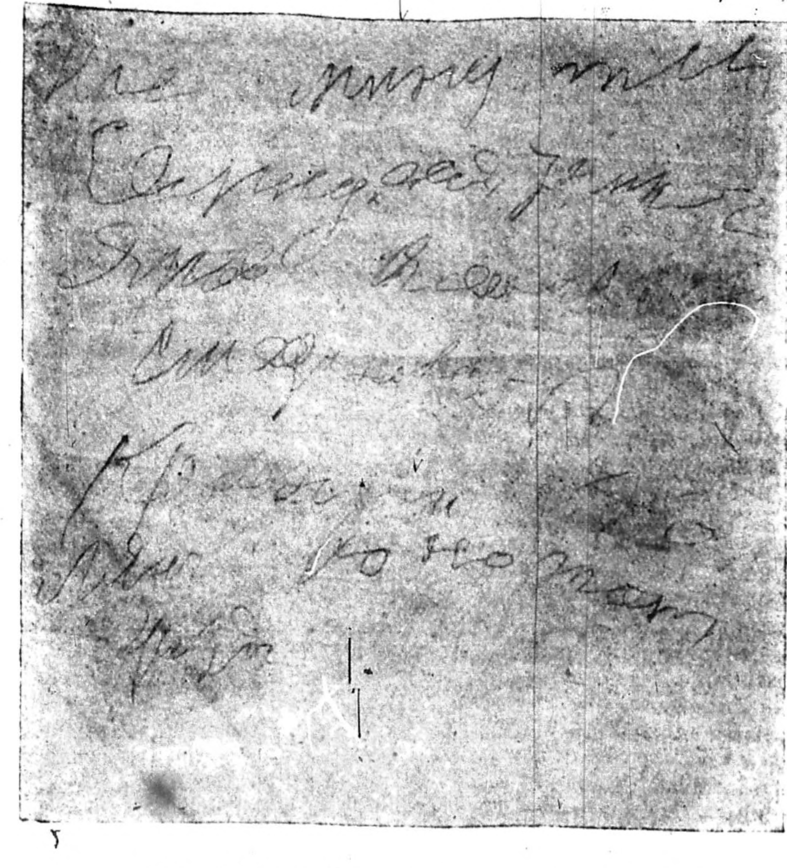
ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО Я. В. СТЕФАНОВИЧА [1])

[1]) Собственноручно написано Стефановичем в газету «Киевская Мысль». Подлинник был прислан родственниками Вере Ивановне Засулич, в архиве которой он находился до ее смерти. В настоящее время этот документ хранится в ред. наших Сборников. *Л. Д.*



Я. В. Стефанович в год смерти (62-х лет).

Факсимиле предсмертного письма Я. В. Стефановича.



Киев. «Киевская Мысль». Фундуклеевская ул., № 19.

Сегодня в ночь на 1-е апреля за несколько минут до смерти заканчиваю свое существование после многолетней болезни (болезни сердца). Очень сожалею, что не увижу, как закончится нынешняя свирепая война. Желал бы исполнения лучших чаяний. Последний привет как всем любившим меня родственникам, так и добрым знакомым и товарищам. В особенности верному другу Вере Ивановне. Да будут легки твои последние минуты.

Семидесятник *Яков Васильевич Стефанович.*

Красный Колядин Конотопского уезда.

[1 апреля 1915 г.]

Л. ДЕЙЧ

Н. И. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ

Старый приятель членов группы «Освобождение Труда», много помогавший им в тяжелые годы их эмигрантской жизни, автор напечатанных в наших сборниках воспоминаний о них, — Николай Иванович Кулябко-Корецкий скончался 21 декабря мин. г. в Воронеже.

Смерть его является тяжелой утратой не только для нас, людей близко его знавших, любивших и очень его ценивших, но и для огромного числа трудящихся, неоднократно слышавших его чрезвычайно интересные, поучительные рассказы преимущественно из нашего далекого революционного прошлого.

Николай Иванович не был марксистом: вследствие условий своего прошлого он рано стал мирным народником, умеренным социалистом-утопистом-республиканцем и остался таким до самой смерти, постигшей его на 70-м году его жизни.

Сын зажиточного помещика Черниговской губернии, родившийся в 1855 году, Н. И. ослеп 9-ти лет, что, однако, — благодаря его природным дарованиям и огромной любознательности, — не помешало ему приобрести довольно большие и разнообразные сведения. Наиболее любимыми предметами для него были: история, социальные вопросы и юриспруденция. Обладая обширной памятью и довольно большим ораторским даром, Н. И. избрал для себя профессию адвоката, что давало ему возможность выступать в защиту гонимого и преследуемого трудящегося люда. Проникнутый искренной симпатией ко всем униженным и оскорбленным, Н. И. умел расположить в пользу преследуемых даже пристрастных царских судей, почему ему нередко удавалось выигрывать совсем, казалось, безнадежные процессы. Эти удачные защиты создали одно время громадную популярность «слепому адвокату» с широкой окладистой бородой, среди низших слоев населения многих наших губерний.

В качестве защитника исключительно этих слоев, Н. И. всегда умел в своих речах обобщать каждый данный случай несправедливости со стороны власть имущих по отношению к слабым и угнетенным, что, конечно, не могло нравиться разного рода начальству, и в 1881 году Кулябко-Корецкий, по распоряжению свыше, был лишен права заниматься адвокатской практикой.

Продав имевшийся у него небольшой хутор, Н. И. в конце 80-х годов отправился за границу с целью об'единить всех оппозиционно-настроенных эмигрантов, о чем он так интересно рассказал в № 2 нашего Сборника. Тогда же из небольшой сравнительно суммы имевшихся у него средств он по собственной инициативе уделил тысячу рублей членам группы «Освобождение Труда» на издание сборника — «Социал-Демократ».

Едва ли современные читатели,— конечно, если судить о них по таким «умным и беспристрастным исследователям» как Н. Сергиевский и В. Невский, — могут себе представить, какую огромную роль в нашем марксистском движении сыграла эта тысяча рублей, данная «слепым адвокатом» Плеханову и его товарищам. Это его крупное пожертвование было тем более поразительно, что, как я уже сказал, по своим воззрениям Н. И. не только не был марксистом, но скорее являлся даже их противником. Но наблюдательный, несмотря на свою слепоту, необыкновенно чуткий, отзывчивый, искренний и умный, Н. И. своим добрым сердцем скоро уловил, что его тысяча в руках первых русских соц.-дем. сослужит куда бо́льшую службу делу освобождения бесконечно любимой им родины от тяготевшего на ней жестокого деспотизма Александра III, чем когда она достанется на бомбы его единомышленникам народовольцам или же — на украинскую литературу его компатриоту Драгоманову с К⁰.

Не говорю уже о той незаменимой услуге в чисто личном отношении, которую оказал Н. И. Георгию Валентиновичу и Вере Ивановне этим крупным пожертвованием, полученным ими как раз в период их особенно стесненного материального положения, когда состояние их было отчаянное, в чем нетрудно убедиться, как из многочисленных писем их и их друзей, так и из воспоминаний разных лиц. Из обширнейшего круга «знатных» и незнатных вояжеров, иногда являвшихся обладателями не меньших средств, чем бывшие у Н. И., к тому же выдававших себя за единомышленников и последователей Плеханова и его товарищей, — за несколько десятилетий их пребывания в эмиграции им не встретился никто другой, который так благородно отнесся бы к ним, как слепой адвокат. Даже, как мы знаем, поплатившись за свое пожертвование долгим тюремным заключением, особенно тяжелым для него как лишенного зрения, а затем продолжительной ссылкой, честный, благородный Н. И. нисколько не проникся злобой к виновнице этого, — к Вере Ивановне Засулич и не уподобился «прекрасным» молодым последователям, вроде Классона и Коробки, которые не только открещивались перед жандармами от какой-либо солидарности со своими «великими учителями», но по их адресу еще отпускали разные гнусные словечки. Нисколько не выдававший себя за сторонника крайних взглядов, Н. И., однако, открыто признал свои сношения с членами группы «Освобождение Труда».

Не в этом только выразилось честное, смелое и бескорыстное поведение Н. И. Лишенный права заниматься адвокатурой, он начал читать лекции на исторические и социальные темы, для чего исколесил, — конечно, с «вожатым», — не только Евр. Россию, но и значительную часть Сибири, имея всюду колоссальный успех, сопровождавшийся, понятно, затем арестом и тюремным заключением, а то и помещением в казематах Петропавловской крепости, после чего следовала административная ссылка.

Пользуясь некоторыми «политическими веснами» и сопровождавшими их иногда благоприятными кон'юнктурами, Н. И. не только выступал в печати в качестве довольно откровенного публициста, смело порицавшего наш нелепо-гнусный полицейско-черносотенный строй, но ему даже удавалось, — конечно, ненадолго, — приобретать собственный литературный орган, в котором он энергично защищал необходимость всяких свобод.

Этой же проповедью он занимался в многочисленных общественно-просветительных и культурных учреждениях, членом, а то и председателем которых он никогда не отказывался стать. Словом, разнообразна и плодотворна в течение многих десятилетий была его деятельность, перемежавшаяся тюремными заключениями и административными ссылками вплоть до Февральской революции.

Нечего говорить об охватившем тогда старого защитника обездоленных восторге. С тех пор, вплоть до постигшей его летом минувшего года болезни, Н. И. целиком отдался чтению в разных концах России публичных лекций, собиравших огромные массы слушателей. Он выступал не только в наиболее крупных центрах, но и в самых незначительных поселках, в которых имеется сколько-нибудь заметное население. По приблизительному подсчету за последние годы Н. И. прочел больше 2.000 лекций в разных промышленных пунктах, на многих заводах и фабриках.

Я далеко не исчерпал разностороннюю и чрезвычайно полезную деятельность этого изумительно предприимчивого, твердого, непоколебимого и вместе на редкость честного, не-

дюжинного человека. Н. И. несомненно оставил о себе наилучшую память у многих десятков, если не у сотен, тысяч трудящихся людей.

Не могу не выразить, поэтому, в заключение своей глубокой скорби по поводу того, что, несмотря на неимоверную затрату нервных и физических сил, требовавшихся для его бесчисленных раз'ездов и выступлений, при крайне неблагоприятных условиях, — материальное положение Н. И. было очень незавидное, почему он с значительной семьей — сам-пятый — переносил большие лишения и что ускорило его смерть. Лишь незадолго до кончины он стал получать очень маленькую пенсию.

Пользуясь этим случаем, посылаю от своего имени, а также от имени других членов Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова, семье Николая Ивановича наши искреннейшие соболезнования и пожелания найти в себе силы по возможности безболезненно перенести эту тяжелую для всех нас утрату.

В качестве иллюстрации привожу следующее письмо.

Л. Д.

29 VI 24 г.

Дорогой Лев Григорьевич!

Я заболел и пролежал апрель и часть мая, но, очень нуждаясь в деньгах, в мае отправился в турне и прочел 15 лекций, при чем, как официально удостоверено, общая посещаемость их превысила 12.000 человек, но в это время я был так болен, что каждый день читал при T° 38,5. Это был какой-то гипноз, какое-то сумасшествие!

Наконец, меня замертво привезли в Воронеж, и мне уже казалось, что все мои безумствования завершены. Но профессор взялся меня вылечить, потребовав, чтобы я без движения провел в постели 6 недель. Пока я отлежал только $^1/_3$ этого срока.

Появилась нужда, стал продавать вещи. Первым делом отнесли на базар пишущую машину, великолепную, но покупатели не торопятся!

В эту минуту мне приходит в голову, что вы могли бы сказать кое-кому о моем положении, — может быть, назначат пособие, или, как говорят крестьяне, «способие».

Когда-то, и даже недавно, я не отказывал, раздавал деньги направо и налево, а теперь сам оказался в нелепом положении.

Теперь о делах: само собою разумеется, вы совершенно правильно из'яли из статьи о Г. В. все, что касается В. И., так как, писавши эту статью, я не имел в виду, что придется писать вторую. Что касается до поправок, то в моем теперешнем положении мне приходится просить, чтобы вы их сделали сами. Надеюсь к августу подослать еще какие-нибудь подробности и воспоминания о Вере Ивановне.

Что касается до наших фактических споров, то я думаю, нет надобности продолжать их: замечу только, что хвалебный, посмертный отзыв Плеханова о Михайловском — это факт, лестный не для Михайловского, а для Георгия Валентиновича, так как характеризует его огромное благородство. Предоставляю вам судить, что чувствует моя жена, моя дочь, и что чувствую я, читая ваше утверждение, что такой статьи

не было, когда мы глядим друг на друга и припоминаем отдельные выражения той статьи.

Что касается до Рошфора, то никто, знающий историю Франции, не согласится с вашим определением, что это был человек «не лишенный некоторого фельетонного таланта».

Нам с вами было лет по 14, когда Рошфор надавал таких затрещин 2-й Империи, от которой она никогда не смогла оправиться. Да, Рошфор беспринципный человек, это правда, но с огромным, несравненным талантом фельетониста и необузданным темпераментом борца.

В 1880 г. после общей амнистии, при возвращении Рошфора в Париж, народ отпрягал лошадей из его экипажа и вез его на себе: неужто это за маленький талант фельетониста и за огромные недостатки, о которых вы пишете? Позже Рошфор впутался в буланжистскую историю, бежал из Франции и, живя в Лондоне издавал ежедневную газету в Париже, к которой так прислушивались в эпоху убийства Карно и семимесячного президентства Казимира Перье. Последнему Рошфор надавал таких же пощечин, как некогда Наполеону III. Я присутствовал 3 февраля 1895 г. в Париже при встрече амнистированного Рошфора. Помню, как дрогнула земля от виватов, когда подошел поезд. Радиусом в 2 версты вокруг вокзала прекратилось всякое движение, так как толпа запрудила улицы и тротуары. Экипаж президента республики Феликса Фора безнадежно завяз за 2 версты от вокзала в народной гуще. На расстоянии каждых 100 шагов специальные оркестры играли, а певцы пели нарочито сочиненный гимн «Le retour du grand proscrit».

Конечно, толпа — плохой судья, и все-таки человеку, при «маленьком таланте фельетониста и огромных пороках», таких оваций не делают.

Я обнимаю вас, Лев Григорьевич.

Надеюсь, что вы не будете сердиться за мое упрямство.

Ваш *Н. Кулябко-Корецкий.*

В РЕДАКЦИОННОМ ПОРТФЕЛЕ

Кроме всего помещенного в трех вышедших наших Сборниках, в нашем распоряжении имеется еще большое количество в значительной степени уже подготовленного для печати разнообразного материала, преобладающая часть которого привезена из Парижа приехавшей к нам на время Р. М. Плехановой. Так как, ввиду большого размера этого материала и технических затруднений при печатании, он не может быть в скором времени опубликован, между тем некоторым нашим читателям, вероятно, интересно знать, каким материалом мы уже располагаем для дальнейших наших Сборников, мы поэтому решили привести здесь общую опись имеющегося в настоящую минуту в нашем портфеле, не считая всего находящегося еще в Париже в архиве Г. В. Плеханова, что также надеемся своевременно получить.

Удовлетворяя, таким образом, естественному интересу наших читателей, мы, кроме того, дадим этим опубликованием возможность лицам, письма или ненапечатанные литературные произведения которых упоминаются здесь, вступить с нами в переговоры по поводу помещения этих материалов в наших Сборниках. При этом считаем нужным заявить, что крайним сроком для изложения своих желаний и условий со стороны самих авторов писем, документов и статей или их наследников мы назначаем *конец декабря 1925 года*. После этого срока Редакция будет уже считать себя вправе опубликовывать не только материалы авторов или их наследников, которые дали нам на это прямое свое согласие, но также и тех лиц, которые почему-либо ничего не заявили до указанного последнего срока. *Ред.*

I. Г. В. ПЛЕХАНОВ.

1. ПИСЬМА.

Его к В. И. Засулич с конца 80-х г.г. до 1910 г.
„ „ Р. М. Плехановой с 1893 г. до 1903 г.
„ „ товарищам от 18 февр. 1919 г.
„ „ Л. Г. Дейчу.
Ему от В. Засулич — 1891 — 1913 г.г.
„ „ А. Исаева, проф. — 1897 — 1902 г.г.
„ „ Бонч-Бруевича, В. — 1898 — 1901 г.г.
„ „ П. Аксельрод — 1890 — 1900 г.г.
„ „ Л. Аксельрод — 1900 — 1916 „
„ „ Л. Дейча — 1902 — 1916 г.г.
„ „ А. Коллонтай — 1905 — 1908 г.г.
„ „ В. И. Ленина — 1901 — 1905 „
„ „ Потресова—после 1905 г.
„ „ Мартынова—тоже.

Ему от Мартова — тоже.
„ „ Дана — тоже.
„ „ Прокоповича и Кусковой—конец 90-х г.г.
„ „ Цедербаума (Мартова)—1907 г.
„ „ Кусковой—Е. 1907 г.
„ „ Венгерова—1907 г.
„ „ Бабина 1907 — 1912 г.г.
„ „ Овсянико-Куликовского—1908 г.
„ „ Иоффе (Деборина)—1908 — 1909 г.г.
„ „ Сестер Вер., Вал. и Семашко—1908 г.
„ „ Зиновьева—1910 — 1911 г.г.
„ „ Раппопорта Ш.—1910 — 1912 г.г.
„ „ Негорева—1910 г.
„ „ Стеклова—1910 и нач. XX в.
„ „ Игорева Б.—1910 г.
„ „ Каменева—1911 г.
„ „ Арх. (?)—1911 г.
„ „ Райхесберга—1911 г.
„ „ Рамишвили П.—1912 г.г. и 1914 г.г.
„ „ Любимова А.—1913 — 1914 г.
„ „ Дальского С.—1913 г. (Эттинг.-Бернск. студ.).
„ „ Пешкова А. (Горького) 1913 г.
„ „ Ольгина—1914 г. и др.
„ „ Бурьянова—1914 г.
„ „ Веньямина—1914 г.
„ „ Пантелея (Дневницкого)—1914 г.
„ „ Авксентьева Н.—1916 г.
„ „ Павликова (участник казанск. демонстр.)—1917 г.
„ „ Аксельрод И.—1917 г.
„ „ Аксельрод. Л.—1917 г.
„ „ П. Б. Аксельрода.
„ „ Воронова (без даты).

2. СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ.

Социал-демократия и терроризм в России.
В России („Socialiste"—5 — V 1901).
Русские социалисты и война (русско-японск.). Письмо в ред.
Первое мая. (помещено в „Mouvement Socialiste" VI — VII. 904. № 137 — 138).
Буржуа старого времени („Социалист" № 135. 23 — IV 1893).
Критика Гапона и русский социализм.
Заметки о резолюции рабочих беспартийных организаций.
Речь, произнесенная в Копенгагене в 1910 г.
Предисловие к 5 изданию книги „К развитию монистического взгляда на историю".
Предисловие к 3 изд. книги „За 20 лет".
Предисловие к немецкому изданию бр. „Анархизм и Социализм".
Раппопорта Ш.—Некролог Г. В.
Loyson'a.— Тоже.
Sèverac'a.— Тоже.
Де-Брюкера.— Тоже.
Иды Аксельрод. К сорокалетию социалистической деятельности Г. В. Плеханова.
Документ: Из ссылки (Ленина и др. членов Петербург. ‹Союза борьбы за освобождение рабочего класса›).
Доверенность на имя Л. Г. Дейча (последнее деловое письмо Г. В.).
Последние строки и мысли Г. В., переданные Л. Дейчу незадолго до смерти.

Личная карточка Г. В. на проезд в Финляндию.
Документы, относящиеся к последним дням и кончине Г. В.
Отрывки и наброски за 1917 г.

Несколько записных книжек с разными заметками, конспект. и пр.

II. В. И. ЗАСУЛИЧ.

1. ПИСЬМА.

Ее к Степняку Сергею и Фанни—1889 г.
„ „ Плеханову Г. В.—1891 — 1913 г.г.
„ „ Аксельроду—1896 г.
„ „ Коневой (Аксельрод)—1896 г.
„ „ Дейчу Л. Г.—1897 и с 1905 — 1911 г.г.
„ „ Успенской А. И. (сестре)—1917 — 1919 г.г.
„ „ Плехановой Алекс. Валентиновне.
Ей от Дебогория-Мокриевича.
„ „ Чайковского.
„ „ Степняка Сергея и Фанни—1886 — 1888 г.г.
„ „ Венгерова
„ „ Цедербаум
„ „ Морозова С.
„ „ Сибиряка
„ „ Потресова
„ „ Смидовича
„ „ Кулябко-Корецкого
„ „ Кауфман Ольги
(Венгерова — Кауфман Ольги: 1907 — 1919 г.г.)
„ „ Печорского (солдата) 1917 г.

2. СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ.

Последняя статья и заметка о событиях 1919 г.
По поводу еврейского вопроса.
„Простые законы нравственности и права“.
Неоконченные заметки о мировой войне.
Накануне. (Статья из Летучего Листка „Нар. Воли“.)
Воспоминания о Г. В. Плеханове.
Метрика и свидетельство о дворянском происхождении.
Паспорт.
По поводу кончины и похорон.
Отчет о похоронах (Л. Дейча).

III. Л. Г. ДЕЙЧ.

1. ПИСЬМА.

Его к Я. Стефановичу (из карийск. тюрьмы) 1890 г.
„ „ Г. В. Плеханову — 1902 — 1916 г.г.
„ „ Р. М. Плехановой — 1902 — 1907 г.г.
„ „ Степняк Ф. — 1902 — 1908 г.г.
„ „ Засулич В. — 1905 — 1921 г.г.
„ „ Зунделевичу
Ему от Я. Стефановича (на Каре) — 1892 — 1898 г.г.
„ „ М. Ковалёвской—1886 — 1889 г.г.
„ „ Засулич В. (на Кару)—1897 г.
„ „ Р. Люксембург—1907 — 1908 г.г.
„ „ Роланд-Гольст—1908 г.
„ „ Дана.

Ему от Каутского К.—1907 — 1914 г.г.
„ „ Каутской Л.—1909 — 1910 г.г.
„ „ Кеннана Георга—1911 г.
„ „ Гильквита (Hillquit'a)—1911 — 1912 г.г.
„ „ Жордания—1912 г.
„ „ Будина—1912 г.
„ „ Аксельрода П.—нач. XX стол.
„ „ Кропоткина П.—1916 г.
„ „ Аксельрод Л.—1917 — 1924 г.г.
„ „ Успенской А. И.—последние годы.
„ „ Троцкого Л.—1911 — 1915 г.г.
„ „ Степняк Ф.—1923 г.
„ „ Чичерина Г.—1914 г.
„ „ Плехановой Р. М.—последние годы.
„ „ Коллонтай—1906 г.
„ „ Мартова—1913 г.

2. СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ.

Из Нового в Старый свет.
О первом нелегальном органе в Петербурге.
О рабочих на Каре.
Карийские тетради. (9)
В Америке до и во время войны (продолж.).
Воспом. о Софье Гинцбург.
О Драгоманове—материалы.
Кропоткин—по документам историко-револ. архива.
Письма Лаврова к Л. Гольденбергу.
Лопатин — материал для биографии.
Засулич — „ „ „
Стефанович „ „ „

Материалы для готовящихся к печати книг: 1) О Плеханове, 2) О семидесятниках, 3) За полвека, 4) Роль евреев в нашем революционном движении и др.

Извлечения из официальных документов из архивов бывш. III Отд. и Департ. Гос. Пол. о разных периодах русск. рев. движения.

ПРОСЬБА КО ВСЕМ ЛИЦАМ, ИМЕЮЩИМ КАКИЕ-ЛИБО МАТЕРИАЛЫ (ДОКУМЕНТЫ, ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ), ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» И ИХ БЛИЗКИМ ЗНАКОМЫМ, НАПРАВЛЯТЬ ТАКОВЫЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО: МОСКВА, УГОЛ РОЖДЕСТВЕНКИ И СОФИЙКИ, Д. № 4/8, КОМНАТА 52 (ТЕЛЕФОН 1-51-02), ДЛЯ РЕДАКЦИИ СБОРНИКОВ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Редакция.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.